

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ

БИБЛИОТЕКА

МАЛЫЕ ВОЙНЫ 1920-1930-х годов

МАЛЫЕ ВОЙНЫ
1920-1930-х годов

АЛЕКСАНДР ШТАЛЬ

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

АЛЕКСАНДР ШТАЛЬ

**МАЛЫЕ ВОЙНЫ
1920–1930-х годов**

ИЗДАТЕЛЬСТВО **act** МОСКВА 2003
TERRA FANTASTICA САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

УДК 355/359
ББК 63.3(0) 6
Ш87

Серия основана в 1998 году

Серийное оформление А. Кудрявцева

Составление, предисловие В. Доценко

Приложения В. Гончарова

Подписано в печать 06.12.02. Формат 84×108 ¹/₃₂.
Усл. печ. л. 28,56. Тираж 5 000 экз. Заказ № 799.

Шталь А.В.

Ш87 Малые войны 1920 —1930-х годов / А.В. Шталь. — М.:
ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2003. —
544 с.: ил. — (Военно-историческая библиотека).

ISBN 5-17-016557-9 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-7921-0605-3 (TF)

Книга А. Штали посвящена локальным войнам XX в., оказавшимся в тени двух мировых войн, однако сыгравшим немалую роль в истории ушедшего века.

В данный том вошли греско-турецкая война, дальневосточный конфликт 1929 г., японская интервенция в Китае и захват Манчжурии в 1930—1933 гг., итало-абиссинская война, гражданская война и интервенция в Испании.

Издание снабжено подробными приложениями, картами и будет интересно как специалистам, так и любителям военной истории.

УДК 355/359
ББК 63.3(0)6

© Составление, предисловие. В. Доценко, 2003
© Приложения. В. Гончаров, 2003
© ООО «Издательство АСТ», 2003
© TERRA FANTASTICA

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Этой книгой редакция «Военно-исторической библиотеки» продолжает публикацию серии работ, посвященных истории локальных войн XX века. Эти конфликты оказались в тени двух мировых войн, однако им было суждено сыграть немалую роль в истории ушедшего века — куда большую, чем это принято считать.

Окончание Великой войны не привело к установлению «мира во всем мире». Наоборот, послевоенное устройство дестабилизировало обстановку в Европе и, опосредованно, — в других регионах планеты. Версальская система договоров привела к распаду Австро-Венгрии, Турции, России и Германии; на «освободившихся» территориях возникли так называемые «национальные государства» — границы их определялись росчерком пера первой «Большой тройки» (Клемансо, Ллойд Джордж, Вильсон). Насильственное проведение «национальных границ» разрушило традиционные экономические связи, вызвав резкий спад производства во многих новообразованных государствах, а резкое сокращение военного производства в крупных промышленных державах инициировало глубочайший промышленный спад 1920-х годов, стимулировавший революционную и националистическую активность. На периферии «цивилизованного

мира» (Азия, Латинская Америка) эта активность вылилась в череду «релаксационных войн».

Греко-турецкая война, Риффская война, война Чако, итальянская интервенция в Абиссинии и японская — в Китае, восстание в Египте, гражданские войны в Испании и Китае, война за независимость Ирландии (закончившаяся кровавым междоусобным конфликтом), череда переворотов на Балканах и в конце концов — советско-японская, советско-польская и советско-финские войны — вот лишь далеко не полный перечень конфликтов двух десятилетий, последовавших за подписанием Версальского мира. Европейская политика все более превращается из государственной в националистическую, фашизм становится популярным «трендом» еще задолго до прихода к власти в Германии нацистов.

Вторая Мировая война не стала чудовищной неожиданностью — подобно Первой Мировой, ее предсказывали, ее ждали, на нее надеялись. А контуры будущих коалиций уже проявлялись в малых войнах. В горах Испании, на равнинах Китая или в южноамериканских джунглях испытывалось новое оружие — автоматы, танки, самолеты. Но главное — в этих войнах набирали свой опыт полководцы следующей Великой войны.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Перу известного военно-морского теоретика и историка заслуженного деятеля науки и техники РСФСР, профессора, вице-адмирала Александра Викторовича Шталя принадлежит несколько оригинальных военно-исторических трудов, часть из которых включены в настоящий сборник.

Шталь получил неплохое военно-морское образование. В 1885 г. он окончил штурманский отдел Технического училища Морского ведомства в Кронштадте (вскоре преобразованного в Морское инженерное училище императора Николая I), в 1890 г. — гидрографическое отделение Николаевской Морской академии, в 1896 г. — временный Штурманский офицерский класс, а в 1904 г. — курс военно-морских наук, созданный при Академии в 1896 г.

В 1885—1903 гг. он находился в заграничных плаваниях в Тихом океане и в Средиземном море. В должности штурмана крейсера «Забияка» занимался съемками побережья, получив навыки в самостоятельном проведении сложных гидрографических работ. Впервые же он участвовал в промерах на Онежском озере в период обучения в Техническом училище. В 1898—1903 гг. был

старшим штурманским офицером на эскадренном броненосце «Полтава», а затем старшим офицером на эскадренном броненосце «Севастополь». В 1900 г. принимал участие в снятии с камней броненосца береговой обороны «Адмирал Апраксин», наскочившего на риф у южной оконечности острова Гогланд в Финском заливе. А.В. Шталь успел получить и боевой опыт, участвуя в подавлении боксерского восстания в Китае в 1898–1901 гг.

После окончания курса военно-морских наук в 1904 г. служил в стратегической части военно-морского учебного отдела Главного Морского штаба, а 1906 г., с образованием Морского Генерального штаба, занимал должность помощника начальника этого штаба. Служба в Главном Морском, а затем в Морском Генеральном штабе оставила заметный след в жизни Шталя. Здесь он проявил себя талантливым штабистом, разбиравшимся в формах и способах применения сил флота, в методах управления силами, и в совершенстве овладел методикой разработки планов операций и боевых действий. Ему приходилось исполнять множество боевых документов, контролировать их прохождение и обучать вновь прибывавших офицеров искусству штабной службы. При этом проявилась его склонность к научно-педагогической деятельности.

В соответствии с Наказом Морскому Генеральному штабу (основной документ, регламентировавший структуру и организацию деятельности Морского Генерального штаба) он включал в себя оперативную часть, отделения русской и иностранной статистики, военно-историческое отделение, а также делопроизводство по мобилизации флота. А.В. Шталю приходилось больше заниматься оперативной частью, в которых разрабатывали оперативные планы для Балтийского и Черноморского флотов и Сибирской флотилии. Однако ему приходилось много работать и в области военно-морской истории и истории военно-морского искусства. В эти годы специально созданной комиссией при Морском Генеральном штабе разрабатывался многотомный труд по описанию действий флота в русско-японскую войну 1904–1905 гг. и составлялись сборники документов по истории этой войны. Общее руководство авторскими коллективами осуществлял

помощник начальника Морского Генерального штаба, то есть А.В. Шталь.

Крупным достижением русской военно-морской науки явилось создание концепции ведения боя на минно-артиллерийской позиции, практическая реализация которой была осуществлена на Балтийском флоте в годы Первой мировой войны.

В 1910 г. капитана 1 ранга Шталя назначили на должность помощника начальника Николаевской Морской академии, а в 1913 г. произвели в генерал-майоры флота. Это назначение было не случайным. Шталю предстояло в соответствии с новыми требованиями, предъявляемыми к офицерскому корпусу, организовать проведение военно-морских игр и взять под личный контроль подготовку офицеров дополнительного курса военно-морского отдела, готовившихся для дальнейшего прохождения службы в Морском Генеральном штабе. Все приходилось начинать с чистого листа. Методика работы штаба над составлением планов операций находилась в зачаточном состоянии, не были отработаны типовые штабные документы, теория военно-морского искусства только формировалась. Начальник Академии профессор Н.Л. Кладо работал над разработкой основ морской стратегии. Шталь занимался разработкой методики проведения военно-морской игры и основательно изучал работу штабов в английском, французском и германском флотах. Многие преподаватели посвятили свои исследования проблемам морской тактики. Среди слушателей дополнительного курса военно-морских наук выделялись М.А. Петров, М.И. Смирнов и М.Б. Черкасский. В 1914 г. под руководством А.В. Шталя Смирнов и Черкасский разработали «Наставление для боевой деятельности высших соединений флота», явившееся первым проектом боевого устава русского флота (этот документ мною проанализирован в книге «История военно-морского искусства: История теории стратегии, оперативного искусства и тактики военно-морского флота»; СПб, 1999). В 1913 г. работа Петрова «Маневренная гибкость флота» Конференцией Николаевской Морской академии была удостоена премии лейтенанта Свербеева. В этой работе автор высказал передовые взгляды на проблему эскадренного боя.

После Октябрьского переворота 1917 г. А.В. Шталь оставался в Морской академии, где вначале был преподавателем, а в 1922–1923 гг. возглавлял академическую фундаментальную библиотеку. Кстати, с 1910 г. Шталь был членом комиссии при библиотеке Морского министерства, где курировал приобретение книг по тематике военно-морского дела. Он собрал прекрасную морскую библиотеку, насчитывавшую около 2 тысяч томов, в том числе раритеты, такие, как первый русский Морской устав 1720 г., труды военно-морских теоретиков Пола Госта и Джона Клерка и др.

А.В. Шталь был помощником председателя созданной при Академии Морской исторической комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг. на море. Председателем этой комиссии был начальник академии профессор генерал-майор Н.Л. Кладо. В вышедшем в 1920 г. сборнике статей он опубликовал работу «Военно-морские исторические комиссии 1904–1955 и 1914–1918 гг.», в которой подвел итоги деятельности этих комиссий по исследованию боевого опыта и внедрению его в практику флотов. Поскольку Александру Викторовичу приходилось руководить обеими историческими комиссиями, его публикации представляют огромный интерес.

До 1917 г. в Николаевской Морской академии организацию штабов и их работу читали в курсе лекций по военно-морской администрации. А.В. Шталь предложил выделить это направление в самостоятельный раздел. В 1919–1922 гг. он разработал программу курса и написал лекции, а в 1923 г. стал старшим руководителем цикла предметов «Служба штаба» на военно-морском (командном) факультете (некоторое время исполнял обязанности начальника военно-морского факультета). На этой должности со всей полнотой раскрылся его талант педагога высшей военной школы. В сжатые сроки он разработал курс лекций, которые были положены в основу вышедшего в 1928 г. в Военно-морской академии РККА фундаментального труда «Служба штаба морских сил», явившегося первым по этой проблеме в отечественной историографии.

До этого он проштудировал практически всю отечественную и зарубежную литературу по проблеме штабной службы: перевел с французского языка и издал неболь-

шим тиражом «Регламент службы штабов морских сил», введенный в действие во французском флоте в 1922 г.; «Распределение обязанностей морского штаба» флота Великобритании; фундаментальный двухтомный труд Кастекса «Штабные вопросы».

Труд Шталя многие годы являлся основным учебником для слушателей академии. В нем достаточно подробно показана роль, значение и методика работы штаба. Большой интерес представляет историческая часть этого труда, в которой автор показал эволюцию штабов в русском флоте. Ценность этой части труда заключается в том, что автор сам был участником описываемых событий. До русско-японской войны 1904–1905 гг. морской министр считал своей главной задачей поддержание боевой готовности сил флота. На Главный Морской штаб он смотрел как на орган строевого и административного управления, но никак не оперативно-стратегического. У высшего руководства флотом бытовало мнение, что в мирное время флот должен быть готовым к выходу в море, оперативные же задачи возникнут сами по себе с началом войны. Это было глубокое заблуждение. Только после проигранной русско-японской войны был создан Морской Генеральный штаб и начали создавать штабы флотов, в состав которых входили и оперативные отделы. В 1911 г. в русском флоте появилось «Положение о командующем флотом» а в 1914 г. — «Положение о штабе командующего морскими силами». А.В. Шталь по существу разработал основы работы штаба по подготовке решения командующего и по претворению его в жизнь, то есть сформулировал основы оперативного управления силами флота. При этом он дал рекомендации о том, как готовить решение командующего, как разрабатывать планы операции (боя), отдавать боевые распоряжения и претворять их в жизнь. Он также рассказал о том, как следует разрабатывать боевые документы: приказы, приказания, распоряжения, директивы, наставления, донесения, разведывательные сводки и др.

В 1926 г. в книге «Кто должник? Сборник документированных статей по вопросу об отношениях между Россией, Францией и другими державами Антанты до войны 1914 г., во время войны и в период интервенции» Шталь

опубликовал статью «Прорыв “Гебена” и “Бреслау” в Черное море». В военно-морской истории трудно найти пример, когда появление одного корабля коренным образом меняло стратегическую обстановку на театре военных действий. Именно так произошло с появлением в Черном море германского «Гебена». Его появление принципиально изменило способы оперативного применения сил русского Черноморского флота. Появление этого корабля принципиально изменило соотношение сил сторон на Черном море, нарушило планы русского командования, лишив безраздельного господства на море.

С 1934 г. А. В. Шталь занимался исключительно проблемами истории военно-морского искусства и военно-морской истории, занимая последовательно должности начальника кафедры; профессора, старшего преподавателя кафедры военно-морской истории командного факультета Военно-морской академии им. К. Е. Ворошилова.

До 1939 г. в Академии одновременно преподавали и военно-морскую историю и историю военно-морского искусства. При этом Александр Викторович стал читать два раздела: военно-морское искусство в ходе русско-японской войны 1904–1905 гг. и военно-морское искусство в войнах 1921–1939 гг. Одновременно он занимался исследованием проблемы борьбы на морских коммуникациях в период Первой Мировой войны 1914–1918 гг.

Поскольку в академии не было учебных материалов по так называемым «малым войнам», Шталь приступил к разработке учебных пособий, в которых рассмотрел греко-турецкую войну 1919–1922 гг., Дальневосточный конфликт 1929 г. (вошел в историю под названием — Вооруженный конфликт между СССР и Китаем на КВЖД 1929 г.), итало-абиссинскую войну 1935–1936 гг. (вошла в историю под названием — итало-эфиопская война 1935–1936 гг.) и Гражданскую войну и интервенцию в Испании 1936–1939 гг. (вошла в историю под названием — Национально-революционная война испанского народа в 1936–1939 гг.). Все эти пособия, вышедшие под рубрикой «Материалы по изучению войн периода 1921–1939 гг.», были опубликованы небольшим тиражом в Военно-морской академии и вскоре стали библиографической редкостью,

а рукопись по истории войны в Испании хранится в академической фундаментальной библиотеке в единственном экземпляре. Вышеперечисленные работы Шталя вошли в настоящее издание.

Будучи начальником кафедры военно-морской истории флагман 2 ранга Шталь подготовил к печати фундаментальный труд «Развитие методов операций подводных лодок в войну 1914–1918 гг. на основных морских театрах» (в серии «Библиотека командира» эта книга выходила дважды). Приведу лишь некоторые цифры из этого труда. В годы Первой Мировой войны в Германии были построены 344 подводные лодки, из которых 178 были потеряны, причем 44 лодки погибли от подрыва на минах, 38 были уничтожены глубинными бомбами, 19 — торпедами, 16 — артиллерией, 15 — тараном, 12 — судами-ловушками, 6 воздушными силами, а остальные потеряны по другим причинам. Субарины потопили 5861 судно суммарным тоннажем 13 233 672 брт. (Шталь учитывал суда водоизмещением 100 т и более). Наибольшие потери судов произошли в 1917 г. В ходе так называемой «неограниченной подводной войны» в этом году немецкие подводники потопили 2734 судна. Кроме того, германскими лодками было потоплено 10 линейных кораблей, 20 крейсеров, 31 эскадренный миноносец, 3 канонерские лодки, 6 минных заградителей, 3 монитора 10 подводных лодок, 22 вспомогательных крейсера, 34 тральщика и сторожевых судна, 16 судов-ловушек, 1 база подводных лодок. Всего 156 кораблей и судов.

Читая лекции по истории военно-морского искусства слушателям Военно-морской академии, я всегда ссылаюсь на труды Александра Викторовича Шталя и привожу его цифры, акцентируя внимание на то, что на одну погибшую подводную лодку приходится 33,8 уничтоженных кораблей и судов противника. Если же переводить это соотношение в потерянное воевавшими сторонами водоизмещение, то цифра поражает воображение.

Впервые при чтении лекций по истории флота и истории военно-морского искусства Шталь использовал многокрасочные схемы и планировал издать «Альбом схем и таблиц по курсу истории военно-морского искусства». Однако такой труд увидел свет только в 1954 г. Его

авторами были преподаватели Военно-морской академии им. К. Е. Ворошилова капитаны 2 ранга И. Н. Соловьев, К. В. Пензин и Н. В. Большаков.

В 1934 г. в Военно-морской академии РККА им. К. Е. Ворошилова вышел труд А. В. Штала «Оперативно-тактическое наследство морских сил после Мировой войны». Здесь приведены оперативно-тактические взгляды на способы ведения военных действий ведущих держав к началу Первой мировой войны и их развитие в ходе самой войны. Основными формами применения сил флота в ходе войны были блокада, малая война, крейсерская, минная, подводная, воздушная и химическая войны, десантные экспедиции, операции против берега, сражения (бои) между линейными и легкими силами. Из всех форм доминирующее значение и влияние имела подводная война. В войну появились авианосцы, а воздушные силы стали неотъемлемой частью морских сил. Опыт этой войны внес существенные коррективы в развитие военно-морского искусства: появились новые формы взаимодействия надводных, подводных и воздушных сил. Шталь пишет: «Мировая война выдвинула подводное оружие на одно из первых мест в борьбе на море; она доказала, что противопоставление однородных линейных сил не привело к цели. Подлодка вышла непобежденной из мировой войны, далеко не выявив всех своих возможностей». Появление нового оружия заставило пересмотреть способы ведения разведки, блокады, операций против берега, перевозки войск, а также методы ведения боя. В работе проанализированы меморандумы Джелико от 30 октября 1914 г. и от 27 апреля 1917 г., а также меморандум Шеера от 4 июля 1916 г.

В этой работе он отмечал: «Развитие техники вынуждало операторов и тактиков менять свои взгляды и вносить одну поправку за другой в методы ведения войны, операций эскадренного боя.

Несоответствие средств и способов новым условиям и задачам явилось причиной крушения предвоенных доктрин, доктрин линейного флота как универсального средства для решения всех вопросов войны на море.

Изменение и появление в течение войны новых средств борьбы, нового оружия, новых форм борьбы, влия-

ние и взаимодействие новых средств борьбы, массовое использование нового оружия совершенно изменили картину борьбы на море и привели к концу войны к коренному пересмотру взглядов в области стратегии, тактики и оперативного искусства».

А.В. Шталь подчеркивал, что концепция теоретиков относительно проведения генерального морского сражения не оправдалась.

С учетом боевого опыта он так представлял морской бой:

«Схема будущего морского боя может быть сведена к некоторым общим очертаниям, отвечающим современной стадии развития оружия. Авиация составляет неотъемлемую часть морских сил, артиллерия увеличивает свою дальность, торпедное оружие тоже. Перед началом боя обе стороны выпустят самолеты с авианосцев. Авиация будет стремиться стеснить маневрирование противника и создать невыгоднейшие условия для действия артиллерийского и торпедного оружия своей стороны, поэтому есть основание думать, что будущий бой начнется с борьбы за овладение воздухом. Артиллерия может начать бой с предельных дистанций. Не владеющий воздухом будет стрелять наудачу. Самолеты будут ставить дымзавесы, они будут сообщать о направлениях на противника, о его движении и падении снарядов. Победенный в воздушном бою не сможет использовать артиллерию, каждый будет стараться уничтожить авианосцы противника.

В артиллерийском бою будет иметь преимущество та сторона, которая получит перевес в авиационном столкновении. Огневой бой ведется из-за дымовой завесы, и противник, лишенный воздушного наблюдения и корректировки, не будет в состоянии нанести вред даже небронированным кораблям, а сам подвергнется артиллерийскому обстрелу и внезапным торпедным атакам. Одновременно ими последовательно будут вестись атаки с воздуха бомбардировочной и торпедоносной авиацией. Будут приняты все меры, чтобы перед боем ослабить противника атаками подлодок и стеснить его движение соответствующим их расположением во время боя».

Он также отмечал, что линейный бой как универсальное средство для успешного исхода войны на море стал не только не выгоден, но и невозможен, а линейный корабль мог реализовать свои возможности только во взаимодействии с другими силами флота, а следовательно, морской бой должен превратиться в столкновение разнородных группировок. Это было принципиально новое явление в разработке теории военно-морского искусства. По его мнению, в морском бою должна возрасти роль легких сил флота. О перспективах развития флотов Шталь писал: «Изучение характера морских вооружений империалистических держав последнего периода показывает, что новая линия в строительстве и развитии морских сил определяется строительством легких сил в огромном масштабе, созданием мощного подводного флота и мощной морской авиации и модернизации старого линейного флота».

А.В. Шталь был равнодушным к истории русско-японской войны 1904–1905 гг. В ходе этой войны погибли многие его друзья. Он разработал курс лекций, в которых проанализировал опыт применения русского и японского флотов. С точки зрения историзма, его рукописные лекции, хранящиеся в фундаментальной библиотеке Военно-морской академии, безукоризненны. О том, с какими чувствами Александр Викторович читал эти лекции, мне рассказывал адмирал флота Н.Д. Сергеев, который в то время был слушателем академии. В каждой лекции он называл множество фамилий офицеров, рассказывал о них, показывал фотографии. Когда же он переходил к рассказу о Цусимском сражении, у него на глазах появлялись слезы.

В марте 1947 г. А.В. Шталь вышел в отставку. За многолетнюю службу он был награжден орденами Св. Станислава 1-й, 2-й и 3-й степеней, Св. Анны 3-й степени, Св. Владимира 3-й и 4-й степеней, двумя орденами Ленина, орденами Красного Знамени и Трудового Красного Знамени. Умер он в 1950 г. и был похоронен на Серафимовском кладбище.

*Профессор Военно-морской академии
капитан 1 ранга В.Д. Доценко
3 июня 2002 г.*

Александр Шталь

**МАЛЫЕ ВОЙНЫ
1920—1930 годов**

ГРЕКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА

I. Военно-политическая обстановка в конце Первой Мировой Империалистической войны

Триполитанская война (1911–1912 гг.) и Балканские войны (1912–1913 гг.) продолжили, а Мировая империалистическая война (1914–1918 гг.), в которую Турция была втянута авантюрной политикой младотурецкого триумvirата (Энвер — Талаат — Джемаль), довершила распад Оттоманской империи. Но Мировая война послужила отправным моментом для зарождения освободительного движения, создавшего на развалинах Оттоманской империи национальную и независимую турецкую республику.

Уже в течение Мировой войны велись переговоры между союзниками о разделе Турции, вылившиеся в марте 1915 г. в соглашение Англии, Франции и России о правах России на Константинополь и проливы после успешного окончания войны, а в феврале 1916 г. составляется детальный проект раздела Турции, по которому Англия получает Месопотамию и порты Акку и Хайфу, Франция — Сирию, Россия — Курдистан, Армению и побережье Черного моря до пункта,

подлежащего определению к западу от Трапезунда.

Территория между Сирией, Палестиной и Месопотамией предоставлялась Арабскому государству с разделением ее на две сферы влияния. Палестина интернационализируется. Италия после упорной борьбы в апреле 1917 г. (совещание в Сен-Жане) закрепила за собой Смирну в качестве порто-франко¹.

Разгром Болгарии, осуществленный Восточной армией союзников под командованием Франше д'Эспере (перемирие 28 сентября 1918 г.), сыграл решающую роль в судьбе Мировой войны. Общее положение на фронтах резко изменилось. Прямое сообщение Турции с Германией было прервано, и поражение Турции стало вопросом нескольких дней, тыл германской армии, занимавшей Румынию, оказался под угрозой удара².

Франше д'Эспере смотрел на разгром Болгарии как на первый шаг к осуществлению более широких планов. Он рассчитывал двинуться на север: на Будапешт, Вену и Мюнхен. В январе 1919 г. он намеревался войти в столицу Германской империи.

Эти планы встретили возражения не только в Лондоне и Риме, но и в Париже. Отклоняя планы Франше д'Эспере, Клемансо руководствовался не столько военными, сколько политическими соображениями. Он должен был считаться с Англией, которая энергично противилась развитию военных действий на Балканском фронте и настаивала на скорейшем разгроме Турции.

Предоставляя Франции играть первую скрипку на Западном фронте, Англия имела свои виды на завершение

¹ «Свободный порт», территория, находящаяся под международным контролем. (Прим. ред.)

² Верховное командование Германии приняло известие о капитуляции Болгарии как знак неизбежной развязки. Война была проиграна. Уже 29 сентября Гинденбург и Людендорф заявили Вильгельму, что необходимо немедленно просить о перемирии. 5 октября Макс Баденский отправил Вильсону телеграмму с просьбой о посредничестве к немедленному заключению перемирия на суше, на море и в воздухе.

войны на Востоке. Игнорируя свое соглашение 1916 г., Англия, желая безраздельно закрепить за собой турецкое наследство, в 1918 г. форсирует свои операции на всех участках турецкого фронта.

В конце сентября турецкой армии в Палестине уже не существовало, а в середине октября Маршалль достиг успехов на Месопотамском фронте, на подступах к Мосулу.

С выходом из войны Болгарии (30 сентября 1918 г.) Турция оказалась в тяжелом положении, будучи отрезанной от своих союзников. Турецкая армия под натиском английских войск генерала Алленби в беспорядке отступала. Месопотамия, Палестина, Сирия были заняты англичанами. С поражением Болгарии дорога на север к Дунаю и на восток к Константинополю была открыта. Опасность грозила столице Оттоманской империи.

В начале октября совещание союзных правительств постановило начать наступление Салоникской армии генерала Милна на восток, на р. Марицу.

В половине октября произошла смена турецкого кабинета, и новый кабинет изъявил готовность заключить сепаратный мир.

Адмиралу Кальторпу было дано полномочие заключить перемирие, проект которого был ему отправлен 28 ноября 1918 г. Адмиралтейство требовало, чтобы Кальторп особенно настаивал на принятии турками первых 4 параграфов перемирия, касающихся занятия союзниками Босфора и Дарданелл, содействия вытравливанию мин. и устранения других заграждений в проливах, а также возвращения военнопленных.

«Первые четыре параграфа, — говорилось в инструкции, — имеют первостепенное значение и в случае точного их выполнения сделают нас настолько хозяевами положения, что желательно как можно скорее добиться согласия на эти параграфы и не настаивать на принятии остальных двадцати, если это связано с риском не получить немедленного согласия на первые четыре».

В заключение адмиралу Кальторпу предписывалось никого не приглашать к участию в переговорах, но разрешалось уведомить о происходящем французского адмирала Аме. Английское правительство понимало, что хозяином

положения будет тот, кто первый введет в проливы свои силы, заменив турецкие войска своими. Для английской политики на Востоке надо было быть впереди Франции, интересы коей на этом театре противоположны английским¹.

Турецкие уполномоченные, в числе которых был турецкий морской министр Реуф-бей, прибыли в Мудрос 26 октября, и на следующий день начали обсуждение проекта перемирия, которое было подписано 30 октября 1918 г. в Мудросе на борту английского линкора «Агамемнон».

Условиями Мудросского перемирия достигалось преимущественное положение Англии. По статье 15-й союзникам предоставлялось право занять Батум и Баку. Статья 16 предусматривала сдачу всех гарнизонов Геджаса, Аравии, Йемена, Сирии, Месопотамии «ближайшему командованию»; таковым везде было английское. Таким образом англичане заранее обеспечивали за собой месопотамскую и закавказскую нефть. Один из пунктов перемирия предусматривал сдачу всех военных судов в турецких водах.

Мировая война поставила Восточный вопрос в полном объеме. Разгром Турции поставил ее перед угрозой полного расчленения. Советская республика в корне изменила положение на Черном море, заявив о своем отказе от какой бы то ни было политики захвата. Германия и Австрия были разбиты. Италия была отвлечена своими внутренними делами и неурядицами в Адриатике. Таким образом, на ближневосточном театре остались два главных претендента на турецкое наследство — Англия и Франция.

Мудросским договором о перемирии Англия лишила Турцию всех ее суверенных прав и обратила правительство султана в безвольного исполнителя требований английской ближневосточной политики. Английский адмирал

¹ Это указание исходило из того, что за несколько недель, когда стало вероятным, что турки выступят с предложением перемирия, английское правительство вошло в соглашение с Францией и Италией, о том, что каждая из держав Антанты, в случае обращения Турции, заключит с нею перемирие самостоятельно.

действовал от имени союзников, но для всех было ясно, что в лаконически отредактированных 25 статьях Мудросского договора под словом «союзники» должна пониматься почти исключительно Англия.

В связи с развалом германской оккупационной армии на Украине и вероятностью перехода власти на Украине к большевикам, 27 октября 1918 г. Клемансо дает новую директиву Франше д'Эспере с изложением плана действий, которые следует принять в отношении России не только для продолжения борьбы против Центральных держав, но и для того, чтобы осуществить экономическое окружение Советской России и вызвать ее падение.

Междусоюзническая интервенция явится естественным продолжением операций, проводимых Восточной армией. *«Дальнейшее развитие этой интервенции будет зависеть от обстоятельств, — говорит этот план, — после того как окончательная капитуляция Турции позволит нам проникнуть в Одесский район через Черное море».*

Эта секретная директива наглядно показала, как стратегические интересы, связанные с завершением войны с Германией, были подчинены интересам борьбы с пролетарской революцией. Именно в этом надо искать главную причину, почему Клемансо отверг план Франше д'Эспере. Кроме того, рассчитывая на компенсацию со стороны Англии, когда дело дойдет до реализации победы над Германией, Клемансо уступил Ллойд-Джорджу в ближневосточных делах,

Обстоятельства заключения Мудросского перемирия еще раз показали, как велики были противоречия англичан и французов в ближневосточных делах и как Англия накануне окончания войны спешила захватить в свои руки командные посты на Ближнем Востоке.

На другой день после подписания Мудросского перемирия «Таймс» открыто заявила, что доступ в Черное море откроет, наконец, путь к широкой интервенции против Советской России. *«Доступ в проливы даст нам не только власть над Черным морем, но и наилучшую возможность оказывать влияние на русские дела. Пока Черное и Балтийское моря закрыты для нашего флота,*

наша морская мощь не может оказывать влияния на будущее России. Сибирь, Мурманск в лучшем случае неудобный черный ход. Но когда британский флот находится в Черное море, — открыта парадная дверь. Близкое господство союзников над Черным морем прозвучит похоронным звоном владычеству большевиков в России!»

4 ноября адмиралы Кальторп и Аме получили приказ войти в Константинополь. После 9-дневного траления (180 мин. союзников и 480 мин. противников) 13 ноября английская и французская эскадры вошли в Константинополь. Английские отряды заняли форты Дарданелл, французские отряды форты Босфора. Весь турецкий флот был интернирован в Золотом Роге и разоружен, «Гебен» разоружен в Измите. Германские подлодки распределены между союзниками.

11 ноября 1918 г. последовала капитуляция Германии (3 ноября — Австрии). Английский военный кабинет вынес решение о подтверждении подписанного год назад англо-французского соглашения о разделе России на зоны влияния¹. 12 ноября командование Восточной армии получило приказ об отправке войск с Салоникского фронта в северные порты Черного моря.

Франше д'Эспере телеграфировал Клемансо²: *«Я не располагаю достаточным количеством войск, чтобы вступить в эту огромную, холодную страну, в особенности зимой. В крайнем случае я мог бы занять Одессу и соседние с ней порты. Но я должен поставить вас в известность, что наши войска охотно двинулись бы в Венгрию, предвидя триумфальное вступление в Германию, но плохо приняли бы распространение операций на Украину и Россию и их оккупацию. Эти операции связаны с риском вызвать серьезные затруднения».*

В декабре 1918 г. генерал Бориус, командовавший первым высаженным десантом, в день прибытия в Одессу записал в свой дневник: *«Вот предприятие, которое, несомненно, окончится плохо».*

¹ Черчилль, «Мировой кризис».

² «Матэн» от 17 сентября 1922 г.

К концу декабря была создана главная морская база в Константинополе, второстепенные были устроены в Варне, Констанце, потом в Севастополе, Одессе, Тендре.

Опасения французского командования полностью оправдались. Под Тирасполем и под Вознесенском, под Херсоном и под Одессой войска интервентов отказывались сражаться против украинского народа, защищавшего свою социалистическую родину.

Матросы французских военных кораблей, руководимые Марти, готовились к вооруженному восстанию. Войска Антанты оказались неспособными вести борьбу против революционной Советской России. Комиссары держав — Англии (Кальторп), Франции (Аме), Италии и Греции — образовали комиссию по контролю за выполнением условий перемирия, но каждый занялся интересами своего государства.

Слишком независимое поведение английских военных и морских властей привело к назначению верховным комиссаром главнокомандующего союзными армиями на Востоке Франше д'Эспере (8 февраля 1919 г.).

Державы Антанты совершенно не считались с условиями перемирия. Их армии и флот под различными предлогами оставались в Константинополе. Аданский вилайет был оккупирован французами, в Аталии и Конии находились итальянские войска, Урфа, Аинтаб, Марош заняты англичанами, Мосул захвачен англичанами. Империалистические хищники рвали на куски побежденную Турцию, а султанское правительство скрепляло своими подписями и печатями все новые акты насилия и грабежа, имевшие целью окончательно ликвидировать подгнившую Оттоманскую империю.

В мае 1919 г. союзники дали согласие Венизелосу на занятие Смирны греческими войсками. При поддержке союзного флота под командованием английского адмирала Кальторпа 15 мая 1919 г. высадилась в Смирне греческая армия, которая произвела жестокую резню мусульманского населения и начала захват прилегающих областей уже без официального согласия союзников.

II. Национально-освободительное движение в Турции

Казалось, положение Турции было безнадежно. Предательская политика султана, дрожавшего за свою жизнь, отдавала народ в кабалу иноземцам. Младотурецкий комитет «Единения и прогресса» стушевался, но народ осознал ту пропасть, куда привело его правительственное ничтожество, и нашел в себе силы для национально-освободительного движения, поднятого в Анатолии. В глубине Анатолии, в таких городах, как Измир (Смирна), Самсун, Трапезунд пробивались ростки национально-освободительного движения, направленного против империалистических захватчиков и султанского правительства. Это стихийно возникшее движение масс возглавил Мустафа Кемаль.

Мустафа Кемаль по своему происхождению не принадлежал к народу, за свободу которого он боролся. Его отец — наполовину серб, наполовину албанец, мать — наполовину албанка, наполовину македонка.

Он родился в Салониках в 1881 г., получил военное образование, окончил Академию Генерального штаба в Константинополе в 1905 г. Еще в Академии примкнул к движению, направленному против султанского самодержавия. По окончании Академии был арестован и после нескольких месяцев заключения сослан в Дамаск. В Сирии он создал организацию «Родина и свобода» для борьбы против султана.

В 1907 г. переведен в Македонию и здесь принял участие в Младотурецкой (Комитет «Единение и прогресс») революции 1908 г. и участвовал в походе революционеров на Стамбул в качестве начальника штаба македонской армии. Но в 1909 г. Кемаль разошелся с верхушкой Комитета «Единения и прогресса», к которому перешла фактическая власть в Турции, и с этого времени посвятил себя военному делу, принимая участие решительно во всех войнах. Он воевал с друзьями, с болгарам, с итальянцами в Триполи, отличился в борьбе с англичанами на Галлипольском полуострове, боролся с русскими на Кавказе, участвовал в Сирийской кампании 1918 г.

Как во время Дарданелльской операции, так и в Сирии, Кемаль энергично боролся против немецких генералов из-за их вмешательства во внутренние турецкие дела.

Среди солдат он пользовался большим авторитетом, как человек исключительно хладнокровный и безошибочных суждений. В политических кругах он не пользовался симпатией и сам не скрывал своего презрения к беспочвенным проектам Комитета «Единения и прогресса», вследствие этого признание его заслуг было смешано с враждой и завистью.

Конец Мировой войны застал Кемаля на посту командующего армией в Палестине.

Рабское подчинение султанского правительства Антанте и нарушение ею условий Мудросского перемирия, в частности захват англичанами Моссула, вызвали резкий протест Кемаля. В конце 1918 г. он выехал в Стамбул для вербовки сторонников борьбы за независимость Турции.

В мае 1919 г. он получил командировку в Анатолию, в качестве инспектора 3-й армии, для наблюдения за демобилизацией, и по прибытии 19 мая в Самсун, сразу же стал во главе национально-освободительного движения.

Вместо того, чтобы распускать мобилизованные на местах войска, он, наоборот, приложил все усилия, чтобы удержать их под ружьем для новой борьбы за независимую Турцию. Напуганный известиями о деятельности Кемаля, султан приказал ему вернуться в столицу, но Кемаль отказался выполнить волю султана. *«Я останусь в Анатолии, заявил он, — до тех пор, пока турецкий народ не добьется независимости»*¹. Это могло казаться пустым бахвальством. Против него были и султан, и Антанта. Но именно то, что эти ненавистные турецкому народу силы были против него, и помогло ему привлечь общественное мнение на свою сторону. На неприступных возвышенностях центральной Анатолии ему были не опасны все его враги. При том он умело пользовался каждым событием для своей агитации среди масс.

¹ Джексон, «Послевоенный мир».

Когда султан пытался поднять против «него курдов, это послужило ему для агитации против султана: ведь истинный патриот не призвал бы ненавистных курдов расправляться с турками.

Когда греки высадились в Смирне 15 мая 1919 г. при поддержке союзного флота, это нашествие чужеземцев, грабивших и сжигавших турецкие деревни, явилось материалом для агитации против султана и Антанты, не соблюдавшей перемирия.

На прелиминарной мирной конференции в Париже в июне 1919 года Англия настаивала на изгнании турок в Азию, против чего резко возражала Франция.

Под руководством Кемаля был проведен в июле 1919 г. съезд делегатов Национального собрания в Эрзеруме, где уже организовалось «Общество защиты прав восточных вилайетов». Вторично съезд собрался в Сивасе в сентябре того же года. На нем был избран «Представительный комитет» (Исполнительный совет), под председательством Кемаля, явившийся по существу первым временным правительством новой Турции. С этого времени власть султана и его правительства становится номинальной. В Сивасе был организован революционный Комитет защиты прав Анатолии и Румелии.

Широкая популярность Кемаля, как способного боевого вождя, его давнее участие в революционном движении против султанского абсолютизма, его твердость и организаторские способности содействовали его выдвижению на пост руководителя национально-освободительного движения.

Мустафа Кемаль перенес свой Главный штаб в Анкару (Ангору) — отличную естественную крепость в центре Анатолии и конечный пункт железнодорожного пути из Стамбула.

В Анкаре Исполнительный совет обнародовал «Национальный Обет», который должен был стать фундаментом нового турецкого государства. Кемалисты отказывались от всяких притязаний на арабские земли Оттоманской империи, но настаивали на том, чтобы области, *«большинство населения которых составляют турки-мусульмане, объединяемые общей религией, общей расой и общими це-*

лями образовали как по существу, так и по форме одно целое, не допускающее дележа на части в силу каких бы то ни было соображений»¹.

По настоянию округов Анатолии назначались новые выборы депутатов и созыв меджлиса (парламента). Укреплению единства и подъему турецкого национального духа способствовали дальнейшие действия союзников, раздувших пламя турецкого национально-освободительного движения.

По мирному договору, заключенному Антантой с Болгарией в Нейи 27 декабря 1919 г., к союзникам отошла Фракия. После опубликования «Национального Обета» в Анкару пришло известие о том, что союзники готовы признать национальный парламент, если он легально соберется в Стамбуле. Кемаль знал обстановку в столице и сомневался в искренности союзников, почуввав ловушку. Но анкарские делегаты, увлеченные перспективой признания, поехали в Стамбул.

26 января 1920 г. в Стамбуле открылся новый меджлис и провозгласил выработанный на Эрзерумском и Сивасском собраниях «Национальный обет», основой которого являлось достижение самостоятельного существования Турции.

Предоставляя оккупированным союзниками арабским областям решать самим свою дальнейшую судьбу, «Обет» требовал объединения и освобождения от чужеземного ига всех османов-мусульман и их столицы — Константинополя. Вопрос о присоединении к Турции трех восточных вилайетов (Каре, Ардаган, Батум) и западной Фракии должен быть решен свободным волеизъявлением (плебисцитом). Только при выполнении этих основных условий меджлис считал возможным вести с другими державами переговоры об открытии проливов для торгового мореплавания всех наций, гарантиях меньшинств, финансовых и прочих вопросах.

Провозглашение «Национальным Обетом» принципа независимости Турции и требование невмешательства в ее внутренние дела было абсолютно неприемлемо для

¹ Джексон, «Послевоенный мир».

империалистов. 7 марта 1920 г. англичане высадили десант, оккупировали Константинополь и штыками разогнали турецкий парламент.

Значительная часть депутатов была арестована и сослана на Мальту. Избегнувшие ареста члены меджлиса, которым удалось бежать в Анатолию, и не поехавшие в Стамбул Кемаль и его сподвижники образовали в Анкаре «Центральный Комитет защиты прав» и 28 апреля 1920 г. открыли там заседание разогнанного меджлиса, который был преобразован в Великое Национальное собрание Турции, председателем которого и главнокомандующим армии был избран Кемаль. Великое Национальное собрание сосредоточило в своих руках законодательную и исполнительную власть.

С этого момента турецкий народ и его вождь Кемаль вступили в открытую борьбу с империалистическими интервентами и султанским режимом. Через три дня после открытия Великого Национального собрания Кемаль послал Советскому правительству письмо с просьбой о поддержке турецкого национального движения.

Советская Россия, сама ведшая более двух лет героическую борьбу против иностранной интервенции и контрреволюции (в апреле 1920 г. вторжение белополяков при поддержке Антанты), протянула дружескую руку обратившейся к ней за помощью Турции. В ответном письме Наркоминдел писал, что Советское правительство *«в эти дни, тяжелые для Турции, счастливо заложит прочный фундамент дружбы, которая должна связать турецкий и русский народы»*¹.

Советской России была слишком близка судьба освобождавшихся из-под гнета народов Востока. Она уже отказалась от всех действовавших при царском правительстве несправедливых прав и преимуществ России в странах Ближнего Востока. Кроме того, как прибрежная Черноморская держава, она была жизненно заинтересована в разрешении ближневосточного вопроса, отвечающем требованиям ее мирного развития.

¹ Васильев. Создание новой Турции // Известия, 12 ноября 1938 г., № 263, с. 13.

Революционная борьба турецкого народа сходна в некоторых отношениях с борьбой, которую вела Советская республика в период гражданской войны и интервенции. Турецкий народ боролся против захватов империалистов, против деспотизма султана и его пашей, боролся за свою независимость и свободу; вел борьбу на нескольких фронтах, боролся со вспышками измены внутри, выковывал революционную народную армию в ходе самой войны.

Сочувствие Советской республики национально-освободительному движению и борьбе турецкого народа за свою независимость позволило Кемалю, после ликвидации армянского восстания на своем восточном фронте и в войсковых частях в Карсе, Александрополе, Ардагане, Арвине быть спокойным за восточную границу и стянуть все силы для борьбы на западе.

20 мая 1920 г. открылась конференция в Сан-Ремо для установления окончательных условий мирного договора с Турцией, а в июне, с одобрения Англии, Франции и Италии греки начали войну с Турцией. Целью Антанты было заставить турецких националистов согласиться на их условия, направив на турок их естественного врага — греков. Достижение этой цели могло быть осуществлено предоставлением займа, пребыванием английского флота в Мраморном море и французской армии в Киликии. Идея войны исходила от греческого премьера Венизелоса и была с энтузиазмом подхвачена Ллойд-Джорджем. Проект Венизелоса — создание «Великой Греции» отвечал затаенному стремлению сесть на Босфор, воскресить Византийскую империю. Но последнее немислимо без значительных владений в Малой Азии.

Вот почему греки, которые после высадки в Смирне 15 мая 1919 г. уже в течение целого года чинили насилия над турецким населением, с таким жаром ухватились за весь запад Малой Азии, доставшийся было Италии, но оставленный ею вследствие желания стать не столько сухопутной державой, сколько сильнейшей морской державой на Средиземном море.

Греки хотели подобрать долю Италии, превосходящую в 10 раз доставшийся им мирнский клочок, и прикрывали ее от новой Анкарской Турции двумя своими

наличными корпусами (отчасти уже демобилизованными) тысяч в пятьдесят. Кроме того, они имели в Константинопольском оккупационном корпусе бригаду. При том они были прекрасно снабжены военным снаряжением, которое союзники сосредоточили в Македонии во время Мировой войны.

10 августа 1920 г. союзники опубликовали договор Севрский договор, под которым три так называемые представителя Турции поставили свои подписи.

Чтобы оценить все значение этого договора, надо представить себе географическое положение Турецкого государства. Малоазиатская Турция представляла собой высокое плоскогорье в центре, окруженное со всех сторон горными хребтами. Эти горы простираются до самого моря и только в трех местах имеются плодородные прибрежные полосы. Первая расположена на берегу Мраморного моря и на юго-западном берегу Черного моря, вторая в округе Смирны, где отлично растут виноград и оливки, третья — в районе Аталии, где условия почвы позволяют выдвигать превосходный хлопок и зерновые культуры.

По замыслу составителей договора, первый из этих районов передавался в распоряжение союзнической комиссии. Округ Смирны должен был отойти к Греции, Адалия — к Италии. Туркам предстояло быть запертыми в пределах окруженного горами плоскогорья, а чтобы стеречь их с востока, предполагалось создать два новых государства — Армению и Курдистан. Местопребывание правительства должно было быть в Стамбуле, который оказался бы посредине района, подчиненного союзнической комиссии. А Фракия должна была принадлежать Греции.

Севрский договор, опубликованный 10 августа, лишил Турцию большинства ее владений. Признавалось право Турции на Константинополь как столицу и резиденцию султана. Турции разрешалось иметь армию в 50 000 чел. разных родов оружия, но без авиации; она лишалась права иметь какой-либо флот.

Проливы объявлены свободными для прохода торговых и военных судов как в мирное, так и в военное время. Ими должна весть особая международная комиссия, и они были окружены находящейся в распоряжении Лиги

Наций нейтральной зоной. От Европейской Турции отходила Фракия, Адрианополь и весь Галлипольский полуостров. В Азии Турция теряла Сирию, Киликию, Палестину, Месопотамию и Армению, условно Курдистан, Смирну и острова Эгейского моря. Смирна и ее район остаются под турецким «суверенитетом». Но осуществление прав суверенитета передается Греции. Греции же передавались острова: Имброс, Тенедос и другие, занятые ею острова Архипелага. Италия получала Родос и острова Додеканеза, Англия — Кипр.

Турция отказывалась от своих прав на Египет, признав над ним британский протекторат (5 декабря 1914 г.), от прав на Суэцкий канал в пользу Англии; признавала англо-египетское соглашение о Судане, независимость Геджаса, отказывалась от прав на Ливию и признавала протекторат Франции над Тунисом и Марокко. Вместе с тем в Турции восстанавливался режим капитуляций.

Рассчитывая получить на Ближнем Востоке надежного агента на будущее в лице Греции, Англия шла навстречу ее домогательствам создания «Великой Греции», расширив ее территорию на север отдачей ей Македонии, Западной Фракии и обещав поддержку в получении и Восточной Фракии до Чаталджинских высот, которая по Севрскому договору поступала в распоряжение Лиги Наций. Получение Грецией по Севрскому договору важного в политическом и экономическом отношении Смирнского вилайета окончательно обессиливало Турцию, лишая ее экономически важного порта в Средиземном море.

Севрский договор, имевший целью расчленив и привести к полному ничтожеству Турцию, был подготовлен главным образом Англией, преследовавшей здесь исключительно свои выгоды, вопреки и в ущерб политике Франции. Противоречия экономические и политические интересов Англии и Франции обратились теперь в открытое соперничество, сдерживаемое только заинтересованностью Франции в военной помощи со стороны Англии. Англии нужна была раздробленная и бессильная Турция, Франции же нужна была цельная и по возможности здоровая Турция, и было опасно усиление Англии в Месопотамии и ее владение проливами.

Севрский договор был наиболее циничным примером империалистической жадности. В сравнении с ним, условия Версальского кажутся мягкими. Опубликование Севрского договора показало туркам, что союзники не останутся ни перед чем, пока не уничтожат Турцию и что единственная их надежда — это Мустафа Кемаль и националисты¹.

Договор не был признан Анкарским народным правительством Турции. В Анкаре Мустафа Кемаль лихорадочно работал над организацией национальных сил. Первым препятствием на его пути было восстание самих турок, правоверных мусульман, которые поддались агитации и выступили на защиту султана-халифа против безбожных националистов. Кемаль подавил это восстание.

Затем, ему надо было создать из его ополчения регулярную армию. Он выказал большой организаторский талант созданием новой «Национальной Анатолийской армии» из обломков старой турецкой армии. У него было около 5000 офицеров старой турецкой армии, среди которых выделялись генерал Исмет-паша, Али-Фуад-паша, Азим-Карабекир. С их помощью Кемаль сумел создать армию из крестьян и разного люда, приходивших к нему в лагерь необученными, невооруженными, часто босыми. Большинство его войск составляли горцы. Старшины горных племен не пускали их в регулярную армию националистов, предпочитая наносить удары грекам путем изолированных бесцельных набегов.

Но даже и регулярная армия Кемалья вначале не представляла собой настоящего войска. Она насчитывала около 25 000 бойцов, была плохо снаряжена и почти не имела артиллерии. С точки зрения западных специалистов такая армия не могла считаться серьезным противником. Но она была воодушевлена непобедимым духом, увлекшим ее вперед. Каждый солдат знал, что он сражается за существование своей родины.

¹ Для принуждения Турции к соблюдению договора союзники держали войска в оккупированных ими областях, в самом Константинополе и его округе 60 000 солдат всех наций и около 50 боевых судов. В Месопотамии для острастки Турции и Аравии Англия накопила 80–100 000 войск. У Франции в Киликии было до 80 000 войск.

611

III. Первый период войны, июнь 1920 — июнь 1921 г.

Кампания 1920 г. вначале проходила для греков вполне благополучно. На трех фронтах они добились успехов: турецкие национальные войска были вытеснены из Фракии, оттеснены с юго-восточного берега Мраморного моря; сильная греческая армия продвигалась от Смирны на Ушак. Однако дальнейшие успехи греков были приостановлены внутренними раздорами и противодействием развертывавшейся армии Кемалю.

В ноябре 1920 г. Венизелос и его партия, по инициативе которого началась война, потерпел поражение на новых парламентских выборах. Внезапная смерть короля Александра дала повод к возвращению Константина, призванного новой палатой. Венизелос отправился в изгнание. Неожиданный вотум страны подтвердил еще раз, что она была вовлечена в войну, толкаемая союзниками.

В конце 1920 г. национальная турецкая армия состояла из 2 групп: Измитско-Смирнской (12-й, 14-й, 20-й корпуса) под командованием Фуада и Восточной (13-й и 15-й корпуса) под командованием Азима-Карабекира. На границе у Сиваса находился 3-й корпус, в Трапезунде — одна дивизия. Таково было исходное положение сил Кемалю.

Партизаны составляли крупные придаточные отряды; на армянском фронте у Карабекир-паши такие отряды делали большие дела. Новые области Турции, прежде русские, прислали Кемалю до 30 000 бойцов. Партизаны дали возможность Кемалю заменить ими регулярные войска, которые стягивались для борьбы с греками.

Кемаль организовал склады боевых припасов в Афон-Карагиссаре, Ески-Шеире и в Сивасе. Они пополнялись после разгрома армянской армии, снабженной союзниками. При разгроме дашнаков и занятии Карса, Ардагана, Александрополя турки захватили сотни орудий, пулеметов, десятки тысяч ружей и большое количество снарядов и патронов, столь необходимых для Турции, не имевшей своих фабрик и заводов. Кроме того, не секрет, что итальянцы, уходя из Малой Азии, сдали часть военного снаряжения туркам.

Греки были обмануты своими первыми удачами, пока Кемаль сосредоточивал свои силы. Они слишком легкомысленно катились вперед, даже в своем наступлении подбирались к Афон-Карагиссару, главной базе Кемалья. Но ответный удар Кемалья опрокинул их. Ведя ряд упорных арьергардных боев, греки отходили по всему фронту.

Глубокий поход от берега Средиземного моря внутрь враждебно настроенной страны требует больших сил, которые тают на этапах, заслонах, от лишений и потерь.

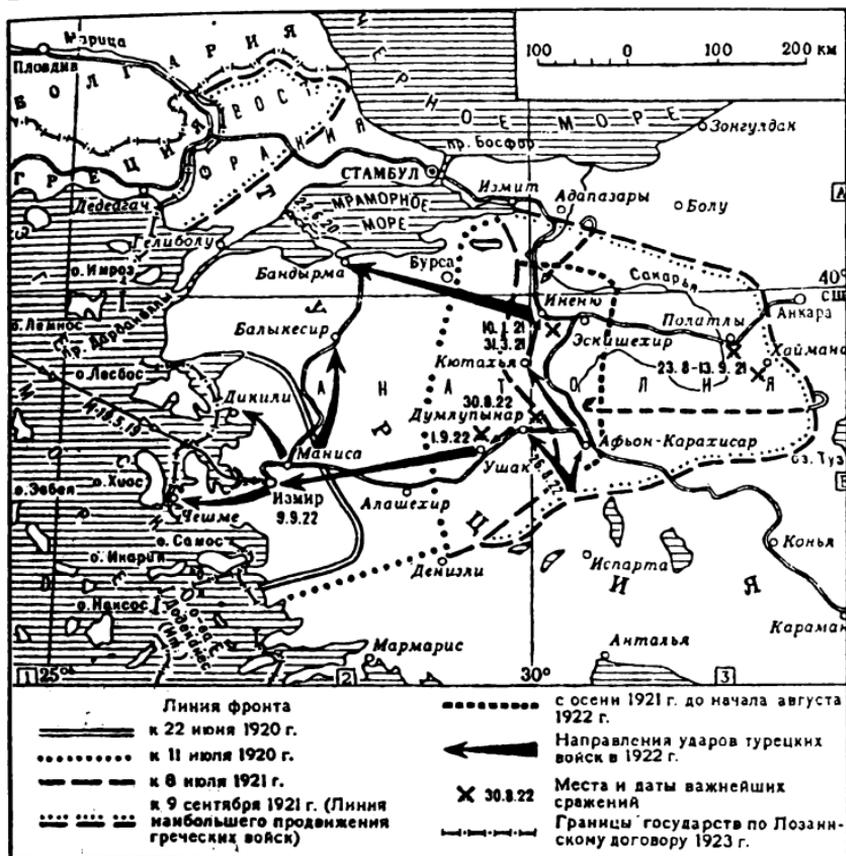
Когда же при том обозначилось, что новая Турция воинственна, что у нее оказался талантливый вождь Кемаль и несколько хороших генералов, что туркам удалось быстро потушить армянское восстание и перегруппироваться на запад против греков, французов и Босфорского заслона Антанты, когда Кемалю удалось поднять народно-партизанскую войну на всей территории, занимаемой греками и, когда на рубеже 1920–1921 гг. тыл и фланги греческой армии находились в опасном положении, — Греции пришлось направить все силы своего разношерстного государства.

К началу 1921 г. Греция развернула в Малой Азии уже вдвое более сил (до 100 000 человек) — всего 10 дивизий трехбригадного состава, сведенных отчасти в корпуса. Греческие войска жили отчасти местными средствами, отчасти подвозом из метрополии, являющейся охватывающей базой обеспеченными морскими сообщениями.

Однако и силы турок росли быстро вследствие переброски с востока целой армии и добавочных отрядов иррегулярных войск.

Успехи Кемалья, давшие ему обладание Арменией и влечение к нему всех недовольных антантовским режимом на Балканах и в оккупированных областях Малой Азии, в связи с советизацией Кавказа и сочувствием Турции со стороны Советской республики привели к Лондонской конференции в феврале — марте 1921 г.¹ для обсуждения минимальных требований великого Национального собрания Турции. Успехи Кемалья всколыхнули

¹ По инициативе французов для решения восточных репарационных вопросов, при участии представителей Константинопольского и Ангорского правительств.

Греко-турецкая война

весь отдаленный мусульманский мир новым глубоким чувством к Турции. 16 марта 1921 г. был подписан договор о дружбе и братстве Советской республики с Турцией¹.

К апрелю 1921 г. у греков было уже развернуто 12–15 дивизий, прикрытых конницей, против многочисленной иррегулярной турецкой конницы. Много белых эмигрантов находилось в рядах греков, особенно в период заминки операций и при нужде в комсоставе для новых македонских и фракийских формирований. В мае 1921 г. союзники заявили о своем нейтралитете, обеспечивая в то же время за собой нейтральную зону на проливах и в Киликии.

¹ См. в дополнении 2.

К июню греческая армия отошла до следующих пределов:

На левом, северном, фланге они должны были покинуть берег Черного моря и обнажили границу зоны, оккупированной войсками Антанты на Скутари-Измитском полуострове, подпустив кемалистов на 50 км к Стамбулу за р. Сакарю.

Все левое крыло греков было отброшено турками на линию Бурсса — Антрос, загнулось левым флангом к Гемликскому заливу Мраморного моря и было притиснуто тылом к нейтральной зоне проливов.

Правое греческое крыло откатилось к Смирне и задержалось на позициях Ушакского нагорья, прикрывая главные коммуникации греков Смирна — Бурсса с железнодорожными ветками Ала-Шаир — Ушак и Айдин — Денизли.

В этом положении правый фланг и его тыл страдали от неприязненных действий местного населения, летучие отряды партизан которого хозяйничали здесь, портя железные дороги, шоссейные мосты, затрудняя или вовсе прекращая транспортировку товаров с побережья внутрь страны и препятствуя эксплуатации местных средств.

В то же время греки были осведомлены, что Турцию питают через анатолийские порты различными припасами другие страны Антанты (особенно Италия), добывая разными путями пропуск своим судам из Средиземного в Черное море через проливы, охраняемые Антантой. Тогда Греция стала настаивать на пропуске части своего боевого флота к своим фракийским берегам, в Черное море, что ей было позволено, когда нажим кемалистов по дорогам на Константинополь стал беспокоить Антанту.

Неуспех греков на фронте совпал с политическими затруднениями внутри Греции. В связи с упадком духа у греков образовалась большая партия за прекращение борьбы. Все это грозило династии Константина, который и настоял на пропуске своего флота в Черное море, установил там блокаду анатолийского побережья для прекращения контрабандного провоза европейцами туркам оружия и боевых припасов; и к июню 1921 г. объявил новый призыв под знамена нескольких возрастов.

К этому времени греки, наконец, организовали свой тыл, был разработан план военных действий; их армия те-

перь состояла из 80 000 превосходно вооруженных и лично снабженных солдат, которой должен был содействовать и флот. Объектом наступления являлась столица националистов — Анкара.

IV. Второй период войны с июля 1921 г. по август 1922 г.

План греков для второй фазы борьбы — наступательный — предусматривал действия двумя главными армиями в Анатолии и флотом — в Черное море.

1-я Северная армия, вернув связь с флотом на Черном море и постепенно овладевая Черноморским побережьем для действительной блокады Турции, должна была наступать на Анкару по двум путям: главной массой от Бурссы и вспомогательной от Гемлика, от р. Сакарья. У Эскишехира правое крыло 1-й армии должно было войти в прочную связь с левым флангом 2-й армии.

2-я Южная армия, закрывая туркам южные обходные пути на Айдин — Смирну и подавляя народно-партизанскую войну в своем районе, должна была главными силами наступать на Анкару, охватывая левый фланг турок и ища тесного сближения с 1-й армией на равнинах у Эскишехира для генерального боя с турками. Первым этапом этого наступления намечен крупный административно-хозяйственный центр Афьон-Карагиссар.

Для осуществления этого плана понадобилось сосредоточить в центре расположения греков до 9 дивизий, фланги оставлены слабыми. Перегруппировка производилась до июля 1921 г. Военный совет греков состоялся 7 июля в Смирне. Начало наступления было назначено на 10 июля 1921 г.

В это время у турок миновал период раздумья¹, и они решили сперва разбить южную армию греков по операционному направлению на Смирну через Ушак. Перебросив значительные силы с Бурсского направления на юг, в пространства, бедные поперечными путями, турки 8 июля, начав наступление на Ушак, ясно раскрыли свои планы и перегруппировку своих сил к югу.

¹ Добивать ли греков или устремиться к возвращению Стамбула.

В результате начальный удар греков 10 июля от Бурсы на Эскишехир имел успех. Но правый фланг Бурсской армии и вся Смирнская армия греков были остановлены упорством турок на линии Ушак — Кутайя. Турки быстро укрепились против Кутайи, переходя от стратегического наступления к тактической обороне, но маневр главного резерва 1-й (Бурсской) греческой армии с севера заставил турок очистить сильные Кутайские позиции и поспешить с отходом к Эскишехиру, чтобы закрыть прямой путь на Анкару. При этом турки побросали много трофеев и потеряли много пленных. Здесь выяснилось превосходство сил у греков, позволившее им столь широкое маневрирование. Чтобы отвлечь внимание и силы турок с направления Бурсы — Анкара и тем еще более ослабить турецкий центр для последующего его прорыва, греки, выдвинувшись к морю левым флангом, произвели десантный поиск отрядом тысячи в четыре, вернувшись затем с большими потерями назад. Это была так называемая высадка у Кара-Мурксола.

Давление греков на Анкарский путь отступления турок заставил последних оставить план наступления на Смирну, оттянуть назад на восток от Ушака свои главные силы. Это дало возможность грекам сблизить фланги обеих своих армий у Эскишехира, и в середине июля 2-я греческая армия взяла крупный узел дорог и административный центр Афьон-Карахиссар, нанеся делу местных партизан большой удар.

16 июля 1921 г. турки проиграли сражение у Эскишехира (который был занят греками в конце июля), а в тылу стали нести большие потери от греческих воздушных эскадрилий.

Главная квартира греков расположилась на стыке внутренних флангов своих армий на прямой дороге в Анкару — у Кутайи. Попытка турок охвата Эскишехира с северо-востока крупными силами (14-я пехотная и две кавалерийских дивизии) с одновременным натиском на фронт 2-й греческой армии не имела успеха.

Пришлось отступить на последние заготовленные позиции в гористой местности у р. Сакарья и верховьев Пурсанчая, куда стали стягиваться силы и со Стамбульской

дороги и от портов Черного моря. Центр турок не был прорван. Доблестная турецкая армия отходила к Анкаре от Эскишехира, упорно обороняясь, и на арьергардной позиции у Сминдигози центр держался трое суток в жарком сражении, дав флангам отойти за линию своего фронта. Неустройство тыла задержало наступление греков, и они вынуждены были остановиться в конце июля 1921 г.

Это дало передышку туркам, фронт которых тянулся тогда от полуострова Измита (позиции на р. Сакарья) — через середину расстояния от линии Эскишехир—Афьон до Анкары, не представляя сплошной линии; в промежутки иногда врывается конница греков. Греческий фронт тянулся от Скутари на Измит и восточнее Эскишехира и Афьона.

Только через месяц, с середины августа, устроив тыл и образовав запасы продовольствия, греки снова начали нажим своими главными силами на Анкару, демонстрируя в центре и пытаясь охватить главные силы турок наступлением на фланги. Но охватывающие греческие войска сначала не могли преодолеть Соляной пустыни, дойдя только до р. Гёксу, ввязались здесь в длительный, упорный бой и, опрокинутые контрманевром турок, стали отходить за р. Сакарья, где центр греков тоже понес большие потери от удачной контратаки турок, особенно под Гордиумом. Все же грекам удалось затем отбросить центр турок на 10 км от р. Сакарья.

В течение 14 дней на р. Сакарья шли горячие бои. Наконец, греки дрогнули и начали отступление на Эскишехир. Анкара была спасена. Современная история знает мало битв, решавших исход войны, но сражение на р. Сакарья надо отнести именно к числу таких битв. В муках этих 14 дней была рождена турецкая нация. Подготовленность подступов к Анкаре в фортификационном отношении остановила дальнейшее продвижение греков и дала туркам возможность передохнуть и затянуть борьбу на весь сентябрь.

За эту победу Кемаль получил от Великого Национального совета титул «гази», что значит «победитель». Пользуясь подошедшим подкреплением, турки собрали кулак на своем южном фронте, против которого правый фланг греков, казалось, был обеспечен Соляной пустыней. В конце сентября 1921 г. турки повели наступление на

правый фланг греков через Соляную пустыню, двигаясь скрытно и быстро (по ночам).

Внезапный нажим на правое греческое крыло, сопровождавшийся упорными боями, поколебал его и тем заставил весь греческий фронт обеих армий отходить в их исходное положение. Непосредственным результатом этой победы явился сепаратный договор, который Франция заключила с Анкарским правительством, и увод французской 80-тысячной армии из Киликии.

Севрский договор, служа исключительно интересам Англии, совершенно не удовлетворял Францию, которая подписала его, потому что Англия подписала невыгодный для нее, но выгодный для Франции Версальский договор, и не предвидя еще, до какой степени Англия использует преимущества, даваемые ей Севрским договором. Однако, увидев вскоре возможные для себя и Турции последствия политики Англии на Ближнем Востоке, Франция переходит на позицию противодействия Англии и уже с весны 1921 г. входит в переговоры с Кемалем, обещая ему оказать полную моральную и материальную поддержку. Этим Франция надеялась ограничить преимущество Англии, обеспечить себе симпатии обновленной Турции с расчетом получить от нее экономические выгоды и, наконец, оторвать новую Турцию от возможного союза с Советской республикой, устранив тем опасность распространения большевистского влияния на Ближнем Востоке.

20 октября 1921 г., несмотря на возмущение, протесты и угрозы со стороны Англии, Франция вошла в сепаратное соглашение с Кемалем, в котором тщательно предусмотрела обеспечение своих интересов.

По этому договору¹ состояние войны между Францией и Турцией прекращалось (статья 1), произведено освобождение военнопленных и заключенных (статья 2), войска обеих сторон отведены за определенную договором линию. Для Александреттской области устанавливался особый административный район с турецким языком как официальным (статья 4). Установлена пограничная линия между Сирией и Турцией (почти по параллели от Александреттского залива до р. Тигра), французам предоставлялась

¹ «Ган», 1 ноября 1921 г. (полный текст договора).

концессия на участок Багдадской железной дороги (Бозантти и Нусейбан) и на ветви в Аданском вилайете.

Соглашение 20 октября 1921 г. встретило резкий протест Англии и Италии. По поводу его заключения английская пресса писала: «Начало выполнения единоличного захвата Францией трехсторонней зоны, уже заложенное франко-кемалистским договором, заставляет британское правительство не признать его»¹. При этом оспаривалась «законность» передачи Турции Киликии, которая была оккупирована французскими войсками, — от имени Франции, но не от имени всех союзников.

С этого момента еще более углубилось расхождение между Англией и Францией в важнейших политических вопросах: на западе — Германия и репарации (Версальский договор), на востоке — Турция и Греция (Севрский договор).

К началу 1922 г. положение турок на фронте все еще было серьезным. Греки удерживали Эскишехир и всю местность к востоку от него. Но среди греческих войск уже обнаруживались явные признаки деморализации.

Наступление зимы, распутица, трудности военных тыловых подвозов и новый разгар народной войны вынудили греков занять позиции на границе оспариваемой ими области (итальянское наследие) и проводить зиму позиционно. До июля 1922 г. наступило затишье в военных действиях. Обе армии изнемогли и нуждались в отдыхе и укреплении своих сил.

Между тем положение Анкарского правительства улучшилось благодаря выходу Франции из антитурецкого блока Антанты и особенно благодаря укреплению отношений с Советской республикой, выгнавшей к этому времени всех интервентов.

ВЫВОДЫ

1. Обоим противникам понадобилось огромное напряжение всех сил, чтобы развернуть почти полумиллионную армию с каждой стороны, считая потери и пополнения.

¹ «Дейли Телеграф», 14 ноября 1921 г.

2. Греки смогли использовать флот не только для перебросок войск и подвоза снабжения, но и для блокады портов южного берега Черного моря с целью затруднить снабжение лишенной промышленности Турции.

3. Партизанская и народная война, проводимая турками на занятой греками территории, весьма затруднила работу греческого тыла и задержала наступление греков.

4. Несмотря на превосходство в силах и боевых средствах до авиации и танков включительно, греки встретили огромное препятствие в местных условиях и в силе позиций на подходе к Анкаре, укрепленных турками, мастерами фортификационного искусства.

5. Оба противника показали себя упорными противниками в бою, причем греки обнаружили большое умение маневрировать по немецкой системе — обходами, заставляя противника оставлять позиции и выходить из них для встречного боя.

V. Третий период войны, август—октябрь 1922 г.

В августе 1922 г. турецкая армия перешла в наступление. Шаг за шагом отступали греки под напором победоносных турецких войск. Они отходили вдоль железнодорожной линии по направлению к Ушаку. После Ушака отступление греков превратилось в паническое бегство.

30 августа 1922 г. турки окончательно разгромили греков при Домлу-Пунаре, и 9 сентября турецкая армия вступила в освобожденную Смирну, когда последние остатки греческой армии садились на пароходы¹.

Таким образом, революционные войска меньше чем в 2 месяца вытеснили греческую армию из Малой Азии и продолжали двигаться по направлению к Проливам, несмотря на угрозы Англии, требовавшей прекращения дальнейшего движения.

¹ Была захвачена вся артиллерия, обозы, склады продовольствия и снаряжение греческой армии. В ответ на все насилия и зверства греков над турецким населением все греческое население было выброшено из Малой Азии, причем пожар Смирны, в свою очередь, вызвал резню греков турками. В Грецию сразу нахлынули остатки почти истребленной армии и миллион разоренных беженцев.

Командующий турецкой армией продолжал наступление, далеко перейдя объявленную Севрским договором и охраняемую англичанами нейтральную зону у Проливов. Национальное собрание решительными нотами отвечало на угрозы англичан, требуя немедленного очищения и передачи ему Восточной Фракии и ухода союзных войск из зоны Проливов, без чего оно не хотело вести никаких переговоров, а англичане не соглашались на проход турок через Проливы. Мустафа Кемаль продолжал настаивать. Ллойд-Джордж не уступал. Казалось, что вот-вот начнется война.

Тогда для удержания Турции выступила Франция. Такой быстрый и самостоятельный успех не входил в ее расчеты, ибо он лишал ее опеки над Турцией и внушал ей опасения разрыва с Англией. Поэтому она поспешила оказать давление на Турцию, грозя ей не только отказом в дальнейшей поддержке, но и совместными с Англией репрессиями. Это показало Кемалю цену французской дружбы и поддержки и понудило его остановить войска и согласиться на переговоры о перемирии с Грецией. Эти переговоры (с 3 по 11 октября) происходили в Муданье под руководством представителей Антанты.

Конвенция, подписанная 11 октября, содержала «решение союзных правительств передать правительству Великого Национального собрания Турции Восточную Фракию, включая сюда Адрианополь», определило границы отвода греческих войск из Восточной Фракии, способ и сроки эвакуации греческих войск, характер администрации в Восточной Фракии и меры обеспечения порядка и безопасности в ней. Как эти, так и дальнейшие 14 пунктов не оправдали надежд Турции и позволили державам Антанты сохранить положение в зоне Проливов, где должны были оставаться союзные войска и флот, равно как и Константинополь должен был оставаться в руках союзников до «окончательного решения предстоящей мирной конференции», каковая первоначально намечалась на 20 октября в Венеции, а затем в Лозанне на 20 ноября¹.

¹ Причиной этой месячной задержки явились длительные переговоры Англии и Франции по выработке «единой линии поведения» и согласования своих требований и уступок.

Союзники послали приглашение о посылке делегатов на имя султана-халифа. Это было оскорблением Национального собрания, и Кемаль воспользовался этим, проведя в спешном порядке через Собрание закон, разделявший звание султана и халифа, а затем второй закон 1 ноября 1922 г., упразднявший султанскую власть.

Между тем положение союзников становилось не особенно прочным. В самом Константинополе начался ряд вспышек и выступлений, против которых английский комиссар был бессилен; во всей Восточной Фракии чувствовалось глухое, но сильное брожение. По совету союзных комиссаров султан вынужден был бежать из дворца в больничной карете на английский военный корабль, доставивший султана на Мальту.

Последний султан Оттоманской империи, Ван Эддин, «гроза неверных», сошел со сцены. Его племянник стал халифом.

Военный разгром вызвал в Греции революцию. Армия и флот объявили Константина низверженным (он отрекся в пользу своего старшего сына Георга II). Чрезвычайный трибунал судил министров и генералов, виновников катастрофы; шесть из них, во главе с Гунарисом, были расстреляны.

Лозаннская конференция открылась 20 ноября 1922 г. Переговоры в Лозанне превратились в поединок между лордом Керзоном и Исет-пашой, другом Мустафы Кемалля. Трудно представить людей более противоположных, чем высокомерный английский дипломат и несговорчивый приземистый турецкий воин.

Требования Исмета были очень просты. Он настаивал на условиях, установленных в «Национальном Обете» и не хотел ни в чем уступить.

Советская республика под предлогом неучастия ее в Севрском договоре и в греко-турецкой войне не была привлечена к участию в Лозаннской конференции в целом, но участвовала только в Комиссии по установлению режима в Проливах. Советское правительство в своих нотах указывало союзным правительствам, что отсутствие на Лозаннской конференции представителей прибрежных к Черному морю России, Украины и Грузии несправедливо

и непрактично, ибо всякое решение, принятое одной стороной без согласия другой, притом жизненно заинтересованной, не может быть прочно.

Требования эти сначала оставались без ответа, затем союзные державы поняли, что обойти Россию в этих вопросах нельзя, и сообщили, что представители прибрежных республик будут привлечены к рассмотрению вопроса о режиме на Проливах. Остальные же вопросы, по разъяснению союзных держав, не могут касаться Советской республики, так как у России с Турцией уже есть договор от 16 марта 1921 г. Лишь 27 ноября Советское правительство получило предложение прислать представителя в Лозанну для участия в рассмотрении вопроса о режиме на Проливах.

Великое Национальное собрание Турции также заявило, что оно не может признать правильным решение, которое состоится без участия Советской республики.

В течение всего хода работ комиссии обнаружилось непримиримые противоречия точек зрения Антанты (главным образом Англии), настаивавшей на свободном доступе через Проливы для торговых и военных судов в мирное и военное время, т.е. на фактическом господстве в Черном море и Проливах наиболее сильных морских держав, — и России отстаивавшей свободу торгового плавания и закрытие Проливов для всех военных судов, кроме турецких.

Для рассмотрения этих вопросов выделена была комиссия под председательством лорда Керзона, который 6 декабря 1922 г. объявил выработанный английской, французской и итальянской делегациями текст проекта конвенции о Проливах.

В основе его лежал принцип полного открытия Проливов для плавания военных и торговых судов и воздушных аппаратов под любым флагом в мирное и военное время. Нахождение Турции в состоянии войны не должно препятствовать свободному плаванию военных и торговых судов и воздушных аппаратов нейтральных стран.

Вместе с тем каждая держава получала право вводить в Черное море свои морские силы, не превышающие по своему составу наиболее сильные находящиеся в это время в Черном море флоты прибрежных Черноморских держав.

В случае же согласия прибрежных стран на полную демилитаризацию Черного моря, каждой из внечерноморских держав предоставлялось право ввода в Черное море 3 судов, не свыше 10 000 тонн каждое.

Наконец, устанавливался принцип демилитаризации Проливов (Босфора, Мраморного моря и Дарданелл).

Советская делегация заявила, что подобный режим на Проливах она считает совершенно неприемлемым не только для себя, но также и для Турции и, главным образом, для установления прочного мира на Ближнем Востоке, а следовательно, и во всей Европе.

Советская Россия, стремящаяся к миру, требует закрытия Проливов для военных судов в целях избежания войны и гарантии безопасности Турции и ее столицы.

Турецкая делегация не согласилась с проектом союзников, но и не отвергла его, указав на необходимость некоторых изменений. Она заявила о трех основных желательных ей пунктах:

1. Гарантии ненападения на Константинополь и Проливы (конкретно гарантии не указывались).
2. Ограничение прав ввода военных судов в Черное море (разрешить ввод только легких судов).
3. Полная свобода торгового мореплавания в Проливах в любое время.

Кроме того, турецкая делегация считала нужным освободить от демилитаризации побережье Мраморного моря и еще некоторые пункты, и иметь право содержать на Галлипольском полуострове хотя бы минимальные гарнизоны для отражения внезапной атаки.

Таким образом, турецкая делегация сразу стала на путь уступок в вопросе о Проливах, упорно отстаивая другие экономические вопросы.

На заседании Комиссии 18 декабря был оглашен измененный (второй) проект союзников. Он предусматривал несколько меньшие зоны демилитаризации. Но главные принципы, т.е. демилитаризации и открытия Проливов для военных судов, — остались в силе. Сверх предусмотренной ранее максимальной морской силы раз-

решалось вводить в Черное море «в военное время и при всяких обстоятельствах» 3 судна, не свыше 10 000 тонн каждое.

Советская делегация подтвердила свое мнение о неприемлемости подобного режима и предложила свой проект, сводившийся к следующему:

1. Полный суверенитет Турции над Проливами.
2. Полная свобода торгового мореплавания на Проливах под любым флагом, в любое время.
3. Закрытие Проливов для плавания военных судов и воздушных аппаратов всех флотов, кроме турецких; право Турции разрешать проход Проливами легких судов (кроме подлодок), не свыше 6000 тонн и с вооружением не свыше 6'' орудий).
4. Гарантии реального закрытия Проливов путем предоставления Турции права вооружения всех зон Проливов по своему усмотрению.
5. Разработка и подписание международного акта, признающего Черное море «закрытым» морем Черноморских держав, даже в случае изменения впоследствии режима на Проливах.

Турецкая делегация не протестовала против проекта союзных держав, и лишь считала необходимым внести в него некоторые поправки.

После этого начался ряд сепаратных совещаний экспертов, на которые советские эксперты не допускались, несмотря на протесты советской делегации; такое положение продолжалось 6 недель.

Тем временем отношения между Англией и Францией ухудшались с каждым днем.

Наконец, 29 января 1923 г. советской делегации и Турции был вручен третий проект союзников — договор в 46 статей. На конвенцию о Проливах Турция дала условное согласие (то есть согласилась бы в случае достижения соглашения по остальным вопросам). Третий проект конвенции о Проливах немногим разнился от второго, сохраняя прежние принципы: открытие Проливов, демилитаризация зон, вход в Черное море предусмотренных ранее сил

и образование «Комиссии по Проливам» под руководством Лиги Наций, контролирующей соблюдение конвенции.

Советская делегация на последнем заседании 1 ноября 1923 г. выразила протест, высказав (Чичерин), что весь проект союзников направлен к тому, чтобы создать на Черном море сферу своих политических и военных влияний. Если проект будет осуществлен, то ни одна из Черноморских держав не будет уверена в своей безопасности, особенно Советская Республика, не находящаяся до сих пор в договорных отношениях со многими державами. Проект союзников дает не мир, а тревогу и необходимость усиленного вооружения.

К этому времени отношения между Францией и Англией дошли до крайнего обострения. Франция занимала Рур¹ и совершенно не желала считаться с мнениями, советами и интересами Англии.

Естественно, обострились отношения и в Лозанне; терялось последнее подобие «единой линии поведения» союзников. Керзон стал грубо проводить в Ближневосточном вопросе политику соблюдения одних английских интересов, причем держал себя вызывающе надменно. Его раздражение увеличивалось еще тем, что турецкая делегация, учтя благоприятный для себя разлад между союзниками и чувствуя за собой опасную для Антанты поддержку России, повела правильнейшую в тот момент политику неуступчивости и отстаивания своих интересов. Дело дошло до того, что Керзон стал обращаться с ультиматумами не только к Турции, но и к французской делегации, которая довольно недвусмысленно предложила Турции прервать переговоры в Лозанне и договориться с гораздо большим успехом по отдельным вопросам с Францией.

Конференция явно уперлась в тупик. Керзону надо было закончить дела в Лозанне и ехать в Лондон в связи с Рурскими событиями. Он поставил турецкой делегации резко-ультимативное требование о подписании договора

¹ Приказ Пуанкаре по французской армии от 11 января 1923 г.

в течение суток и заявил, что 7 ноября он покидает Лозанну в случае невозможности достичь соглашения.

Поддерживаемая Советской Республикой Турция не испугалась, и конференция была прервана на неопределенный срок.

Достигнутые этой конференцией результаты были невелики: турецкая делегация согласилась подписать конвенцию о Проливах и о границах Фракии, существеннейшие же вопросы для Турции о режиме капитуляций, об оттоманском долге, о Моссуле и пр. остались висящими в воздухе. Одно время казалось, что Национальное собрание Турции вынесет порицание Исмету, т.к. среди членов Собрания усиливалась оппозиция против политики Кемалья и Исмета. Эту оппозицию возглавлял Реуф-бей. Но Кемаль добился отклонения Собранием резолюции с выражением осуждения.

Против всяких ожиданий, Лозаннская конференция возобновилась в июне 1923 г. в условиях разгоревшейся классовой борьбы в Рурской области в связи с ее оккупацией французами.

Исмет-паша вернулся в Лозанну, место Керзона на конференции было занято Рембольдом, и вторая сессия конференции привела к разрешению всех вопросов. Вопрос о режиме на Проливах, как решенный на первой сессии, теперь не рассматривался, и советская делегация, несмотря на настояния Советского правительства, не была допущена на вторую сессию. Но мощь Советской России, изгнавшей интервентов из своих пределов, стояла перед глазами Антанты и поддерживала турецкую делегацию.

Договор был подписан 24 июля 1923 г. Турция лишилась большей части арабских земель, уступила в вопросе о Проливах, но добилась главного — признания суверенных прав Турции, самостоятельности в своем управлении страной, отмены режима капитуляций.

Лозаннский договор означал полный триумф турецких националистов. Вместо раздела Турции, которого союзники требовали в Севре, Лозаннский договор устанавливал суверенную власть Турции над всей Анатолией, Константинополем и Восточной Фракией. Христианские

меньшинства в Турции лишились своей автономии: миллионы греков, живших в Западной Анатолии и Фракии, подлежали выселению в Грецию. Турция впервые за свое историческое существование становится нацией.

В том, что Турция вышла победительницей из неравной борьбы, что Севрский договор был разорван доблестной анатолийской армией, в том, что возрожденная Турция вернула себе Константинополь и Восточную Фракию, что она стала суверенным и независимым государством, немалую роль сыграли противоречия главных империалистических держав, но главное, что решило судьбу турецкого народа, это то, что за ней стоял мощный и дружественный сосед — Советская Россия.

Пробуждение национального самосознания, сочувствие СССР национально-освободительному движению, нашедшему своего выразителя в лице Кемаля, удесятирило силы турецкого народа в его борьбе за независимость. Только в одном пункте союзники не уступили туркам: вопрос о юго-восточных границах Турции не был разрешен, он должен был быть урегулирован позднейшим соглашением (в связи с разделом Аравии союзниками, системой мандатов, образованием арабского государства и нового государства Ирак).

Советскому правительству было предложено присоединиться к подписанию конвенции о режиме на Проливах. В своей ответной ноте (19 июля) Советское правительство подтвердило еще раз, что предлагаемая к подписанию конвенция не является справедливым или хотя бы удовлетворительным решением сложного вопроса о мире на Ближнем Востоке. Напротив, она является прямой угрозой как по отношению к Турции, так и по отношению к мирному развитию Черноморских держав, оставляя возможность для сильнейших морских держав при случае захватить первостепенную военную и морскую стратегическую позицию Константинополя и Проливов и использовать ее против Советской Республики.

Принимая, однако, во внимание то, что Турецкое правительство согласилось на подписание этой конвенции, а также и то, что в данный момент нет другой возможности установить иное, лучшее, соглашение на Ближнем Востоке,

Советское правительство согласно подписать конвенцию в виде опыта сотрудничества с державами Согласия.

Вместе с тем Советское правительство заявило, что если практика применения конвенции обнаружит недостаточные гарантии интересам торговли, безопасности Советской Республики и всеобщего мира, она будет принуждена поднять вопрос о прекращении ее действия.

Конвенция о Проливах была подписана представителем Советского правительства (Иорданским) в Риме 14 августа 1923 г. Согласно статьям I и II особого протокола, приложенного к Лозаннскому договору, оккупирующие Константинополь союзные гарнизоны должны быть эвакуированы в шестинедельный срок после ратификации Турцией договора. 23 августа 1923 г. состоялась ратификация конвенции, и 24 августа началась эвакуация английских войск (15 000—20 000) разного рода оружия в Англию, Гибралтар, Мальту, Египет и Индию.

Турция избавилась теперь от иностранных агрессоров, но и только. Вся работа по строительству новой Турции была впереди. Казалось, что турки имели так же мало представления о будущей природе нового государства, как весь капиталистический мир. Одни из них стояли за союз с Советской Россией, оказавшей ей помощь в борьбе против западного империализма. Другие считали, что новая Турция, будучи самостоятельным мусульманским государством, должна явиться ядром возрождения ислама. Третьи полагали, что дух новой Турции найдет для себя наилучшее выражение в конституционной монархии по западному образцу.

Когда после подписания мирного договора было созвано Национальное собрание, Мустафа Кемаль и Исмет-паша подготовили законопроект о провозглашении в Турции республики и заставили Собрание принять этот закон. Около половины членов Собрания не принимали участия в голосовании: фактически это был переворот¹. Но тем не менее, когда Кемаль объявил себя президентом Турецкой республики, это имело под собой подобие законного основания.

¹ Джексон, «Послевоенный мир».

Новая Конституция давала Кемалю фактически неограниченные полномочия: будучи президентом, он держал в руках кабинет министров, как вождь «народной партии» он являлся полновластным хозяином единственной в стране политической организации, а как главнокомандующий он распоряжался армией. Лозаннская конференция прошла ряд фазисов, на которых отразились укрепление турецкого национального государства и изменение внешней политики Антанты. То и другое было не в пользу Греции. Она лишилась Фракии и Малоазиатской территории с выводом из Малой Азии 180 000 греков, скрывшихся в горах; 200 000 греков, проживавших в Константинополе, были высланы на родину, а из Греции выселено 400 000 мусульман.

Острова Лесбос, Самофракия, Лемнос, Хиос, Самос, Икария отошли к Греции (Родос и Додеканез получила Италия).

16 декабря 1923 г. после новых выборов республиканская партия предложила Георгу II покинуть страну. Краткое возвращение Венизелоса к власти (4 января — 10 марта 1924 г.) подтвердило его бессилие, и он покинул страну. 26 марта 1924 г. в Греции была провозглашена республика. Через несколько месяцев после избрания Кемаля президентом Турции он решил упразднить халифат.

ДОКУМЕНТЫ

1. ВОЕННЫЙ ФЛОТ ГРЕЦИИ В 1921–1922 ГОДАХ¹

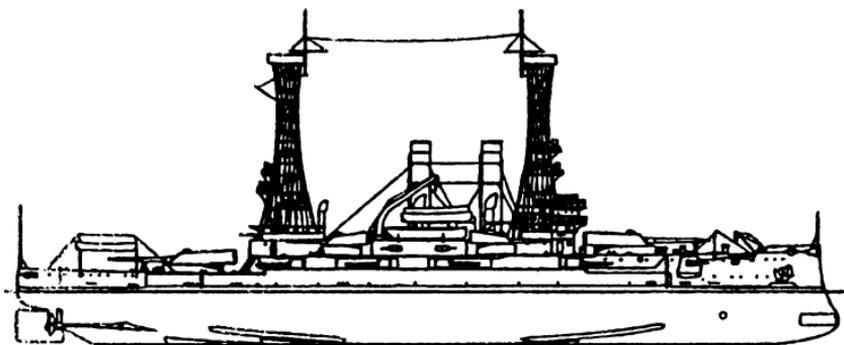
1. Линейные корабли — 5 единиц

«Киликис»

«Лемнос»

Бывшие американские «Айдахо» и «Миссисипи», 1905 г. постройки².

13 000 т, 17 узлов, четыре 305-мм, восемь 200-мм, восемь 178-мм орудий; броня до 229 мм.

Броненосец «Киликис», вид на 1914 г.

Водоизмещение стандартное 13 000 т, нормальное 14 465 т, скорость 17 узлов. Вооружение — четыре 305-мм орудия, восемь 203-мм орудий, восемь 178-мм орудий, двенадцать 76-мм, шесть 47-мм и две 37-мм пушки, два 533-мм торпедных аппарата. Бронирование — башни главного калибра до 305 мм, барбетты до 254 мм, пояс и рубка до 229 мм, башни среднего калибра до 178 мм. Бывший американский броненосец «Айдахо», вместе с броненосцем «Лемнос» (бывший «Миссисипи») куплен Грецией в шеле 1914 года.

¹ Брасси. «Морской ежегодник», 1920–1921 г.

² Потоплены германской авиацией в Саламисе (Саламине) 23 апреля 1941 г. (Прим. ред.)

«Псара»,
«Гидра»,
«Спетсай»

1889 г. постройки¹

5000 т, 17 узлов, три 270-мм и пять 150-мм орудий.

2. Броненосный крейсер

«Георгиос Аверов»

1910 г. постройки²

10 000 т, 24 узла, пять 230-мм, восемь 190-мм орудий;
броня до 200 мм.

3. Легкий крейсер

«Хелла»

Бывший китайский «Фэй-Хуна», 1912 г. постройки³

2600 т, 22,5 узла, два 150-мм, восемь 102-мм орудия

4. Эскадренные миноносцы — 10 единиц⁴

4 — типа «Афос» (1910–1912 гг., 100 т, 32 узла, четыре 102-мм орудия)⁵.

3 — типа «Тнела» (1907 г., 400 т, 32 узла, два 76-мм орудия)⁶.

¹ К моменту описываемых событий уже были выведены из боевого состава флота, использовались в качестве блокшивов и учебных судов. Сданы на слом в 1929 г. (*Прим. ред.*)

² С 1946 г. — корабль-музей в Поросе. (*Прим. ред.*)

³ Потоплен 15 августа 1940 г. итальянской подводной лодкой «Дельфино» в порту Тинос. (*Прим. ред.*)

⁴ Еще два эсминца германской постройки были выведены из боевого состава флота в 1919 г. и сданы на слом в 1921 г. (*Прим. ред.*)

⁵ Построены в 1911–1912 гг. в Англии для Аргентины, но перекуплены Грецией. «Леон» потоплен в мае 1941 г. в бухте Суда на Крите, остальные сданы на слом в 1946 г.

⁶ Еще один эсминец этого типа («Нафкратуса») погиб в марте 1921 г. на камнях у острова Милос. (*Прим. ред.*)

3 — типа «**Ники**» (1907 г., 350 т, 30,5 узл., два 76-мм орудия).

1 — типа «**Смирна**» (бывший австрийский «Улан», 400 т, 29 узл., четыре 76-мм орудия).

5. **Миноносцы** — 12 единиц¹.

6. **Минные заградители** — 3 единицы (1881 г. постройки).

7. **Канонерские лодки** — 5 единиц (устаревшие).

8. **Транспорты** — 5 единиц.

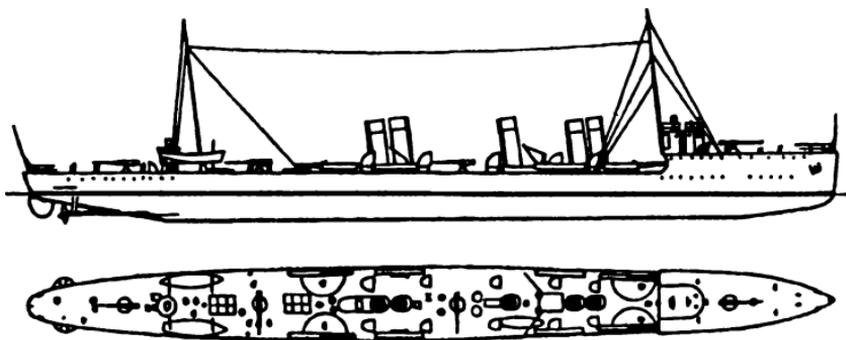
9. **Подводные лодки** — 2 единицы.

«**Дельфин**»

«**Ксифиас**»

Французской постройки (1911–1912 гг.)²

300 т, 14,9 узл., 5 торпедных аппаратов.

Эскадренный миноносец «Афос».

Водоизмещение стандартное 980 т, нормальное 1175 т, скорость 32 узла. Вооружение — четыре 102-мм орудия, два двухтрубных 533-мм торпедных аппарата.

¹ Реально — только 6 (типа «Англи», английской постройки). Еще один был списан в 1921 г. и четыре — в 1919 г. (Прим. ред.)

² Выведены из боевого состава и сданы на слом в 1921 г. (Прим. ред.)

ДОПОЛНЕНИЕ II

**II. ДОГОВОР О ДРУЖБЕ И БРАТСТВЕ
МЕЖДУ РОССИЕЙ И ТУРЦИЕЙ¹***(Краткое содержание)*

Правительство РСФСР и Правительство Великого Национального собрания Турции, разделяя принципы братства наций и права народов на самоопределение, отмечая существующую между ними солидарность в борьбе против империализма, равно как и то, что всякие трудности, созданные для одного из двух народов, ухудшают положение другого, и всецело воодушевляемые желанием установить между ними постоянные сердечные взаимоотношения и неразрывную искреннюю дружбу, основанную на взаимных интересах обеих сторон, решили заключить договор о дружбе и братстве и назначили уполномоченных:

Со стороны РСФСР:

Народного комиссара иностранных дел и члена ВЦИК Чичерина.

Члена ВЦИК Коркмасова.

Со стороны Турции:

Народного комиссара народного хозяйства Юсуф-Кемаль-бея.

Народного комиссара просвещения доктора Риза-Нур-бея.

Полномочного посла Турции Али-Фуад-паши.

Сущность договора сводилась к следующему:

1. Обе стороны согласились не признавать никаких мирных договоров, к применению которых принуждалась бы силою одна из договаривающихся сторон.

РСФСР согласилась не признавать никаких международных актов, касающихся Турции и не признанных Национальным правительством Турции.

¹ Коровин. «Международные договоры и акты Нового времени». М.: Госиздат, 1924.

Под Турцией разумеется территория, объявленная Оттоманской Палатой депутатов в Константинополе 28 января 1920 г. Северо-восточная граница Турции определялась: линией от дер. Сари на берегу Черного моря вдоль северной административной границы Арданского и Карского санджаков, по течению р. Арпа-чай и Аракса, до устья нижнего Карасу.

2. Турция соглашается уступить Грузии суверенитет над портом и городом Батуми и территорией, лежащей к северу от границы, указанной в п. 1, и составлявшей часть Батумского округа, при условии, что:

1) население будет пользоваться широкой местной автономией в административном отношении, обеспечивающей культурные и религиозные права, и правом установления земельного закона;

2) Турция получает свободный транзит беспошлинно через Батуми и право пользоваться портом;

3) Нахичеванская область образует автономную территорию под покровительством Азербайджана.

4. Обе стороны, констатируя соприкосновение между национально-освободительным движением народов Востока и борьбой трудящихся России за новый социалистический строй, торжественно признают за этими народами право на свободу и независимость и их право избрания формы правления по их желанию.

5. Обе договаривающиеся стороны соглашаются передать окончательную выработку международного статута Черного моря и Проливов особой конференции из делегатов прибрежных стран, при условии, что вынесенные ею решения не нанесут ущерба полному суверенитету Турции, ее безопасности и безопасности ее столицы — Константинополя.

6. Все договоры, до сих пор заключенные между обеими странами, признать отмененными, как не отвечающими обоюдным интересам. Турция считается свободной от всяких денежных и иных обязательств, вытекающих из договоров Турции с царским правительством

7. Правительство РСФСР, считая режим капитуляций несовместимым с свободным национальным развитием всякой страны, равно как с полным осуществлением ее

суверенных прав, считает потерявшими силу все действия и права, относящиеся к этому режиму.

13. РСФСР обязуется вернуть в Турцию за свой счет всех военнопленных и гражданских пленных турок, находящихся в России.

Всех статей 16.

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ КОНФЛИКТ 1929 ГОДА

I. Международная обстановка и СССР в 1922 –1929 гг.

После интервенции последовал новый нажим на СССР, на этот раз в дипломатической форме. В 1922 г. на Генуэзской конференции империалисты потребовали от СССР возвращения иностранным капиталистам фабрик и заводов и уплаты царских долгов. СССР отверг эти требования. Угроза новой интервенции в виде ультиматума английского министра иностранных дел Керзона (1923 г.) также получила отпор.

Убедившись в прочности советской власти, капиталистические государства стали восстанавливать дипломатические отношения с СССР. В течение 1924 г. были восстановлены дипломатические отношения с Англией, Францией, Японией, Италией, Китаем (31 мая 1924 г.).

31 августа 1924 г. подписан протокол (новый план Дауэса) о размерах и сроках репараций Германии, с предоставлением ей Америкой займа в 800 млн марок, который к

концу 1928 г. достиг 18 миллиардов золотых марок. В октябре 1925 г. заключен Локарнский договор четырех держав, по которому Германия признала границу по Версальскому договору, отказывалась от Эльзаса и Лотарингии, Франция отказалась от создания буферного государства на Рейне и эвакуировала Рур. Англия и Франция гарантировали взаимопомощь в случае германской агрессии.

Для обеспечения своих границ и поддержки со стороны Франции Польша и Чехословакия заключили в Локарно пакты с Францией.

В декабре 1925 г. в СССР состоялся XIV съезд партии (индустриализации). Не получив займов, СССР нашел средства внутри страны, в 1926–1927 г. вложения в промышленность составляли 1 миллиард рублей. В 1927 г. состоялся XV съезд партии (коллективизация).

В хозяйственном укреплении СССР капиталистические страны видели угрозу для существования капиталистической системы. Поэтому империалистические правительства принимали все меры, чтобы произвести новый нажим на СССР, внести замешательство, сорвать, затормозить дело индустриализации в СССР.

В мае 1927 г. английские консерваторы организовали провокационный налет на «Аркос» (советское общество торговли с Англией). 26 мая 1927 г. английское правительство объявило о разрыве дипломатических и торговых сношений с СССР. В июне 1927 г. в Варшаве русским белогвардейцем польского подданства был убит посол СССР Войков. Одновременно на территории СССР английскими шпионами и диверсантами были брошены бомбы в партийном клубе в Ленинграде и ранено 30 человек. Летом 1927 г., почти одновременно, происходили налеты на советское полпредство и торговые представительства в Берлине, Пекине, Тяньцзине, Шанхае.

Шахтинское дело (1928 г.) инженеров-вредителей и новые разногласия в партии (борьба с правыми каппулянтами Бухариным—Рыковым) были сочтены внешними врагами за признаки ослабления партии, после чего делается попытка втянуть СССР в войну и сорвать еще неокрепшее дело индустриализации и пятилетнего плана, принятого на XVI партийной конференции в апреле 1929 г.

Летом 1929 г. империалисты организуют конфликт Китая с СССР — захват Китайско-Восточной железной дороги и нападение белокитайских войск на наши дальневосточные границы.

ВНУТРЕННЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ КИТАЯ

В 1911 г. китайские революционеры низложили императора и провозгласили республику ввиду того, что маньчжурская династия отказалась проводить реформы, не хотела и не могла сопротивляться внедрению иностранцев в Китай. Вождь этой революции Сунь Ятсен хотел сделать Китай независимым государством. В декабре 1915 г. Юань Шикай пытался предать молодую китайскую республику и установить монархию, объявив себя императором Китая. Однако генералы провинции Юньнань открыто выступили против Юань Шикая и заявили о независимости провинции Юньнань. Выступление юньнаньских генералов сразу же было поддержано широкими кругами Китая. Так называемая монархия Юань Шикая продержалась всего три месяца.

Правда, в северной столице Китая, Пекине, формально существовало правительство, но оно было игрушкой в руках генералов, распорядившихся правительственной казной по своему усмотрению. На юге, в Кантоне, существовало другое правительство национальной партии Сунь Ятсена — Гоминдана.

Захватив во время Мировой войны в 1914 г. германские концессии в Шаньдуне (Киао-Чао), Япония в период Юньнаньской революции предъявила Китаю «21 требование», стремясь подорвать единство Китая и превратить его в экономический придаток Японии.

В 1917 г. Китай вступил в Мировую войну на стороне Антанты и, по окончании ее, на Парижской конференции, где китайская делегация состояла из представителей обоих правительств, Китай требовал возвращения Шаньдуна и пересмотра договоров, но встретил отказ; Япония получила Шаньдун и германские острова на Тихом океане.

Китай и США отказались подписать Версальский договор. Обострение японо-американских противоречий

было так велико, что в 1921 году война на Тихом океане казалась неизбежной. Торжество Японии в Париже заставило китайское общественное мнение повернуть в сторону Гоминдана, который был единственной организацией, способной сопротивляться требованиям Японии.

Сунь Ятсен, будучи еще студентом-медиком в Гонконге, боролся за освобождение Китая. Уже в 1895 г. он находился в изгнании и создал китайскую революционную лигу в Японии, Гонолулу и Европе; за его голову была назначена высокая цена, и он часто находился на волоске от смерти. Однажды он был схвачен на центральной улице Лондона — Пикадилли и заключен в китайском императорском посольстве. Начиная с 1911 г. был беспорным вождем китайской революции.

В речи, произнесенной им в марте 1921 г., Сунь Ятсен разъяснил три принципа, которые являлись программой его партии. Первый принцип — национализм. В соответствии с ним должны быть ликвидированы иностранные концессии, договорные порты, сферы влияния и т.п.

Второй принцип — демократия. Население должно иметь право избирать Законодательное собрание. В демократической республике исполнительная власть должна принадлежать министрам, ответственным перед Законодательным собранием.

Третий принцип — «социальная справедливость», или «благоденствие народа», означал перераспределение народного богатства, чтобы обеспечить человеческое существование каждой китайской семьи.

Промышленность в Китае носила кустарный характер. Иностранная промышленность была организована на побережье в их собственных интересах. Целью Сунь Ятсена было создание при помощи займов современной промышленности, принадлежащей китайцам, для чего желателен приток иностранных капиталов, иностранных ученых и опытных специалистов.

Три принципа Сунь Ятсена соответствовали западным образцам, и он надеялся, что западные державы помогут ему провести их в жизнь. В 1921 г. он обратился за помощью к Америке, но ему отказали. Он обратился тогда

к Англии и Японии, но Англия предпочла поддерживать генерала У Пейфу, который распоряжался долиной р. Янцзы, а Япония ставила на Чжан Цзолина, правителя Маньчжурии. У Гоминдана оставалась единственная надежда — на помощь Советской России. В годы изгнания Сунь Ятсен встречался в Европе со многими из людей, которые находились в этот момент у власти в Советской Республике, и считал, что русская, и китайская революция имеют много общего. Обе страны боролись с империалистическими вожделениями капиталистических государств, с несправедливостью и отсталостью социальной системы.

6 февраля 1922 г. по инициативе США в Вашингтоне был подписан так называемый «Договор девяти держав» (США, Англия, Франция, Италия, Япония, Китай, Бельгия, Голландия и Португалия), касающийся принципов и политики иностранных держав в отношении Китая, которые обязывались уважать суверенитет, независимость, территориальную и административную неприкосновенность Китая (статья 1). По статье 3 устанавливался «принцип открытых дверей», то есть равенство открывающихся в Китае возможностей для торговли и промышленности для всех наций. Соглашением от 4 ноября 1922 г. на Вашингтонской конференции возвращался Китаю Шаньдун.

Наконец, трактатом четырех держав от 13 декабря 1921 г. об иностранных владениях в Тихом океане ликвидировалось англо-японское соглашение, заключенное в Лондоне 13 июля 1911 г., и фактически аннулировался англо-японский союз.

В 1924 г., 31 мая, СССР заключил договор с Китаем о восстановлении дипломатических сношений, предусматривавших пересмотр всех соглашений на основе равенства. Специальным соглашением о Китайско-Восточной железной дороге она признавалась совместным китайско-советским коммерческим предприятием.

В том же году началась реорганизация Гоминдана в боевую партию, куда был открыт прием крестьян и рабочих, установлена твердая партдисциплина, были организованы выборы на партийный съезд, избравший членов Центрального исполнительного комитета Гоминдана. Получив

надежную организацию, партия приступила к созданию армии и, прежде всего, военной школы в Вампу для подготовки комсостава. Начальником школы был Чан Кайши.

Офицеры, выпущенные школой Вампу, обучали армию Гоминьдана, которая оказалась в состоянии навести порядок во всей провинции Гуандун, столицей которой является Кантон. В 1925 г. последовала смерть Сунь Ятсена, которая вызвала глубокую скорбь во всем Китае. Вошло в обычай склонять голову перед портретом Сунь Ятсена, который имелся в каждом учреждении. Всякая официальная церемония начиналась с чтения его завещания.

Сунь Ятсен умер в тот момент, когда он добивался присоединения некоторых генералов к программе националистов. Северные провинции находились под неограниченной властью десятка военных губернаторов; трое из них (Чжан Цзолин, У Пейфу, Фын Юйсян) вели нескончаемую гражданскую войну за установление контроля над обреченным Пекинским правительством. Наиболее могущественным из трех в 1918–1922 гг. был Чжан Цзолин — правитель Маньчжурии, бывший бандит из шайки «рыжебородых». Столицей его был Мукден на территории, арендованной Южно-Маньчжурской железной дорогой, принадлежащей японцам. В 1920 г. он овладел Пекином.

Наиболее сильным его соперником в эти годы был У Пейфу, — китайский ученый. Под его контролем находился Средний Китай, бассейн р. Янцзы и железная дорога Пекин — Ханькоу. В 1922 г. в борьбе за Пекин он нанес поражение Чжан Цзолину, который удалился в Маньчжурию, а У Пейфу назначил правителем Пекина генерала Фын Юйсяна, оказавшего ему помощь в нужную минуту. Фын Юйсянь оставался верным У Пейфу до 1924 г., когда Чжан Цзолин снова начал наступление на Пекин. В критическую минуту Фын Юйсян оставил У Пейфу и вернулся в Пекин. У Пейфу бежал.

Правление Фын Юйсяна в Пекине основывалось на принципах, близких к Гоминдану. В 1926 г. его старые соперники Чжан Цзолин и У Пейфу заключили союз против него, и генерал бежал, предоставив своей армии пробиваться в Северо-Западный Китай.

Соглашения, достигнутые в Локарно (1925 г.), развязали руки империалистам. После смерти Сунь Ятсена в 1925 г. началась интервенция империалистов в Китае (1925–1927 гг.). После Шанхайского инцидента в мае 1925 г. по всему Китаю пронеслась волна возмущения против Англии. Лидеры националистов решили теперь осуществить свой смелый план, — начать поход на Север, захватить Ханькоу, пока У Пейфу занят войной против Фын Юйсяна.

Они рассчитывали, что, продвинувшись по р. Янцзы до Шанхая и опираясь на Янцзы, они смогут овладеть Пекином, и Китай окажется под властью националистов. Националисты начали поход на север в июне 1926 г., когда волна антиимпериалистического движения достигла апогея.

Под руководством Чан Кайши их армии отбросили войска У Пейфу и захватили Ханькоу, который был объявлен новой столицей и обращен в центр национального движения. Иностранные резиденты и концессионеры были в панике. Англия вынуждена была отказаться от своей концессии в Ханькоу, но на всякий случай послала 3 бригады в Шанхай. Признаки раскола Гоминдана появились уже накануне смерти Сунь Ятсена.

Правое крыло представляли купцы, комиссионеры, средняя буржуазия, желавшие конституции и торговли на выгодных началах. Левое крыло — элементы, предпочитавшие революцию и перераспределение богатств выгодной торговле с иностранцами. Правительство, образованное в Ханькоу группой Евгения Чена и вдовы Сунь Ятсена, являлось представителем левого крыла Гоминдана. Чан Кайши был на стороне правого крыла.

Спустившись со своими войсками по р. Янцзы, Чан Кайши создал в Нанкине правительство, отказавшееся признать Ханькоускую группу исполнительным органом Гоминдана. Он послал войска в Ханькоу, разгромил левое крыло, ослабленное уже разногласиями между Ченом и компартией, и вся партийная организация оказалась в руках Чан Кайши. В июле 1927 г. он приступил к разгрому коммунистического движения, и волна белого террора залила весь Китай. В июне 1927 г. он захватил Пекин («Северную столицу») и переименовал его в Бейпин («Северный мир»), объявил Нанкин столицей, а себя —

президентом Китайской республики. В Кантоне, являвшемся последней опорой коммунистов, в декабре 1927 г. была провозглашена Коммуна.

11 декабря 1927 г. восставшие рабочие Кантона, одного из крупнейших правительственных центров Китая, под руководством китайской компартии, провозгласили советскую власть. Революционное правительство Кантона объявило декреты об установлении 8-часового рабочего дня, о конфискации помещичьих земель и национализации крупной промышленности, о создании Красной армии.

Три дня существовала героическая Кантонская коммуна, оказывая сопротивление окружавшим ее объединенным войскам китайской контрреволюции и международного империализма. Коммуна была потоплена в крови. 7000 рабочих и бедноты города Кантона были расстреляны.

Основные причины поражения Кантонской коммуны в том, что восстание произошло в период общего спада революционной волны в Китае, что военная подготовка восставших оказалась недостаточной, что восстание было изолировано от крестьянства.

Кантонская коммуна сыграла большую роль в развитии национально-освободительного движения в Китае. Китайские Советы, китайская Красная армия — наследники Китайской коммуны.

Чан Кайши объявил себя преемником Сунь Ятсена и сторонником его принципов. Его поддержали купцы и землевладельцы. Он распустил профсоюзы и остановил захват земель крестьянами. Он говорил: *«В настоящее время мы не боимся, что землевладельцы и капиталисты будут угнетать крестьян и рабочих — мы, скорее, боимся обратного»*¹. Такая политика получила одобрение иностранных держав, заключивших с ним договоры (США, Англия, Бельгия).

Имущие классы и иностранные державы имели все основания быть довольными Чан Кайши. Со стороны могло казаться, что Китай объединен под властью республиканского правительства, которое именуется Гоминдановским и на словах признает «три принципа». Но в

¹ Джексон, «Послевоенный мир».

действительности единство Китая не было достигнуто и не могло быть и речи о каких бы то ни было принципах.

В Маньчжурии Чжан Цзолин и его сын Чжан Сюэлян были совершенно независимы друг от друга, несмотря на родство. На северо-западе укрепился Фын Юйсян. Чан Кайши, как главнокомандующему, фактически подчинялись только нанкинские войска, остальные были самостоятельными организациями самостоятельных феодальных провинций. В Среднем Китае (Хубей, Хэнань) с 1925 г. существовали Советы. В южном Китае также было много коммунистов.

Чжан Цзолин создал в Маньчжурии совершенно автономную власть и был тесно связан с японцами, от которых получал запасы к оружию. В конце концов, и Чжан Цзолин рассорился с японцами. Он хотел установить свою власть над всем Китаем, начал постройку железной дороги параллельно Южно-Маньчжурской, которая могла бы отвлечь грузы от японской линии и от Дайрена. В 1928 г. он был убит бомбой, брошенной в поезд, который проходил через мост, находившийся под охраной японцев. Его преемником стал сын его Чжан Сюэлян, начавший открыто сопротивляться японцам. Он присоединился к Гоминдану (Чан Кайши) и отказался платить проценты по займам, заключенным в Японии его отцом, вдохновляя налеты на японские поселения.

Подстрекаемый империалистами и стремясь расположить их к себе для получения займов, Чан Кайши побудил Чжан Сюэляна захватить Китайско-Восточную железную дорогу, что являлось нарушением договора с СССР от 1924 г.

10 июля 1929 г. последовал захват КВЖД китайскими властями, закрытие советских организаций, замена служащих, аресты советских граждан, а затем мобилизация маньчжурских войск, их сосредоточение и инженерные работы на советско-китайской границе.

Попытки Советского правительства мирно уладить конфликт (нота от 14 июля 1929 г.) не имели желаемых результатов, и 17 июля 1929 г. дипломатические сношения с Китайским правительством в Нанкине (Чан Кайши) были прерваны.

Обстрел китайцами наших войск, судов, налеты на нашу территорию вызвали предупреждение Советского правительства, что налеты провоцируют войну (нота 28 августа 1929 г.). Повторные ноты (9 и 25 сентября) остались без ответа.

К 30 сентября части китайских войск сосредоточились у устья Сунгари в районе Лахасусу — Фугдин (около 5–6 тысяч и 20 орудий). Наша Сунгарийская группа была расположена на северном берегу Амура в районе устья Сунгари.

С октября сосредоточение китайских войск, набеги и бандитские налеты усилились, конфликт затягивался, создавая тревожную обстановку, грозившую вторжением крупных китайских сил. В соответствии с этим советское командование в октябре — ноябре провело операции в трех районах: устье Сунгари, у озера Ханка и под станцией Маньчжурия — Далайнор, закончившиеся полным разгромом китайских войск.

I. Сунгарийская операция — 2 этапа:

1) 12–13 октября 1929 г. Бой под Лахасусу; уничтожение большей части китайской речной флотилии и разгром сухопутных китайских войск у устья Сунгари.

2) 30 октября — 3 ноября 1929 г. Фугдинская операция (60 км вверх по реке Сунгари).

II. Операции под Мишанфу (у озера Ханка в Приморье).

17–18 ноября 1929 г. с целью уничтожения китайских войск на Гродековском направлении.

III. Операция под станцией Далайнор и Маньчжурия.

6–20 ноября 1929 г. — наиболее крупная по числу войск и результатам.

В результате последовательно проводимой СССР политики мира и боевых демонстраций наших вооруженных сил в перечисленных вынужденных операциях китайские генералы поняли свои ошибки и вернулись на мирный путь соглашения с нами.

ЯПОНСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ В КИТАЕ И ЗАХВАТ МАНЬЧЖУРИИ

1. Международное положение. Политическая и военная обстановка

Общую концепцию послевоенного периода лучше всего определяют слова Сталина: *«На два лагеря раскололся мир решительно и бесповоротно: лагерь империализма и лагерь социализма. Борьба этих двух лагерей составляет ось всей современной жизни, она наполняет все содержание нынешней внутренней и внешней политики деятелей старого и нового мира».*

Ранее существовавшая система союзов после Мировой войны распалась, и внешними выразителями послевоенных отношений капиталистического мира явились Версальский договор и Лига Наций. Однако подлинным победителем, промышленным гегемоном и кредитором всей Европы оказались США, не пожелавшие вступить в Лигу Наций. Таким образом, в капиталистическом мире возникли две группы: Лига Наций, возглавлявшая англо-французский контроль над побежденными, и Соединенные Штаты Америки, не связанные этими соглашениями.

Противоречия Версальского договора, выходявшие за пределы Европы, тотчас же после его заключения выдвинули три основные проблемы:

1) Англо-американское соперничество за мировую гегемонию.

2) Японо-американское соперничество (Тихоокеанская и Дальневосточная проблемы).

3) Англо-французское и франко-итальянское соперничество (проблема Средиземного моря).

Со всеми этими проблемами связывалась общая проблема — «свободы морей» и контроля над морскими путями мировой торговли, т.е. вопрос о мировой гегемонии.

После Мировой войны, вместо выведенной из строя Германии, Англия получила нового, еще более могущественного и опасного соперника в борьбе за мировую гегемонию в лице США. Англо-американское соперничество является главным в ряде других противоречий между империалистическими державами.

Вступление в войну 1914–1918 гг. Америки для спасения погибающей Англии, на самом деле для спасения своих капиталов, равно как и развитие грандиозного строительства американского линейного флота, предназначенного не столько для борьбы с Германией, сколько с японским и английским флотами, недвусмысленно указывало на стремление Америки к мировой гегемонии. В своей помощи Англии Америка видела наилучшее обеспечение своей гегемонии.

Положение Англии с ослабленной финансовой мощью перед лицом новых могучих соперников — Америки и Франции (с которой у Англии были также непримиримые противоречия) оказывалось вовсе не таким блестящим, как ожидала Англия после устранения Германии. Рост американского военного и торгового флота, достигшего половины английского торгового тоннажа, экономическое наступление Америки, борьба за рынки, за нефть, вытеснение британской торговли из Латинской Америки и английских доминионов, наконец, соперничество в Китае, создавали противоречия во всех концах земного шара.

Конкуренция с Америкой становится для Англии непосильной. Задолженность мешала реорганизации и мо-

дернизации промышленности, особенно запущенной оказалась важнейшая для Англии — угольная промышленность. Уплата процентов по долгам означала ежегодный подарок Америке в 2 дредноута.

Для обеспечения своей торговли Америке, выступившей на мировую арену, нужна была свобода морей, т.е. устранение контроля английского флота над морскими путями. Американское требование о свободе морей фигурирует уже в «14 пунктах Вильсона», на основе которых Америка хотела заключения послевоенных договоров.

Во время Парижской конференции Америка угрожала Англии, что, в случае отказа от пункта о свободе морей, США приступят к постройке самого мощного флота в мире.

Послевоенный период в корне изменил мировую обстановку, соотношение сил и выдвинул второй мирового значения узел переплетения империалистических интересов и противоречий на Дальнем Востоке, на Тихом океане.

Объектом интересов мировых империалистических держав является Китай с его 400-миллионным населением, громадными естественными богатствами и слабо развитой промышленностью. Он являлся как неисчерпаемым источником сырья, так и необъятным рынком сбыта для индустриальных держав.

Англия начала эксплуатацию Китая открытием в Кантоне отделения британской Ост-Индской компании еще в 1730 году. По нанкинскому договору 1842 г. она получила Гонконг, контрибуцию в 4½ млн фунтов стерлингов и право торговли в 5 крупнейших китайских портах, а затем постепенно укрепляла свои экономические позиции в Южном Китае, в Шанхае и Среднем Китае, в бассейне р. Янцзы, в Ханькоу.

Экспансия Японии на материк началась в 90-х годах XIX века. По Симоносекскому договору 1895 г. Япония получила Формозу и Пескадорские острова. По Портсмутскому договору 1905 г. Япония получила Квантунский полуостров с Порт-Артуром, Южно-Маньчжурскую дорогу с полосой отчуждения на 35 лет, признание свободы действий в Корее, формальное присоединение которой состоялось в 1910 г.

Япония быстро пошла по пути индустриализации. Однако главным препятствием «развития японской промышленности» служила ее зависимость от внешних рынков в отношении промышленного сырья и продовольствия. Отсутствие железа, угля, нефти, недостаток хлопка, риса Япония стремилась восполнить экспансией на материк и захватом естественных богатств Маньчжурии и собственно Китая. Она все более укрепляется в Южной Маньчжурии и Китае, овладевает каменноугольными и рудными богатствами в провинциях Шаньдун, Хубей, Хенань, Шанси, строит железные дороги, заводы и верфи, вызывая опасения других империалистических хищников.

В ходе Мировой войны (8 января 1915 г.) Япония предъявила Китаю «21 требование» — ультиматум, состоящий из 5 разделов. В первом требовалась передача Японии всех германских концессий, во втором — разворачивалась программа полного экономического закабаления Маньчжурии, в третьем — исключительные права и привилегии Японии в управлении Ханьпинским комбинатом, в четвертом — требование не уступать и не сдавать в аренду третьей державе гаваней, бухт, островов у берегов Китая, в пятом — приглашение Китаем японских советников в области политического, финансового и военного управления, передача полицейских учреждений в важнейших пунктах Китая в совместное управление японцев и китайцев, учреждение в Китае японо-китайского арсенала, а также оговаривалось проникновение Японии в бассейн р. Янцзы.

Несмотря на то, что в 1917 г. Китай вступил в Мировую войну на стороне Антанты, Англия, Франция и Россия были вынуждены примириться с успехами Японии, заключив с ней в 1917 г. ряд тайных договоров; даже США признали наличие у Японии «специальных» интересов в областях, «примыкающих» к Японии. Однако уже тогда американский посланник в Пекине заявил: «Хотя державы и были вынуждены предоставить Японии свободу действий в Китае, несомненно, день расплаты наступит».

Таким образом, Мировая война дала Японии Шаньдун с Киао-Чао, острова Тихого океана, принадлежавшие рань-

ше Германии (Маршалльские, Марианские, Каролинские и Пелей), расширение и укрепление экономических позиций в Южной Маньчжурии, Монголии, областях Южного Китая и в районах южных морей.

В Британской Индии основаны японские банки, японские купцы и торговые склады появились на Суматре, на Филиппинах. Еще во время Мировой войны установлены новые японские пароходные линии в Сингапур, Сан-Франциско и к западному побережью Южной Америки. В 1919 г. экспорт Японии превысил довоенный в 3 раза, торговля с Сиамом (Тайландом) удвоилась, с Голландской Индией (Индонезией) увеличилась в 5 раз.

Японская экспансия, имея основное направление на азиатский материк, распространялась и на область островов Тихого океана, протягивая щупальцы в Калифорнию, Мексику, на острова Голландской Индии (Индонезии), в Австралию.

Америка отказалась ратифицировать Версальский договор и поддерживала требования Китая об удалении Японии из Шаньдуна.

Владение Японией Шаньдуном противоречило принципу «открытых дверей» (в Китай), который Америка провозгласила после занятия Филиппинских островов в 1898 г. Япония держалась за «сферы влияния».

Кроме того, Маршалльские острова, переданные Японии, могли стать базой японского флота на американских путях сообщения между Гавайями и Гуамом.

В своей агрессивной тихоокеанской политике Япония опиралась на англо-японский союз. После Мировой войны этот союз фактически был направлен против Америки. В то же время планомерный и быстрый рост японского флота грозил интересам Америки в Китае, к которому она придвинулась после захвата Филиппин (1898 г.), Гавайских островов и прорытия Панамского канала. При более выгодном географическом и стратегическом положении по отношению к Китаю, сравнительно с Америкой, Япония была первой из морских держав, перешедшей с 14'' артиллерии на 16'' и заложившей в 1917 г. линкоры такого типа, благодаря которым ее флот оказался первым, в который вошли линкоры, воплотившие в себе весь опыт Мировой

войны. Кроме того, Япония располагала значительным числом мореходных крейсеров (17 к 1921 г.). Быть сильным в своих водах (и китайских) — важнейшая задача японского флота, основным же является обеспечение морских путей в борьбе за гегемонию на Тихом океане, на дальневосточных берегах которого сосредоточилась четвертая часть населения земного шара.

Уже с Испано-американской войны 1898 г. Америка вышла за пределы доктрины Монро («Америка для американцев»). Закрепление за США Карибского моря с о-вами Кубой и Пуэрто-Рико, занятие Гавайских островов и отнятие у испанцев Филиппинских островов вывели американскую стратегию за пределы территориальных вод; за этим последовали: захват Панамской зоны, прорытие Панамского канала и окончательное превращение США в мировую тихоокеанскую державу. Тихоокеанское побережье, Южная Америка и Китай вошли в сферу специального внимания американского капитала.

Мировая война дала толчок развитию американской промышленности.

Рост американской промышленности после Мировой войны, накопление золотого запаса (40% всего мирового запаса), обилие свободных капиталов побуждали США к поиску новых рынков. Не только вывоз продукции американской промышленности, но и вывоз капиталов связывал империалистическую политику США с Китаем и странами Восточной Азии.

Послевоенную Америку интересуется не обнищавшая Европа, а богатства Китая, Сибири, которые могут дать чудовищные прибыли. Наилучшее применение своего капитала Америка видела в эксплуатации китайского рынка и здесь встретилась с другими державами, главным образом Японией, утвердившейся в Маньчжурии и Шаньдуне и стремившейся «21 требованием» подчинить весь Китай своему экономическому и политическому влиянию.

Америка с 1920 года также перешла на 16-дюймовую артиллерию на новых линкорах, имела мощные флотилии эсминцев и подлодок, но сильно отстала в постройке

крейсеров. Обострение японо-американских противоречий в 1921 г. грозило войной.

Огромные пространства, разделяющие обоих противников, облегчая Америке оборону побережья, создают затруднения американскому флоту в операциях у берегов Азии. Промежуточная база на Гавайских островах не вполне разрешает вопрос об обороне Филиппинских островов, т.к. американский флот не может поспеть к ним до захвата их Японией. Опорные пункты на этих островах имели ничтожные средства. Трудная для наступательных операций задача базирования выдвигала вопрос о мощных плавучих базах и требовала обеспечения морских путей от неприятельских подлодок. Создание Японией операционных баз подлодок и воздушных сил на Марианских, Маршалловых и Каролинских островах будет угрожать всей слабой цепочке, связующей Филиппины с Америкой, и торговым путям¹.

Однако действия флота против американского побережья не менее затруднительны: за исключением двух-трех защищенных пунктов, на этом побережье нет удобных бухт для базирования флота.

Тихоокеанское побережье США, конечно, уступает по важности побережью Атлантического океана, но западные штаты особенно богаты нефтяными фонтанами, расположенными местами совсем недалеко от берега.

Богатейшие в мире нефтяные источники и океанский канал мирового значения в одном районе, естественно, приковывали внимание правительства США к надлежащей их обороне.

Обострение обстановки на Тихом океане побуждало морское командование США приступить к изучению возможности установления воздушных сообщений через океан и обратить внимание на Аляску и Алеутские острова на севере и цепь островов Тихого океана на юге с целью создания на них воздушных станций, с другой стороны, — обратить внимание на постройку авианосцев, отвечающих данной обстановке.

¹ См. Е. Шведе. Сведения о военно-морских силах. // «Морской сборник», 1934 г. № 1, с. 120–121.

Трудность сосредоточения в Тихом океане против Японии американского флота, базы которого находились в Атлантике, была устранена с прорывом Панамского канала в 1914 г. Через канал, сооруженный по стратегическим соображениям, могли проходить корабли с водоизмещением до 40 000 тонн. Однако тенденция дальнейшего увеличения водоизмещения после Мировой войны грозила бы аннулировать военное значение Панамского канала. При отсутствии подходящих баз на Тихом океане и необходимости держать флот в Атлантике положение США, которым в силу англо-японского союза надо было считаться с возможностью войны на два фронта, оказалось бы в высшей степени трудным.

В мае 1921 г. Америка решила добиваться равенства с флотом, сильнейшим в мире, и уплаты долгов путем сокращения расходов на вооружение у соперников на море. Из изложенного видно, какие мотивы побуждали ее к созыву Вашингтонской конференции.

Американский империализм поставил перед собою следующие задачи:

1) Заставить Японию сдать завоеванные ею в Китае позиции.

2) Разорвать англо-японский союз, чтобы ослабить обоих противников.

3) Обеспечить получение 7–8 миллиардов долга за счет сокращения вооружений противников.

4) Упрочить свое положение на морях, заставив Англию отказаться от ее исторически сложившегося господства.

5) Ослабить военно-морскую мощь Японии. Для достижения этих целей конференция в Вашингтоне была созвана 12 ноября 1921 г. под вывеской «ограничения морских вооружений».

Англия, Франция, Италия и Япония, в силу их материальной зависимости от американского капитала, вынуждены были согласиться на участие в конференции, на которой США предъявили свой «счет».

Общественное мнение в Японии считало, что конференция будет ловушкой, но премьер был другого мнения

и послал на конференцию представителя крупнейшего концерна Мицубиси.

Главнейшие из постановлений, принятых на Вашингтонской конференции, следующие:

Ввиду того, что линейные суда составляют основу мощи каждого флота, их общий тоннаж ограничивается. Англия, как и США, имеют право содержать столько линейных кораблей и линейных крейсеров, чтобы общее их водоизмещение не превышало 525 000 тонн, Япония — 315 000 тонн, Франция и Италия по 175 000 тонн. Иначе говоря, должно быть принято соотношение сил, выраженное соответственно для Англии, США, Японии, Франции и Италии пропорцией: 5:5:3:1,75:1,75.

Следовательно, число судов может быть и разное, но общее их водоизмещение подчиняется строгой норме.

К договору приложены таблицы, в которых для каждого флота указано, какие суда надлежит уничтожить и какие сохранить.

Срок службы каждого линейного судна определен в 20 лет, по истечении какого государства имеют право заменить устаревшие суда новыми. Но такая замена не может произойти ранее 1931 г., т.е. с 1921 г. устанавливается 10-летний перерыв в судостроении — «каникулы», как он назван в договоре.

Вновь строящиеся линейные суда не могут превышать по водоизмещению 35 000 т, а калибр их крупной артиллерии не должен быть больше 16'' (406 мм).

Каждый корабль, кроме авиаматов, имеющий свыше 10 000 т водоизмещения, считается линейным кораблем.

Таким образом, после замены всех линейных судов новыми кораблями водоизмещением по 35 000 т, число их во флотах Англии и Америки будет по 15, в японском флоте — 9, у Франции и Италии — по 5.

Следующий класс судов, подвергшийся нормированию, — это крейсера. Общий тоннаж их остался без ограничений. Пределы были положены лишь размерам крейсеров и количеству их артиллерии: водоизмещение не свыше 10 000 т, калибр артиллерии не свыше 8'' (203 мм).

Из остальных классов судов внимание конференции было обращено на авиаматки. Англии и США разрешено

иметь их общим водоизмещением по 135 000 тонн, Японии — 81 000 т, Франции и Италии — по 60 000 т. Срок службы определен в 20 лет. Наибольшее водоизмещение — 27 000 тонн (для вновь закладываемых кораблей). Калибр орудий — не свыше 203 мм. Авиаматками считаются суда водоизмещением свыше 10 000 тонн.

Эсминцы и подводные лодки не были подвергнуты этому ограничению, хотя представители Англии и пытались добиться полного запрещения постройки подлодок.

Таким образом, США по Вашингтонскому договору добились паритета своего флота с английским, оставив Японию на низшем количественном уровне, и 10-летнего перерыва в постройке линейных судов нового типа на срок, необходимый для сооружения нового канала и переоборудование Панамского канала.

По статье XIX договора Англия, США и Япония согласились на сохранение «статус-кво» в отношении укреплений и морских баз на их островных владениях Тихого океана, которые они ныне имеют и в будущем приобретут, исключая:

для Англии:

а) островных владений, прилегающих к побережью Канады,

б) Австралии и ее территории,

в) Новой Зеландии;

для США:

а) островных владений, прилегающих к побережью США, к Аляске и к зоне Панамского канала;

б) Гавайских островов.

Для Японии сохраняется «статус-кво» на Курильских островах, островах Бонин, Амами, Осима, Ликейских островах, Формозе и Пескадорских островах, а также на островах и владениях, которые Япония в будущем приобретает.

Под сохранением «статус-кво» понимается, что в перечисленных выше территориях и владениях не будут устанавливаться новые укрепленные и морские базы; что не будут приниматься меры к увеличению ремонтных средств и не будет усилена береговая оборона.

В результате Вашингтонской конференции Япония была вынуждена отказаться от своих притязаний на господство на море и согласиться на меньшие размеры своего флота сравнительно с флотами США и Англии.

В отношении Китая Япония признала формально принцип «открытых дверей» и обязалась вернуть Китаю Шаньдун.

Новым договором девяти держав англо-японский союз был аннулирован.

Японская интервенция в Сибири закончилась крахом, и в октябре 1922 г. японские интервенты были изгнаны из Владивостока. 1 сентября 1923 г. наиболее населенная часть Японии была разрушена землетрясением небывалой силы. Токио и Иокогама были в развалинах. Погибло 160 тысяч человек, материальные потери оценивались в 550 млн иен. В течение семи лет столица была вновь отстроена, но в эти годы обнаружили трещины не только в физической, но и в социальной структуре Японии. Колоссальные военные расходы страны (около половины всего бюджета) ложились тяжелым гнетом на плечи трудящихся. Продолжительность рабочего дня была велика, заработная плата — мала. Многие рабочие не имели крова и спали на фабриках, остальные ютились в полуразрушенных лачугах. Стачки стали частым явлением, но оставались безрезультатными. Профсоюзы не признавались и были бессильны.

В этих условиях идеи коммунизма получили распространение среди студентов. Правительственная партия «Сейюкай» прилагала все усилия, чтобы подавить «опасные мысли». Однако идеи проникли в рабочий класс, и известие о победе английской лейбористской (рабочей) партии на выборах в 1924 г. вызвало сильное движение за реформу конституции. Реакционное правительство «Сейюкай» пало в связи с разоблачением спекуляции опиумом и растраты денег, отпущенных для операций в Сибири.

Новое правительство составило проект закона об избирательном праве, но советники Микадо добились того, что закон этот не был утвержден, а издан закон «о сохранении мира», по которому попытки изменить конституцию

или нападки на институт частной собственности являлись уголовным преступлением, а потом (с 1928 г.) карались смертной казнью.

Великая китайская революция, которая привела в движение сотни миллионов людей, означала громадную брешь во всей системе империализма.

Китай и вся Восточная Азия, революционное движение которой находится под глубочайшим влиянием китайской революции, являются одним из важнейших современных театров борьбы между силами мирового империализма и силами мировой революции.

Обстановка на Тихом океане характеризуется борьбою между тремя руководящими тихоокеанскими державами: Америкой, Англией и Японией из-за господства над Китаем и над всем тихоокеанским бассейном. Эта борьба разворачивается во взаимодействии с общими усилиями империалистов удушить китайскую революцию, и, главное, в сочетании с агрессивными антисоветскими устремлениями империалистических держав. Проявление этой борьбы на Дальнем Востоке особенно ярко, потому что противоречие между империалистами здесь в наибольшей степени переплетаются с противоречиями между метрополиями и колониями. Притом, дальневосточный фронт всегда играл крупнейшую роль в антисоветских планах мировой буржуазии. Империалисты ничего так не боятся, как смычки и сотрудничества между трудящимися Советского Союза и многомиллионными массами колониальных и полуколониальных стран, борющихся за свое освобождение.

Наступательная японская политика в Маньчжурии является той красной нитью, которая проходит через всю новейшую историю японской внешней политики и японского империализма.

Экономическая блокада, которой была подвергнута Германия в мировую войну, наглядно показала японцам, что невозможно вести войну, если нация не обеспечена предметами первой необходимости и соответствующими естественными ресурсами, нужными для вооружения, и в этом отношении Япония считает, что «Маньчжурия и

Монголия абсолютно ей необходимы для ее национальной обороны и ее экономической потребности»¹.

Цель японской агрессии в Маньчжурии — превращение Маньчжурии в объект монопольного японского господства. Но Япония, как и другие империалисты, домогается Маньчжурии не только ради ее самой. Маньчжурский вопрос — неразрывная часть китайского вопроса, который, в свою очередь, занимает центральное место в тихоокеанской проблеме. Овладение Маньчжурией — ключ к овладению прилегающим Северным Китаем, жизненные центры которого находятся в непосредственной близости к границам Маньчжурии, а следовательно, — ключ к господству над всем Китаем. Именно в Маньчжурии японские империалисты усматривали тот плацдарм, на котором он сможет повести дальнейшее наступление на азиатском континенте. Именно Маньчжурия является важнейшим плацдармом подготовки новой антисоветской интервенции и войны на Дальнем Востоке.

Маньчжурский вопрос являлся узловым вопросом Дальнего Востока и Тихого океана, владение Маньчжурией в значительной мере предопределяет условия той решающей схватки между империалистами за господство над Тихим океаном, приближение которой возвещает нынешнее наступление Японии на Китай.

Развитие событий после Вашингтонской конференции привело к новому обострению отношений. По договору девяти держав о Китае, Япония была вынуждена признать принцип «открытых дверей», территориальной и административной целостности Китая и вернуть Китаю Шаньдун, но занятая Японией позиция в Маньчжурии осталась непоколебленной. Наступление японского капитала здесь продолжалось усиленным темпом, особенно в деле строительства железных дорог (Сыпингай — Таонань в 1928 г., Таонань — Цицикар в 1925–1926 г., Гирин — Дунхуа 1926–1928). Со своей стороны, Америка переходит

¹ Выдержка из брошюры: «Растущая серьезность положения Маньчжурии и Монголии и призыв к действию», приводимая в книге Терентьева «Очаг войны на Дальнем Востоке».

с дипломатических путей воздействия на путь контрнаступления американского капитала, осуществляя это контрнаступление через посредство тех китайских буржуазно-помещичьих элементов, с которыми Японии приходилось сталкиваться в Маньчжурии. Обостряющаяся японо-американская борьба принимает внешнюю форму японо-китайского конфликта.

Несмотря на признание установленного на Вашингтонской конференции соотношения морских сил Англии, США и Японии как 5:5:3, военные расходы Японии, главным образом, на флот, доходили в последующие годы до 48% бюджета, не опускаясь ниже 28%. Острые этих морских вооружений было направлено против США, сухопутных — против СССР, в первую очередь, для закрепления плацдарма в Маньчжурии. В 1924 г. США издали закон об иммиграции, в силу которого японцам закрывался доступ в Америку. Попытка Японии привлечь американских капиталистов (Морган) в качестве участников японских предприятий в Маньчжурии, чтобы заинтересовать американский капитал в укреплении и расширении японских позиций в Маньчжурии, не удалась.

После поражения Японии на Вашингтонской конференции и изгнания японских интервентов из Сибири (октябрь 1922 г.) Япония сосредоточила главное усилие на укреплении и расширении своих позиций в Маньчжурии.

В центре японских предприятий в Маньчжурии стояло предприятие ЮМЖД. Концессия на нее была предоставлена Японии Китаем в 1905 году, после русско-японской войны, и должна была длиться 35 лет — то есть до 1940 года. Почти половина всех японских капиталов в Маньчжурии принадлежала обществу ЮМЖД — типичной полуправительственной монополии, сочетающей государственные средства и частный капитал и уполномоченной осуществлять дипломатические, политические и административные функции. Общество ЮМЖД представляло гигантский транспортно-промышленный комбинат, охватывающий не только сеть железнодорожных путей, но и порты, склады, тяжелую и легкую индустрию, торговлю, страхование и пр.

Основой деятельности этого гигантского комбината служили железные дороги, которые во всех колониях и полуколониях являются наиболее сильным орудием господства иностранного капитала. Общество ЮМЖД к моменту захвата Маньчжурии располагало железнодорожной сетью протяженностью свыше тысячи км (Дайрен — Чанчунь, Мукден — Аньдунь и несколько мелких веток).

Не довольствуясь сетью железных дорог, более или менее находящихся под его контролем, японский империализм добивался права на сооружение новых. Этот вопрос был одним из основных в японо-китайском конфликте в Маньчжурии. ЮМЖД питала главный порт Маньчжурии — Дайрен, расположенный на арендованной японцами территории и совершенно перестроенный японцами. Через него экспортировалось 60% мирового сбора соевых бобов и бобовых продуктов. Вне арендованной территории, но в значительной мере под японским контролем ЮМЖД находились два крупных порта Маньчжурии — Ньючанг (Инкоу) и Аньдунь. Обществу ЮМЖД принадлежали крупнейшие не только в Маньчжурии, но и во всем Китае угольные копи; угольные копи стали давать к 1930 г. до 30 000 тонн в день. Японский капитал занял господствующее положение в тяжелой промышленности (железо, уголь). Японские банки играли огромную роль в деле внедрения японского капитала в Маньчжурии. Все японские предприятия в Маньчжурии пользовались китайским трудом. Ежегодно около миллиона китайцев бежало от голода и наводнений на заработки или поселялись на землях ЮМЖД. Китайцы работали, японцы получали прибыль

Арендованная территория Квантуна, в которую упирается ЮМЖД, фактически является собственной территорией Японии. Вдоль самой ЮМЖД имелась полоса отчуждения, которая также превратилась в японскую территорию, охраняющуюся японскими войсками. В эту зону входили обширные японские концессии в городах Чанчуне, Мукдене, Аньдуне, Ньючанге и др. За пределами этой зоны были расположены крупные части японской жандармерии и полиции, приписанные к японским консульствам во всех углах страны.

Все это вместе взятое служило важнейшей территориальной базой японского господства и перманентной японской интервенции в Маньчжурии. Расположенные на ней крупные японские силы проникали, таким образом, на 100 км в глубь Манчжурии. Эти политические и территориальные условия давно уже обеспечили Японии в значительной степени политический и военный контроль над Маньчжурией. Только опираясь на эту территориальную базу, японский империализм мог в течение каких-нибудь двух суток и почти без потерь захватить все важнейшие стратегические пункты Средней и Южной Маньчжурии и почти всю железнодорожную сеть, разоружить огромную массу китайских войск, ликвидировать маньчжурский арсенал и авиацию, овладеть китайскими банками и правительственными учреждениями и тем самым сразу вывести из строя и уничтожить аппарат старой китайской власти в Маньчжурии¹.

После победы гоминдановской контрреволюции в Китае в 1927 г. и укрепления связи Чан Кайши с США и европейскими империалистическими державами японо-китайский конфликт приобретает открытый характер. В 1927 г. первая Шаньдунская экспедиция японцев остановила наступление гоминдановских войск на Бейпин (Пекин) и Тяньцзин, бывшие под контролем маньчжурского диктатора Чжан Цзолина. Весною 1928 г. японцы снова вмешались в военные действия в Северном Китае, организовав вторую Шаньдунскую экспедицию.

Чжан Цзолин был тесно связан с японцами, дававшими ему оружие в кредит и займы для железнодорожного строительства. Чжан Цзолин стремился установить свою власть над всем Китаем и перевел свою главную квартиру в Пекин. Но это совсем не отвечало японским планам, и ЮМЖД отказалась перевозить его войска. Чжан Цзолин ответил на это постройкой линий железных дорог, параллельных ЮМЖД, которые могли бы отвести грузы от японской линии и от Дайрена. В 1928 г. он был убит бомбой, взорвавшейся в тот момент, когда его поезд проходил через мост, находившийся под японской охра-

¹ Терентьев, «Очаг войны на Дальнем Востоке».

ной. Его сын, Чжан Сюэлян, ставший властителем Маньчжурии, начал открыто сопротивляться японцам, присоединившись к Гоминдану и отказавшись платить проценты по займам, заключенным отцом с японцами, и поощрял налеты на японские поселения.

Цели, замыслы и планы японского империализма получили наиболее яркое выражение. в знаменитом докладе японского премьера Танака, представленном им императору Японии 25 июля 1927 г.

Этот доклад явился результатом работы специально созванной конференции для выработки планов колонизации Дальнего Востока и развития новой континентальной империи Японии. Он намечает основные линии японской политики и мероприятия для ее осуществления. В этом докладе говорится следующее:

«Договор девяти держав на Вашингтонской конференции ограничил наши специальные права и привилегии до такой степени, что мы потеряли там [в Маньчжурии и Монголии] всякую свободу. Опасность грозит самому существованию нашей страны. Если эти препятствия не будут устранены, наше национальное существование не будет обеспечено и наша национальная сила не будет развиваться. Больше того, источники богатства сосредоточены в Северной Маньчжурии. Если мы не будем иметь права туда проникнуть, ясно, что мы не сможем получить богатства этой страны. Даже ресурсы Южной Маньчжурии, которые мы завоевали в русско-японской войне, сильно ограничиваются договором девяти держав. В результате в то время, как наш народ не может по произволу селиться в Маньчжурии, китайцы переселяются туда огромными массами. Орды китайцев приезжают каждый год в три восточных провинции, их количество исчисляется миллионами. Они настолько угрожают нашим приобретенным в Маньчжурии правам, что наше ежегодное избыточное население, составляющее 800 тысяч, уже не может искать там себе убежища.

Когда был подписан договор девяти держав, ограничивший нашу свободу в Маньчжурии и Монголии, общественное мнение сильнейшим образом заволновалось,

император созвал конференцию для обсуждения мер борьбы с этим новым обязательством...

...Три восточных провинции (Фынтянь, Гирич, Хейлунцзян) являются в политическом отношении несовершенным пятном на Дальнем Востоке. Ради самозащиты и ради защиты других Япония не сможет устранить затруднение в Восточной Азии, если не будет проводить политику «крови и железа», но, проводя эту политику, мы окажемся лицом к лицу с США...

...Если мы в будущем захотим захватить в свои руки контроль над Китаем, мы должны будем сокрушить США, т.е. поступить с ними так, как мы поступили [с Россией] в русско-японской войне.

Но для того, чтобы захватить Китай, мы должны сначала завоевать Маньчжурию и Монголию; для того, чтобы завоевать мир, мы должны сначала завоевать Китай. Мир тогда поймет, что Восточная Азия наша, и не осмелится нарушать наши права.

Договор девяти держав является исключительно отражением духа торгового соперничества. Англия и Америка хотели сокрушить при помощи своих богатств наше влияние в Китае. Предложение о сокращении вооружений является лишь средством уменьшить нашу военную силу и лишить нас возможности завоевать огромную территорию Китая. При помощи этого договора Англия и Америка хотели бы сорвать наши планы...

...Еще более опасным фактом является то, что китайский народ в один прекрасный день может пробудиться. Мы должны бояться того дня, когда Китай объединится и его промышленность начнет процветать...

...Для того, чтобы завоевать подлинные права в Маньчжурии и Монголии, мы должны использовать эту область как базу и проникнуть в остальной Китай под предлогом развития нашей торговли.

Вооруженные уже обеспеченными правами, мы захватим в свои руки ресурсы всей страны. Имея в своем распоряжении все ресурсы Китая, мы перейдем к завоеванию Индии, Архипелага, Малой Азии, Центральной Азии, даже Европы. Но захват в свои руки контроля над Маньчжурией и Монголией является первым шагом...

...Транспорт — это основа национальной защиты, это гарантия победы и оплот экономического развития. ЮМЖД была построена, главным образом, для экономических целей. Не хватает окружных линий, необходимых для мобилизации и транспорта войск: Отныне мы должны преследовать военные цели и охватить окружными линиями сердце Маньчжурии и Монголии для того, чтобы можно было, с одной стороны, сорвать военное, политическое и экономическое развитие Китая, а с другой стороны, задержать проникновение русского влияния. Вот ключ к нашей континентальной политике.

Имеются две основные железнодорожные линии Маньчжурии и Монголии: КВЖД и ЮМЖД. Мы должны считаться с КВЖД. Она образует букву «Г» с ЮМЖД. Эта система не отвечает военным требованиям. Мы должны иметь под своим контролем железные дороги в Южной и Северной Маньчжурии, но если КВЖД, принадлежащая Советской России, будет развиваться в этой области, то наша новая континентальная политика получит удар, и это вызовет в ближайшем будущем конфликт с Советской Россией. В этом случае нам вновь придется сыграть ту роль, которую мы играли в русско-японской войне. КВЖД станет нашей точно так же, как стала нашей ЮМЖД, и мы захватим Гирин так, как мы захватили Дайрен.

В программу нашего национального роста входит, по-видимому, необходимость снова скрестить наши мечи с Россией на полях Монголии в целях овладения богатствами Северной Маньчжурии. Пока этот скрытый риф не будет взорван, наше судно не сможет пойти быстро вперед. Мы должны потребовать от Китая права строить важные военные железные дороги. Когда эти дороги будут закончены, мы будем всемерно наполнять Северную Маньчжурию нашими войсками. Советская Россия должна будет вмешаться, и это будет нашим предлогом для открытого конфликта.

Мы должны настаивать на постройке следующих железных дорог:

1. Тунляо-Жэхэсская дорога. Когда она будет закончена, она принесет нам огромнейшую пользу в нашей борьбе за развитие Внутренней Монголии, где имеются огромные участки для возделывания риса; монгольская шерсть гораздо лучше австралийской. Монголия является потенциальным источником огромнейшего богатства. Если мы эту промышленность будем поддерживать путем развития железных дорог, то продукция возрастет по меньшей мере в 10 раз.

Мы этот факт скрывали от остального мира, чтобы Англия и Америка не начали с нами конкурировать.

2. Солунь-Таонаньская дорога. Если мы заглянем в будущее Японии, то мы должны признать неизбежность войны с Россией на полях Северной Маньчжурии. С военной точки зрения эта дорога не только позволит нам угрожать тылу России, но и лишит ее возможности подвозить подкрепления в Северную Маньчжурию.

Вместе с Тунляо-Жэхэсской железной дорогой это будут две дороги, ведущие в Монголию.

3. Участок Чанчунь-Таонаньской дороги; эта дорога идет от Чанчуня до Далай в долине р. Сунгари. Построив эту линию, мы сможем превратить Далай в базу для наступления на Сибирь по трем дорогам: через Таонань, Аньшань и Цицикар.

4. Гирин-Хойренская линия. Гирин-Дунхуасская линия уже готова, линия Дунхуа-Хойрен должна еще быть построена.

Когда мы будем иметь в своих руках эту огромную транспортную систему, мы уже не должны будем скрывать наших намерений в Маньчжурии и Монголии.

Согласно завету Мейдзи, наш первый шаг должен был заключаться в завоевании Формозы, а второй — в аннексии Кореи. Теперь должен быть сделан третий шаг, заключающийся в завоевании Маньчжурии, Монголии и Китая. Когда это будет сделано, у наших ног будет вся остальная Азия, включая и острова Южного моря.

Мы должны будем когда-нибудь бороться с Америкой в целях самосохранения, а также для того, чтобы дать предостережение Китаю. Если Гирин-Хойренская же-

лезная дорога будет закончена, мы будем иметь большую окружную линию через всю Маньчжурию и Корею. Нам тогда никто не сможет помешать, и Японское море станет центром нашей национальной обороны. Обеспечив транспорт продовольствия и сырья, мы уже не должны будем бояться ни американского флота, ни китайской или русской армии. Мы тогда сможем подавить корейское движение.

Маньчжурия и Монголия. Раньше или позже нам придется здесь воевать с Советской Россией, и эти дивизии сформируются в две крупные армии. На юге они займут Шанхай-Гуань и защитят его от северного продвижения китайских войск. На Севере они будут защищать Цицикар от продвижения русских на юг. В наших руках окажутся, таким образом, все богатства Маньчжурии и Монголии.

Если даже война будет продолжаться 10 лет, нам нечего будет бояться недостатка в припасах и снаряжении. Маньчжурия и Монголия являются Бельгией Дальнего Востока. В наших войнах с Россией и США мы должны будем заставить Маньчжурию и Монголию перенести все ужасы войны».

Наступивший в конце 1929 г. мировой экономический кризис обострил всю систему международных противоречий капиталистических стран и еще более усилил напряженность обстановки на Тихом океане. Потрясенные кризисом державы в поисках выхода из него вступили в ожесточенную фазу борьбы за колонии, за рынки сбыта.

Борьба держав в Китае приняла особо напряженный характер. Американский и английский капитал повели наступление на цитадель японского империализма на материке — Маньчжурию. Американские капиталисты начали переговоры об организации в Северной Маньчжурии новых промышленных предприятий. Попытка американцев предоставить Чжан Сюэяну заем в 30 млн долларов на организацию мирового порта в Хулудао (Ляодунский залив), соединенного с железнодорожной сетью Маньчжурии, вызвала крайнюю тревогу в Японии, видевшей в этом прямую угрозу значению Дайрена. Американские банки

предоставляют Нанкину заем в 70 млн долларов на развитие горных предприятий и путей сообщения в Маньчжурии. Америка добивается концессии на добычу золота. Наконец США приняли участие в постройке железной дороги Солунь — Таонань, являющейся частью проектируемой японцами параллельной КВЖД магистрали: Хайлар (на КВЖД) — Солунь — Таонакь — Чанчунь — Гирин — Дунхуа — Хойрен — корейский порт Сейсин, имеющей исключительное значение для колонизации Северной Маньчжурии и агрессивных целей японского империализма.

Англичане вложили 15 млн долларов в хозяйство Маньчжурии и организовали золотые прииски на Хингане. Маньчжурская буржуазия во главе с Чжан Сюэляном охотно шла на противопоставление японцам в Маньчжурии конкурентов-империалистов в расчете использовать их борьбу для сохранения остатков своей политической и экономической самостоятельности.

В 1930 г. мировой экономический кризис со всей силой поразил Японию вследствие ее громадной зависимости от внешних рынков, торговля Японии с Китаем сократилась в течение года на одну треть, за первое полугодие 1931 г. еще на 25%. Резко сократились закупки США. К июню 1931 г. около половины японских фабрик и заводов были остановлены. Существование городского населения зависело от трех основных отраслей: судоходства, шелковой и текстильной промышленности. Мировой кризис лишил суда грузов и снизил цены на шелк и хлопчатобумажные ткани. Китайцы объявили бойкот японским товарам, а английские доминионы защитились таможенными барьерами. Около половины населения Японии занимается земледелием, обрабатывая небольшие участки; арендная плата увеличилась, цены на рис поднялись. Крестьянское хозяйство дошло до катастрофического состояния. Количество безработных достигло двух миллионов.

Обострив революционную борьбу в Китае, кризис активизировал захватнические планы мировой буржуазии в Китае и, что самое главное, кризис еще больше обострил антисоветские тенденции мировой буржуазии, мечтающей о переключении японской интервенции в Маньчжурии в интервенцию против СССР.

Выход из тяжелого внутреннего кризиса Япония видела в осуществлении захвата Маньчжурии, рассчитывая на слабость дезорганизованного Китая, на ослабление, в связи с кризисом, своего главного соперника США и на поддержку французского империализма.

Как известно, в 1927 г. Чан Кайши создал нанкинское правительство, объявив себя президентом Китая. В своей политике он опирался на купцов и землевладельцев и заключил ряд договоров с признавшими его иностранными державами. Стремясь получить иностранные займы, он предоставил иностранцам право приобретать землю в Китае. Объявив себя преемником Сунь Ятсена и сторонником его «трех принципов», он распустил рабочие профессиональные союзы и объявил коммунистическую партию вне закона.

Положение рабочих и крестьян с установлением правительства Чан Кайши ни в чем не изменилось. Для них он был такой же генерал, как и другие, только более сильный и жестокий. Гоминдан был его орудием для эксплуатации масс.

В провинциях, находившихся под его властью, налоги были самые тяжелые, заработная плата — самая низкая, солдаты его также беспощадно грабили население. То, что Нанкинское правительство предоставило право иностранцам приобретать землю в Китае, что столица перестраивалась американскими архитекторами, а армия реорганизовывалась германскими офицерами, не улучшило положение крестьян и рабочего класса. Они не видели осуществления трех принципов, и реформы Чан Кайши не были теми, ради которых многие рабочие присоединились к Гоминдану в 1925–1926 годах. Китай по-прежнему раздирался междоусобицами. В Маньчжурии Чжан Цзолин проводил независимую политику, на юге группировалась оппозиция нанкинскому правительству. Недовольные генералы в мае 1931 г. создали в Кантоне гоминдановское (левое) правительство. Китайская коммунистическая партия, подвергнутая Чан Кайши жесточайшим репрессиям, все же не была разрушена. Коммунистические ячейки, созданные во время Северного похода Гоминдана, возобновляли свою деятельность, как только те

или иные районы оказывались вне досягаемости для репрессий. Их деятельность если не разрешала, то облегчала крестьянскую проблему голода и наводнений, и вскоре обширные районы Центрального Китая оказались под властью Советов. Насколько широко распространялась Советская власть, свидетельствуют слова иностранных наблюдателей.

«Когда я прибыл в Китай в 1931 году, — говорит сэр Джон Хоп-Симпсон, — там имелось Советское правительство, под властью которого находились значительные части провинции Хубей и некоторые районы в Хэнане и других местах. Это правительство существовало по крайней мере шесть лет и было так хорошо организовано, что имело монету собственной чеканки и собственное банкнотное обращение, собственную телефонно-телеграфную сеть, собственные школы и больницы и, разумеется, собственную армию. На северном берегу Янцзы, приблизительно в 60 милях к западу от Ханькоу, на столбе была сделана крупными китайскими буквами надпись: “Здесь начинается территория Советского правительства Китая”. Начиная с этого места на запад, по реке выше чем на 150 миль, тянулась советская территория».

Говоря о советской территории к югу от Янцзы, другой наблюдатель, А. Д. Тойнби, указывает на «распространяющуюся зону коммунистической территории». По обе стороны водораздела между бассейном р. Янцзы и Южного Приморья — это барьер, который в настоящее время все более изолирует Кантон от Нанкина¹.

На борьбу против империализма и его послушного орудия — гоминдановского правительства, предавшего интересы трудящихся поднимались многомиллионные массы. Буржуазно-помещичья китайская контрреволюция, под давлением Америки и для отвода глаз трудящихся, создавала видимость борьбы против Японии, но в действительности мобилизовала все силы для борьбы с китайскими Советами. 4-й Съезд Гоминдана постановил «продолжать кампанию по подавлению коммунистического движения, несмотря на серьезность положения в Маньч-

¹ Джексон, «Послевоенный мир».

журии», и заявил о «нецелесообразности использования для посторонних целей¹ армий, предназначенных для борьбы с коммунистическим движением».

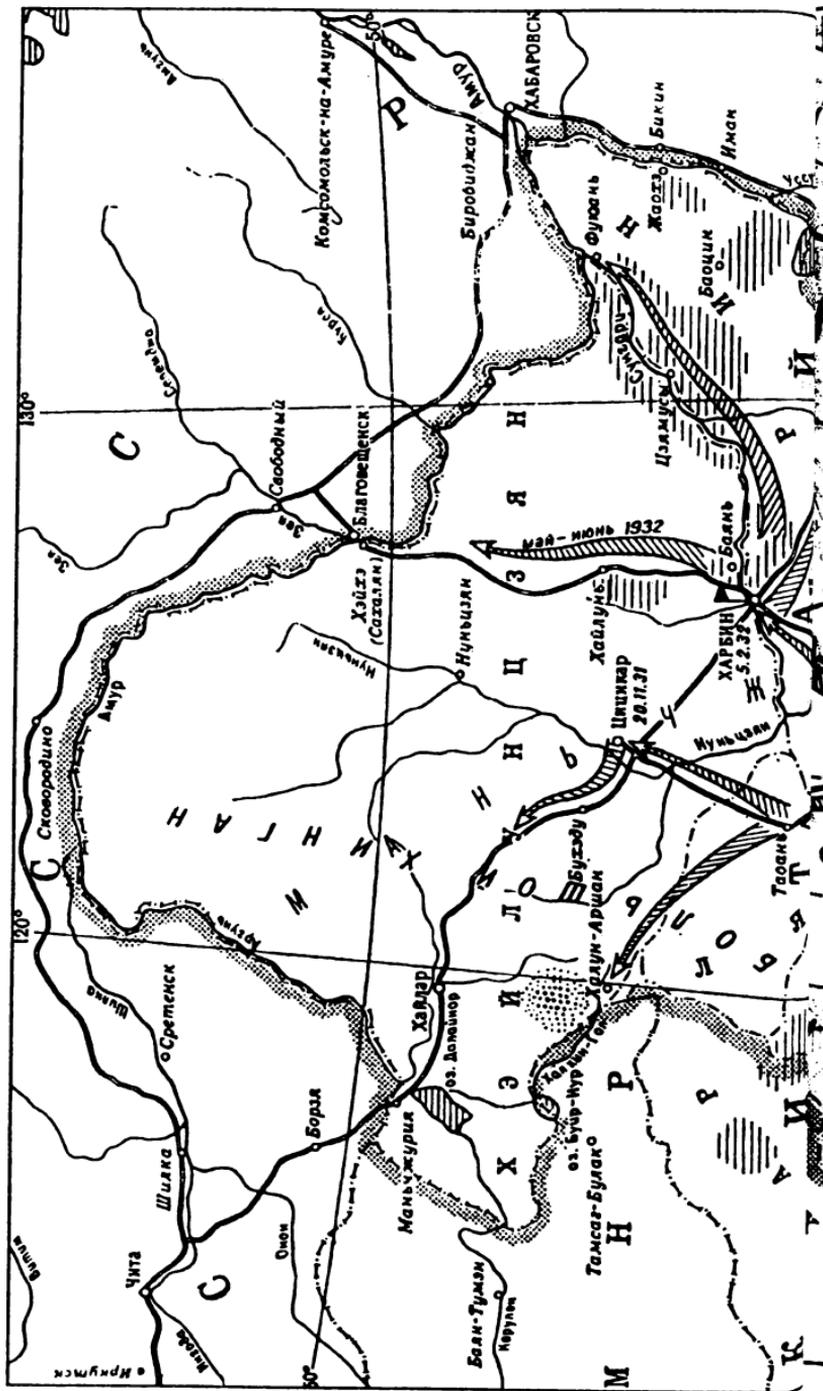
Военный переворот в июне 1931 г., отставка Чан Кайши и приход к власти «левых» кантонских гоминдановских лидеров не изменили позиции гоминдановской контрреволюции. Красная армия, разгромив в третий раз карательные войска нанкинское правительства и разбив на голову 15 гоминдановских дивизий, повела широкое наступление, вновь захватила оставленные под натиском 300-тысячной нанкинской армии районы и быстро расширяла Советские территории. В долине р. Янцзы Красная армия висела над Ханькоу. Наньчан — столица провинции Цзянси — охвачен был кольцом смыкавшихся Красных армий. На юге Красные армии Чжу Дэ и Мао Цзедуна вступили в провинцию Гуандунь и продвигались к Кантону.

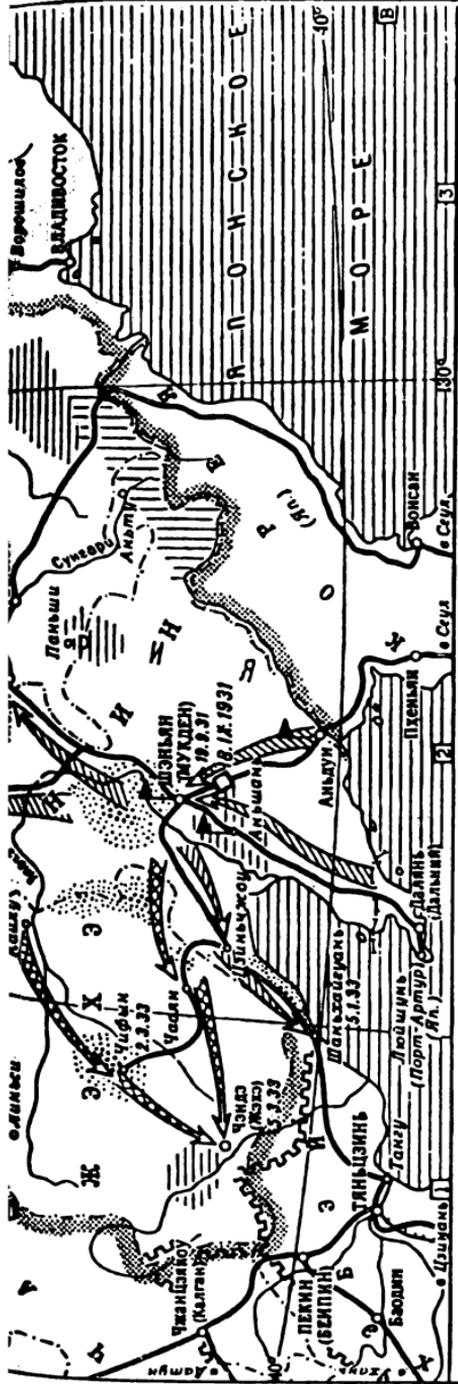
II. Захват Маньчжурии и образование Маньчжоу-Го

По заданию Японии Ши Юсян начал войну против Чжан Сюэяна, который двинул против него значительные силы. Этим и воспользовались японцы для захвата Маньчжурии. Чжан Сюэян находился в этот момент с частью своей армии в Бейпине. (Провинция Хубей была оккупирована его войсками с 1930 г.). Взрыв бомбы на ЮМЖД послужил сигналом для выступления Японии.

Без объявления войны, без всяких дипломатических предупреждений, в ночь на 19 сентября японские войска, находившиеся в полосе отчуждения ЮМЖД, усиленные крупным десантом через порт Ньючванг, после шестичасового боя с военными силами Чжан Сюэяна, заняли столицу Маньчжурии — Мукден. В первые же дни японцами был оккупирован весь район, прилегающий к Южно-Маньчжурской, Мукден-Аньдунской и Гирин-Чанчуньской железным дорогам с городами Мукденом, Чанчунем, Гирином, Аньдуном и Инкоу (Ньючванг). Один из

¹ Т.е. для борьбы с японцами.

□ 18.IX.1931
 Разрушение полотна Южно-Маньчжурской железной дороги — начало вторжения японских империалистов в Северо-Восточный Китай

→ Основные направления действий японских войск в Северо-Восточном Китае в 1931—1932 гг.

→ Направления действий японских войск в провинции Жэхэ в 1933 г.

Граница наркометочного государства Маньчжоу-Го, образованного в марте 1932 г. (провинция Жэхэ присоединена в 1933 г.)

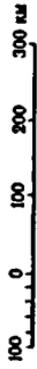
Районы, в которых части китайской армии оказали сопротивление японским войскам

Районы действия партизанских отрядов:

китайских

корейских

Важнейшие центры антияпонского движения на территории оккупированной Японии

Захват Маньчжурии японцами в 1931—1933 годах

американских очевидцев этих событий телеграфировал в Нью-Йорк, что цель Японии — установить марионеточное независимое правительство Маньчжурии под японским контролем.

В момент захвата японцами Мукдена в Женеве заседал Совет Лиги Наций, в котором были представители Японии и Китая. Китай сразу же обратился к Лиге Наций на основании статьи 11-й ее Устава. Совет Лиги Наций постановил, что японские войска должны быть уведены из Маньчжурии не позже 16 ноября. На этот жест Лиги Наций Япония не обратила никакого внимания.

8 октября произошла первая воздушная бомбардировка города Цзиньчжоу (на границе Маньчжурии и собственно Китая), куда в это время эвакуировалось Мукденское правительство. В течение октября — ноября японцы развернули операции против командующего китайскими войсками в Цицикарском районе генерала Ма с целью расширить сферу японской оккупации в северном направлении. Эта операция завершилась захватом японскими войсками Цицикара 18 ноября 1931 г (на линии КВЖД).

В начале ноября 1931 г. состоялся I Всекитайский съезд Советов в Цзянси. Во время этого съезда советские территории уже охватывали 800 000 кв. км с населением 80–85 млн человек. I съезд Советов избрал Временное правительство Китайской Советской республики, провозгласив тесную дружбу и союз Китайских Советов с СССР. Временное правительство китайской Советской республики в единогласно принятом Съездом манифесте к трудящимся и правительствам всех стран провозгласило свою программу: немедленная отмена всех неравных договоров, аннулирование всех иностранных займов, безоговорочная эвакуация всех оккупированных империалистами территорий Китая, а также концессий, немедленное удаление с китайской территории всех вооруженных сил империалистов, конфискация иностранных промышленных и торговых предприятий и банков.

Временное правительство Китайской Советской республики призвало трудящиеся массы Китая к вооруженной борьбе под знаменами Советов за полный разгром Гоминдана и империалистов.

Начатая японцами оккупация Маньчжурии и бойкот японских товаров в Китае привели к потере японцами значительной части китайского рынка. До оккупации Маньчжурии Япония в торговле с Китаем занимала первое место, в октябре 1931 г. заняла пятое место. В одной только долине Янцзы убытки Японии достигли 100 млн иен. Больше всего пострадала японская текстильная промышленность.

С началом оккупации четыре пятых всего производства текстильных товаров идет на склады вследствие отсутствия сбыта. В начале ноября японские фабриканты закрыли 40 хлопчатобумажных фабрик, расположенных в центральном Китае, на которых работало 85 тысяч человек. Бойкот японских товаров в Китае повлек за собой увеличение китайских заказов на ланкаширские ткани. В результате экономический кризис в Японии продолжал углубляться, вызывая новые сокращения рабочих и служащих и повышение налогов.

Со второй половины ноября главный театр военных действий переместился в южную Маньчжурию. Японские войска начали продвижение вдоль Мукден-Шанхайгуаньской железной дороги с целью вытеснить за пределы Маньчжурии расположенные здесь военные силы Чжан Сюэляна и вместе с тем разгромить возникшее движение китайских партизан.

Приостановленное в конце ноября вследствие дипломатического вмешательства Америки (формально поддержанной на этом этапе Англией и Францией), это наступление возобновилось ускоренным темпом в конце декабря.

В декабре 1931 г. восстановились советско-китайские отношения. Японское правительство упорно отказывалось от подписания предлагавшегося СССР в декабре пакта о ненападении. Японские военные круги считали, что овладение советским Приморьем и Камчаткой необходимо ввиду последующего неизбежного столкновения Японии с Соединенными Штатами, что советский Дальний Восток должен быть превращен в плацдарм для нанесения удара на Аляску. Другая причина — это стремление к овладению естественными богатствами и к эксплуатации советской

территории. Третья причина — революция в Китае, надвигающаяся революция в Японии и ненависть правящих кругов Японии к СССР как «первопричине» угрожающей революции¹.

Насилия японских оккупантов над населением Маньчжурии, жестокие расправы с непокорными, открытый грабеж китайского населения, расстрелы и уничтожение целых деревень и рабочих поселков вызвали среди населения широкое антияпонское движение. Наиболее организованное и массовое антияпонское движение проявилось в южной Маньчжурии вокруг крупных рабочих центров. К концу 1931 г. партизанские отряды действовали по всей линии Бейпин—Мукденской железной дороги и ЮМЖД. Слабые японские гарнизоны тонули в этом враждебном море, не смея вылезать из укрепленных районов. Беспрерывные нападения партизан на железнодорожные станции и поезда подрывали авторитет японской армии в глазах мирового общественного мнения, убеждавшегося в неспособности японцев «установить порядок»².

В связи с намечаемой операцией по захвату провинции Жэхэ японское командование предварительно предприняло ряд действий для разгрома и уничтожения партизанских отрядов по заранее разработанному плану, сначала в районе Мукден—Инкоу, а затем в районе Гаубандзы—Иджоу. В операции участвовали 2-я пехотная дивизия и три бригады (8-я, 38-я, 39-я), бронемашины, танки и авиация. 22 декабря 1931 г. начался первый поход против партизан на Фукумынь, где оперировали 6—7000 партизан с двумя-тремя орудиями. Против них была направлена 39-я смешанная бригада, которая, наступая с трех сторон, должна была окружить и уничтожить партизан, а курсирующие по железной дороге шесть бронепоездов должны были не допускать отхода партизан на восток.

Наступление японских сил шло мелкими отрядами, за линией которых в 10—12 км двигались главные силы. На-

¹ Н. Терентьев, «Очаг войны на Дальнем Востоке».

² Бушманов, «Боевые действия японской армии в Маньчжурии и Шанхае в 1931—1933 гг.»

значение мелких отрядов было нащупать противника, завязать бой и притянуть на себя все его силы, а в это время главные силы японцев быстрым маневром во фланги и тыл противника окружают и уничтожат его. Китайские партизаны скоро разгадали японскую тактику и, энергично атакуя на мелкие отряды, мгновенно уходили или рассеивались по деревьям, как только обозначалось выдвижение главных японских сил.

После ряда таких столкновений японцы заняли Фукумынь, не окружив и не уничтожив ни одного партизанского отряда, часть партизанских отрядов ушла в Жэхэ, а большая часть их рассеялась по деревьям и после прохода японских войск возобновила свои действия.

Одновременно с 39-й бригадой действовала 2-я японская дивизия в районе между ЮМЖД и рекой Ляохэ. Она повела наступление на Нъючжуань, где находилось до 6000 партизан, которые применили тот же метод, как и против 39-й бригады, легко уйдя из окружения в северо-западном и восточном направлениях. Первый поход против партизан не принес успеха, и 25 декабря 2-я дивизия сосредоточилась в Инкоу. Усиление репрессий против мирных жителей вызвало еще большее возмущение китайского населения.

В последних числах декабря 2-я пехотная дивизия начала наступление на Гаубандзы, ведя передовыми отрядами бои с партизанами. Одновременно с севера по Маньчжурской дороге к Гаубандзы двигалась 39-я бригада, заняла Синминтин, задержалась на сутки у Дагушаня, где партизанами был взорван мост, и к 1 января авангард подошел к мосту через реку Далин-Хэ, также взорванному китайцами, что задержало движение 39-й дивизии на трое суток. Только 3 января главные силы Северного отряда (38-я и 39-я бригады) заняли без боя Цзиньчжоу. 8-я бригада получила задачу охраны крупных городов и железной дороги южнее Мукдена, 2-я пехотная дивизия, составляя резерв командующего армии, осталась в районе Гаубандзы.

4 января 1932 г. 38-я бригада выступила по железной дороге на Шанхай — Гуань, а 39-я бригада задержалась в Цзиньчжоу с целью произвести очистку этого района от

партизан. Во время этой операции 9 января у Цзиньси партизанами был почти полностью уничтожен японский кавалерийский отряд.

В то же время части 2-й дивизии не прекращали боев с мелкими партизанскими отрядами, наводнившими весь тыл дивизии; разбросанные части 8-й бригады не могли справиться с задачей охраны тыла. Отдельные партизанские отряды достигли в этот период значительных успехов:

4 января двухтысячный отряд партизан разгромил станцию Синминтин, прорвав сообщение Мукдена с Изиньжоуской группой. 6 января около шести-семи сотен партизан заняли северную окраину Мукдена.

7 января партизанский отряд занял Телин, прервав сообщение Мукдена с севером. На следующий день многотысячный отряд партизан произвел налет на станцию Гаубандзы в центре расположения 2-й пехотной дивизии.

10 января партизаны разгромили станцию Дагушань. Инкоу и Дашичао были под угрозой захвата партизанами¹.

Успешная борьба партизан сорвала японский план захвата провинции Жэхэ и заставила японское командование перераспределить заново силы для обороны ЮМЖД и важнейших районов, повести упорную длительную борьбу с партизанами. Лишь к концу января японцам удалось очистить ЮМЖД от партизан, отеснив их в горные районы, и тем освободить главные силы армии для операции против Харбина, служившего, помимо своего крупного экономического значения, центром анти-японского движения.

Несмотря на огромный размах партизанского движения, отсутствие единого руководства и твердой организации мешало достигнуть решительных успехов в борьбе с японцами.

Разнородность и пестрота партизанских отрядов, действовавших на свой страх и риск, наличие генеральских отрядов, прикрывавшихся званием партизан, занимавшихся мародерством и, наконец, лжепартизанские от-

¹ Бушманов, «Боевые действия японской армии в Манчжурии и Шанхае в 1931–1933 гг.».

ряды, сформированные японцами с целью дискредитации партизанских отрядов в глазах населения — все это сильно вредило партизанскому движению и создавало огромные трудности для организации партизанской борьбы.

Наиболее сильное ядро составляли отряды революционных рабочих, руководимые коммунистами или находившиеся под влиянием компартии. Эти отряды были более дисциплинированы и смело вступали в бой с японскими частями.

Для руководства партизанским движением в Маньчжурии Компартия Китая направила тысячи самоотверженных коммунистов, которым удалось создать мощные революционные партизанские армии, продолжающие героическую борьбу и по сей день.

2 января 1932 г. японские войска заняли Цзиньчжоу и тем самым прекратили существование Мукденского правительства на маньчжурской территории. Разгромленные отряды китайских войск, запертые в северной Маньчжурии, в дальнейшем либо стали партизанами, либо передались на сторону Японии.

5 января японцами был занят порт Холудао в Ляодунском заливе, а 7 января японские войска подошли к Великой стене у Шанхай-Гуаня и овладели главными воротами, ведущими из Маньчжурии в собственно Китай.

В течение января 1932 г. началась подготовка к захвату японскими войсками Харбинского района¹. Как и перед захватом Цицикарского района, японское командование сначала использовало военные силы своих ставленников, китайских генералов, а когда этих сил оказалось недостаточно, двинуло свои войска. Продвигаясь вдоль КВЖД, японские силы, насчитывавшие 100 000 человек, в феврале достигли Харбина и распространялись на восток и запад по линии КВЖД. В дальнейшем Харбин превратился в одну из главных баз японских оккупационных сил, откуда в течение всего года совершались во всех направлениях экспедиции для борьбы с китайскими партизанами и остатками китайских войск.

¹ В это же время готовился удар на Шанхай с моря.

С занятием Харбина в японских руках оказались все крупные торговые и политические центры Маньчжурии и вся система железных дорог. Захват Харбина показывал, что дальнейшее распространение зоны японской оккупации на север тесно связано с антисоветскими устремлениями японских военных кругов. Японскими войсками ускоренным темпом достраивается Гирин-Хойренский участок проектируемой магистрали Сеймсин—Хайлар, начата постройка железной дороги Чанчунь—Далай.

Японские военные власти захватили арсеналы, склады оружия, авиацию, конфисковали денежные средства транспортных, промышленных предприятий и банки.

Военная оккупация Маньчжурии японцами с самого начала сопровождалась политическим закреплением их господства. Они повсеместно ликвидировали прежнюю маньчжурскую администрацию, создавая местные органы якобы «независимой» Маньчжурии из своих агентов или старых подкупленных чиновников, захватывая и ставя под свой контроль все командные высоты маньчжурского хозяйства и административный аппарат.

В конце февраля в Мукдене была созвана конференция новых местных правительственных органов, и 1 марта 1932 г. было официально объявлено об образовании «независимого» Маньчжурского государства — «Маньчжоу-Го».

В этом новом государстве в каждом ведомстве имелись японские советники, и его военной силой была японская армия. Свергнутый император маньчжурской династии Пу И, в течение многих лет живший под охраной японцев, сделан был главой этого нового государства.

10 марта 1932 г. Маньчжоу-Го разослало державам извещение с предложением признания. Признание Маньчжоу-Го японскими хозяевами последовало не сразу — японской дипломатии надо было прощупать международную обстановку. Только 15 сентября 1932 г. это признание было оформлено в виде японо-маньчжурского протокола, по которому Маньчжоу-Го подтверждало все права и интересы Японии на территории Маньчжурии и санкционировало пребывание на ней японских войск.

В связи с мировым экономическим кризисом в странах капитализма и успешным выполнением плана первого года первой пятилетки, 1930–1932 г. г. были временем бешеной антисоветской кампании, призывов к «крестовому походу» против СССР, воплей о советском «демпинге», попытки организации экономической блокады.

В развитии событий в Маньчжурии и Китае, при всей направленности борьбы империалистов вокруг раздела Китая и обострений их противоречий, характерной чертой является поддержка Японии в Маньчжурии не только Францией и Англией, но даже непримиримым противником Японии — Соединенными Штатами. Все они единодушно прилагали усилия, чтобы побудить Японию к прямому нападению на СССР в надежде, что японские вооруженные силы нанесут решающий удар социалистическому строительству СССР, и тем будет сорван пятилетний план. Об этом неустанно твердила вся иностранная печать.

«В огромном хаосе желтого Востока одна Япония представляет организованное государство, действующую силу цивилизации, способную прикончить страшную Советскую державу, уязвимую в Сибири». («Либерте»).

«Если Россия будет вовлечена в войну даже в малой степени, то она будет вынуждена отказаться от пятилетки, которая причинила столько забот Соединенным Штатам». («Уорд Телеграф»).

Высказывания японской прессы ярко отражали захватнические планы японских капиталистов, рассматривавших советский Дальний Восток как свою добычу, овладение которой является только вопросом времени и должно последовать тотчас по укреплении японского господства в Маньчжурии. Захват Маньчжурии Японией еще более обострил японо-американский конфликт на Тихом океане.

Американская буржуазия ясно сознавала, что окончательное закрепление Японии в Маньчжурии резко изменило бы стратегическую обстановку на Тихом океане в невыгодную для США сторону. Обладание Японией обширным тыловым плацдармом на азиатском материке почти исключало возможность блокады ее, а на блокаде

строились планы США борьбы с Японией. Однако, не будучи в состоянии помешать захвату Маньчжурии ввиду открытой поддержки Японии Францией и Англией и ослабленного кризисом положения Америки, американская дипломатия пока что ограничивалась меморандумом Японии, в котором она напоминала ей о договоре девяти держав, а после взятия японцами Цзиньчжоу и Шанхайгуаня правительство Соединенных Штатов заявило, что оно не может считать законным никакое создавшееся в Маньчжурии положение и не намерено признавать никаких соглашений, могущих причинить ущерб правам США в Китае, связанным с суверенитетом, независимостью или территориальной или административной целостностью Китайской республики.

III. Шанхайская операция

Маньчжурские события всколыхнули широчайшие массы, вызвали огромный подъем национально-революционных настроений в Китае. Они способствовали дискредитации гоминдановской реакции, проявившей саботаж в деле обороны Маньчжурии, углубили революционный кризис в стране и вызвали массовое движение антияпонского бойкота.

Хотя маньчжурский рынок фактически монополизирован Японией, но за этот успех Япония заплатила потерями на китайском рынке. Вывоз в Центральный Китай сократился вдвое, в Южный Китай до одной трети.

Дальнейшее углубление экономического кризиса в самой Японии, мероприятия СССР, направленные к сохранению мира и укреплению своего положения на Дальнем Востоке, опасения пред все разраставшимся революционным движением в Китае и бойкотом японской торговли в Китае толкали Японию на дальнейшие захваты на юге. Главным объектом японской агрессии в Китае на втором этапе становится Шанхайский район, куда Япония подготовляла удар морским путем. Захват Шанхайского района, расположенного в устье реки Янцзы, мог создать для японцев базу для дальнейшего продвижения вверх по этой глав-

ной водной артерии Китая в китайские советские районы, в области, где действовала китайская Красная армия. Она располагала уже 100 000 бойцов, объединенных в 3 армейских соединения в составе 12 корпусов, расположенных, главным образом, в провинциях Хубей, Хунань и Цзянси (а также 7 отдельными корпусами в Гуандуне, Фуцзяне и Чжезяне). Наряду с Красной армией существовала еще крестьянская Красная гвардия.

Операционное направление на Шанхайский район, кроме того, давало Японии возможность оказывать непосредственное давление на Нанкин — местопребывание так называемого «национального китайского правительства». Это же направление выводило бы японские силы в богатейшие внутренние области долины р. Янцзы, в которых были сосредоточены значительные экономические интересы — как японские, так и прочих империалистов.

Бассейн реки Янцзы, протяжением в 4500 км, охватывает ряд прилегающих провинций и, сообщаясь каналами и железными дорогами со всем Китаем, имеет исключительное значение во всей экономике Китая, две трети внешней торговли страны ведут провинции, расположенные на реке Янцзы; около половины всего населения (200 млн человек) Китая живет в провинциях, прилегающих к этой реке.

Начинаясь в горах северо-восточной части Тибета, река впадает в море в нескольких милях от Шанхая. Последние 2800 км Янцзы протекает среди равнин. Глубина реки позволяет речным канонеркам подниматься вверх по течению на 3000 км от устья. На р. Янцзы расположен Нанкин, столица и вместе с тем китайская база с ремонтными средствами, складами и морскими учебными заведениями; города Ухань, Цзюцзянь, Ханькоу, важный торговый порт и средоточие иностранных концессий, Ичан и Чунцин. Между Ханькоу и Цзюцзянем находятся крупные японские железопрокатные заводы, перешедшие к японцам от немцев, а в нескольких милях от заводов японцы добывают уголь и железную руду. В Ханькоу, в пределах иностранных концессий, расположены склады запасов для иностранных военных кораблей.

Ширина реки в районе Ичана достигает 2 км, в среднем течении до 9 км, в нижнем течении до 16 км¹.

Шанхай один из 5 крупнейших портов мира и является важнейшим портом Китая. Он расположен на реке Вампу, притоке Янцзы, в 12 милях от нее. Все богатства сосредоточены в международном квартале, население его свыше миллиона, управляется он консульским корпусом из представителей 19 держав, включая Японию. К югу от международного квартала (сеттльмента) находятся французская концессия и китайский туземный квартал (Путун). К северу и ближе к реке Янцзы расположен китайский квартал Чапей и конечный пункт железной дороги из Нанкина. Вход в устье реки Вампу защищен фортами Вусунга.

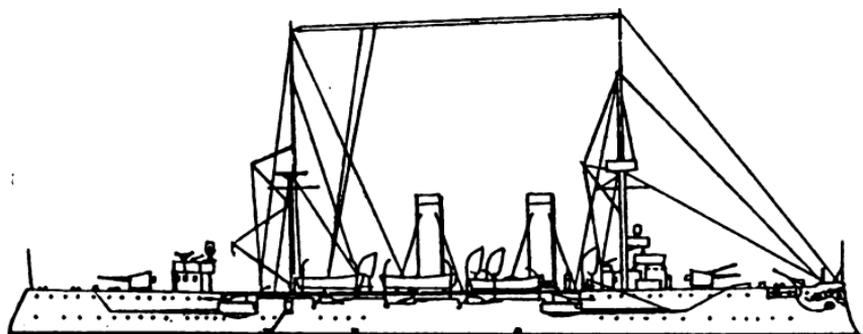
При ширине у устья 4 каб. и в районе Шанхая 2,5 каб. река Вампу имеет хорошо оборудованный фарватер, углубленный до 32 футов и позволяющий подходить к многочисленным пристаням Шанхая большим океанским пароходам.

Шанхай располагал несколькими судостроительными и ремонтными верфями, главным образом иностранными, которые могли строить суда до 10 000 тонн. Здесь же находился китайский правительственный Цзяннаньский «морской арсенал», строивший и военные корабли.

Связанный, кроме китайских портов, регулярными пароходными рейсами с Японией, США, Филиппинскими островами, Голландской Индией (Индонезией), Австралией и Европой через Гонконг и Сингапур, Шанхай являлся оживленным торговым портом мирового значения. Подходы к нему с моря являются в западной части Тихого океана узлами морских сообщений исключительной важности как для товарооборота самого Китая, так и между Китаем и всем миром.

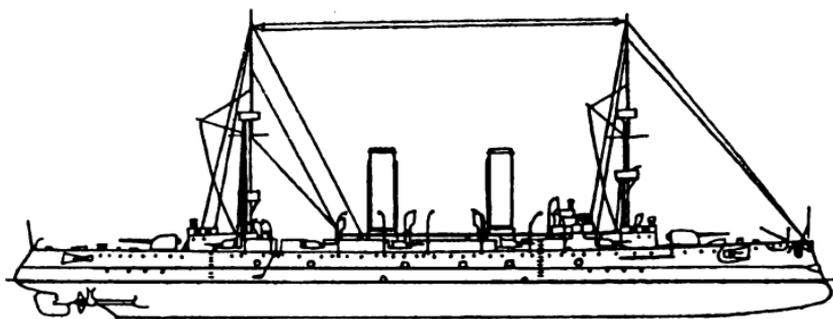
Несмотря на исключительную важность для Китая его морского побережья и морских коммуникаций, несмотря на то, что все вторжения империалистов в Китай шли с

¹ Описание изложено по статье В.Е.Ш. «Речные и прибрежные театры Китая и Шанхайская операция японцев» («Морской сборник», 1932, № 2).

Крейсер «Хай-Шен».

Водоизмещение 2950 т, скорость 19,5 узлов. Вооружение – три 152-мм, восемь 105-мм и шесть 47-мм орудий, три 354-мм торпедных аппарата. Бронирование – 32 мм палуба, 71 мм скосы, 51 мм щиты орудий. Вместе с однотипными кораблями «Хай-Чжоу» и «Хай-Юн» построен в Германии в 1897–1898 годах. Все три корабля потоплены японцами в августе 1937 года

Крейсер «Хай-Чи».

Водоизмещение 4370 т, скорость 24 узла. Вооружение – два 203-мм и десять 120-мм орудий, двенадцать 47-мм и четыре 37-мм противоминные пушки, пять 456-мм торпедных аппарата. Бронирование – палуба 38 мм, скосы 127 мм, рубка 152 мм, орудийные щиты 152 и 54 мм. Построен в Англии в 1898 году для Северной флотилии, разрушен в 1930 году, потоплен в 1937 году в устье Янцзы

моря, полуфеодальный, полуколониальный Китай не смог создать флота, способного оказать интервентам реального сопротивления. Пути развития китайского флота в значительной степени намечались самими империалистами, посылавшими для его организации военно-морские миссии и отдельных инструкторов и советников.

Конечно, не в интересах империалистов развивать китайскую промышленность и обеспечивать Китай от интервенции с моря, и потому неудивительно, что китайский флот не имел таких эффективных средств как подлодки, что китайская авиация находилась в зачаточном состоянии и не развита береговая оборона. Суда устарелые, с разнокалиберной артиллерией.

Хотя китайский флот плавает под единым флагом и формально подчинен единому (нанкинскому) морскому министру, но в действительности он расчленен на местные эскадры, часто враждебные друг другу.

Состав и дислокация китайского флота¹

	Крейсера	Сторожевые корабли	Капонерки	Эсминцы	Миноносцы	Речные канонерки	Авиагранспорт
Нанкинский флот							
1-я эскадра (база Нанкин)	2	2	1	—	—	4	—
Речная флотилия (Ханькоу и Чунцин)	—	—	—	—	—	—	—
2-я эскадра (Фуцзянь)	—	2	15	1	—	2	2
Дивизия эсминцев	—	—	—	1	8	8	1
Учебный отряд (Шанхай)	2	—	—	—	1	—	—
4-я эскадра (Кантон)	1	1	—	—	—	—	—
Мукденские силы							
3-я эскадра (Циндао)	3	1	1	1	—	3	1

¹ Шведе, «Военные флоты 1932».

Состав японского флота по соединениям

	Линкоры	Линейные крейсера	Крейсера	Эсминцы	Подводные лодки	Авианосцы	Канонерки
1-я эскадра	3	1	3	15 ¹	6	1	—
2-я эскадра	—	—	7	4 ²	9	3 ³	—
Китайская эскадра	—	—	2	4 ⁴	—	—	8 ⁵
Учебные отряды	1	—	6	17	5	—	—
Учебный отряд подводного плавания	—	—	1	4	8	—	—

24 января 1932 в связи с высадкой японского десанта в Шанхае сюда прибыли:

— крейсер «Охи» (5500 т, 33 узла, семь 140-мм орудий, два 88-мм зенитных орудия).

— 4 эсминца 15-го дивизиона (по 850 т, 31,5 узла, три 120-мм орудия, четыре торпедных аппарата).

— авиатранспорт «Ноторо» (15 000 т, 12 узлов, 20—30 самолетов).

В начале февраля была организована 3-я эскадра в составе 10 крейсеров, 24 эсминцев, 3 авианосцев, 11 канлодок, с общим числом 210 орудий судовой артиллерии, и десант морской пехоты в 8000 человек с 48 орудиями сухопутной артиллерии. Перевозки сухопутных войск из Японии

¹ 1-я флотилия эсминцев: 13-й, 15-й, 16-й и 27-й дивизионы. При флотилии один крейсер. (Прим. ред.)

² 2-я флотилия эсминцев: 11-й и 12-й дивизионы. При флотилии один крейсер. (Прим. ред.)

³ Из них — один авиатранспорт. (Прим. ред.)

⁴ 9-й дивизион эсминцев, при нем один крейсер. (Прим. ред.)

⁵ При канонерских лодках — один эсминец. (Прим. ред.)

в Шанхайский район производились под прикрытием 2-й эскадры.

Она была привлечена (29 ноября) и для обеспечения высадки десанта у Люхэ. 1-я эскадра держалась в боевой готовности на случай выступления США.

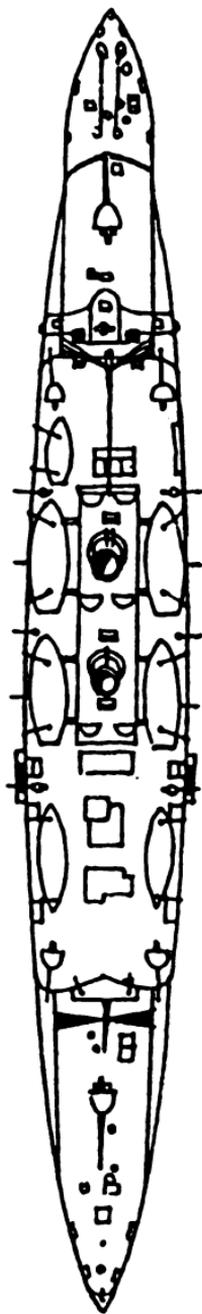
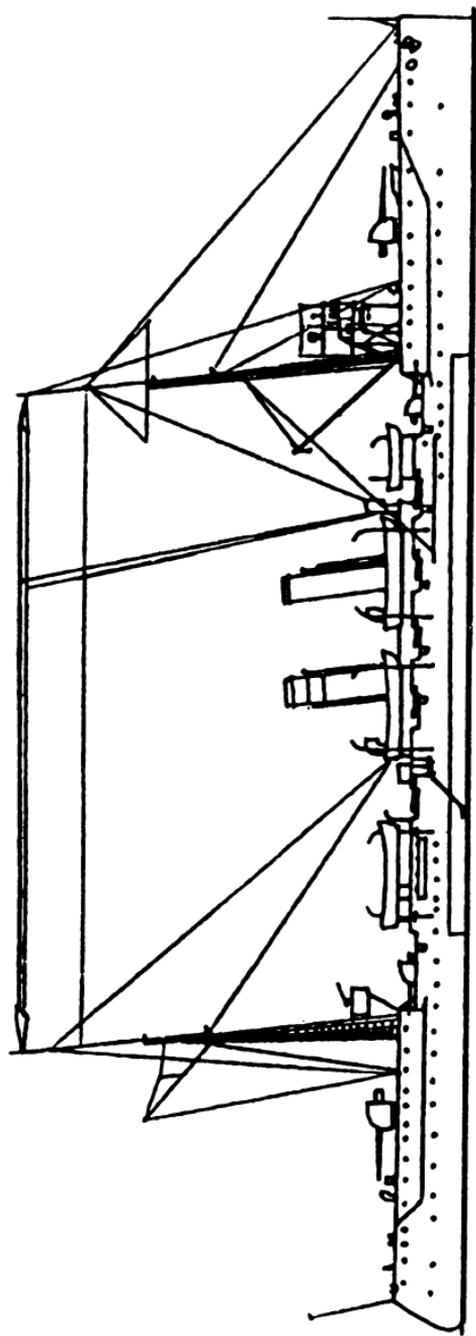
В Шанхае находились 3 английских крейсера и 6500 человек войск, 15 американских военных судов и около 6000 человек войск, 1500 французских солдат и до 3000 солдат других стран.

По мере порабощения отдельных районов китайской территории иностранными державами они для поддержания своей захватнической политики стали держать в китайских водах постоянные морские и речные вооруженные силы, а в концессиях и сеттльментах — сухопутные части. В последние годы в составе дальневосточных эскадр империалистов значительную роль стали играть воздушные силы на авианосцах или авиатранспортах (до 10 кораблей этого класса).

При наличии морских и речных сил империалистов, постоянно базирующихся на побережье Китая или расположенных на речных артериях, борьба флотов интервентов с береговыми батареями в устьях рек перестала являться неизменным спутником интервенции.

Экспедиции империалистов на Янцзы в 1927 г. и 1930 г. в связи с Северным походом Гоминдана и образованием Советского Китая не вызывали необходимости борьбы с китайскими фортами в устьях рек, как это имело место в предшествующих нападениях империалистов. Интервенция империалистов 1927 г., имевшая своей политической целью борьбу с китайской революцией, протекала, главным образом, в нижнем и среднем течениях р. Янцзы. Однако ввиду осложнения военно-политической обстановки Англия сосредоточила в этом году на Дальнем Востоке до 100 кораблей, в том числе 13 крейсеров, 20 эсминцев, 12 подлодок.

Японская агрессия в Центральный Китай началась почти одновременно с оккупацией Маньчжурии. Япония предъявила ультиматум нанкинскому правительству еще в октябре 1931 г., требуя немедленного прекращения антияпонского бойкота и угрожая суровыми репрессиями.

Крейсер «Чао-Хэ».

Водоизмещение 2750 т, скорость 22 узла. Вооружение — два 152-мм, четыре 102-мм и четыре 76-мм орудия. Бронирование — 19 мм палуба, 76 мм скосы и рубка. Вместе с однотипным «Цзин-Сюэй» построен в Англии в 1911 году. Оба корабля потоплены на реке Янцзы в 1937 г.

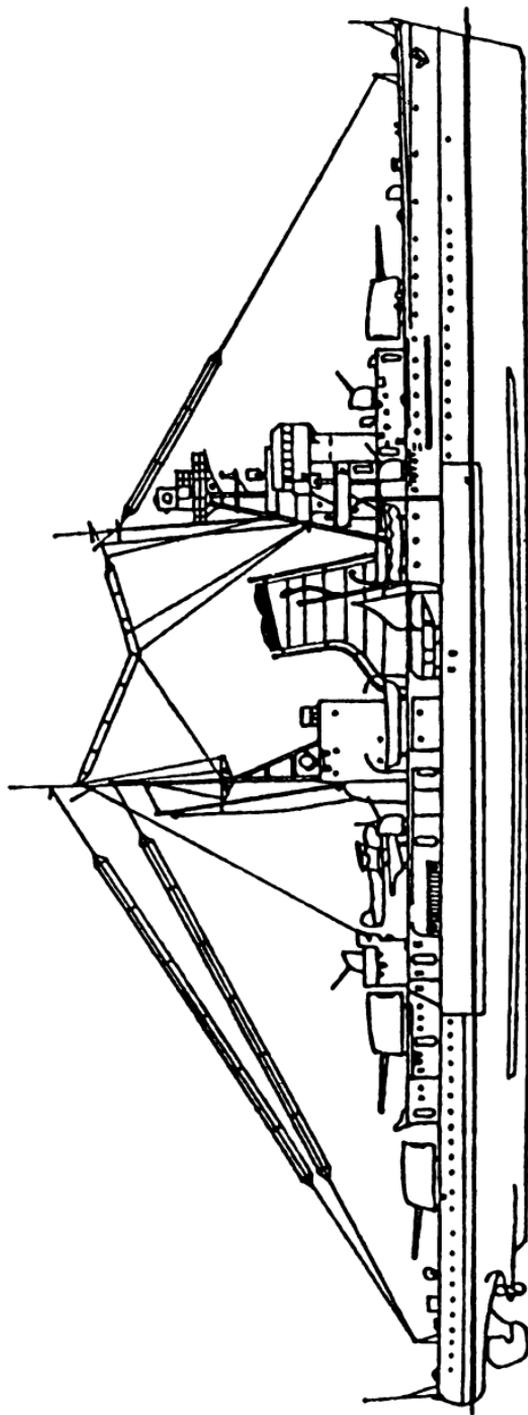
В середине октября весь японский флот был приведен в боевую готовность.

В ноябре Япония организовала в Тяньцзине «восстание» своего агента Ши Юйсяна. Базой этого восстания служила японская концессия в Тяньцзине. Восстание было подавлено, но послужило предлогом для усиления японского гарнизона в Тяньцзине, куда из Сасебо был перевезен японский десант на учебном крейсере «Якумо»¹. Позднее японцы добились вывода из города большей части китайского гарнизона и фактически оказались господами положения в этом районе.

Угрожающие передвижения японских войск в этом районе и приведение 2-й эскадры (база Сасебо) в состояние повышенной готовности в декабре, в связи с напряженным положением в районе Цзинчжоу, способствовало быстрому наступлению японских войск на Цзинчжоу и Шанхай-Гуань на рубеже 1931–1932 гг. Но следующий удар Япония направила в конце января 1932 г. на важнейший во всех отношениях Шанхайский район. В отличие от оккупации Маньчжурии и последующего вторжения в Северный Китай (весной 1933 г.), в которых инициатива и руководящая роль принадлежали армейским кругам, Шанхайская экспедиция была, главным образом, делом военно-морского командования и промышленных кругов, заинтересованных в судоходстве и промышленном вывозе. Армейская верхушка не возражала, хотя считала прямое наступление на Шанхай преждевременным и расходящимся с ее планами продвижения на юг.

Непосредственно по завершении операции в Южной Маньчжурии против войск Чжан Сюэяна в середине января 1932 г., японцы стали накапливать в Шанхае военные и морские силы. Ряд уличных инцидентов, спровоцированных японцами, послужил предлогом для предъявления китайским властям требований наказания виновных в «нападениях» на японцев, уплаты контрибуции, а главное, разгона антияпонских организаций и подавления антияпонского бойкота, хотя бы военной силой.

¹ Броненосный крейсер времен русско-японской войны.
(Прим. ред.)

Крейсер «Нин-Хай».

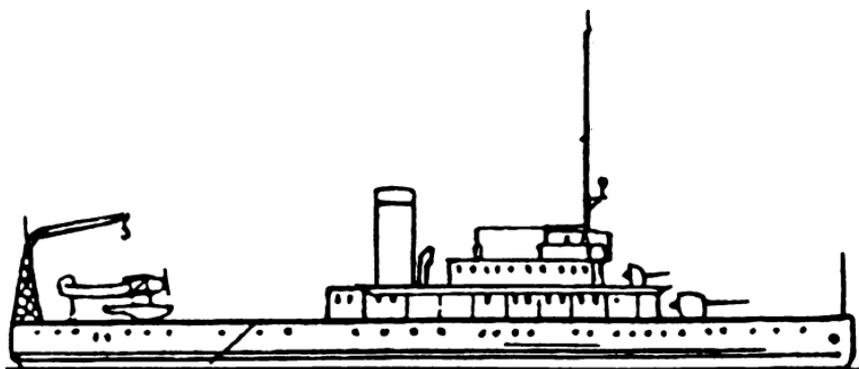
Водоизмещение стандартное 2526 т, скорость 22,5 узла. Вооружение — шесть 140-мм орудий, шесть 76-мм зенитных пушек, два двухтрубных 533-мм торпедных аппарата. Бронирование — 25 мм палуба и рубка. Построен в Японии в 1932 году, захвачен японцами в 1937 году, потоплен американской подводной лодкой в 1944 году.

За несколько дней до «разоружительной» конференции в Женеве японцы начали свои операции под Шанхаем.

24 января 1932 г., в связи с высадкой японского десанта в Шанхае, в этот порт пришел крейсер «Охи» (550 т, семь 140-мм орудий) в сопровождении 4 эсминцев 15-го дивизиона типа «Фуджи» (850 т) и авиатранспорта «Ноторо».

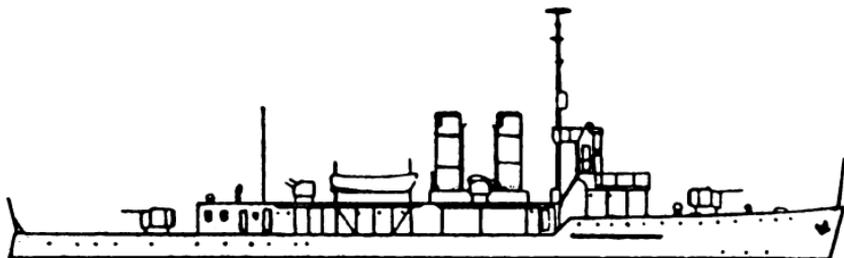
После первого японского десанта в Шанхае требования японцев становятся ультимативнее, и, хотя 28 января китайский мэр Шанхая официально согласился на их удовлетворение, японские войска через международный селтльмент вторглись в соседнюю китайскую часть города Чапей для его захвата и дальнейшей агрессии в Китае. Операции против Чапея развертывались в скромном масштабе небольшими силами японской морской пехоты.

Не встретив в Маньчжурии серьезного сопротивления, японцы рассчитывали захватить Шанхайский район в порядке чуть ли не военной прогулки. Однако неожиданно для себя они встретили упорное сопротивление со стороны китайской (кантонской) 19-й армии, которая вместе с рабочими и беднотой Чапея опрокинула все расчеты японцев и отбросила японский десант в Хонкью (северная часть селтльмента).

Канонерская лодка-авиатранспорт «Тяй-Шен».

Водоизмещение 932 т., скорость 16 узлов. Вооружение — одно 120-мм орудие, два 76-мм и четыре 57-мм зенитных орудия. Вместе с однотипной лодкой «Вей-Шен» построена в Шанхае в 1922 году, обе лодки потоплены там же в 1937 г.

Канонерская лодка «Мин-Чжунь».

Водоизмещение стандартное 455 т, скорость 16 узлов. Вооружение — одно 120-мм, одно 102-мм и одно 76-мм орудия, два 57-мм зенитных орудия. Построена в Шанхае в 1929 году, в 1937 году захвачена Японией, после войны возвращена Китаю (дан вид после перевооружения на артиллерию советского образца).

Во время своего нападения на Чапей японцы использовали северную часть международного квартала в качестве базы для своих вооруженных сил. Бои 2–3 февраля протекали уже с несколько большим составом японских войск и с активным участием в борьбе против Вусунгских фортов японских военных кораблей и авиации.

Японские крейсера и эсминцы совместно с бомбардировочной авиацией бомбардировали форты Вусунга; после обстрела самолетами была поставлена дымовая завеса, под прикрытием которой был высажен десант численностью в 1000–1500 человек.

Уличные бои в Шанхае

Вечером 28 января 1932 г. командующий японской эскадрой адмирал Созава высадил 3 батальона морской пехоты с четырнадцатью бронемашинами, одиннадцатью танками, шестнадцатью легкими полевыми орудиями и восемью 122-мм гаубицами, приказав им начать внезапное наступление на Чапей и Северный вокзал. Главный удар (1-й батальон) наносился по Сычуаньской и Баощаньской улицам на Северный вокзал, 5-й батальон — на станцию Тентонгай. Артиллерия и штаб заняли парк Хонкью. Наступление велось мелкими частями, следующими за бронеавтомобилями и танками.

Узнав о высадке японцев, около 3000 китайских волонтеров заняли все улицы, ведущие к Чапею и Северному вокзалу, и вместе с 6-м полком 78-й пехотной бригады при поддержке населения возвели баррикады и образовали линию обороны вдоль западного берега притока Хонкью. Одновременно шанхайский пролетариат взялся за оружие, и сотни вооруженных рабочих отрядов влились в ряды войск для защиты родного города.

1-й японский батальон перешел приток р. Хонкью и попал под сильный перекрестный огонь китайских волонтеров. При содействии броневиков японцам удалось продвинуться до улицы Баошань, но здесь они были остановлены китайцами. Разбросав свои силы, командир 1-го японского батальона потерял управление.

Другой японский батальон (5-й) овладел станцией Тентонгай и вышел к притоку р. Хонкью, но был задержан китайскими пулеметчиками, прочно занявшими мосты и переправы.

3-й японский батальон не смог развить удара, так как большая часть его была направлена к парку Хонкью, куда устремились китайские волонтеры, угрожая штабу и тылу японского десанта.

Китайские бойцы устраивали на улицах укрепления из мешков с землей или песком, из-за которых они осыпали японцев пулеметным огнем. Перед такими укреплениями протягивали проволочные заграждения. Лучшие китайские стрелки (снайперы) забирались в тыл японцев, вели обстрел японских частей или бросали ручные гранаты со вторых этажей или крыш зданий. Иногда удачно расположившийся снайпер часами задерживал наступление по улице японского отряда. Особенно для такой стрельбы были удобны высокие каменные здания, по верхним этажам которых японские броневики не могли вести огонь.

Борьба со снайперами представляла трудную задачу. Их трудно было обнаружить, еще труднее ликвидировать. Их внезапное появление в тылу создавало настроение неуверенности в японских частях. Японцы при наступлении вдоль улиц также вынуждены были применять различного рода укрытия, катили перед собой бочки с

землей, защищавшие их от пуль, перетаскивали мешки с землей, пробирались по трубам канализации из одной улицы в другую.

В первые же дни против наступающих японских отрядов китайцы использовали два находившиеся в Шанхае бронепоезда. Обнаружив их, японцы выслали против них самолеты с авиатранспорта «Ноторо». Самолеты сбросили бомбы на Чапей и Северный вокзал. Открывшая на рассвете 29 января жестокий огонь японская сухопутная и судовая артиллерия разбила оба бронепоезда и разрушила много жилищ мирного населения. Но все это не могло изменить положения, тем более что к следующей атаке японцев 3 февраля китайская оборона усилилась частями 19-й армии.

В дальнейших ожесточенных боях японское командование отказывается от действий мелкими частями. Они ведут наступление батальонами, отрядами, сопровождаемые артиллерией и броневиками, стараются продвигаться через подвалы и проломы в стенах зданий и заборов, устанавливают пулеметы в верхних этажах и на крышах зданий, наконец, поджигают дома, где засел противник. Уличные бои принимают характер позиционных боев в обстановке сплошных пожаров.

Японский крейсер «Юбари» (3100 т, шесть 140-мм орудий), принимавший участие вместе с десятком эсминцев и несколькими канлодками в бомбардировке Вусунгских фортов, получил попадания, причинившие ему повреждения и потери в людях. Кроме того, китайцами была сделана кустарная попытка взорвать в реке двумя минами флагманский корабль японцев, старый крейсер «Идзумо».

Однако береговые батареи Вусунга бомбардировкой уничтожены не были, а лишь временно прекратили огонь. Высаженный и продвинувшийся вглубь японский десант был окружен китайскими войсками и уничтожен. Первая операция японцев закончилась явной для них неудачей как в районе Вусунга, так и в районе Чапея.

Эта неудача заставила японское командование перебросить из Японии крупные сухопутные силы, которые высаживались в Путуне и на территории сэтльмента.

В результате японцы сосредоточили в Шанхае до 25 000 бойцов, 40 военных судов, 200 самолетов и целый отряд танков. Героические защитники Чапей оспаривали каждую пядь земли, осыпаясь снарядами артиллерии и подвергаясь воздушным бомбардировкам.

Во время своего нападения на Чапей японцы базировались на северную часть международного квартала, что явилось не только нарушением международного права, но и подвергало международный квартал опасности контрнаступления китайских войск. Японские самолеты разрушили Чапей воздушными бомбардировками, но, к удивлению всех, не исключая и китайцев, китайские войска не испугались бомбардировки, ураганного огня и штыковых атак.

Транспорты с войсками пришлось проводить в реке Вампу под дулами еще не взятых японцами фортов Вусунга. При проходе транспортов мимо Вусунга японские военные суда открывали сильный огонь по фортам. Под прикрытием военных судов транспорты прошли без повреждений. Этому способствовала и обстановка мирового торгового порта с постоянным интенсивным движением через Вусунгский бар торговых судов и военных кораблей невоюющих стран.

Дальнейшее наступление японских войск велось с берегов р. Вампу в обход с севера международного квартала по направлению к деревне Цзянвань. Подготовка обеих сторон к этому наступлению в период 12–20 февраля привела к созданию сплошного фронта от Чапей до Вусунга.

Местность в районе Шанхая и Вусунга — равнинная, низменная, пересеченная многочисленными каналами или речками. Отсутствие возвышенностей должно было способствовать поддержке японского наступления огнем судовой артиллерии. Оно могло быть оказано как с р. Вампу, так и со стороны р. Янцзы. Японская авиация с авианосцев и авиатранспортов не только обратила Чапей в развалины, но подвергла бомбардировке китайские аэродромы в Суджоу (Нанкин-Шанхайская железная дорога) и другие.

21 февраля японские войска повели атаку на всем фронте Чапей — Вусунг. Неожиданный переход через реку

со стороны Вусунга пятитысячного китайского отряда, угрожавшего флангу японского наступления, вызвал замешательство и приостановку японского наступления. В дальнейшем операции на Шанхайском фронте выросли в кровопролитнейшее сражение, в котором приняли участие с каждой стороны до 40 000 человек.

Упорная защита китайскими войсками Цзянваньских позиций, Чапея и Вусунга, на которых они держались свыше месяца, привела бы японцев к новой неудаче, если бы не изменническая политика Чан Кайши и нанкинских правителей. Потребовались подкрепления, доведшие японскую армию до 70–80 тысяч, понадобилось свыше месяца ожесточенных и кровопролитных боев, прежде чем японцы смогли добиться хоть какого-либо успеха, и то он был достигнут высадкой японской дивизии в Люхэ, на берегу р. Янцзы, в 15 милях к северо-западу от Баошаня, т.е. в результате глубокого обхода и десантной операции во фланг и тыл китайским защитникам Шанхая.

Нанкинское правительство от начала до конца саботировало оборону Шанхая; на последнем этапе оно имело полную возможность двинуть достаточные силы навстречу обходной колонне японских войск, но не сделало этого, вынудив тем самым к отходу 19-ю китайскую армию на новые позиции.

Вторжение японцев в Шанхай озлобило широкие массы населения Китая еще более, чем события в Маньчжурии, дало толчок к дальнейшему развитию революции в Китае, показало огромную сопротивляемость китайских войск, разрушило миф о непобедимости японских войск, усилило антияпонский бойкот в центральном и южном Китае, наконец, обострило и противоречия между Японией и империалистическими державами.

В марте 1932 г. Временное Центральное правительство Китайской Советской республики объявило войну Японии. Воззвание его к китайскому народу 20 апреля 1932 г. призывало к непримиримой борьбе с японским империализмом, против раздробленности Китая, к утверждению полной свободы и независимости китайского народа. Оно призывало солдатские массы гоминдановских войск к восстанию против реакционного офицерства, к организации

рабоче-крестьянской Красной армии и провозглашало, что международный пролетариат и Советский Союз являются единственными союзниками в этой войне против империализма.

В Шанхае Япония заведомо вторглась в сферы влияния европейских империалистов и стремилась к господству над китайскими центрами — торговым (Шанхаем) и политическим (Нанкином). В самый разгар шанхайских боев Япония выступила с предложением создания нейтральных зон вокруг пяти крупнейших портов Китая. Внедряясь в Шанхай, господствуя в Тяньцзине, угрожая Бейпину, Нанкину и Ханькоу и считая Циндао своей сферой влияния, Япония своим предложением рассчитывала закрепить за собой занятые ею позиции на китайской территории и обеспечить за собой львиную долю добычи. Предложение ее провалилось вследствие сопротивления Англии и Америки.

Японские войска заняли обширный район вокруг Шанхая. Тем не менее, Шанхайская операция явилась поражением японского империализма. Нападением на Шанхай японцы углубили свои трудности, не достигнув своих целей, усилили сопротивление японской политике в Маньчжурии. Западные державы направляли японскую агрессию на север, и их совершенно не устраивало расширение экспансии Японии на юг. Бесперспективность наступления ввиду очевидного противодействия держав, огромные расходы и потери в связи с неожиданно упорным сопротивлением китайских войск вынудили японцев пока что отказаться от дальнейшей агрессии в этом районе.

5 мая 1932 г. при посредстве Англии было заключено соглашение, предусматривающее эвакуацию японских войск в пределах селтльмента — впрочем, без установления предельного срока для эвакуации Чапея, Цзянваня и Вусунга. Хотя это знаменовало плохо прикрытую капитуляцию Нанкина, японцам все же пришлось в течение мая очистить занятую ими территорию. За увод своих войск из Шанхая Япония, видимо, выговорила некоторое укрепление англо-японского сговора относительно Маньчжурии, фактически существовавшего с начала оккупации ими Маньчжурии.

Выводы из Шанхайской операции

Шанхайская операция является наиболее поучительной из всех операций, проведенных японцами в Маньчжурии. Обладая подавляющей военной техникой, японская армия не смогла силою оружия сломить волю противника. Причина этого заключалась в том, что японская армия со своей превосходящей техникой неожиданно натолкнулась на героизм и стойкость поднявшегося китайского пролетариата, на массовую поддержку китайским населением своих регулярных частей 19-й армии. Объединившись в борьбе против империалистического насилия, китайский пролетариат, добровольцы и регулярные части 19-й армии сумели противопоставить вражеской технике свою более скромную технику, но в более умелой форме, в соединении со смелостью, подвижностью, оказать упорное сопротивление и нанести противнику ряд поражений и потерь, потребовавших со стороны японцев новых подкреплений.

Тот факт, что китайские рабочие и городская беднота первыми дали отпор вооруженному нападению японского империализма и увлекли за собой солдат китайской 19-й армии, обусловил неудачу японских морских отрядов в Шанхае.

В том, что китайское население неожиданно увидело в солдатах, к которым раньше оно относилось как к презренным грабителям — своих защитников и передовых бойцов, в том, что население проявило готовность нести жертвы в общей борьбе с империалистическими хищниками и заключалась тайна неожиданного сопротивления китайцев, изумившего весь мир.

Ожесточенные уличные бои в Шанхае познакомили японскую армию с еще неизведанною ею глубокой народной войной. Искусное использование местности с умелым применением полевой фортификации и смелыми контратаками дало возможность китайским войскам не только отразить повторные атаки японцев, но и нанести им тяжелые потери. Важнейшим результатом боевых

столкновений в Шанхайской операции было то, что рассеялся миф о непобедимости японцев.

Разведка, особенно войсковая, не была на высоте у обеих сторон. Китайское командование имело смутное представление о силах и группировке японцев во время операции. Японское командование получало сведения, главным образом, от агентурной разведки.

Благодаря тесному взаимодействию японской пехоты и авиации последняя не раз выручала отдельные японские части из бедственного положения, помогая им выбраться из окружения. Отсутствие зенитной артиллерии и наличие тяжелой артиллерии у японцев заставляли китайские части глубоко зарываться в землю.

В то же время сама местность, пересеченная многочисленными глубокими каналами и топкими рисовыми полями, создавала затруднение для движения японских танков, бронемашин и тяжелой артиллерии. Отдельные разбросанные каменные постройки, огороженные толстыми глинобитными стенами, давали хорошие укрытия для китайских бойцов.

Большое значение в деле китайской обороны имела насыщенность китайской армии пулеметами, почти одинаковая с японской. В соединении с умелым использованием местности это сообщало устойчивость китайскому фронту.

В самом использовании танков и авиации японцы не проявили высокого искусства. Танки использовались разбросанно на широком фронте, иногда с отрывом от пехоты, без предварительной разведки и натыкались на неожиданные препятствия в виде фугасов или непроходимой местности. Наряду с бомбардировкой военных объектов (аэродромов в Суджоу, Хундзяо, Ханжу) японская авиация 3 недели бомбардировала зажигательными бомбами густо населенные кварталы Чапея.

Это варварское истребление мирного китайского населения, в результате которого осталось без крова и имущества свыше 100 тысяч китайских семей, навсегда останется позорным актом японской авиации.

Причиной отхода китайской 19-й армии явилось предательство гоминдановских вождей и правительства Нан-

кина, испугавшегося глубокого движения народных масс и поспешившего заключить перемирие с японцами.

В то же время факт военного и морального поражения японской армии явился одной из причин ее остановки. Безрезультатность попыток сломить китайскую оборону, большие потери и признаки усталости и разложения японских войск свидетельствовали о подрыве в армии веры в свои силы и авторитета командования. Это состояние армии играло значительную роль в решении вопроса о продолжении операции.

Шанхайская операция показала великим державам США, Англии и Франции, заинтересованным в Шанхайском районе, как далеко идут планы японских империалистов и как велика угроза, которую могло создать для английских и американских интересов длительное закрепление японской армии в Шанхайском районе.

Нажим английских и американских хозяйственных кругов в Шанхае на консульский корпус и на находившихся там послов Англии и Америки, а также сосредоточение военного флота США показали японцам, что в этих условиях, особенно после военной неудачи, было бы неразумно стремиться к осуществлению шанхайских планов.

Агрессивные действия японцев в Шанхайском районе происходили в такой раскаленной атмосфере огромного возбуждения масс китайского населения, включившегося в борьбу против японских захватчиков, что продолжение японского наступления могло вызвать революционный взрыв на гоминдановской территории, результатом чего было бы усиление китайской Красной армии.

Наконец, продолжение боевых действий в Шанхайском районе угрожало еще большим потрясением экономических интересов Японии в Центральном Китае, остановкой текстильных предприятий, усилением бойкота японских товаров. Надо было уходить. Этого требовала вся сложившаяся обстановка и активизация партизанского движения в Маньчжурии¹.

¹ А. Южный, предисловие к книге Аримы «Уличные бои японских морских десантов в Шанхае».

IV. Захват Японией провинций Жэхэ и Чахар

После неудачной попытки Японии захватом Шанхая внедриться в Центральный Китай ближайшим объектом японской агрессии становится Северный Китай, «маньчжуризация» северных китайских провинций, непосредственно прилегающих к Маньчжурии.

В течение лета и осенних месяцев 1932 г. идет подготовительная работа к захвату провинций Жэхэ и Чахара. Столица Маньчжоу-Го Чанчунь, Дайрен, японская концессия в Тяньцзине становятся центром японских интриг, направленных к образованию «буферного государства», которое могло бы быть в дальнейшем объединено с Маньчжоу-Го. По мнению японских военных кругов, это было только вопросом времени.

Жэхэ, Чахар и Суйюань географически относятся к так называемой Внутренней Монголии, но с 1928 г. провинция Жэхэ была включена в состав Маньчжурии в награду Чжан Сюэляну за признание нанкинского правительства. Представляя собой гористый, земледельческо-скотоводческий район, Жэхэ является стратегическими воротами из Маньчжурии в район собственно Китая, где расположен Бейпин.

К декабрю 1932 г. японское командование сосредоточивает войска, производит воздушную разведку и бомбардировку с аэропланов пограничных районов, готовя в первую очередь захват Шанхай-гуаня с целью обеспечения своего фланга для наступления на Жэхэ.

Еще до захвата Шанхай-гуаня японцами Советское правительство Китая в декабре выразило готовность к совместной борьбе против японского империализма со всеми другими китайскими вооруженными силами, которые на деле готовы вести эту борьбу.

Это предложение, к которому остались глухи гоминдановские вожди, разоблачило клевету о том, что китайская красная армия мешает Гоминдану вести борьбу с захватчиками, и показало трудящимся Китая, что китайское Советское правительство является единственной властью, которая стремится оказать реальное сопротивление

захватчикам, и способно возглавить национально-революционную войну против японского империализма.

Страх перед советской революцией в Китае являлся одним из импульсов, побуждавших японский империализм форсировать свое наступление. Этот же страх был одной из причин пособничества японской агрессии со стороны европейских империалистов, в частности Англии, боявшейся опасности для господства над ее обширными колониальными владениями.

Шанхай-гуань расположен непосредственно к югу от Великой Китайской стены, на железной дороге Пекин — Мукден, проходящей здесь по узкой низменной полосе вдоль самого берега моря.

Важность стратегического положения Шанхай-гуаня определяется тем, что он закрывает собою проход из Маньчжурии во Внутренний Китай, вдоль единственного железнодорожного пути. Шанхай-гуаньские ворота в Великой стене были захвачены японцами еще в ноябре 1932 г., но самый город, расположенный южнее, оставался в китайских руках, хотя тут же находился японский гарнизон, «охраняющий» железную дорогу на основании боксерского протокола держав 1901 года.

9 декабря 1932 г. в Шанхайгуане было спровоцировано столкновение между японскими и китайскими войсками. 1 января 1933 г. оно было повторено в еще больших размерах и послужило поводом к обстрелу Шанхай-гуаня японскими войсками одновременно с суши, моря и воздуха. После трехдневных боев японцы заняли город, оттеснив китайские войска к югу.

Захват Шанхай-гуаня открывал японцам путь для дальнейшего наступления вдоль железной дороги на Тяньцзинь и Бейпин (Пекин). Используя создавшуюся угрозу Бейпин-Тяньцзиньскому району, японцы предъявили требование об эвакуации китайских войск из порта Цинвандао на той же железной дороге.

Операции японских войск с целью захвата Жэхэ начались 21 февраля 1933 г. В операциях участвовали кавалерия и специальные моторизованные части.

Нанкинское правительство и здесь играло двуличную роль и обнаружило явное нежелание вести действительную

борьбу с японскими империалистами. Фактически оборона была возложена на слабые местные силы, лишенные всякого снабжения. Местные китайские генералы или уклонялись от боя, или изменяли после первого столкновения. В две-три недели японские войска достигли проходов в Великой стене, которая служила границей между Жэхэ и остальным Китаем. Столько же времени понадобилось на занятие самих проходов, где было оказано более сильное сопротивление войсками бывшей «народной армии» Фын Юйсяна.

Исход кампании в Жэхэ, вызвавший сильнейшее возмущение не только в массах, но и в буржуазных кругах Китая, заставил нанкинское правительство в начале марта уволить в отставку Чжан Сюэяна, командующего войсками на Севере и представителя нанкинского правительства в Бейпине. Командование номинально перешло к нанкинскому штабу.

Но и в последующих боях, завязавшихся на территории Северного Китая, Нанкин не давал ни подкреплений, ни оружия, ни денег. Ничего не было сделано для использования возможности партизанской войны в тылу и на флангах наступающих японских войск.

Страх перед революционными массами Китая, жажда скорейшего сговора с японским империализмом и расчеты феодальной междоусобной борьбы за власть были причинами предательства Нанкина и поведения северных генералов.

Само нанкинское правительство, раздираемое внутренней борьбой политических групп, представлявших интересы и влияния иностранных империалистов, все более наглядно выявляло свою истинную сущность — орудия империалистического господства в Китае.

В Жэхэ получилось то же самое, что и в Маньчжурии: большая часть местных китайских войск не была уничтожена и не вытеснена из провинции, и для них японцы вскоре нашли применение, превратив их в авангард своего наступления на Чахар.

Захват Жэхэ открыл японцам возможность немедленного вторжения в Северный Китай, с одной стороны, и в глубь Монголии — с другой. Японское наступление дей-

ствительно сразу же форсировалось в обоих направлениях под предлогом «нападения» китайских войск и обеспечения безопасности Маньчжоу-Го.

Еще в разгаре операции в Жэхэ Япония настойчиво требовала вывода китайских войск из Тяньцзиня. В середине апреля 1933 г. японцы, наступая на Шанхай-гуань, захватили северо-восточную часть провинции Хэбэй между Великой стеной, морем и р. Луаяхэ, где тотчас же было учреждено «независимое правительство». Японская авиация в это время бомбардировала тыл китайской армии и пункты у самого Бейпина.

Одновременно японские и японо-маньчжурские войска повели наступление в глубь Внутренней Монголии, заявив тотчас после захвата Жэхэ, что безопасность Маньчжурии и Жэхэ требует «умиротворения» соседней провинции Чахар и что население этой провинции жаждет «независимости» наподобие маньчжурской.

29 апреля 1933 г. японцами был занят важный чахарский центр — город Долон-нор. После короткого перерыва, в начале мая японцы возобновили наступление по всему фронту и через 10–15 дней овладели всей северной частью провинции Хэбэй. Авангард японской армии стоял под стенами Бейпина.

В Бейпин японские войска не вошли, но таково было своеобразие борьбы в Китае, что город, который был видимой целью японского наступления, в действительности уже находился под контролем японского гарнизона.

В то время как с севера шло интенсивное японское наступление, сопровождавшееся воздушными бомбардировками, а китайская армия несла тяжелые потери, японский гарнизон в Бейпине, расположенный в экстерриториальном «дипломатическом» квартале, беспрепятственно получал с востока по железной дороге крупные подкрепления и мог ударить в тыл китайским войскам. В Тяньцзине, до которого не докатилась волна японского наступления от Великой стены, тоже были сосредоточены крупные японские силы.

В разгаре наступления японского империализма на Северный Китай, в апреле 1933 г., местная гоминдановская

печать твердила, что «в первую очередь надо покончить дело с коммунистами». Председатель Исполнительного совета нанкинское правительство Ван Цзинвей заявил, что «искоренение коммунистических банд есть необходимое условие действительного оказания сопротивления японцам»¹.

На самом деле все заявления гоминдановской верхушки о готовности обороняться против Японии в течение двух последних лет неизменно оказывались только прикрытием для усиления военных мероприятий против советского Китая. Саботируя и срывая оборону против японских захватчиков, нанкинское правительство вело борьбу с красными войсками², организовав 4-й и 5-й походы против Красной армии, закончившиеся провалом.

В весенние месяцы 1933 г. в основном советском районе, в провинции Цзянси, красные войска одержали ряд побед, разгромив 9 гоминдановских дивизий, взяв десятки тысяч пленных и огромное количество оружия.

Япония хорошо понимала смысл действительной позиции гоминдановской реакции, поставленной между японской агрессией, с одной стороны, и революционным подъемом китайских масс, возглавляемых китайской компартией и Советским правительством Китая — с другой.

Гоминдановская реакция выжидала только подходящего момента для капитуляции перед Японией. 31 мая 1933 г. нанкинское правительство заключило с Японией перемирие, переговоры о котором в большой тайне начались еще с середины мая. По этому перемирию китайские войска были отведены за определенную демаркационную линию³ с обязательством не выходить за обозначенные пределы и «воздерживаться от провокационных действий». Японские войска получили право контроля за вы-

¹ Ван Цзинвей принадлежал к левому крылу Гоминдана. С 1937 года он стал лидером марионеточного правительства, организованного японцами в оккупированном Нанкине. (Прим. ред.)

² В провинциях Хубей, Хэнань, Шаньси, Аньхуен, Сычуань.

³ Яньцин — Чанпин — Гаочин — Шуньин — Тунчжоу — Сянхэ — Линьтин-Нинхэ — Лутай.

полнением этого обязательства. Вся территория провинции Хэбэй к северу и северо-востоку от этой линии была объявлена «нейтральной зоной».

В результате японские империалисты добились:

1) фактического отказа нанкинского правительства от Маньчжурии;

2) господства над огромной территорией (18 000 кв. миль), в которую имеют доступ японские, но не китайские войска;

3) контроля над стратегически важной железной дорогой Шанхай-гуань — Тяньцзинь — Бейпин — Калган.

Установив неоспоримую военную власть в Маньчжурии, Жэхэ и Чахаре, Япония превратила Северный Китай в сферу своего влияния и базу для дальнейшего распространения военного контроля над всем Китаем.

Решительный контраст между героической обороной Шанхая и позорной кампанией китайских генералов в Жэхэ и в Северном Китае не может быть объяснен только позицией гоминдановской верхушки и генералитета, так как позиция эта в обоих случаях была капитулянтской. Он объясняется, в первую очередь, тем фактором, который был налицо в Шанхае, но отсутствовал в кампанию 1933 г. Шанхайский пролетариат своим примером воспламенил бойцов 19-й армии, и только благодаря тесному сотрудничеству с рабочими массами оборона Шанхая явила подлинный пример революционной сознательности, самоотверженности и героизма.

В отсталом Жэхэ, как и в Северном Китае, где пролетарское ядро обороны отсутствовало, исход кампании лишней раз подчеркнул ведущую роль китайского пролетариата не только в революционном движении Китая вообще, но и в непосредственной борьбе с империалистическими угнетателями страны. Своеобразие японской интервенции в Китае в 1931–1933 гг. заключалось в полуколониальном характере Китая, на территории которого уже давно империалисты имели точки опоры в виде концессий, сэттльментов, военных флотилий и пр.

Захватом Маньчжурии Япония нарушила Вашингтонский договор девяти держав и пакт Бриана — Келлога и тем самым нарушила Устав Лиги Наций, членом которой она состояла. В соответствии с резолюцией Лиги Наций от 10 декабря 1931 г. Лига послала комиссию во главе с лордом Литтоном для исследования положения на Дальнем Востоке. Доклад комиссии был опубликован 1 октября 1932 г., когда Маньчжоу-Го было официально признано Японией. В противовес японским притязаниям на Маньчжурию комиссия Литтона выдвинула свой план, в основу которого был положен международный контроль над Маньчжурией, и важнейшим пунктом плана был вывод из Маньчжурии всех как японских, так и китайских вооруженных сил. Вышеуказанная попытка разрешения маньчжурской проблемы была выдвинута комиссией Литтона, главным образом, под влиянием Америки и хотя нанесла некоторый удар замыслам японского империализма, но не имела никаких шансов на осуществление.

На доклад Литтона японские военные круги и вся японская печать заявили, что Япония будет продолжать свою твердо установленную политику в Маньчжурии независимо от выводов комиссии Литтона и что, каково бы ни было отношение Лиги Наций и других держав к маньчжурскому вопросу, политика Японии не может быть поколеблена или изменена. Официальная дискуссия по докладу Литтона началась в ноябре 1932 г. и закончилась только в марте 1933 г., когда японцами уже была захвачена провинция Жэхэ, следующими «рекомендациями» Лиги Наций по маньчжурскому вопросу:

1. Урегулирование этого вопроса должно происходить на основе Устава Лиги Наций, пакта Келлога и Вашингтонского договора девяти держав.

2. Японские войска, расположенные вне зоны ЮМЖД, должны быть эвакуированы, ибо суверенитет над этой территорией принадлежит Китаю.

3. В Маньчжурии должна быть создана правительственная организация с широкой автономией, признающая суверенитет Китая, причем должны быть приняты во внимание специальные права и интересы Японии.

4. Китай и Япония должны начать переговоры об урегулировании этого вопроса специальным комитетом в составе представителей членов Лиги и с участием США и СССР.

5. Члены Лиги Наций должны и впредь отказываться от признания Маньчжоу-Го.

Советское правительство отказалось присоединиться к постановлению Лиги и принять участие в Совещательном Комитете, указав в своем ответе 7 марта 1933 г. на то, что большинство государств, представители которых войдут в Совещательный комитет, не поддерживают никаких отношений с СССР и, следовательно, настроены к нему враждебно — поэтому такой Комитет вряд ли в состоянии будет выполнить задачу координирования действий с Советским Союзом.

США согласились сотрудничать с Комитетом, но нашли невозможным назначить своего представителя с функциями члена Комитета, а поручили своему посланнику в Швейцарии следить за ходом дела. Что касается Японии, то она, понимая, что США всячески избегают прямого столкновения с Японией, а другие державы не поддерживают Японию ради сохранения престижа Лиги Наций, вышла из Лиги Наций в 1933 г., уверенная, что ее выход не повлечет применения каких-либо санкций экономического или военного характера.

Таким образом, решение Лиги Наций ничего не изменило в положении на Дальнем Востоке и не остановило японского наступления, развернувшегося тотчас после принятия резолюции Лиги Наций.

Вторжение японцев в Шанхай и угроза Нанкину, которые являлись важнейшими центрами американского влияния в Китае, привели к дальнейшему обнажению и обострению японо-американского конфликта. Американский государственный секретарь Стимсон в феврале 1932 г. категорически отверг японские предложения, направленные к пересмотру Вашингтонского договора девяти держав, гарантирующего целостность Китая, и к пересмотру принципа «открытых дверей», угрожая отменой вашингтонских постановлений о предельном тоннаже морских

вооружений и об ограничениях сооружения и укрепления морских баз в западной части Тихого океана.

Вместе с тем суда военного флота, находившиеся в Атлантическом океане, весной были переведены в Тихий океан, где сосредоточились все военно-морские силы США.

Одновременно американская дипломатия путем повторных и настойчивых закулисных переговоров стремится привлечь Англию и Францию к единому фронту против Японии весной, летом и осенью 1932 г. Шанхайские события и признание Японией Маньчжоу-Го становятся для США «наиболее жгучим из всех вопросов, возникших со времени войны».

Обострение японо-американских отношений достигло такой степени, что в октябре 1932 г. японская печать открыто заявляла, что *«Япония находится накануне такого положения, при котором возможно возникновение прямого столкновения с Америкой»* (Хоци, 7 октября).

Однако Америка ни в военном, ни в политическом отношении не была готова к открытому столкновению один на один с Японией, в виду явной поддержки Японии со стороны Англии и Франции. Хотя наступление Японии на Дальнем Востоке являлось определенной угрозой английскому империализму, но американская экспансия представляла собой еще большую угрозу Англии, и не только на Тихом океане, но и во всем мире. На сближение с Японией Англию, застрельщика в борьбе мировой реакции с Советским Союзом, толкал и общий их страх перед поднимающейся колониальной революцией на Востоке, одинаково угрожающей как Японии, так и Англии.

Внешнеполитическая изоляция США побуждала Америку к сдержанности, тем более что США отстали от своих соперников на Тихом океане в деле подготовки морской и воздушной войны.

Угрожающая перспектива конфликта на Тихом океане побуждает Рузвельта в июне 1933 г. к проведению новой трехлетней судостроительной программы, предусматривающей постройку 37 судов, и к утверждению крупных ассигнований на строительство морской авиации.

Было начато спешное переоборудование главной морской базы США на Тихом океане (Гавайские острова),

производилось специальное обследование Аляски и о-вов Самоа с точки зрения возможности использования их в качестве баз для операций военно-воздушных сил США против Японии; наконец, были проведены в Тихом океане грандиозные военно-морские и воздушные маневры американского флота, на которые отвечает своими маневрами японский флот.

Напряженное положение на Тихом океане, стремление Японии увеличить свои морские силы и тот факт, что конкретным экономическим и политическим интересам американского капитала угрожал не Советский Союз, а именно тот самый японский империализм, который западные империалисты провозглашают «спасителем цивилизации» и оплотом против большевизма, наконец, заинтересованность США в советском рынке побудили президента США Рузвельта обратиться 10 октября 1933 г. к тов. Калинину с предложением восстановления дружественных отношений. Признание СССР Америкой и установление нормальных отношений США и СССР, последовавшее 17 ноября 1933 г., расценивалось всей мировой печатью в определенной связи с положением на Дальнем Востоке и советской политикой активной борьбы за мир.

Оценка событий послевоенного периода должна исходить из определения характера борьбы двух систем. Как сказал товарищ Сталин: *«Единого и всеохватывающего капитализма нет уже больше в мире. Потому что мир раскололся на два лагеря — лагерь капитализма во главе с англо-американским капиталом, и лагерь социализма во главе с Советским Союзом. Потому что международное положение все больше и больше будет определяться соотношением сил между этими двумя лагерями».*

Захват Маньчжурии Японией происходил в порожденной мировым кризисом обстановке усиления агрессивности мирового капитализма против СССР, активизации всевозможных интервенционистских планов подготовки реакционных кругов во всех капиталистических странах к новым попыткам сокрушения СССР, и потому отношение империалистических держав к японскому вторжению в Маньчжурию определялось, в первую очередь, надеждой и расчетами на перерастание его в

крупнейшую антисоветскую интервенцию. Оценка значения захвата Маньчжурии как пролога к войне против СССР на Дальнем Востоке, а следовательно, и к международной интервенции послужила крупнейшим фактором, обеспечившим японскому империализму фактическую поддержку со стороны великих держав.

Меморандум Танаки уже определенно намечал направление империалистических устремлений Японии, в ряду которых стоял и советский Дальний Восток.

В марте 1932 г. стали достоянием гласности документы, исходившие от представителей японских высших военных кругов и заключавшие в себе конкретные планы нападения на СССР и захвата его территории. Указываемая в них главная цель войны должна заключаться не столько в предохранении Японии от коммунизма, сколько в завладении советским Дальним Востоком и Восточной Сибирью с продвижением до Байкала. Вместе с тем указывалось на необходимость проведения японо-советской войны как можно скорее.

Как уже упоминалось ранее, Япония с декабря 1931 г. упорно отказывалась от подписания предлагаемого СССР пакта о ненападении.

Интервенция и война в Маньчжурии у самых советских дальневосточных границ были и остаются источником величайшей опасности для СССР, давая почву для всяческих провокаций.

Уже в феврале 1932 г., после захвата японцами Харбина, Советское правительство вынуждено было обратиться специальное внимание японского правительства на деятельность белогвардейцев. Провокационные вымыслы о советской помощи китайскому генералу Ма, оборонявшему Цицикар и якобы бежавшему в Благовещенск, были пресечены в корне мерами Советского правительства.

В апреле 1932 г. белогвардейцами был организован ряд провокационных террористических актов на КВЖД, повлекших массовые аресты среди советских граждан. Несмотря на все более широкое развертывание антисоветской кампании, величайшая сдержанность и миролюбивая внешняя политика СССР отвратили угрозу войны.

Весной 1933 г. началась новая серия антисоветских провокаций в Маньчжурии. КВЖД и транзитные грузы, идущие по ней на советский Дальний Восток, подвергались систематическим нападениям бандитов, остававшихся безнаказанными со стороны японских и маньчжурских властей. В апреле 1933 г. эти власти прервали сообщение между КВЖД и Забайкальской дорогой, а в мае — и связь между КВЖД и Уссурийской железной дорогой и в ответ на протест Советского правительства отрицали бесспорное право собственности СССР на КВЖД.

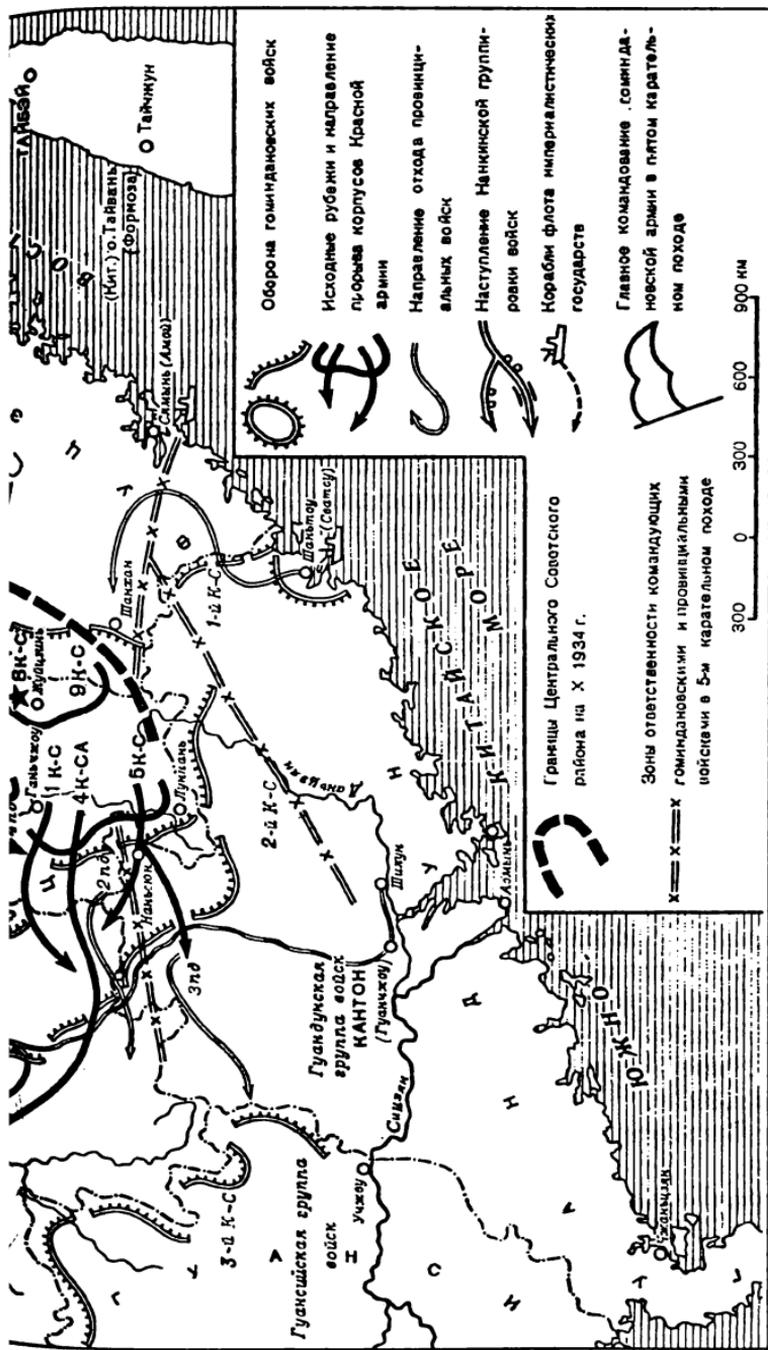
Неизвестно, какие обещания давали английские советники в ходе закулисных переговоров в апреле — мае 1933 г., имевших целью отвлечь угрозу захвата японцами Бейпина и Тяньцзина, но есть основания полагать, что речь шла об изменении направления японской агрессии. Но в мае 1933 г. СССР дал новое и яркое доказательство своей мирной политики, предложив маньчжурским властям продать им КВЖД.

Предложение это было в принципе принято японским правительством и его маньчжурскими агентами, но начавшиеся в Токио переговоры с первых шагов натолкнулись на саботаж маньчжурской делегации, и конференция зашла в тупик.

Дальнейшая деятельность японо-маньчжурских властей проявила явное стремление к фактическому захвату дороги. Неопровержимыми данными, находившимися в распоряжении Советского правительства, установлено, что мероприятия японо-маньчжурских властей *«представляют собою начало осуществления детально разработанного плана, принятого в Харбине на ряде совещаний при японской военной миссии, с участием ответственных руководителей маньчжурской администрации»*¹.

Опубликование Советским правительством в октябре некоторых документов раскрыло пред всем миром истинную подоплеку событий на КВЖД. Оно неопровержимо установило полную ответственность японского правительства за эти события, разоблачило японскую политику

¹ Заявление полпреда СССР японскому министру иностранных дел 28 сентября 1933 г.

Гражданская война в юго-восточном Китае. Борьба за Центральный Советский район в сентябре — ноябре 1934 года

антисоветских авантюр в Маньчжурии и показало всему миру серьезность положения, создаваемого агрессивней японского империализма на Дальнем Востоке. Эти разоблачения застали японских империалистов врасплох, и японское правительство не решилось на них реагировать. Осуществление дальнейших актов, предусмотренных планом захвата КВЖД, временно приостановилось.

Если нависшая над Советским Союзом и его территорией угроза, создаваемая авантюристскими элементами японского империализма при подстрекательстве и при всяческом содействии всей мировой реакции во главе с английскими твардолобыми и до сих пор не реализовалась, то это в основном объясняется сочетанием неоспоримой и ярко выраженной мирной политики Советского Союза и его не менее явной готовностью к обороне.

ЛИТЕРАТУРА

Краткий курс истории ВКП(б), гл. XI.

Н. Терентьев. Очаг войны на Дальнем Востоке. М.: Партиздат, 1934

Глебов. Японские агрессоры в Китае. М.: Партиздат, 1938 г.

Джексон. Послевоенный мир. М., 1937 г.

Коровин. Международные договоры и акты нового времени.

Иванов и П. Смирнов. Англо-американское морское соперничество. М., 1933 г.

Б. Е. Ш. Речные и прибрежные театры Китая и Шанхайская операция. // Морской сборник, 1933 г., № 2.

А. Шведе. Дислокация и базирование военно-морских сил на Дальнем Востоке. // Морской сборник, 1932 г.

Перлин. Китай и Япония. // Знамя, 1938 г., № 8.

Иванов. Империалистические противоречия на Тихом океане. // Знамя, 1939 г.

Бедеров. Вашингтонский договор 9 держав. // Большевик, 1939 г.

Бушманов. Боевые действия японской армии в Маньчжурии и Шанхае, 1931 — 1933 гг.

Арима. Уличные бои японских морских десантов в Шанхае.

Сунь-цзе. Партизанская борьба в Маньчжурии.

ИТАЛО-АБИССИНСКАЯ ВОИНА

I. Внедрение империалистов в Абиссинию

С окончанием строительства Суэцкого канала в 1869 г. Абиссиния привлекает внимание английских, французских и итальянских империалистов своим положением на берегах Красного моря, на кратчайшем пути на Восток.

В 70–80 годах XIX в. вся прибрежная полоса Абиссинии от Суакима до мыса Гвардафуй и далее до Занзибара была захвачена Англией, Францией и Италией, и таким образом Абиссиния была отрезана от моря и окружена колониями европейских держав.

Тотчас после прорытия Суэцкого канала Италия арендует часть территории на африканском побережье Красного моря под флагом частной компании, а в 1880 г. приобретает окруженный безводной пустыней Данакиль порт Ассаб, который не мог служить базой для дальнейшего проникновения в глубь страны. Поэтому в 1885 г. итальянцы захватили порт Массава, расположенный в 80 км от Асмары, откуда начинается нагорное абиссинское плато с умеренным климатом и некоторыми водными ресурсами. Этим итальянцы

заложили основы своей новой африканской колонии — Эритреи.

С началом активизации своей колониальной политики Италия в 1889 г. захватывает обширную территорию Сомали на побережье Индийского океана, протяжением в 1800 км и в глубину материка на 150–400 км, с портом Могадишо. В стратегическом отношении захват Сомали давал возможность Италии к нападению на Абиссинию с двух сторон. За содействие абиссинскому негусу Менелику захватить императорский престол Италия получила от него Асмару и Керен.

В 1894 г. Италия отняла у махдистов Агордат и Кассалу. Захватив Эритрею и Сомали, Италия стремилась к подчинению себе всей Абиссинии. Начатое итальянцами наступление привело в 1895 г. к войне с Абиссинией, которая окончилась полным поражением итальянской армии 1 марта 1896 г. при Адува, после чего Италия на 40 лет отказалась от попыток захвата Абиссинии. Итальянцы вынуждены были заключить мир, вернуть захваченную территорию и уплатить контрибуцию. Кассала отошла к Судану, захваченному в 1898 г. Англией.

С 1882 по 1898 г. Англия прочно закрепила за собою Египет и Судан и захватила часть территории Сомали на африканском берегу Аденского залива.

Франция также захватила часть территории Сомали с портом Джибути и, создавая свою африканскую империю в северо-западной Африке, стремилась расширить сферу своего влияния с запада до истоков Нила.

Фашодский инцидент положил конец этим попыткам и крайне обострил англо-французские отношения. В 1894 г. Франция получила в Абиссинии концессию на постройку железных дорог, но встретила противодействие со стороны Англии и Италии в осуществлении этой концессии. Франции удалось построить только одну железную дорогу от своего порта Джибути к столице Абиссинии Аддис-Абеба. Постройка этой дороги была закончена только в 1917 г.

В 1906 г. по настоянию Англии было заключено так называемое «соглашение трех держав», по которому Англия, Франция и Италия формально гарантировали Абисси-

нии полную независимость и территориальную неприкосновенность, на самом же деле договорились между собой о разделе Абиссинии на «сферы влияния». В 1911 г. Италия отняла от Турции Триполитанию и Киренаику, создав тем угрозу английскому Египту с запада.

По окончании Мировой войны Италия, сражавшаяся на стороне Антанты, считала себя обделенной. Мечта итальянских империалистов о получении крупных колоний за счет Германии не осуществилась.

После Мировой войны 1914–1918 гг. внедрение империалистов в Абиссинию продолжалось. Иностранцы добились в Абиссинии особых прав и привилегий, создавая там «режим капитуляций», подобно существовавшему в Турции до Мировой войны и в Китае. Абиссиния была последней страной в Африке, сохранившей свою самостоятельность.

В 1923 г. она вступает в Лигу Наций. Италия, со своей стороны, для усыпления бдительности Абиссинии заключила с ней в 1928 г. договор о дружбе и ненападении, выжидая лишь подходящей обстановки для выхода из тяжелого внутреннего положения путем войны, путем империалистической экспансии.

Социальные противоречия и экономический кризис толкали итальянских империалистов на дальнейшее осуществление ее колониальной программы. Недовольная результатами Мировой войны, Италия становится на путь пересмотра договоров о разделе африканских колоний, стремясь к созданию итальянской колониальной империи от Ливии до Камеруна включительно.

Первым этапом для достижения этой цели Италия считает захват Абиссинии, которая, по заявлению итальянского правительства, необходима ей как источник сырья и рынок сбыта товаров. Притязания эти обосновываются итальянскими империалистами также «перенаселением» метрополии и потребностью эмиграции миллионов рабочих и крестьян.

Борьба за Абиссинию вытекала из всего комплекса противоречий империалистических держав в бассейне Средиземного моря и в прилегающих к нему с юго-востока областях Азии и Африки и явилась началом развертывания

второй империалистической войны. Военно-политическое значение Абиссинии определяется ее положением на фланге английского кратчайшего и важнейшего морского пути Гибралтар—Суэц—Аден в Индию, Сингапур, Гонконг и Австралию.

Завоевание Италией Абиссинии дало бы в руки Италии важную стратегическую позицию как для угрозы указанному выше важнейшему морскому пути, так и железнодорожным путям и аэролиниям Каир—Кейптаун. При крайне сложных условиях защиты британских колоний в Африке Италия могла бы угрожать Английскому Судану, Английскому и Французскому Сомали и Адену. Владея Ливией и Абиссинией, она ставила бы под угрозу весь Египет.

Начав с 1933 г. подготовку к захвату Абиссинии, Италия отклоняла передачу спорных вопросов в Абиссинии на решение арбитра. Уже в 1934 г. международная обстановка расценивалась Муссолини как благоприятно складывавшаяся для осуществления целей итальянского империализма.

Развитие итальянских воздушных сил, слабость средиземноморских сил Англии, не являвшейся уже гегемоном в Средиземном море, и, наконец, договор с Францией 7 января 1935 г. развязали руки Италии. В 1935 г. Франция владела 38% всей территории Африки, Англия 33%, а Италия всего 5%.

Абиссиния расположена в северо-восточной части Африки, со всех сторон окружена колониальными владениями Англии, Франции и Италии и отрезана от моря. Площадь Абиссинии (1 120 000 кв. км) в 3 раза больше площади Италии. Вся северо-западная часть Абиссинии весьма гориста (Эритрейские хребты). Область, прилегающая к Французскому Сомали, представляет безводную пустыню Данакиль. Эритрейские хребты продолжаютя на юг до самого озера Рудольфа. Юго-восточная часть Абиссинии отделяется от северо-западной широкой впадиной, простирающейся от оз. Танганьника к озеру Рудольфа и через цепь мелких озер на северо-восток до берегов Красного моря (залив Джибути). По этой впадине протекает река Авош, теряющаяся в песках не доходя Красного моря, и

проходит единственная железная дорога от столицы Абиссинии, находящейся почти в центре страны, к порту Джибути во Французском Сомали. С юго-востока впадину ограничивает тянущийся параллельно ей Сомалийский хребет. Между ним и Итальянским Сомали лежит степь Огаден с разбросанными редкими оазисами, которую перерезают реки Джуба и Веби-Шебели с притоком Фатфон, впадающим в Индийский океан. Самая большая река в Абиссинии — Голубой Нил, вытекающий из озера Тана; другие значительные реки — река Такказе (Сеттит), впадающая в Атбару, приток Голубого Нила, и река Марерб — пограничная с Эритреей.

Северо-западная часть Абиссинии представляет высокое плоскогорье (2000 м) с отдельными вершинами до 4000 м. Горы изрезаны глубокими ущельями и пропастями, крайне затрудняющими передвижение по стране. Реки Абиссинии в сухое время большей частью пересыхают, в период же дождей становятся непроходимыми.

Климатические условия в Абиссинии весьма различны в зависимости от характера различных областей и их высоты над уровнем моря. Плоскогорья северной и западной частей имеют умеренный климат, в то время как Данакильская пустыня на северо-востоке страны и Огаден на юго-востоке — одни из самых жарких и нездоровых мест в мире. Характерной особенностью является смена дождливого и сухого периодов, в связи со сменой муссонов, дующих в Индийском океане. Тропические ливни идут непрерывно с апреля до октября. Остальное время года дождей почти не бывает.

Крайне пересеченный характер северной части Абиссинии неблагоприятен для развертывания больших войсковых масс и широкого использования современной техники и, наоборот, может способствовать развитию партизанских действий. Эритрейские горы представляют ряд рубежей для последовательной обороны против наступающего с севера и северо-востока противника. Из речных рубежей оперативное значение имеет р. Такказе с притоками, протекающая местами в глубоком ущелье. Пустыни Данакиль и Огаден служат естественным препятствием

для наступления с востока от порта Ассаб и юго-востока со стороны Итальянского Сомали.

Абиссиния — страна бездорожья. Здесь преобладают караванные пути и выючные тропы. Единственная железная дорога, являющаяся французской концессией, связывающая столицу Аддис-Абебу с французским портом Джибути, не могла быть использована абиссинцами для военных целей в силу франко-итальянского соглашения, по которому Италия обязалась не подвергать бомбардировке и разрушению этот железнодорожный путь, а Франция обязалась не перевозить абиссинских военных грузов.

Тем большую важность приобретали караванные пути, связывающие Абиссинию с британскими колониями. В этом отношении особое значение имел город Гондар у оз. Тана, связанный хорошими караванными путями, ведущими в Английский Судан на Галлабат и на Курмух. С Британским Сомали центр Абиссинии связывал караванный путь, идущий через Харар, Джиджигу на английский порт Берберу, и другой караванный путь, идущий параллельно железной дороге (Аддис-Абеба — Джибути) от Харара до английского порта Зейла (южнее Джибути). Таким образом с потерей Гондара и Харара утрачивалась бы связь Абиссинии с возможными источниками получения оружия.

Богатый плодородный район Харар — Джиджига с севера прикрыт безводной пустыней Данакиль, а с юго-востока громадным пространством пустыни Огаден, протяжением около 1000 км от порта Могадишо Итальянского Сомали.

Потеря Гондара и Харара, ослабляя сопротивляемость Абиссинии, еще не решала бы исхода войны, так как столица и богатый район Дессие могли бы питать страну и армию. Цели, которые ставила себе Италия, требовали оккупации центральной области Абиссинии, то есть Дессие и Аддис-Абебы. Поход на столицу возможен был только с севера Эритреи.

С этим операционным направлением совпадает так называемая «императорская» дорога: Адува, Макале, Дессие, Аддис-Абеба, на протяжении 1000 км. Северная часть этого пути до горы Амба-Алаги (60 км южнее Макале) на-

ходится в весьма пересеченной высокогорной местности, крайне затрудняющей наступление крупных масс. По мнению абиссинских вождей, эта область с ее узкими дефилами, обрывами и скалистыми гребнями являлась наиболее выгодной для защиты государства. Однако современная техника, особенно наличие у итальянцев сильной авиации, не требующей дорог и могущей проникнуть в тыл абиссинцев, должна была внести поправки в оценку обстановки.

К югу от горы Амба-Алаги основной путь проходит по краю высокого плоскогорья, но местность становится более доступной, причем дорога от Дессие на Аддис-Абебу допускала даже автомобильное движение.

Численность населения Абиссинии — 12 млн. Основные народности: амхарцы (абиссинцы) — 4–5 млн, населяющие северную и центральную части Абиссинии; галла (негритянская раса) — в южной части страны; сомали — в восточном углу Абиссинии; данакильцы — кочующее племя в Данакильской пустыне; негры — в юго-западной части Абиссинии.

Амхарцы и галла занимаются земледелием и скотоводством; это — основные занятия населения. Хозяйство примитивное, натуральное, на низком уровне. Существующие ремесла и кустарное производство не выдерживают конкуренции с привозными товарами. Промышленность развита слабо. Абиссиния богата рудниками, но недра мало использованы, значительная часть захвачена иностранцами.

Внешняя торговля в руках иностранного капитала: армян, греков, индусов; местные купцы играют роль агентов крупных торговых фирм. Вывоз: кофе, кожи, воск. Три четверти всей торговли ведется через порт Джибути.

Более оживленную торговлю Абиссиния вела с Англией, Францией, Италией и США. Мировой кризис нанес сильный удар абиссинской внешней торговле; с 1929 по 1933 г. она сократилась вдвое. В последующие годы заметно было внедрение японских товаров. В 1934 г. на долю Японии пришлось 62% импорта, главным образом, хлопчатобумажных тканей, в которые одевалась вся Абиссиния.

Внутренняя торговля стеснена слабой покупательной способностью населения. В городах развит ростовщический капитал. В 1931 г. в Абиссинии был учрежден Государственный банк. Абиссинцы исповедуют христианскую религию, галла и кочевые племена — мусульмане, негры — язычники. Существующая национальная рознь усиливается религиозной враждой, разжигаемой служителями культов.

Государственным языком страны является амхарский, на нем говорит большая часть населения. Грамотность слабая. Городов мало; они — административные центры. Столица Аддис-Абеба насчитывала 100 000 жителей; Харрар, Диредава — по 40 000; Адува, Аксум, Гондар — по 5000. Гондар и Магдала — древние столицы Абиссинии.

В Абиссинии господствовали феодальный и отчасти патриархальный уклады. Высшая власть принадлежала императору (негус — «царь царей»). Не так давно Абиссиния представляла собою ряд независимых княжеств, которые вели бесконечные войны между собою. Император мало чем отличался от других крупных феодалов. Происходили частые дворцовые перевороты: одного царя свергали, на его место становился другой.

При негусе Менелике (1889—1913 гг.), которому удалось подчинить себе феодалов, укрепилась центральная власть. Менелик завоевал и присоединил к Абиссинии племена, населяющие южную и юго-западную части страны. В результате его завоеваний территория Абиссинии увеличилась вдвое. Укреплению центральной власти способствовал и разгром итальянской армии при Адува в 1896 г. абиссинскими войсками, руководимыми Менеликом. Но после смерти Менелика в 1913 г. снова начались междоусобные войны. Часть феодалов пыталась вернуть свои старые привилегии.

Между тем развитие обмена в стране привело к рождению торговой буржуазии. Помещики стали вкладывать в торговлю свои капиталы. Они были заинтересованы в сильной центральной власти и в ограничении произвола феодальных князей. В городах постепенно нарождалась и интеллигенция. Выразителем настроений новых либерально-помещичьих кругов и был негус Хайле-Селассие, сын харрарского феодала. Он стал негусом в

1930 г. после трехлетней войны при поддержке англичан. В 1931 г. им была провозглашена абиссинская конституция и учрежден парламент, фактически не игравший никакой роли.

В административном отношении страна делилась на провинции, управляемые губернаторами или «расами», одновременно являвшимися и командующими войсками.

Формально вся земля считалась собственностью императора, и он передавал ее во владение крупным феодалам, а те, в свою очередь, более мелким помещикам. На земле работали крестьяне, обремененные тяжелыми налогами и повинностями в пользу помещика, государства и церкви, которая была одним из главных устоев феодализма в Абиссинии. Монастырям и церквям принадлежала треть всех обработанных земель. На содержание многочисленного духовенства крестьяне отдавали десятую часть урожая. Помещики творили суд и расправу по своему усмотрению.

До последнего времени в Абиссинии существовало рабство. Были феодалы, имевшие до 10–15 тысяч рабов. Правительством негуса были изданы законы, ограничивающие рабство, но практического значения они не получили. Среди полунезависимых кочевых племен провинций Данакиль и Огаден сохранились остатки патриархально-родового строя.

Между либерально-помещичьей группой негуса и феодальными князьями (расами) существовали противоречия в вопросах внутренней политики, связанных с созданием центральной власти, реорганизацией армии и мерами против рабства. Отдельные феодалы, недовольные политикой негуса, не раз поднимали против него мятежи при поддержке империалистических держав, опасавшихся укрепления национального единства и центральной власти негуса.

Вместе с тем нарастали противоречия между феодалами и нищенской крестьянской массой, задавленной налогами, выразившиеся в неоднократных восстаниях крестьян, из которых особенно значительное было в 1918 г.; два восстания в период 1930–1932 гг. были беспощадно подавлены помещиками.

Абиссинская армия, отражавшая феодальные порядки страны, не имевшей своей промышленности, и получавшая оружие из-за границы, была крайне слабо оснащена военной техникой и не была обучена способам ведения современного боя.

По своей структуре военные силы Абиссинии состояли из гвардии негуса, правительственных и провинциальных войск. В состав правительственных войск входили следующие категории. В провинциях, окружающих Аддис-Абебу, было 100 тысяч военных поселенцев, наделенных землей и крестьянами и обязанных нести военную службу. Другим источником комплектования правительственных войск были солдаты, отбывшие военную службу по найму в английских или итальянских войсках в Судане, Триполи или Сомали. Их насчитывалось около 30 тысяч.

Они являлись наиболее обученными кадрами, опираясь на которые, негус разворачивал армию для противодействия итальянскому наступлению. Наконец, было несколько батальонов и эскадронов, комплектовавшихся добровольцами.

Войска различных провинций и племен имели разнородный состав, организацию и вооружение. Каждый рас (губернатор) или вождь племени имел задание выставить определенное число вооруженных воинов. Численность провинциальной армии перед войной была 100 — 120 тысяч. После общей мобилизации абиссинская армия превышала 600 тысяч. Гвардия негуса, обучавшаяся шведскими, норвежскими и бельгийскими офицерами, состояла из 10 000 человек, включая 4 эскадрона конницы. Она являлась до конца войны оперативным резервом негуса.

Самым крупным соединением регулярной абиссинской армии был батальон. Численность отдельных отрядов доходила до 5000 человек. Комсостав специальной военной подготовки не имел, кроме нескольких человек, получивших военное образование за границей.

Абиссинский воин обладал хорошими боевыми качествами: он был храбр, предприимчив, неприхотлив, вынослив. Но оружия в армии было недостаточно. К началу войны абиссинская армия имела 500 тысяч винтовок,

150 патронов на винтовку, 600 пулеметов, 10 тысяч патронов на пулемет, 250 орудий старых образцов, несколько десятков зенитных пушек, 8–10 самолетов, 4–7 раций в распоряжении командующих армиями.

В случае обращения к войне какого-либо из членов Лиги Наций вопреки его обязательствам, статья 16-я Устава Лиги предусматривала применение к нарушителю мира мероприятий (санкций) военных, экономических и финансовых, с целью принудить нарушителя к прекращению военных действий.

Как известно, при захвате Маньчжурии Японией Лига Наций не решилась на применение санкций против Японии и тем в значительной степени подорвала свой авторитет. Теперь обстановка изменилась. Еще задолго до начала итало-абиссинской войны СССР выступал за организацию коллективного выступления против агрессора и, в частности, в защиту независимости Абиссинии. Представители СССР в Женеве определили итало-абиссинскую войну как нападение империалистического государства на независимую страну в целях колониального порабощения народа этой страны.

Вместе с тем СССР решительно осудил стремление устранить противоречия путем подчинения Абиссинии контролю империалистических держав, равно как и проекты раздела Абиссинии между ними (Хора—Лавалья).

В претензиях Италии к захвату всей Абиссинии — стратегической позиции, угрожавшей морским сообщениям Англии с Индией — Англия усматривала и угрозу своим позициям в Судане, Египте, Палестине, в Красном море, в бассейне Средиземного моря, во всей Африке, и первый конкретный шаг, перекраивающий карту колониальных владений в Африке и ставящий, таким образом, практически вопрос о новом переделе мира.

Опасаясь стремлений Италии к созданию африканской империи, объединяющей Абиссинию с Ливией через Судан и Египет, английское правительство пыталось запугать Италию сосредоточением флота в Средиземном море и закрытием Суэцкого канала. Но Италия, создавшая уже мощную авиацию и усилившая флот, заявила, что закрытие Суэцкого канала означает открытие итало-английской

войны на море, в воздухе и на суше. Англия, не будучи готова к войне в сложной европейской обстановке, пыталась вовлечь Францию в конфликт с Италией, запросив, согласна ли Франция предоставить французские порты британскому флоту и будет ли французский флот действовать совместно с английским в случае столкновения с Италией. При этом Франции было дано понять, что в противном случае Англия в европейских противоречиях займет нейтральное положение, т.е. попытается договориться с Германией.

На это английскую политику толкали влиятельные круги промышленников, финансистов, большинство консерваторов. Страхась усиления Германии в Европе и ослабления позиции Англии на Дальнем Востоке, они требовали уступок силам, развивающим войну за счет колониальных стран и СССР.

Германия, отменив односторонним актом (16 марта 1935 г.) ограничения Версальского договора и стремясь использовать затруднения Англии на Дальнем Востоке и в конфликте с Италией, в «обмен» на поддержку политики Англии ставила требования: большой заем для финансирования войны на «востоке Европы», согласие Англии на возвращение Германии ее бывших колоний и «аншлюс» Австрии.

Не выступая против колониальных захватов Италии и даже усиленно снабжая ее стратегическим сырьем, Германия прежде всего требовала от Италии отказа от ее претензии на Австрию. Основным условием какого-либо соглашения с Францией Германия ставила отказ Франции от принципа коллективной безопасности, т.е. аннулирование договора о взаимопомощи Франции с СССР (2 мая 1935 г.).

Французская политика, особенно после отмены Германией односторонним актом ограничений Версальского договора, определялась прежде всего опасением усиления Германии и недопущением англо-германского сговора, а также сохранением против Германии англо-франко-итальянского фронта. Поэтому, в виду обострения англо-итальянских отношений и при наличии соглашения Италии с Францией об условиях военного сотрудничества против

возможной агрессии Германии в Австрии, усилия Франции были направлены к достижению сделки Англии с Италией за счет Абиссинии.

В воззвании к Первомаю 1935 г. VII Конгресс Коминтерна призывал рабочий класс к предотвращению захватнических планов итальянских фашистов и к поддержке колониальных народов против империализма. Компартия Италии заняла пораженческую позицию в отношении империалистической войны итальянского фашизма, выдвинув лозунг: «Руки прочь от Абиссинии». Многочисленные антивоенные демонстрации гражданского населения и солдат в ряде итальянских городов нашли отклик в других странах.

Накануне 1 Мая 1935 г. Коминтерн предлагал II Интернационалу совместное выступление против войны в Абиссинии. 25 сентября Коминтерн повторил свое предложение, подчеркивая необходимость скорейшего объединения усилий обоих интернационалов в борьбе за мир, что подняло бы на ноги рабочий класс и увлекло бы на борьбу за мир целые народы. Однако на заседании Исполкома II Интернационала (12 октября 1935 г.) с участием представителей 17 стран, несмотря на то, что за принятие предложения Коминтерна высказалось большинство партий, Исполком II Интернационала отклонил его, сорвав таким образом усилия Коминтерна к созданию единого боевого фронта антивоенной борьбы.

Объявление 5 декабря 1935 г. Соединенными Штатами запрещения вывоза из США оружия в Италию и Абиссинию, а также сокращение до минимума кредитов Италии означали, что американский империализм, готовясь к решительной схватке с Японией за Китай, показывал готовность содействовать Англии в Европе. Лига Наций признала Италию, начавшую войну, нарушителем мира, агрессором и с 18 ноября применила к ней репрессивные меры, так называемые экономические санкции¹ с целью вынудить Италию прекратить военные действия.

¹ Воспрещение ввозить в Италию оружие, военное снаряжение и материалы, запрещение покупать в Италии продукцию или товары.

Италия, не имея ни своего угля, ни нефти, была весьма чувствительна к экономическому давлению извне. Особенное значение для нее имело отсутствие собственной нефти в связи с широким развитием автотранспорта и авиации.

Применение экономических санкций в полной мере, несомненно, могло бы оказать сильное давление на итальянскую экономику. Однако у Италии оставалась лазейка — возможность торговать с США, не состоявшими в Лиге Наций, и с Германией, Австрией и Венгрией, отказавшимися участвовать в санкциях. Франция, хотя и заявила о своей верности уставу Лиги Наций, на деле старалась задержать применение к Италии санкций и лишить их практического значения, чтобы не оттолкнуть окончательно Италию. Строгого применения объявленных Лигой санкций держался только СССР.

Своекорыстная и близорукая политика влиятельных групп французской и английской буржуазии не допустила дальнейшего расширения санкций, прежде всего запрещения ввоза нефти в Италию (Решение «Комитета Восемнадцати» Лиги Наций 18 декабря 1935 г.).

II. Планы войны

Основы плана захвата Абиссинии были давно установлены итальянским Генеральным штабом. При разработке плана Италией учитывалась обстановка и опыт как своей первой экспедиции в Абиссинию в 1896 г., так и опыт французов в Марокко по использованию техники в горах и пустынях Африки против отсталых народов, в общем обладающих хорошими воинскими качествами, но не располагающих современным оружием. При этом силы экспедиционной армии, которые Италия могла выделить для этой войны, во много раз увеличились с 1896 г. и превосходили силы абиссинцев своим вооружением и техническим оснащением. Итальянцы располагали авиацией, танками, пулеметами, скорострельной горной артиллерией и могли опираться на моторизованные транспортные средства, обеспечивающие снабжение на большом удалении от моря.

Изучение противника и театра военных действий было проведено широко развернутой во всей Абиссинии итальянской агентурой. Уже в 1934 г. Италия расценивала международную обстановку как благоприятно складывавшуюся для осуществления захвата.

Опасения Италии вызывала возможность со стороны Англии вызвать резкую реакцию у Лиги Наций. Однако растущие вооружения и агрессивная политика Германии с приходом фашистов к власти и нерешительная политика Англии вследствие ее военной слабости позволяли рассчитывать, что серьезного содействия Абиссинии, как непропуск итальянских судов через Суэцкий канал, не будет оказано, если Италия не ослабит своего военного положения в Средиземном море. Франция договором с Италией от 7 января 1935 г. развязывала руки итальянскому империализму.

Неясная и колеблющаяся позиция Англии, уже не являвшейся гегемоном на Средиземном море, обуславливалась, с одной стороны, опасением захвата Италией Абиссинии, а с другой стороны, опасением поражения Италии в Абиссинии, что явилось бы сигналом для угнетенных народов Африки и Аравии к борьбе за свою независимость. Поэтому Англия вступила на путь компромисса. Содействуя Абиссинии советами и обещанием доставки оружия, одновременно она пыталась сдержать Италию муссированием слухов о возможности закрытия для Италии Суэцкого канала и предложениями передачи спорных вопросов с Абиссинией арбитражу, а в дальнейшем проведении некоторых подготовительных мероприятий по развертыванию своих морских сил в Атлантике и Средиземном море.

Италия в возможной борьбе с Англией, наряду с флотом, основное значение придавала своей авиации и главную массу ее оставляла в Средиземном море для угрозы английскому флоту. Намеченные для посылки в Абиссинию второстепенные части итальянской авиации предназначались только для обеспечения наземных войск, но отнюдь не для самостоятельных задач.

Вследствие особенностей театра в значительной массе артиллерии не было необходимости, но транспортные

средства и средства связи нужны были высокого качества и в большом количестве. От этого зависела подвижность армии, ее движение в глубь страны и снабжение. Средства связи должны были обеспечить четкость управления и взаимодействие частей. Инициатива военных действий должна была принадлежать итальянцам. После перехода границы нельзя было ожидать встречи с большими массами противника, так как сбор абиссинских войск должен был затянуться на 2–3 месяца вследствие бездорожья и отсутствия транспортных средств. Итальянские войска могли бы до полного развертывания абиссинских войск продвинуться на половину расстояния от границы до Дессие, при случае нанося поражения отдельным частям абиссинской армии.

Такой способ действий, основанный на возможном упрещении развертывания абиссинской армии, сулил быстрый успех, но итальянский план отметал такой способ действий как рискованный и подверженный случайностям. Итальянский план предусматривал вначале небольшое вторжение в северную провинцию Абиссинии Тигре с целью выяснить отношение Англии к итальянской агрессии.

Бомбардировок крупных центров и применения химического оружия не предполагалось во избежание осложнения внешнеполитического положения Италии. Сдержанным образом действий итальянского командования рассчитывало ослабить энергию противодействия Англии и Лиги Наций.

Тем временем итальянской армии надлежало прочно укрепить занятые позиции, построить в тылу надежную сеть автомобильных сообщений и спокойно ожидать подхода главных масс абиссинских войск. Чем ближе к границе Эритреи произошло бы решительное столкновение главных сил обоих противников, тем выгоднее было бы итальянцам.

При уклонении абиссинской армии от такого столкновения военные действия должны были принять форму широкой военной демонстрации, которая, в связи с подготовкой восстания в недовольной негусом провинции Годжам и с ожидаемой изменой некоторых расов, должна была привести к развалу абиссинского государства, если

бы негус не подчинился требованиям Италии. Эти расчеты итальянцев на измену расов не оправдались.

В своих действиях экспедиционная итальянская армия должна была руководствоваться «Наставлением по применению крупных соединений в Восточной Африке», разработанным Генеральным штабом и утвержденным Муссолини 10 августа 1935 г. Составители «наставления» находились под впечатлением разгрома итальянской армии при Адува в 1896 г. и требовали, чтобы высшие начальники постоянно помнили основную причину этого разгрома: *«Четыре группы, отделенные друг от друга и действовавшие таким образом, что каждая из них, будучи внезапно атакована превосходными силами противника, не имела возможности взаимодействовать с другой как по недостатку сил, так и вследствие ошибок в расчете времени и расстояний».*

Наставление требовало методического ведения крупных операций, подчеркивая исключительное значение обеспечения операционных линий. Оно не рекомендовало продвижения широким фронтом, *«что ведет к разброске сил и благоприятствует характерному для противника маневру быстрого просачивания и удара по тылам; надо наступать скачками от одного рубежа к другому на фронтах соответствующей ширины, обеспечивая прочное обладание захваченными объектами и возможность нанесения ряда последовательных ударов».*

Наставление неоднократно подчеркивало необходимость прочного закрепления захваченной территории и обеспечения линий сообщения. В соответствии с этим главнокомандующим итальянской экспедиционной армией был избран генерал Бона, известный своей осторожностью и методичностью.

Составной частью итальянского плана являлся план перевозки войск в Абиссинию, составленный Генеральным штабом еще в 1934 г.; этим планом предусматривалась перевозка одного экспедиционного корпуса (4 дивизии) в порт Массава и близлежащие порты.

Считая главным оперативным объектом после абиссинской армии столицу Абиссинии Аддис-Абебу, итальянцы оценивали северный, Эритрейский театр, главным,

как наиболее благоприятный для организации тыла и подвоза снабжения; главное операционное направление совпадало с «императорской дорогой»; Асмара, Макалле, Дессие, Аддис-Абеба. Продвижение по другим дорогам должно было прикрывать фланги и тыл главного направления. Южному, Сомалийскому, театру, удаленному от северного на 1200 км, отводилось второстепенное значение.

Этому фронту ставилась вспомогательная задача — ударом в направлении на Харар сковать и оттянуть возможно большее количество абиссинских войск и тем оказать поддержку северному фронту. В соответствии со значением фронтов распределялись и силы: на Эритрейском — 3 корпуса (2 итальянских и один туземный) и на Сомалийском — 4 дивизии (2 итальянских и 2 туземных).

III. Подготовка Италии к войне

При разработке плана захвата Абиссинии Италия должна была считаться с противодействием Лиги Наций, членом которой была Абиссиния, в форме какой-либо санкции политического или экономического характера. Закрытие Суэцкого канала означало бы невозможность вести войну в Абиссинии или необходимость воевать с Англией.

Поэтому, готовясь к захвату Абиссинии, Италия готовилась к тому, чтобы, в случае осложнений с Англией, не быть застигнутой врасплох на Средиземном море и в то же время обеспечить ведение колониальной войны необходимыми ресурсами на случай более или менее длительного перерыва сообщений.

На случай разрыва связи с метрополией в Эритрее и Сомали создавались полугодовые запасы военного имущества и мощные силы, которые должны были быть накоплены в Эритрее и, при повороте дела, могли быть направлены для удара не по Абиссинии, а по Судану и Египту. Об этом недвусмысленно говорило и сосредоточение Италией 50-тысячной армии и воздушных сил в Киренаике, что Англией было понято как угроза Египту.

Основным принципом подготовки Италии было не ослаблять свои силы в метрополии и на Средиземном море. Поэтому при мобилизации соблюдался порядок, чтобы взамен каждой отправленной в Африку дивизии формировалась новая дивизия, и, по-видимому, тот же принцип проводился и в отношении воздушных сил¹, т.е. взамен каждой эскадрильи, отправленной против Абиссинии, в Италии формировалась новая эскадрилья.

Первый приказ о мобилизации был объявлен 5 февраля 1935 г. К концу августа 1935 г. мобилизация сил, первоначально предназначенных для войны против Абиссинии, была закончена. В сколько приемов было мобилизовано и отправлено на фронт до начала войны 5 регулярных, 4 фашистских (чернорубашечных) и 2 туземных пехотных дивизий. Вместе с отдельными милиционными, туземными, этапными и другими войсками это составляло 275 000 человек.

Вместе же с мобилизованными рабочими (30 000 итальянцев и 45 000 местного населения Эритреи и Сомали) в начале войны было сосредоточено до 350 000 человек.

Сосредоточение итальянского экспедиционного корпуса зависело не только от транспортных средств, но и от подготовки районов сосредоточения к принятию и расположению войск в Эритрее и Итальянском Сомали.

Развертывание итальянских дивизий в восточной Африке с 3 до 10 и формирование войсковых частей из туземного населения потребовали обширных работ по расширению портов, развитию путей сообщения, постройке лагерей и тыловых учреждений, крупных мероприятий для обеспечения войск водой, для лечения и эвакуации больных и раненых. Заботы об организации тыла и санитарном состоянии войск выдвигались на первый план.

Подготовительные работы к подготовке плацдарма для экспедиционной армии начались с 1935 г. и выразились в расширении порта Массавы, который после его переоборудования мог принять вместо 2–3 пароходов в сутки до 40 пароходов с 250 000 т груза. Также был

¹ Татарченко. «Военно-воздушные силы в итало-абиссинской войне». М.: Воениздат НКО, 1940.

расширен порт Ассаб, на побережье Итальянского Сомали — порты Могадишо и Бендер-Касим, соединенные между собой шоссе.

В дополнение к железной дороге Массавы — Асмара было проложено параллельно ей гудронированное шоссе и проложена дорога к р. Марерб для автомобильного транспорта. Кроме того, строилась железнодорожная линия Могадишо — Луг.

Водоснабжение требовало особых забот. При итальянской экспедиционной армии состояли до 200 геологов и специальные части, которые должны были создать артезианские колодцы и доставлять воду войскам автомоторами и самолетами в пустынных районах.

Роль торгового флота Италии в Итало-абиссинской войне была громадна, вся тяжесть перевозки войск на театр военных действий, отдаленный от метрополии на тысячи миль, легла на торговый флот.

К началу войны итальянский торговый флот насчитывал около 1000 пароходов общим водоизмещением в 3 млн т, принадлежавших различным пароходным компаниям, строившим преимущественно океанские пассажирские пароходы, и сравнительно незначительное число грузовых пароходов; нехватка в них покрывалась покупкой за границей; не хватало нефтеналивных судов, угольщиков, рефрижаторов и пр. Нефтеналивных судов было всего 82. Строительство торгового флота не было увязано с общим планом подготовки к войне.

Как было уже упомянуто, первоначальным планом, разработанным Генеральным штабом в 1934 г., намечался к перевозке в Абиссинию один экспедиционный корпус в составе четырех дивизий, но в связи с развертыванием событий было решено послать два корпуса и приступлено к срочному переоборудованию 154 пароходов (водоизмещением около 1 млн т), из которых 48 были куплены в Германии. 93 парохода предназначались для перевозки войск, 34 — для перевозки авиации и 27 — для обслуживания нужд морского флота.

Для обеспечения портов выгрузки (Массавы, Ассаб, Могадишо и др.), имевших примитивное оборудование, были приняты меры по расширению пристаней, причаль-

ных линий, снабжению топливом, водой и пр. Для высадки войск и выгрузки военных материалов в эти порты было доставлено: 134 десантных плота, 24 сходни, 12 буксиров, 30 катеров, 57 барж, 37 баркасов, 3 понтона с кранами, 1 понтон с электростанцией. В портах посадки и высадки войск были образованы комиссии из представителей армии и флота для организации посадки войск и снабжения всем необходимым. На каждый зафрахтованный пароход назначался морской офицер. При морском министерстве был организован особый отдел, ведавший всеми вопросами, связанными с перевозками.

Главным портом посадки войск и отправки грузов был наиболее оборудованный порт в Италии — Неаполь, допускавший одновременную стоянку кормой к стенке 70–80 пароходов. Посадки и погрузки производились также в Таранто, Генуе, портах Сицилии и Сардинии. Главными пунктами высадки войск и выгрузки служили порт Массаве в Эритрее и Могадишо в Итальянском Сомали.

После оборудования портов простой на рейде пароходов с войсками в Массаве с 6 дней, а с грузом 18 дней уменьшился до 1–2 дней, а с грузами до 7 дней. Ежедневно в среднем выгружалось 3000 человек и 3000 т груза. В Могадишо могло выгружаться ежедневно не более 2000 т, и пароходы простаивали до 10 дней (вначале 20 дней).

Необорудованность портов для хранения больших запасов топлива, особенно жидкого, заставила использовать часть наливных судов, пришедших с жидким топливом из Мексиканского залива и Констанцы, которые и были оставлены в Массаве и Могадишо в качестве топливных баз. Некоторые наливные суда использовались для подвоза пресной воды. Новый итальянский танкер «Антео» с августа 1935 г. регулярно подвозил пресную воду из Адена в Массаву.

Из 93 пароходов, зафрахтованных для перевозки войск в Африку, 38 пароходов, преимущественно крупные пассажирские пароходы водоизмещением от 7 до 32 000 т, перевозили личный состав, остальные грузовые пароходы, тоннажем от 2 до 7000 т, перевозили грузы.

Ежедневно в среднем отправлялось 7–10 пароходов в Эритрею и Сомали. На пароходах водоизмещением от 10 до

32 тыс. т помещалось 2200–4100 бойцов, на пароходах от 7 до 10 тыс. т помещалось 1200–2200 человек. Дальность рейсов от Неаполя до Массавы — 2230 миль, от Неаполя до Могадишо — 3700 миль. Продолжительность рейса из Италии до колоний составляла 10–12 суток.

Самолеты первоначально предполагалось перебросить в Абиссинию по воздуху, но, ввиду чинимых египетскими властями всяческих препятствий на промежуточных аэродромах в Каире и Хартуме, пришлось отправлять самолеты в разобранном виде на пароходах. Войну с Абиссинией предполагалось начать с 250 бомбардировщиками и 50 разведчиками, но к началу войны прибыло только 60% намеченного состава. Общее количество войск и военных грузов, перевезенных из Италии в Абиссинию с февраля 1935 составило 1 936 000 человек (в том числе около 75 000 рабочих), 13 000 автомобилей, тракторов, мотоциклеток, 350 самолетов, до 300 танков, 800 орудий, 11 500 пулеметов и свыше 80 000 лошадей и мулов. Всего же за время войны доставлено на театр военных действий до 2 млн т грузов.

Итальянские морские перевозки в Абиссинию происходили без малейших помех какого-либо противника с моря, воздуха и суши. Тем не менее эти перевозки дали опыт мобилизации торгового флота, выявили ряд слабых мест в положении морского транспорта и оборудовании портов и явились хорошей школой совместной работы военного и морского ведомств. Первые транспорты с войсками вышли из Италии уже в феврале 1935 г. Транспорты шли одиночным порядком, без охраны военных кораблей.

Как Англия, так и правительство негуса были достаточно осведомлены о готовящемся нападении итальянцев на Абиссинию осенью 1935 г. Преимущества бездорожного театра военных действий абиссинская армия, при ее слабости вооружения и военной техники, могла бы использовать только при глубоком расположении войск и готовности пожертвовать временно значительной частью территории с расчетом затянуть войну до весны 1936 г., т.е. до начала следующего дождливого сезона, который должен был остановить операции противника, оторвавшегося на большое расстояние от своих баз.

В затяжной войне с широким развитием партизанских действий на сообщениях и в тылу противника абиссинские войска могли бы проявить себя с лучшей стороны. Дождливый сезон, который должен был наступить через 6–7 месяцев после начала войны, ставил перед абиссинским командованием и армией задачу не дать итальянцам в течение сухого сезона продвинуться к центральным районам Аддис-Абебы и Харара, с расчетом на изменение обстановки в будущем.

Для ведения затяжной войны требуется напряжение всех сил государства, готовность пожертвовать территорией, нести тяжелые испытания, иметь волю к борьбе и победе, твердое единое политическое и военное руководство. Феодалная раздробленность Абиссинии, угнетение завоеванных племен, не стремившихся поддерживать центральное правительство в борьбе за независимость Абиссинии, отсталость, хозяйственная и техническая, весьма затрудняли, но не лишали Абиссинию возможности развить партизанскую войну, принимая во внимание характер страны и ее населения.

Стратегия затяжной войны для Абиссинии была бы в соответствии с той политикой санкций, которой держалась Лига Наций по отношению к Италии и которая могла бы дать осязаемые результаты для Абиссинии лишь при условии затяжной войны.

Негус не хотел начинать мобилизацию из опасения вызвать агрессию итальянцев. Абиссинский план предусматривал, что до окончания мобилизации и развертывания сил, т.е. в течение трех месяцев, наступление итальянцев на главном направлении будет сдерживаться относительно слабым прикрытием развертывания абиссинской армии — только войсками раса Сейюма в районе Адува¹.

Так как итальянцы могли бы продвинуться на значительное расстояние, то решительное столкновение должно произойти в условиях удлинения итальянских коммуникаций и ослабления наступающей итальянской армии.

Сосредоточение к эритрейской границе массы абиссинских войск при неорганизованности тыла ставило бы

¹ В 5 милях от Сентаара.

ее в невыгодное положение, лишая Абиссинию возможности длительного сопротивления. Неустройство тыла, бездорожье, отсутствие транспортных средств создавали условия, при которых сосредоточенная абиссинская армия могла существовать только за счет скудных местных средств, что могло привести к тому, что армия разбежалась бы от голода еще до столкновения с неприятелем.

На Сомалийском фронте существенное значение имел район Харар — Джиджига: экономическое — по своему плодородию, политическое — как родина негуса, стратегическое — как связанный караванными путями с Британским Сомали, откуда Абиссиния получала оружие.

Обширные пустынные пространства, отделявшие Харар от Итальянского Сомали, представляли большие трудности для итальянского наступления. Поэтому, подготовив укрепленный рубеж у Дагабура, негус рассчитывал ограничиться здесь обороной.

Образ действий негуса в значительной степени был обусловлен влиянием и советами Англии, от которой зависело снабжение Абиссинии оружием. Возможный захват итальянцами значительной части территории на главном северном театре существенно задел бы интересы Англии и тяжело отразился бы на положении Абиссинии.

Войска из провинции Годжим могли быть выведены на фронт лишь после ареста и заключения в тюрьму правителя Годжима, раса Хайлю, оказавшегося английским и итальянским агентом.

Продвижение итальянцев в район Гондара и оз. Тана для Англии было бы крайне нежелательно, так как воды озера Тана имели крупнейшее значение для сельского хозяйства Английского Судана. Устроенная англичанами еще в 1925 г. на р. Голубой Нил плотина обеспечивала орошение 250 000 га культуры египетского хлопка, и поэтому контроль режима вод оз. Тана и вытекающего из него Голубого Нила являлся важным политическим фактором, связанным с проблемой орошения Египта и английского Судана.

Для Абиссинии область Гондара имела существенное значение, ибо через нее проходили караванные пути, свя-

зывающие ее с Суданом, откуда Абиссиния главным образом получала оружие и военные материалы.

Советы Англии негусу были направлены к тому, чтобы Абиссиния в кратчайший срок достигла наибольшего напряжения сил. Правильно оценив значение фронтов и главного операционного направления итальянцев (Асмара, Дессие, Аддис-Абеба), определяющего исход войны, негус принял под влиянием английских экспертов ошибочное решение искать скорейшей развязки войны посредством наступательных операций. К этому подтолкнул негуса медлительный и осторожный образ действий итальянцев в первые месяцы войны, что негус считал за признак слабости.

Абиссинские войска только в середине октября, уже после начала военных действий, смогли получить от англичан новые винтовки, пулеметы, зенитные пушки, боевые припасы, но потребовались многие месяцы для перевозки всего этого снаряжения караванным путем из Английского Сомали от Берберы до Джиджиги и из Судана в Гондар. Незначительное количество военных материалов было доставлено из Кении.

Много времени потребовалось и для распределения боевых запасов и для обучения владения оружием.

Что же касается снабжения армии продовольствием, то на главном направлении были намечены пункты для устройства складов запасов (Дессие, Кворам, Макалле), но запасы были собраны ничтожные. Для снабжения армии из складов служили колонны носильщиков. Автомобилей грузовых и легковых в Абиссинии к началу войны было до тысячи. В 1935 г. трасса от столицы до Дессие была обращена в автомобильную дорогу. От Дессие до Макалле шла колесная дорога. Кроме того, были проведены дороги от Джиджиги к укрепленному рубежу у Дагадбура, от столицы к Английской Кении и некоторые другие.

Вооружение армии, проведение дорог и постройка укреплений у Дагадбура представляют почти все в подготовке Абиссинии к войне.

Эта подготовка явно не отвечала основному решению — нанести сокрушительный удар на северном театре силами 300-тысячной армии.

В абиссинской армии не существовало нормальных условий управления. Высшее руководство абиссинской армией принадлежало негусу. Но у абиссинских феодалов, осуществлявших планы высшего командования, дисциплина была крайне слаба. Местные, собственные интересы преобладали над интересами страны.

Выше были указаны причины медленной мобилизации и развертывания абиссинской армии¹. Первоначальная дислокация различных частей армии была такова:

— в пограничной провинции Тигре войска раса Сейюма и раса Гукса находились в прикрытии развертывания армии;

— ближайшей поддержкой для раса Сейюма могли служить войска раса Касса, расположенные в Гондаре;

— войска военного министра Мулугета были расположены в районе Аддис-Абебы;

— в беспокойной провинции Годжала (к югу от озера Тана) были расквартированы войска раса Имру.

Только через месяц после начала войны началось движение мобилизованных войск в районы военных действий.

Войскам раса Касса, выступавшим из Гондара, предстояло пройти до фронта около 250 км; их подход начался лишь в первой половине декабря и закончился к началу января 1936 г. Движение колонны в 50 000 чел. растянулось на целый месяц. Приблизительно в те же сроки стали подходить и войска военного министра Мулугета, собравшиеся в Дессие. Войска раса Имру должны были из Годжама сделать вдвое больший переход, но благодаря порядку в его армии она развернулась в те же сроки. Атаки итальянской авиации во время движения этих колонн были мало результативны благодаря эшелонированию и маскировке абиссинских войск.

Армия Мулугета развернулась против Макалле, Сейюма и Касса — против Абби-Адди и раса Имру — несколько западнее по течению р. Такказе против Аксума.

¹ Бездорожье, отсутствие средств транспорта, неорганизованность тыла, отсутствие средств связи, недостатки организации армии и зачаточность управления войсками.

Таким образом фронт развертывания основной 180-тысячной массы войск четырех расов не превышал 150 км с целью перехватить главнейшие пути из Эритреи к Аддис-Абебе.

На остальных 150 км до границы Судана находилось в бездействии около 10 000 войск (Айелу Бурру), имевших против себя лишь слабые части генерала Кутуре (5000). Между тем удар на Адаграт выводил бы абиссинские войска в тыл расположения итальянской армии и мог привести к существенным результатам.

На Сомалийском театре развертывалась 100-тысячная армия раса Насибу, который занял небольшими силами оазисы на фронте и глубоко эшелонировал резервы на Харарском направлении. Передовая позиция в Горрахе была сильно укреплена и занята отрядом в 3000 человек. В 180 км позади, на укрепленных позициях Дагабура, были сосредоточены более крупные силы. Глубоким эшелонированием Насибу стремился увеличить силу сопротивления по мере удаления итальянцев от своих баз в пустыню. С целью ослабления натиска итальянцев на Харарском направлении зятю негуса, расу Деста, было поручено произвести диверсию против крайнего левого фланга итальянцев в направлении на Доло. В половине декабря расу Деста удалось собрать в Негели армию в 30 000 человек с низкой боеспособностью.

Кроме этих сил, которые в январе 1936 г. должны были находиться в соприкосновении с противником, негус располагал семью тысячами гвардии и 20 000 воинов, мобилизованных в провинциях к западу от Аддис-Абебы и поступивших под начальство Маконена, в дальнейшем, после смерти Мулугета, ставшего военным министром.

IV. Развертывание итальянской армии

По данным итальянской разведки, главные силы пограничных абиссинских войск группировались в провинции Тигре и Адуве.

Эритрейский фронт от Французского Сомали до Английского Судана занимал протяжение 640 км, но половину

фронта образует безводная пустыня Данакиль, не доступная для действий крупных сил.

На остальном нагорном пространстве важное значение имел участок в 80 км, охватывающий обе дороги: от Асмара на Адувы и от Сенафе на Адиграт.

К началу октября 1935 г. итальянцы развернули главные силы (115 000) на 80 км: 1-й корпус — против Адигрита, 2-й — против Адувы. Между ними расположился туземный корпус. Все три корпуса имели по одной дивизии в первой линии и по одной — во второй.

Правый фланг этого развертывания до границы Судана на протяжении 250 км прикрывался бригадой генерала Кутуре из туземных частей силой в 6000, левый фланг прикрывался сводной дивизией генерала Мариоти. Граница Данакильской пустыни (300 км) наблюдалась небольшим гарнизоном Ассаба. Третьи (чернорубашечные) дивизии 1-го и 2-го корпусов составляли резерв.

Такое развертывание на узком фронте (1500 человек на км) приводило к нагрузке четырех дивизий на каждую из имевшихся горных колесных дорог и имело целью держать всю массу в кулаке, во избежание поражения по частям, и обеспечить от обхода в тыл, что свидетельствует о крайней осторожности итальянцев. Глубокое вторжение не входило пока в намерения генерала Боно.

Сомалийский фронт превосходил по длине Эритрейский: от Британского Сомали до Кении по воздуху 870 км. У командующего генерала Грациани имелось вдвое меньше войск — и туземные дивизии.

В этом пустынном и бедном водой районе операционное направление определялось руслами рек и расположением оазисов. Сухое время облегчало движение моторизованных частей, а дождливый сезон прекращал всякое автомобильное движение в Огаденской степи.

Выгодным условием для итальянцев являлось враждебное отношение местных племен галла к амхара и абиссинскому правительству. Это облегчало итальянцам разведку и обеспечивало содействие туземного населения.

На Сомалийском фронте итальянцы могли достичь существенных оперативных результатов на единствен-

ном направлении на Горрахай и далее на Харар. Но развертывание на этом направлении не перехватывало всех путей из Абиссинии к Могадишо — главному порту и основной базе английских войск на Сомалийском фронте.

Часть путей шла по долине рек, Джубы к Доло, у границы Кении, на крайнем левом фланге итальянского фронта. Это не помешало генералу Грациани пойти на развертывание своих войск в двух равносильных группах (по одной итальянской и одной туземной дивизии), разделенных расстоянием в 300 км. Одна группа развернулась на Харарском направлении от Уалуала до р. Веби-Шебели с целью наступления на Горрахай, а другая — в долине р. Джубы для захвата в первую голову Доло, чтобы прикрыть Могадишо.

В соответствии с развертыванием войск происходило и развертывание авиации. Две трети ее (183 самолета) были выделены на Эритрейский фронт и одна треть — 91 — на Сомалийский. Тяжелых бомбардировщиков на Эритрейском фронте — 108, на Сомалийском — 48.

Основными аэродромами на Эритрейском фронте являлись Масауа — для морской авиации, Асмара и Ассаб — для бомбардировщиков, Адди Угри и Сенафе — для разведчиков и истребителей. На Сомалийском фронте в Могадишо находились база морской авиации и два аэродрома для сухопутной авиации всех родов.

На Эритрейском фронте, где над итальянцами тяготели воспоминания о разгроме их при Адуве в 1896 г., их развертывание было более осторожным, чем на Сомалийском, где они ощущали свое тактическое превосходство над противником. На Эритрейском фронте была принята корпусная организация, на Сомалийском командующему подчинялись непосредственно дивизии вследствие меньшего состава армии и большей разбросанности действий по фронту.

Готовясь к большой войне в Европе, Италия усиливала свой флот по программам 1933 и 1934–1935 гг., строя, кроме двух линкоров в 35 000 т с 30-узловым ходом, главным образом, легкие силы: легкие крейсера, лидеры, эсминцы и подводные лодки.

К началу войны итальянский флот насчитывал 152 боевые единицы, в числе которых значились 2 линкора, 1 авиатранспорт, 24 крейсера, 60 эсминцев и 65 подлодок.

Главные силы флота все время находились в портах и базах в Средиземном мире. В Красном море до самого начала военных действий Италия держала незначительные силы (крейсер, минный заградитель и канонерскую лодку), подчиненные штабу, находившемуся в Массаве. Но 24 мая 1935 г. было образовано высшее командование морскими силами Восточной Африки, и к 10 октября в Массаве было сосредоточено 4 крейсера, 5 эсминцев, 6 подлодок и 1 авиатранспорт.

Основные соединения итальянского флота были стянуты в южные базы метрополии, порт Аугуста (остров Сицилия), Таранто, Бриндизи.

В дальнейшем произошло некоторое изменение дислокации итальянского флота в связи с рядом организационных мероприятий, направленных к усилению обороны Италии. Кроме учреждения Командования морскими силами Восточной Африки, было образовано такое же командование на о-вах Эгейского моря, причем главной базой морских сил в этих водах вместо Родоса сделан Лерос, обеспеченный обороной с моря и воздуха. Часть крейсеров перешла из Таранто в Специю и Маддалену. Подлодки были посланы в ново-строящуюся базу Тобрук (в Киренаике).

Дислокация итальянского флота к декабрю 1935 г.

	Линкоры	Авиатранспорты	Крейсера	Эсминцы	Подводные лодки	Вспом. суда	Торп. катера	Мин. заградители
Специя и Маддалена	—	—	6	8	15	—	—	—
Неаполь	—	—	—	—	10	—	—	—
Мессина	2 ¹	—	—	—	—	—	—	—
Аугуста и Таранто	—	—	7	15	4	—	—	—
Бриндизи	—	—	2	11	8	—	—	—
Лерос и Родос	—	—	—	4	10	—	12	—

¹ «Кавур» и «Чезаре».

Продолжение табл.

	Линкоры	Авиатранспорт	Крейсера	Эсминцы	Подводные лодки	Вспом. суда	Торп. кагера	Мин. заградители
Тобрук	—	—	—	—	5	—	—	—
Масауа	—	1	3	5	8	8	—	2
ВСЕГО:	2	1	18	43	60	8	12	2

Оборона побережья Италии лежала на четырех морских округах. В августе 1935 г. использование средств обороны было сосредоточено в руках двух командующих — западным и восточным фронтами. Им подчинены были и суда, приписанные к морским округам и береговой обороне. Оба они должны действовать по указанию морского министра, в руках которого оставалось использование плавающих соединений флота.

Впоследствии по итогам итало-абиссинской войны был организован отряд из восьми госпитальных судов для перевозки больных и раненых из Восточной Африки на о-ва Эгейского моря. Организована новая флотилия эсминцев, новая дивизия крейсеров (6-я), в которую вошли два новых крейсера «Монтекукколи» и «Дука д'Аоста». Введены в строй два старых линкора: «Дория» и «Дуилио», находившиеся до того в резерве¹.

Но главное свое внимание Италия обратила на развитие военно-воздушных сил. В течение ряда лет итальянский воздушный бюджет определялся в 700–750 млн лир. Но в 1934–1935 гг. он вдруг сразу поднялся до 1200 млн лир, причем программа предусматривала формирование 25 новых эскадрилий в течение года.

К началу 1935 г. силы воздушного флота Италии были таковы²:

1) воздушная армия — из 46 эскадрилий истребителей и бомбардировщиков (486 самолетов):

¹ Опыт итало-абиссинской войны.

² Татарченко. «Воздушные силы в итало-абиссинской войне».

2) воздушные силы армии — из 22 разведывательных эскадрилий (198 самолетов);

3) воздушные силы флота — из 31 бомбардировщика, истребителей и разведчиков (303 самолета);

4) колониальные ВВС — из 8 эскадрилий разведчиков (72 самолета).

Итого: в строю — 1059, в резерве — 881.

Задолго до начала военных действий Италии в Абиссинии английское Адмиралтейство предприняло ряд мер по усилению своего флота в Средиземном море. Намеченные планы боевой подготовки были изменены с целью не отвлекать далеко эскадры от района конфликта, и ремонтировавшимся кораблям предписано срочно закончить работы в базах.

Поход Флота Метрополии в северные порты Шотландии, намеченный на вторую половину сентября 1935 г., был отменен, и флот в составе эскадры линейных крейсеров, 2-й крейсерской эскадры, трех флотилий эсминцев и флотилии подводок 16 сентября прибыл в Гибралтар. Средиземноморский английский флот, сосредоточенный на Мальте, представлял собой хороший объект для итальянских воздушных сил, сосредоточенных к этому времени в базах Сицилии и южной Италии. Очевидно, Мальта уже не удовлетворяла своему назначению главной базы флота. Приняв полный запас всех видов снабжения, английский флот покинул Мальту и направился в восточную часть Средиземного моря. Этот спешный уход английского флота с Мальты и рассредоточение его в Хайфе, Александрии, Фамагусте (на Кипре) в Америке объясняли как бегство с Мальты в район Суэцкого канала, подальше от воздушных баз Италии, а в итальянской печати смеялись над маршем устаревших английских кораблей, угрожая потопить их с воздуха.

На бывшем в ремонте в Англии линкоре «Куин Элизабет» срочно были закончены работы, и 2 октября он прибыл в Гибралтар для дальнейшего следования в восточную часть Средиземного моря. Таким образом, к октябрю английский флот сосредоточился в важнейших стратегических районах Гибралтара и Суэцкого канала, закрываю-

щих выходы из Средиземного моря и отрезающих сообщение с Красным морем и Атлантикой.

Наличие в этих пунктах крупных морских сил должно было служить предупреждением Италии, что английский флот готов для применения военных санкций, если того потребуют обстоятельства. Одновременно Адмиралтейство начало стягивать суда в Средиземное море с Дальнего Востока, из Гонконга, Сингапура, Австралии, и даже суда Южно-Американской дивизии.

Вместе с развертыванием морских сил, английское морское командование в Средиземном море принимало меры по обороне баз с моря и с воздуха. Входы в гавани на Мальте и Гибралтаре были заграждены бонами и противолодочными сетями, на Мальте — противокатерными бонами, берега Мальты были окружены проволочными заграждениями для облегчения борьбы с итальянским десантом, усилена ПВО и приведены в готовность газобезопасища. Гарнизон Мальты был усилен пятью полками из Индии. В Гибралтаре усиливались укрепления, были построены газобезопасища на 16 000 человек. На окружающих Гибралтар высотах было установлено до 50 зенитных батарей.

На границе Египта с Киренаикой, откуда можно было ожидать удара Италии по Египту, были созданы новая воздушная база и аэропорт Мерса-Матрух. Сухопутные и воздушные силы Англии в Палестине, Египте, Судане и других прилежащих странах были увеличены. Для охраны Средиземноморского флота и его баз осенью 1935 г. спешно и секретно посланы две эскадрильи летающих лодок на Мальту, а оттуда переброшены в Аден, третья такая же эскадрилья — в Александрию.

На пароходе в Александрию были доставлены четыре истребительных эскадрильи и пять эскадрилий бомбардировщиков. Последние были затем переброшены: 2 — в Египет, 2 — в Судан и 1 — в Аден.

Четыре истребительные эскадрильи были размещены, по одной, на Мальте, в Александрии, в Порт-Судане (Суаким) и в Адене. Кроме того, самолеты для Ближнего Востока были посланы в Александрию на двух авианосцах.

В целом число английских самолетов, сосредоточенных в Средиземном море и на Ближнем Востоке, доходило до 600, из них 170 — в Египте.

Дислокация английских морских сил к концу декабря 1935 г.

	Линкоры	Авианосцы	Крейсера	Эсминцы	Подводные лодки	Всего боевых кораблей
Гибралтар	2	—	4	19	3	28
Мальта	—	—	4	11	7	22
Александрия	5	2	6	19	—	32
Порт-Саид	—	—	—	5	—	5
Хайфа	—	—	4	8	1	13
Аден	—	1	5	1	4	11
ВСЕГО:	7	3	23	63	15	111

V. Ход военных действий

Ход военных действий в Абиссинии может быть разделен на два периода.

Первый — с начала октября до начала февраля 1936 г. — характеризуется осторожным продвижением итальянских войск до Макалле и встречными сражениями в Тембиене с прочным укреплением итальянцами занятых позиций и оборудованием тыла.

Второй — с начала февраля до начала мая характеризуется, в связи с усилением итальянской армии и изменением политической обстановки, решительными операциями на главном театре, разгромом главных сил абиссинцев, поражением армии негуса и занятием столицы.

Операции на Эритрейском фронте

К началу октября 1935 г. закончилось развертывание 270-тысячной итальянской армии, и, по окончании сезона дождей, началось 3 октября наступление итальянцев на фронт Адува — Адиграт. Адиграт был занят без боя. 6 октября рас Сейюма очищает Адува, и ее занимают итальянцы, которые остаются 4 недели на рубеже Адува — Адиграт. 15 октября с занятием итальянцами без боя Аксума фронт удлиняется к западу. 8 ноября итальянцами занят г. Макалле в результате измены раса Гукса, занимавшего район Макалле. В Аксуме и Макалле итальянцы соорудили аэродромы, и 1-й итальянский корпус укрепился в Макалле.

18 ноября вошли в силу экономические санкции Лиги Наций против Италии, и далее медлить ей было нельзя. 28 ноября произошла смена главнокомандующего генерала Боно генералом Бадольо, и началось усиление итальянской армии.

Это должно было знаменовать намерение итальянского военного командования перейти от осторожных выжидательных методов ведения войны генерала Боно к решительным действиям. Однако в связи с прибытием подкреплений, формированием новых частей, организацией тыла, укреплением фронта и переходом абиссинских войск в наступление, решительные операции итальянцев задержались до начала февраля 1936 г.

В конце 1935 г. на дорожных работах было занято 57 000 итальянских и туземных рабочих.

В половине января 1936 г. закончилось развертывание 180-тысячной абиссинской армии на северном фронте сосредоточением войск раса Имру из Годжама, раса Касса из Гондара и раса Мулугета от Аддис-Абебы к югу и западу от Макалле.

Но еще до окончательного развертывания абиссинской армии войска раса Имру и раса Касса занимали в районе Тембиена фланговое положение по отношению к дороге Адува — Макалле, что побудило генерала Бадольо

отдать распоряжение 2-му итальянскому корпусу и туземной дивизии об очистке Тембиена.

Но расы, переправившись через р. Такказе и Гева, сами перешли в наступление по направлению к Аксуму и Абби-Адди. В результате сражений 15 декабря и 22 декабря итальянцы принуждены были отказаться от очистки Тембиена и увели войска на основные позиции, укрепив их рядом прочных блокгаузов и проволочными заграждениями. Из прибывших подкреплений был сформирован 3-й корпус.

Прибытие войск раса Мулугета в середине января вызвало переход абиссинских войск к более крупным операциям, обусловившим так называемое «первое сражение в Тембиене». Абиссинцы имели основной целью нанести уничтожающий удар под Макалле. 18 января абиссинцы начали наступление, но уже 21 января итальянцы перешли в контрнаступление и заняли горный проход Уарьен. Боевые столкновения развивались с большим напряжением 21–23 января и сопровождались усиленной работой итальянской авиации.

Истощение боевых запасов заставило абиссинцев прекратить атаки и отойти в исходное положение.

Это сражение не дало абиссинцам ожидаемых результатов, но и не развеяло иллюзий абиссинских вождей насчет возможного успеха массового наступления.

Абиссинские войска продолжали занимать выдвинутое положение наполовину выполненного охвата, весьма невыгодное для обороны. Между тем местные средства истощались, начинался голод и разложение частей. В то же время итальянская армия была усилена вдвое за первые 4 месяца войны.

Операции на Сомалийском фронте

4 октября 1935 г. 1-я арабо-сомалийская дивизия итальянцев заняла пункт Доло, место слияния трех рек, образующих р. Джубу. Это имело целью прикрытие итальянской базы в порту Могадишо при развитии операций на Харарском направлении.

5 октября 2-я арабо-сомалийская дивизия при поддержке танков и авиации заняла с боем Герлогуби в 150 км от границы. Султан племени Шевели с первых дней перешел на сторону итальянцев.

В течение октября итальянцы постепенно овладели различными пунктами и источниками воды на подступах к главному оазису Горрахай, где находилось 3000 человек абиссинского гарнизона; с 11 октября он подвергался систематическим налетам итальянской авиации. Особенно сильной воздушной бомбардировке Горрахай подвергся с 20 итальянских самолетов в течение 2–4 ноября. После подхода к Горрахею 7 ноября двух колонн (одна моторизованная) одновременно с воздушной бомбардировкой был произведен артиллерийский обстрел, начальник гарнизона был ранен, и абиссинцы начали беспорядочное отступление.

11 ноября части моторизованной колонны встретились у Хаманмы с абиссинским отрядом, выдвинутым из Дагабура для прикрытия отхода Горрахского гарнизона. Итальянские танки и грузовики попали под обстрел 37-мм пушек. Потеряв три танка и несколько грузовиков, итальянцы отошли к Габре-Дарре. На этом операции на Харарском направлении остановились, и итальянцы приступили к оборудованию аэродрома в Горахае, улучшению дорог и накоплению запасов для дальнейшего наступления на Харар¹.

В декабре 1935 г. итальянцы вышли на линию Герлогуби — Горрахе — Доло, имея перед собой две абиссинских армии раса Насибу. Центр тяжести операции на Сомалийском фронте переместился на левый фланг, к Доло. Население провинции Боран, враждебное абиссинскому правительству, сообщало итальянцам о мобилизации и сосредоточении к Негелли 30-тысячной армии губернатора юго-западных провинций раса Деста. Рас Деста решил двинуться к Доло с целью отвлечь на себя часть итальянских сил и облегчить таким образом оборону на важнейшем Харарском направлении.

¹ Оно было предпринято только в середине апреля 1936 г., когда операции на главном театре были уже закончены.

Итальянская авиация установила наблюдение за движением войск расы Деста, и 12 января генерал Грациани повел наступление против раса Деста тремя колоннами. 13–14 января абиссинцы оказывали упорное сопротивление, но превосходство итальянцев в военной технике и сильный артиллерийский огонь вынудили абиссинцев к отступлению с тяжелыми потерями. Дальнейшее продвижение итальянцев имело целью захват богатого водой оазиса Негелли. Итальянская авиация обеспечивала путь моторизованной колонне разведкой. 20 января Негели, главный пункт провинции Боран, был подвергнут бомбардировке двадцатью самолетами и занят моторизованной колонной. Потери абиссинцев составляли около трети армии раса Деста.

VI. Решительные операции на Эритрейском фронте

Сражения у Амба-Арадам, в Тембиене и в провинции Шире. Занятие Сардо и Гондара.

В начале февраля 1936 г. второе развертывание усиленной вдвое итальянской армии было закончено. Для нанесения решительного удара по лучшим абиссинским войскам расов Сейюма и Касса в Тембиене надо было сначала отбросить раса Мулугета, надвинувшегося с юга вплотную на итальянский фронт. Неспособный, как военачальник, рас Мулугет, собрав 30 000 на горе Амба-Арадам и притянув туда резерв в 10 000, допустил итальянским первому и третьему корпусам обойти себя с обоих флангов, причем итальянская авиация подвергла усиленной бомбардировке скученные на горе силы абиссинцев. Решающим днем было 15 февраля. Под угрозой окружения абиссинцы в беспорядке начали отступление, бросив 50 зенитных орудий. Преследование итальянской авиацией дезорганизованных абиссинских войск довершило их разложение, причинив им большие потери (до 18 000, по итальянским сведениям). Через неделю после боя рас Мулугет не мог собрать

более 10 000, и 4 марта он был убит взбунтовавшимися солдатами.

Преследование велось только первым корпусом, а третий корпус был выдвинут к западу против расов Сейюма и Касса. Остатки войск Мулугета отступали по двум направлениям: на Фенароа и к возвышенности Амба-Алага. Здесь абиссинские войска 25 февраля подверглись налету 40 итальянских бомбардировщиков, а 28 бомбардировщиков произвели налет в глубокий тыл абиссинцев, на Магдалу.

Первый итальянский корпус, подошедший к Амба-Алага, угрожал двойным охватам, и абиссинцы, не имея достаточных сил для оказания сопротивления, очистили 29 февраля эту важную позицию без боя.

Войска расов Сейюма и Касса продолжали оставаться в районе Абби-Адди и южном Тембиене, а рас Илфу — на подступах к Акаулеу (западнее Адувы). По их мнению, наступление итальянцев к югу от Макалле создавало выгодную обстановку для решительного удара с запада на сообщение итальянцев, но состояние их армии не позволяло перейти в наступление для оказания своевременной помощи Мулугету.

Для наступления с юга на войска расов Сейюма и Касса, расположенные у Абби-Адди был назначен третий корпус и с севера — туземная дивизия: для наступления на раса Имру был выдвинут от Аксума второй корпус с туземной дивизией, а для удара с севера назначен вновь образованный четвертый корпус, переправившийся 26 февраля через р. Марерб.

Руководитель операции генерал Бадольо совершал полеты на самолете и отдавал оперативные приказы. Теперь он считал возможным перейти к применению химического оружия для устройства заграждений на горных тропках в тылу противника и для прикрытия собственных флангов с переходом к смелому маневрированию. Второй корпус был усилен тяжелой артиллерией, участвовавшей в наступлении на Амба-Арадам и переброшенный от Макалле моторизованной тягой через Адиграт.

Подготовка операции была закончена к 26 февраля. На следующий день третий корпус, переправившись через

реку, повел наступление на Абби-Адди с юга, а туземная дивизия с севера, захватив горный перевал Цариен.

28–29 февраля войска расов Сейюма и Касса сражались на тесном 10-километровом пространстве между обеими группами противника. В ночь на 1 марта остатки их частью спаслись за рекой Такказе, частью рассеялись в Тембиене. Рас Касса бежал в Гондар, а рас Сейюма с небольшим отрядом отошел к Секоте.

Операция против 30-тысячной армии раса Имру задержалась вследствие запоздания четвертого корпуса. Рас Имру, находившийся в провинции Шире, не стал дожидаться окончания итальянского развертывания и 29 февраля перешел в наступление против второго корпуса для поддержки расов Сейюма и Касса, обрушившись на выдвинутую вперед итальянскую дивизию и вынудив второй корпус перейти к обороне. Однако, оправившись, итальянцы продолжали наступление, хотя четвертый корпус был еще в 50 км. Рас Имру вел сдерживающие бои в горах на подготовленных позициях с постепенным отходом.

В ночь на 3 марта, получив сведения о подходе четвертого корпуса и полном отступлении расов Сейюма и Касса, Имру не стал больше медлить, легко оторвался от второго корпуса и отошел за реку Такказе 4 марта; передовые части итальянцев подошли к р. Такказе только 5 марта.

Значительные потери пришлось понести войскам раса Имру при прохождении химических заграждений, устроенных итальянскими самолетами в горных теснинах на пути его отхода

Второй корпус израсходовал за два дня боя с расом Имру 40 000 снарядов и 8 млн пулеметных и ружейных патронов. Абиссинцы сбили два тяжелых итальянских самолета, причем погибли два полковника авиации. 60 000 абиссинских войск, боровшиеся против 10 итальянских дивизий, понесли особенно большие потери при отступлении по горным тропам. Значительная часть войск расов Сейюма и Касса разошлась по домам, часть проскользнула на юг на соединение с остатками войск Мулугета. Рас Имру увел своих уцелевших воинов в провинцию Годжам для борьбы с восстанием, поднятым итальянской агентурой.

Итальянские войска ко времени перехода к решительному наступлению располагали двойным перевесом в численности, не считая огромного превосходства в технике. Тем не менее, они развивали операции с перерывами, которые при более умелом руководстве абиссинского командования позволили бы ускользнуть абиссинской армии. Для этого абиссинцам нужны были глубокое эшелонирование войск с оставлением на фронте сил в строгом соответствии с пропускной способностью тыловых сообщений и установление связи между оперативными группами. Но абиссинские расы вели жесткую оборону, развернув в боях все свои силы, имея плохую взаимную связь и не учитывая событий вне занимаемого фронта. Лишь в действиях раса Имру заметно известное умение ориентироваться в оперативных вопросах. Но и он сделал ошибку, не выведя своих войск из-под удара еще 29 февраля. Плохой расчет марша итальянского четвертого корпуса позволил расу Имру выйти из окружения; химические заграждения, устроенные итальянцами, причинив большие потери, произвели сильнейшее моральное впечатление на абиссинцев вследствие неожиданности и неумения их бороться с этой опасностью.

В отношении транспорта и снабжения итальянских войск следует отметить, что с переходом от позиционной к маневренной войне повысилось значение вьючного транспорта. Большие услуги оказало итальянцам применение авиации в деле снабжения войск.

Для расширения действий итальянской авиации и контролирования ею караванных путей из Абиссинии во Французское и Британское Сомали генерал Бадольо еще в декабре 1935 г. отдал распоряжение захватить Сардо с целью устройства там аэродрома. Эта задача требовала продвижения от порта Ассаб на 350 км в глубь пустыни Данакиль. Полковнику Руджиери поручено было набрать «банды» из добровольцев-туземцев (1-2 тысячи человек). Это выдвижение было обусловлено переговорами с султаном племени Аусса, готовым изменить негусу.

Колонна выступила во второй половине февраля 1936 г. и в тринадцать переходов добралась до оазиса Сардо, куда вступила 11 марта. Снабжение ее производилось

25 самолетами. 26 апреля к итальянскому командованию явился султан племени Аусса с изъявлением покорности.

Разгром главных сил абиссинских войск коренным образом изменил обстановку и делал излишней предосторожность, которую до сих пор соблюдало итальянское командование, — сохранение всех итальянских войск северного фронта в одной массе во избежание возможности поражения по частям.

Целью захвата Гондара было обеспечение наступления на главном операционном направлении на Дессие. Абиссиния уже получила удар, который должен был оказаться смертельным, если она не получит помощи извне, от Англии. Одним из путей, по которому Абиссиния могла получать оружие от Англии, был путь из Судана в Гондар. Отсюда ясно значение быстрого захвата итальянцами Гондара и суданской границы. Занятие северной части суданской границы было поручено сводной бригаде генерала Кутуре, занимавшей нижнее течение р. Такказе, а захват Гондара — колонне в составе второго и четвертого корпусов, подошедших 5 марта к реке Такказе и приступивших к постройке моста через нее (длиной в 110 м) у Май-Тимхета.

Трудность похода сводилась к проложению колесной дороги в 200 км через высокогорную область Семиен.

Маршал Бадольо решил произвести эффектный моторизованный рейд и предоставить честь захвата Гондара генералу Стараче во главе моторизованной колонны, состоявшей из 500 автомашин с 5000 человек, боевыми и продовольственными запасами.

Выйдя из Умм-Аджера (пункт схождения границ Эритреи, Абиссинии и Судана), колонна 20 марта переправилась через реку Такказе (Сетит) и, не встречая сопротивления, 10 дней прокладывала себе дорогу по холмистому плато на протяжении 280 км, пока 30 марта не застряла окончательно в 40 км от Гондара. Генерал Старача, узнав, что авангард 2-го корпуса подходит к Гондару, оставил задерживавшие марш грузовики и артиллерию под прикрытием батальона, с остальными силами двинулся пешком и 1 апреля без выстрела вступил в Гондар.

Сражение у озера Ашанги

Первый итальянский корпус после захвата Амба-Арадам продвинулся на 50 км, 28 февраля занял без боя высоты Амба-Алага, которыми заканчивалась трудная горная местность севера Абиссинии, и получил задачу укрепиться здесь.

Третий корпус по окончании большой операции в Тембиене повернул на юг и двинулся через Фенароа на Секота, куда после трехнедельного перехода по тяжелой дороге вступил без боя 28 марта 1936 г.

Для поддержки первого корпуса из Абби-Адди был направлен туземный корпус, придано несколько батарей 149-мм гаубиц, устроен магазин с запасами на 12 дней на два корпуса. Туземный корпус 30 марта вышел на левый фланг первого корпуса и также укрепил фронт.

При общем развале абиссинского фронта у абиссинцев в районе озера Ашанги — Кворама сохранились еще не тронутые резервы, численность которых с присоединением остатков армии убитого Мулугета и гвардии негуса достигла 40 000 человек. 21 марта в непосредственное командование этими резервами вступил негус, прибывший в Кворам.

Эта армия наиболее целесообразно могла бы быть использована, чтобы задержать наступление итальянских войск на фронте озера Тана — Дессие до начала мая, когда дожди должны были замедлить и затруднить операции итальянцев; этим временем абиссинцы могли бы воспользоваться для организации дальнейшего сопротивления. Но воля негуса к сопротивлению не была поколеблена, кругом назревала измена, авторитет негуса падал, а надежды на помощь извне не сбывались.

Не зная вследствие плохой абиссинской разведки о марше туземного итальянского корпуса и рассчитывая на изолированность первого корпуса, негус решил атаковать его с охватом с востока.

На развертывание абиссинской армии с проходом ущелья Агупберта ушло 10 дней. Итальянская авиация между 20 и 30 марта производила массовые налеты на

район Ашанги — Кворам — Дессие, чем значительно затруднила маневрирование абиссинских войск. К окончанию развертывания абиссинской армии 29–30 марта итальянские силы возросли до двух корпусов.

31 марта началась атака абиссинской армии, направленная на левый фланг первого итальянского корпуса и, главным образом, на фронт туземного корпуса. Возможно, что присутствие последнего стало уже известно негусу, и он рассчитывал скорее сломить сопротивление туземных войск, слабо обеспеченных вооружением и техникой.

Несмотря на настойчивые атаки абиссинцев и дождливую погоду, затруднявшую деятельность 140 итальянских самолетов, негус не мог добиться успеха ни в одном пункте укрепленного итальянского фронта, и к вечеру 31 марта абиссинские войска отошли в исходное положение.

Полный неуспех атак 31 марта против вдвое превосходящих по численности итальянских сил должен был бы обратить внимание негуса на трудное положение абиссинских войск, скопившихся на узком фронте перед превосходящими силами противника и имевших в тылу теснину Агумберта.

Только быстрое решение могло спасти части абиссинской армии. Однако весь день 1 апреля прошел в нерешительных действиях. Абиссинцы произвели еще одну атаку на туземный итальянский корпус, отбитую одним дальним артиллерийским огнем.

Отступление начато было негусом только 2 апреля, но с рассветом итальянцы перешли в энергичное наступление, быстро выдвинув дивизию на правом фланге первого корпуса. На восточном фланге развивал охват туземный корпус. Итальянские самолеты со всех аэродромов бомбардировали отступающих абиссинцев и устраивали поливкой ипритом заграждения на пути их отхода. Под угрозой охвата с обоих флангов абиссинский авангард ускорил отход и к ночи обратился в бегство.

Катастрофа абиссинской армии еще более увеличилась вследствие восстания в тылу племени азебу-галла, узнавшего о поражении негуса. Итальянские агенты объединили под своим командованием до 3000 восставших и нападением на единственную дорогу отступавших войск

негуса привели их в окончательное расстройство. Из опасения авиации негус отступал по ночам. На помощь ему из Дессие был послан отряд в 2000 человек.

6 апреля туземный итальянский корпус занял Кворам, продвинувшись на 80 км с позиции, где он вел бой. Этот день можно считать концом преследования абиссинских войск. Итальянцы захватили 18 орудий, 43 пулемета, 1500 ружей, личный автомобиль негуса, его радиостанцию и 11 грузовиков. Потери их составляли около 1300 человек, из них 70% туземцев.

Основные выводы

Действия регулярных частей абиссинской армии и обученной европейскими инструкторами гвардии, на которую негусом возлагались большие надежды, в тактическом отношении едва ли оказались лучшими сравнительно с действиями войск раса Сейюма и Касса и, несомненно, уступали более искусным действиям раса Имру.

Но лучшее вооружение регулярных войск давало им возможность развивать более сильный огонь, вследствие чего в этой операции итальянцы понесли сравнительно большие потери, хотя все основные бои велись ими в условиях обороны поспешно укрепленных позиций. Возможно, что ошибочность оперативных целей и ошибочность тактического руководства, направившего абиссинские войска на фронт туземного корпуса вместо охвата его, не дали регулярным войскам выявить всю свою боеспособность.

Для итальянского командования, располагавшего двойным превосходством в силах, характерна большая осторожность и уклонение от встречных действий. Они всецело предоставляли слабо оснащенным техникой абиссинским войскам инициативу атаки укрепленных позиций, и лишь когда противник истощался, итальянские войска переходили в наступление и немедленно начинали преследование, используя авиацию и химическое оружие.

Действия авиации по наземным войскам в период сближения и в самом бою давали относительно скромные

результаты, но с началом преследования как в этом сражении, так и в других важнейших операциях приводили к тяжелым потерям, которые возрастали в огромной степени, когда противнику приходилось отступать через теснины. Отсюда видно, насколько при современном развитии авиации возросшая мощь преследования влияла на формы оперативного искусства.

При этом абиссинское командование делало ошибку, развертывая все свои зенитные орудия в районе боевых действий и не выделяя необходимых средств для обеспечения горных проходов в тылу.

Абиссинское командование приписывало все поражения, понесенные ими со времени перехода к решительным действиям и в особенности к операциям у оз. Ашанги, широкому применению итальянской авиацией отравляющих веществ.

Несомненно, что неожиданное применение химического оружия в период отступления абиссинских войск при отсутствии у них знания и средств противохимической защиты сыграло огромную роль и вносило расстройство и панику, но размах и быстрота, с которыми итальянские войска в период 10 февраля — 6 апреля разбили главные силы абиссинцев на северном фронте, явились также результатом неправильного метода ведения войны и ошибочности тактических приемов абиссинского командования.

Огаденская операция и занятие Аддис-Абебы

От Кворама до Дессие на протяжении 220 километров имелась пригодная для автомобилей дорога.

Тыловые дороги уже были разработаны для автомобильного движения от Массавы до Амба-Алаги. Не разработан был участок от Амба-Алаги до Кворама в 50 км. На его разработку были брошены рабочая сила, дорожные машины и две дивизии первого корпуса. Грузовое автомобильное движение было открыто 18 апреля.

Ближайшей оперативной целью являлся захват Дессие, важнейшего политического центра.

Серьезного сопротивления на пути не ожидалось. Генерал Бадольо назначил для захвата Дессие туземный корпус (18 000 человек), наиболее подвижный, с минимальным обозом. Однако во время марша обоз был доведен до 9000 вьючных животных. Итальянское командование не считало вьючный обоз организованной принадлежностью определенных войсковых единиц, дивизии, корпуса, а перебрасывало его в связи с трудностями и значением задач, возлагаемых на отдельные соединения. Во втором эшелоне должна была двигаться наиболее боеспособная дивизия первого корпуса.

9 апреля туземный корпус выступил из Кворама и в течение семи суток совершил марш до Дессие, делая в среднем по 30 км в сутки без дневок. За это время авиация неоднократно снабжала корпус продовольствием.

Дессие был уже в значительной степени разрушен предшествовавшими бомбардировками, и население разбежалось. С 16 по 23 апреля производилось занятие Дессие различными частями; был приведен в исправность местный абиссинский аэродром, на котором начала сосредоточиваться итальянская авиация и работать мощная радиостанция.

Таким образом, вследствие полного истощения абиссинского сопротивления, итальянцы через две недели после выигрыша сражения у Ашанги смогли продвинуться до Дессие, откуда итальянская авиация могла господствовать над всеми важнейшими районами Абиссинии. Наличие моторизованного тыла позволило закрепить это продвижение.

За отсутствием у абиссинцев организации пополнения армии, армия раса Насибу, защищавшая Харарское направление и насчитывавшая после мобилизации до 100 000 человек, к апрелю 1936 г. сократилась до 30 000. Из них 15 000 были выдвинуты на укрепленные позиции у Дагабура, Хаманлея, Дагамеда, Джианогаба.

Генерал Грациани, подготавливаясь к операции, улучшал дороги, сосредоточивал запасы; нужно было организовать водоснабжение на 100 000 человек. Конечной целью его наступления был Харар, удаленный от Горохея на 400 км. Целью первой операции был захват Дагабура.

Подготовка к операции затягивалась, но приближался сезон дождей, и на главном театре уже наступала развязка войны. Накануне захвата Дессие на северном фронте, 14 апреля, Грациани приступил к операции, когда моральные силы абиссинцев были уже сломлены. Операции начались предварительными налетами на Джиджигу и Харар бомбардировочной авиацией из Горахея. При наличии у Грациани 91 самолета налеты на Харар 23, 25 и 30 марта производились 27–33 самолетами, сбрасывавшими каждый раз до 20 т бомб.

Две колонны туземных итальянских войск были направлены на укрепленные позиции противника, а третья колонна из итальянских войск — по не занятому противником пространству на Дагабур из Герлогуи, имея задачи — обеспечение правого фланга, а также охват и выход в тыл абиссинских частей, которые оказали бы сопротивление на центральной позиции. Таким образом, около 60 000 итальянских войск наступали против 15 000 абиссинцев, сопротивление которых после развала обороны на северном фронте уже было лишено ясно определенной цели.

15–17 произошел трехдневный бой у Жианогоба. Подавляющее превосходство итальянцев, несмотря на ожесточенное сопротивление абиссинцев, вынудило последних к отступлению. 23 апреля итальянцы захватили Дагамедо. Центральная колонна, задержанная разливом реки Фафана, 24 апреля вступила в бой с абиссинцами у Хаманлея. На следующий день абиссинцы под угрозой охвата отступили. 29 апреля центральная колонна без боя заняла окопы Сасса-Бене, а 30 апреля без боя был занят Дагабур. Авиация и здесь сыграла существенную роль. Итальянцы захватили 5 орудий и 80 пулеметов. Потери их выразились цифрой в 50 офицеров и 1800 человек туземных войск.

Абиссинские войска отступали на Джиджигу и Харар. Рас Насибу бросил свою армию и уехал в Жибути.

Эта последняя операция итальянцев была запоздалой из опасения риска и проведена исключительно туземными войсками. В этой операции итальянцы понесли наиболее значительные потери, так как благодаря ровному

характеру местности абиссинские стрелки лучше действовали, чем в горах. Сведения, полученные генералом Бадольо по прибытии в Дессие говорили о растущем развале Абиссинского государства и растерянности в столице, об отсутствии забот о дальнейшей обороне. Надо было спешить с захватом столицы до начала сезона дождей и до образования новой власти, которая могла бы организовать дальнейшее сопротивление.

От Дессие к Аддис-Абебе вели две дороги: восточное шоссе с зигзагами и крутостями (436 км) и западный караванный путь, недоступный для автомобилей (310 км). По шоссе от Дессие отходили небольшие остатки регулярных войск негуса, разрушая все на пути и делая обвалы на шоссе.

Для помехи тому тотчас была выслана итальянская авиация. Для занятия Аддис-Абебы были выделены различные части в составе 25 000 человек. Моторизованная колонна в 1600 автомашин 26 апреля двинулась по шоссе, предшествуемая четырьмя туземными батальонами и дивизионом горной артиллерии для устранения препятствий на шоссе. Первая туземная бригада вышла 25 апреля по караванному пути и должна была прибыть к Аддис-Абебе на сутки позже моторизованной колонны, растянувшейся на 45 км.

Дождь, оползни и искусственные обвалы на шоссе задержали движение моторизованной колонны, которая только 5 мая подошла к столице, найдя у ворот поджидавшую ее первую туземную бригаду. Около трети всего количества автомашин вышло из строя — дорога представляла кладбище автомобилей. Шоссе было разбито проходом 1600 машин, и дальнейшее усиление итальянских войск производилось переброской по воздуху (один батальон в 800 человек с 10-дневным запасом был переброшен восемью бомбардировщиками за 12 дней на расстояние в 580 км). 5 мая 1936 г. генерал Бадольо вступил в столицу.

Негус отходил из Дессие караванным путем, чтобы избежать нападения авиации, следившей за шоссе, и прибыл в столицу 1 мая. Целью его возвращения была не организация дальнейшего сопротивления, а погрузка в поезд всех ценностей, которые можно было увезти. Вместе с расами

Кассо и Маконен он тайно уехал на своем поезде из столицы. В Диредаве к нему присоединился рас Насибу. 5 мая, в день занятия итальянцами столицы, негус со свитой и ценностями отбыл из Джибути на английском военном корабле в Палестину.

Отъезд негуса произвел тягостное впечатление в стране. Рас Сейюм, заявив, что негус предал страну, сдался итальянскому командованию в Секоте. Войска генерала Грациани получили возможность без сопротивления занять Джиджигу, Харар (8 мая) и Диредаву.

9 мая 1936 г. итальянское правительство опубликовало декрет о включении Абиссинии в состав итальянской империи.

Подавление остатков сопротивления и окончательная оккупация Абиссинии

В военных действиях наступило затишье. Начался период дождей, продолжающийся с мая по сентябрь включительно, и итальянцы отложили оккупацию незанятых еще частей Абиссинии до осени.

11 июня Бадольо был отозван в Италию. Вице-королем был назначен маршал Грациани.

С 29 июня в Италию начала возвращаться часть дивизий, состав оставшихся войск был сокращен, что позволило итальянцам в июле 1936 г. демобилизовать в Абиссинии 100 000 человек.

Однако беспокойное положение в стране и действия абиссинских партизанских отрядов в различных областях вынуждали итальянцев держать в Абиссинии до 200 000 войск, 300 самолетов и 10 000 грузовиков.

Во второй половине 1936 г. было образовано «Высшее командование военно-воздушных сил итальянской восточной армии» с центром в Аддис-Абебе и основными воздушными базами в Массаве, Ассабе, Могадишо и Аддис-Абебе и создана сеть вспомогательных аэродромов.

Вокруг столицы радиусом до 300 км был организован пояс воздушных баз, позволявших быстро сосредоточивать авиацию в угрожаемых направлениях.

Для подавления восстаний и борьбы с партизанским движением во второй половине 1936 г. были сформированы подвижные колонны, в большинстве моторизованные и снабжавшиеся исключительно авиацией.

Руководство дальнейшей борьбой абиссинцев взял на себя рас Имру, отошедший к Горе, к юго-западу от Аддис-Абебы, где он находился в связи с южной частью англо-египетского Судана. К расу Имру прибыл и рас Деста. У раса Имру было около 15 000 бойцов. В занятых итальянцами районах остался сын раса Касса Аберра, располагавший девятыю тысячами крепких партизан. С ними он произвел 27 июля нападение на Дессие, но потерял в бою до тысячи человек. 4 августа другой сын раса Касса, Вауд, произвел нападение на Гондар. Были также нападения на железную дорогу, где действовали три крупных отряда партизан общей численностью до 15 000 человек.

Факты нападения абиссинских партизан на крупные центры, занятые итальянцами, показывали, что в провинциях Тигре, Амхар и Шоа власть итальянского командования распространялась только на пункты, занятые сильными итальянскими гарнизонами¹.

Взамен демобилизованных войск итальянцы в половине сентября приступили к формированию колониальной армии в 64 000 человек (17 смешанных бригад).

План окончательной оккупации предусматривал занятие западных и юго-западных провинций Абиссинии.

В половине декабря 1936 г. пять итальянских колонн из Аддис-Абебы были направлены против сыновей Касса, сосредоточивших свои отряды в районе Фиче, к северу от Аддис-Абебы. 21 декабря Фиче был взят, и оба брата Касса были захвачены в плен и убиты.

¹ Итальянский губернатор провинции Амхара 7 сентября 1936 г. телеграфировал командующему военно-воздушными силами: «Только авиация может своевременно спасти положение посредством снабжения по воздуху этих гарнизонов, а также бомбардировкой, обстрелом из пулеметов повстанческих орд, селений и районов, которые их принимают». (См.: Татарченко «Воздушные силы в итало-абиссинской войне»).

Захват района Ладжо, где находились отряды раса Деста, был осуществлен в два приема: в октябре—декабре 1936 г. и в январе—феврале 1937 г. В операции участвовала дивизия генерала Джелозо, губернатора области Сидамо, и 220 самолетов, которые несли боевую, разведочную и снабженческую службу.

Борьбе с войсками раса Деста итальянцы придавали большое значение. Эти операции закончились 24 ноября 1937 г. пленением раса Деста.

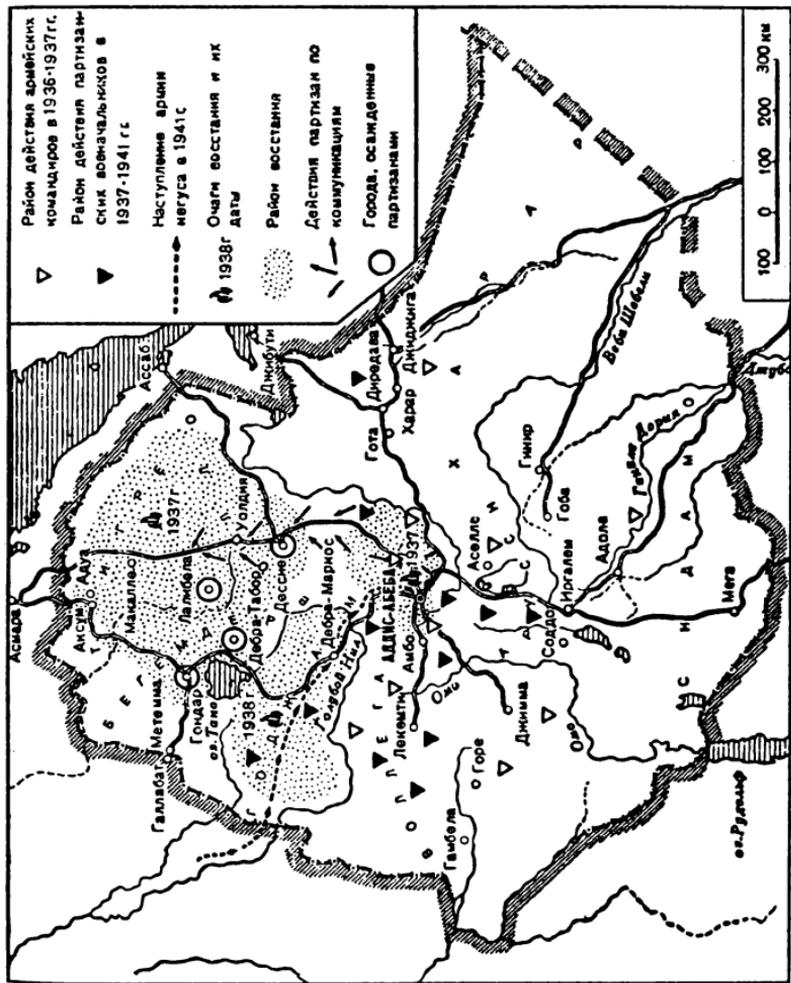
Ко времени окончания дождливого сезона (октябрь 1936 г.) итальянское командование сформировало довольно сильные подвижные колонны для осуществления окончательной оккупации Абиссинии, что требовало уничтожения многочисленных больших и малых партизанских отрядов, иногда хорошо вооруженных, действовавших в различных районах страны, особенно западных и юго-западных, и поддерживаемых населением. Их борьба с оккупантами показала, чего можно было достичь при правильной тактике. Оккупация всей Абиссинии не была достигнута и к концу 1938 г.

Тактика итальянских подвижных колонн в борьбе с партизанскими отрядами основывалась на быстроте движения в разные стороны из нескольких центров, на внезапности появления, на окружении партизан.

Снабжение подвижных колонн было целиком возложено на авиацию. Снабжение с воздуха обеспечивало колоннам легкость и подвижность и позволяло быстро двигаться даже по плохим дорогам. Авиация оказывала неоценимую услугу прежде всего разведкой обширного района и отысканием важных объектов, которые она и бомбардировала вдоль общей линии намеченного маршрута главных сил подвижной колонны.

Бомбардировка сопровождалась иногда пулеметным обстрелом. Целью бомбардировки было прежде всего рассеять или расчлнить отряд партизан, чтобы потом легче было его разбить наземными частями.

С июля 1936 г. началось подавление восстания и действий партизан, нарушавших работу железной дороги. Эти операции закончились в декабре. Значительная часть уцелевших частей армии раса Имру и негуса после их

Партизанская война в Абиссинии, 1936—1941 гг.

поражения собралась в западных и юго-западных провинциях. Рас Имру собирался возглавить новое абиссинское правительство.

Итальянское командование, опираясь на некоторых вождей, враждебных расу Имру, пыталось мобилизовать местные силы для захвата юго-западной части Абиссинии.

С этой целью 26 июня 1936 г. был организован первый воздушный десант в Лекемти. Самолеты должны были доставить одному из вождей вооружение и командные кадры, чтобы обучить, организовать и возглавить туземные абиссинские отряды и при их содействии захватить юго-западные провинции.

На высаженный десант ночью напал отряд раса Имру и начисто всех вырезал, кроме одного миссионера, бывшего в составе отряда, знатока Абиссинии, которому удалось спастись и добраться до Аддис-Абебы.

Итальянцам было важно ликвидировать всякое подобие центральной власти в Абиссинии и тем доказать Англии, Франции и Лиге Наций, что Абиссиния фактически оккупирована.

Несмотря на неудачу первого воздушного десанта, 10–24 октября был организован второй воздушный десант в числе 90 человек под руководством начальника воздушного Генерального штаба.

Эти 90 человек во главе местных отрядов при содействии 24 самолетов за 14 дней заняли большой район вокруг Лекемти.

Подоспевшая к 24 октября колонна итальянских войск (полковник Мальта) совместно с десантом и туземными отрядами захватила 26 ноября Горе.

Успех и опыт этой комбинированной воздушной и наземной операции был использован для захвата района Сайо (100 км к северо-западу от Горе), где был высажен воздушный десант, который, возглавив местные отряды, держался месяц до прибытия колонны полковника Мальта.

Одновременно итальянское командование для устрашения населения областей, граничащих с Суданом, организует налет 26 бомбардировочных самолетов, сбросивших 7000 кг бомб. Дальнейшим движением колонна полковни-

ка Мальта при содействии воздушного десанта захватила 18 декабря Гамбелу.

С захватом Лекемти, Горе, Сапо, Гамбелу, где были поставлены гарнизоны, итальянцы считали оккупацию западной Абиссинии законченной.

Воздушные десанты в тактическом и политическом отношении сыграли большую роль. Они давали возможность итальянцам выиграть время до подхода наземных колонн. Авиация обычно упреждала отряды Имру и захватывала воздушным десантом те пункты, к занятию которых стремился рас Имру. Наконец, они изменяли в пользу итальянцев колеблющиеся настроения феодалов в районах, куда могли прибыть войска раса Имру.

Отсюда можно сделать вывод, что в решающей обстановке авиация вообще способна своими силами оккупировать определенную часть неприятельской территории при наличии ряда существенных условий, как восстание в тылу противника, партизанское движение, ослабление влияния неприятельского правительства.

После захвата вышеуказанных опорных пунктов итальянцы начали решительную операцию по уничтожению отрядов раса Имру. С этой целью из Аддис-Абебы была послана колонна для оккупации провинции Джиммы, являющейся житницей всей Абиссинии. После занятия главного города этой провинции, Джирены, к северо-западу от него были обнаружены отряды раса Имру.

Тотчас из Джирены, Лекемти и Горе вышли три колонны по маршрутам, указываемым самолетами, которые одновременно оказывали колоннам всяческую помощь. Окруженный с трех сторон рас Имру, находившийся под непрерывным наблюдением самолетов, пытался уйти за реку Годжаб, но здесь его встретила предупреденная воздушной разведкой колонна полковника Мальта. 21 декабря рас Имру сдался с 800 человек своего отряда. В операции против Имру принимало участие свыше 250 самолетов.

Таким образом, итальянцам исключительно благодаря применению авиации удалось так быстро ликвидировать своего наиболее опасного противника, который имел данные организовать дальнейшую борьбу, если бы итальянцы не учли времени, этого важнейшего элемента обстановки.

Итоги войны

В семь месяцев Италия выиграла войну, и Абиссиния утратила свою независимость. Этим Италия достигла своей цели, расширив свою колониальную империю, усилила свои позиции на великом восточном морском пути, укрепила свои позиции в Африке, поставив под угрозу Британское Сомали, Кению, Судан и Египет со стороны Абиссинии и Ливии. Развертыванием своих морских и особенно воздушных сил на Средиземном море при подготовке и ведении войны она укрепила свое положение на Средиземном море в ущерб английским интересам, что существенно меняло обстановку на Средиземном море, где Англия в значительной мере утратила свое доминирующее значение.

Двойственная политика Англии, не желавшей победы Абиссинии из опасения развития антиимпериалистического движения поработенных народов Африки и потери своих колоний, с одной стороны, и не желавшей победы Италии, с другой, оказала Англии плохую услугу. А между тем, при условии осуществления всех санкций вплоть до нефтяных и закрытия Суэцкого канала, Италия не могла бы так быстро достигнуть своих империалистических целей. Фактически сама Англия склонила Лигу Наций к срыву намечавшихся ею санкций.

И, тем не менее, после победоносной войны, Италия не достигла окончательного замирения Абиссинии в течение последующих годов. Захват Абиссинии обошелся Италии очень дорого. Итальянцы потеряли за семь месяцев войны 50 000 человек, что свидетельствует об упорном сопротивлении, оказанном почти безоружными абиссинскими войсками. Война стоила Италии свыше 30 млрд лир. Освоение занятых районов, подавление восстаний в Абиссинии в 1936–1937 гг. стоили 17 млрд лир. Огромные военные расходы расшатали финансы Италии, увеличили ее внешние и внутренние долги и повели к дальнейшему обнищанию трудящихся масс.

Экономических выгод от новоприобретенных колоний, на которые рассчитывала Италия, ей пришлось и придется ждать еще долгое время.

Непосредственным результатом захвата итальянцами Абиссинии было обострение империалистических противоречий, огромный скачок в воздушных и других вооружениях. Захват Абиссинии явился звеном к развязыванию второй империалистической войны.

Основной причиной поражения Абиссинии, сохранявшей до войны абсолютистско-феодальный строй при слабости центральной власти, была ее политическая, экономическая и военно-техническая отсталость. Абиссинию ослабляла в ее борьбе за независимость племенная и религиозная рознь населения, не сплоченного и не объединенного в одну нацию. Покоренные племена были враждебны господствующему амхарскому племени. Население, угнетаемое и эксплуатируемое феодальными властителями, пребывало в нищете и невежестве.

Ряд военных и политических деятелей Абиссинии был враждебен центральному правительству негуса, измена и предательство их во время войны способствовали поражению.

В этих условиях абиссинский народ не мог развивать ту энергию, которая позволила бы ему применить массовое восстание, революционную войну, партизанские отряды, — те способы, при помощи которых маленький народ может одолеть большой, а более слабая армия — противостоять более сильной и лучше организованной.

В Марокко небольшая армия Абд-эль-Керима, дравшаяся за независимость страны, в течение четырех лет вела упорную партизанскую войну против многочисленных, вооруженных новейшими техническими средствами испанских и французских войск.

Абиссинии было бы выгодно вести затяжную, партизанскую войну, при которой время и изменения политической обстановки работали бы на нее. Абиссинские вожди пытались применить партизанскую войну, когда главные силы Абиссинии были разгромлены и значительная часть территории с важнейшими стратегическими пунктами была потеряна.

Быстрому разгрому Абиссинии способствовала изолированность Абиссинии, непрочность ее внутреннего политического положения, а в числе причин военного характера —

неорганизованность тыла и отсутствие у абиссинцев воздушных сил, сыгравших в итало-абиссинской войне огромную роль, особенно при преследовании отступающего противника, что является характерной чертой этой войны.

Одной из важнейших причин быстрого разгрома Абиссинии было глубокое заблуждение абиссинского командования в его взглядах на способы ведения войны. Было бы неправильно усматривать в наступательных действиях слабо вооруженных абиссинских войск на главном северном театре причину их поражения. При слабости в огневых средствах и при отсутствии авиации, тактическая оборона абиссинцев была обречена на неудачу в не меньшей степени, чем наступление. Занятые огневые позиции на горных кряжах могли быть обойдены. Разгром армии Мулугета, пассивно оборонявшей горный массив Амба-Арадам, подтверждает это. Еще большие потери понесли абиссинцы во втором сражении в Тембиене, несмотря на то, что войска расов Сейюма и Касса держались оборонительно.

Основная причина этих поражений, решивших исход войны, заключается в том, что абиссинская армия, выяснив свою неспособность наступать и фактически перейдя к тактической обороне, сохранила оперативную наступательную группировку, оперативно охватывая итальянскую армию с запада и оставляя трудные горные дефиле у себя в тылу. Оперативная оборона требовала выравнивания фронта, эшелонирования резервов и оставления впереди горных теснин только умеренных сил.

Горный характер северного театра военных действий, на каком абиссинское командование строило свои расчеты для обороны страны и поражения итальянских войск по примеру Адувы (1896 г.), теперь оказался более выгодным для итальянской армии, имевшей хорошо организованный тыл, транспорт, радиосвязь и авиацию. Сосредоточив на северном театре 200 000 человек и не воспользовавшись возможностью обходного маневра для дезорганизации глубокого тыла итальянцев, абиссинское командование дважды подставляло армию северного фронта под удары превосходящего техникой противника, допустив разбить себя по частям.

Абиссинское командование считало, что, если итальянские войска выйдут с массивов Амба-Алаги на равнину, то война будет проиграна. Это ошибочное представление было одной из причин перенапряжения абиссинской армии в первый период войны и последующего бессилия, когда итальянские коммуникации растянулись на 1000 км, а ударная сила их армии уменьшилась вдесятеро. Генерал Бадольо вступил в столицу Абиссинии только с 25 000 войск, располагая сообщением с тылом по плохому шоссе длиной свыше 1000 км.

Ошибка абиссинского командования, выразившаяся в стремлении дать генеральное сражение у северных границ на растянутых горных рубежах в условиях обороны, а не вести подвижную оборону и партизанскую войну, немедленно отразилась на внутреннем положении страны и на исходе войны. Если бы абиссинцы избрали район главного сопротивления внутри страны, то этим они устранили бы двойной численный перевес противника, подвергая ударам его растянутые коммуникации.

Слабым местом у абиссинцев была неорганизованность тыла. Необходимость питать армию скудными местными средствами деморализовала армию и население, что было использовано итальянской агентурой.

Попытка окружения абиссинских войск генералу Бадольо не удалась. Однако крупные уничтожающие удары были осуществлены, причем большие потери абиссинцы понесли при преследовании их итальянской авиацией, использовавшей притом ОВ.

Восстановление же боеспособности войск, отступающих под давлением авиации и моторизованных частей, требует большого времени, а то и вовсе не может быть достигнуто.

Таким образом, при превосходстве современной техники окружение уже не является единственным средством уничтожения противника.

Итак, основные ошибки абиссинского командования лежали не столько в области тактики, сколько в области стратегии и оперативного искусства. Иные методы ведения (и подготовки) войны и оперативного использования войск позволили бы абиссинцам затянуть сопротивление

на значительно больший срок, а выигрыш времени мог иметь решающее влияние на исход войны.

Выводы по использованию техники

Тем не менее, итальянцы достигли успеха ценою огромных усилий.

Вместо 13 мобилизованных в начале войны дивизий, к концу ее действовали на театре военных действий более 21 дивизии.

Всего в Восточную Африку было направлено 14 500 офицеров, 350 000 солдат, до 60 000 рабочих (не считая 80–100 000 человек из местного населения), 56 000 вьючных животных (не считая купленных на месте), 15 000 автомобилей, 450 000 винтовок, 11 500 пулеметов, 800 орудий, 300 танков, 500 самолетов (из них 60% бомбардировщиков, 30% разведчиков и 10% истребителей), 1800 радиостанций, 6000 телефонных аппаратов и огромное количество боеприпасов¹.

Эти силы надо было питать и снабжать в трудных условиях африканского театра — гор, пустынь, безводья и бездорожья. Естественно, важнейшей проблемой войны для итальянцев являлись организация тыла и строительство дорог.

К концу войны постройкой дорог было занято до 200 000 человек, из них 120 000 солдат, т.е. 33% армии. Итальянская стратегия в Абиссинии являлась в значительной степени «стратегией дорог» (Фуллер). Вместе с тем путь итальянской армии определялся источниками воды, снабжение которой являлось весьма сложной задачей.

В итальянской армии находилось более 200 геологических разведчиков, производивших поиски воды, причем было сделано 30 000 артезианских колодцев.

В отношении моторизации война в Абиссинии дала несомненный сдвиг в военном искусстве. На бездорожном театре автомобили работали в сочетании с вьючным транспортом (13 000 авто и 87 000 вьючных животных).

¹ Корсун. «Итало-абиссинская война 1935 — 1936 гг.»

Моторизация увеличила оперативную подвижность тыла и позволила оторваться на 100 км от базы. Конечно, это было возможно для некрупных сил (25 000) и при спокойном (обеспеченном) оперативном положении.

Меньшее значение в условиях абиссинского театра имела переброска войск на автомобилях. Движение автомобильной колонны генерала Стараче на Гондар и марш моторизованной колонны маршала Бадольо имели более демонстративный характер.

Итальянские танки в Абиссинии показали невысокие боевые и технические качества. Атаки их не производили на абиссинцев большого впечатления. Одно-два противотанковых орудия заставляли итальянцев воздерживаться от танковых атак.

Выяснилась необходимость усиления брони, применения перископа и вращающейся башни для увеличения обзора и наличия на танке взрывчатых веществ для подрыва горных завалов и других препятствий на пути.

В абиссинской войне Италия располагала абсолютным господством в воздухе. Это обстоятельство прежде всего надо иметь в виду при оценке результатов боевой деятельности итальянской авиации. Италия перебросила в Абиссинию до 500 самолетов далеко не новейшей конструкции, а наоборот, самолеты, которые вскоре должны были быть сняты с вооружения, хотя авиации на абиссинском театре Италия уделяла наибольшее внимание. У абиссинцев же имелось всего 7 самолетов, которые они использовали главным образом для связи.

Господство в воздухе позволило итальянской авиации сбросить на Абиссинию в течение войны (7 месяцев) 1850 т бомб и за время усмирения (с мая 1936 г. по апрель 1937 г.) 950 т, всего, следовательно, 2800 т бомб и ОВ. Вес сброшенных бомб приблизительно равнялся общему весу снарядов, израсходованных артиллерией во время войны. Отсутствие воздушного противника и ничтожное число зенитной артиллерии у абиссинцев были причинами незначительных потерь итальянской авиации. Сбито во время войны 14, за время усмирения 4 итальянских самолета. Повреждения от зенитного огня получили 265 самолетов. В первые 4 месяца итальянские самолеты сбрасывали

бомбы с высоты 1000–1500 м и никогда не несли потерь; затем они спускались на низкие высоты, иногда переходя на бреющий полет и поражая цели пулеметным огнем. Этот второй прием был связан уже с потерями от ружейного и пулеметного огня абиссинских войск. За войну, таким образом, сбито 16 итальянских самолетов, не считая 20, погибших во время вынужденных посадок.

Авиация являлась основным средством для использования ОВ путем образования мелкого дождя иприта из распылительных аппаратов. Италия вступила в войну с Абиссинией, обладая первоклассным химическим оружием. Итальянское командование начало применять его против абиссинского населения и армии в декабре 1935 г. Применялись нестойкие ОВ: хлоропикрин, фосген; стойкие — иприт, люизит и смесь их. Химическое оружие явилось роковым для абиссинцев, не имевших даже примитивной ПХО. Значительная часть армии раса Сейюма погибла в долине р. Такказе от газов. Из 30-тысячного войска раса Имру уцелело 10 тысяч. Главные потери от газов абиссинские войска несли при отступлении их через горные теснины.

Впервые авиация была широко использована для снабжения войск, что в высшей степени увеличивало их оперативную подвижность. Это открывало большие возможности в будущем. Впервые были применены воздушные десанты, правда, уже во время оккупации юго-западных областей Абиссинии и при подавлении восстаний и партизанского движения.

Вопросам высшего управления и связи при действиях в Абиссинии итальянцы придавали большое значение. Итальянская армия была насыщена всеми современными средствами связи: сотнями самолетов, тысячами радиостанций, телефонов, усовершенствованными телеграфами, вплоть до телеобъективов для инфракрасных лучей. В решительный период операций на северном фронте штабные офицеры вылетали на самолетах на важнейшие участки фронта для управления операцией. Авиация была использована для переброски штаба главного командования на большое расстояние для ускорения темпа операций.

Через несколько дней после захвата итальянскими войсками (24 апреля) Дессие генерал Бадольо со всем штабом перелетел на самолетах из Макалле в Дессие, что заняло 1,5 часа, тогда как наземное передвижение, будучи небезопасным, заняло бы не менее 10 дней (300 км).

Прибытие главнокомандующего со всем штабом к войскам, только что захватившим важный центр, позволило придать дальнейшей решительной операции очень быстрый темп, а отсюда и внезапность развязки. Задержка операции в случае наземного передвижения штаба могла бы прервать операцию ввиду начавшегося в мае сезона дождей.

Война из-за одного этого обстоятельства могла бы затянуться на 1937 г. Этот опыт убедительно говорит о необходимости более широкого использования в большой войне высшими штабами самолетов для быстрого выдвижения к своим наступающим войскам. При господстве в воздухе итальянской авиации в абиссинской войне авиация сыграла огромную, а в последний период войны — решающую роль.

Опыт этой войны показал, что без воздушных сил, при наличии их у противника в достаточном количестве, выиграть войну невозможно. Абиссинский опыт, хотя бы в лабораторном виде, показал, как неизмеримо велико значение господства в воздухе и как оно самым решительным образом отражается на всех операциях вооруженных сил.

Сосредоточение воздушных сил на юге Италии и угроза воздушного нападения явились элементами видоизменения стратегической обстановки в Средиземном море, повлиявшей на политические ходы империалистических держав, и послужили противовесом сосредоточению в Средиземном море английских морских сил, прикрыв в известной степени морские коммуникации Италии с абиссинским театром военных действий.

В большой европейской войне трудно рассчитывать на абсолютное господство в воздухе, как это было у итальянцев в Абиссинии, но этот опыт имеет большое значение для правильной оценки возросшей роли и значения авиации в будущей войне.

«В любой войне стратегия должна стремиться возможно раньше, возможно полнее разрешить задачу если

не господства в воздухе, которое практически достижимо лишь в исключительных случаях, то устойчивого, надежного превосходства в воздухе, превосходства тактического, оперативного, стратегического»¹.

В заключение надо отметить, что из того, что своим победам Италия обязана превосходству своей техники, было бы ошибочно заключить о высоте технического оснащения итальянской армии среди других европейских армий в то время. Колониальные войны не являются выставкой новейшей военной техники. Италия использовала в абиссинской войне старую материальную часть. Экономические соображения играли здесь существенную роль. Отправляя на театр войны старую артиллерию, самолеты устаревших типов, слабые танки, Италия освободила свои склады от хранения малопригодных для европейской войны древностей. В то же время Абиссиния являлась опытным полем для некоторых отраслей снабжения, как средства связи, радио и др.

Отсутствие серьезного огневого противодействия позволяло итальянцам применять архаические формы боевых порядков (густая стрелковая цепь с массой пулеметов, поддерживаемая прямой наводкой с открытых позиций, разбросанные по всему фронту батареи). Поэтому итальянские войска не получили на абиссинском театре современной тактической подготовки.

Ход военных действий обнаружил, что большинство итальянских дивизий предпочитало оборонительный способ действий, даже при численном превосходстве. Итальянцы охотно уступали инициативу более слабому противнику и переходили в наступление лишь тогда, когда противник находился в полном расстройстве. Это свидетельствовало о недостаточной уверенности итальянского командования в своих силах, об отсутствии боевого духа и невысоких моральных качествах многих итальянских частей. Эти отрицательные качества итальянской армии нашли подтверждение в Испанской войне, в которую Италия бросилась в 1936 г.

¹ Е. Татарченко. «Воздушные силы в итало-абиссинской войне».

ЛИТЕРАТУРА:

Краткий курс истории ВКП(б).

Опыт итало-абиссинской войны. 1937 г.

Корсун. Итало-абиссинская война. 1939 г.

Татарченко Е. Воздушные силы в итало-абиссинской войне // Военный зарубежник, 1937 г., № 5.

«Правда», «Красная Звезда», «Известия Советов депутатов трудящихся СССР» (с октября 1935 по ноябрь 1938 г.)

Резолюция VII Всемирного Конгресса Коминтерна.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА И ИНТЕРВЕНЦИЯ В ИСПАНИИ

Введение.

Этапы испанской войны

Гражданская война и интервенция в Испании продолжалась два года и восемь с половиной месяцев — с 13 июля 1936 г. по 3 апреля 1939 г.

Все время военных действий можно разделить на два периода:

- 1) от начала войны до февраля 1938 года;
- 2) с февраля 1938 года до конца войны.

Первый период характеризуется нарастанием силы, организованности и умения республиканской армии и ее успехами.

Второй характеризуется чрезвычайным усилением армии интервентов и насыщением ее техническими средствами в противоположность республиканской, у которой как боезапасы, так и продовольствие постепенно истощались в связи с блокадой интервентов и потерей территории.

В соответствии с этим каждый период имеет несколько этапов, сопровождавшихся крупными результатами и изменением стратегической обстановки.

Важнейшие этапы первого периода войны

1. Июль — август 1936 г. переброска мятежных войск из Марокко, установление контакта между южной и северной группами мятежников путем захвата территории вдоль португальской границы в июле и августе и образование широких фронтов на территории Испании.

2. Сентябрь — октябрь 1936 г. Форсированное наступление мятежников в центр страны к Мадриду в сентябре — октябре.

3. Ноябрь — декабрь 1936 г. Безуспешные лобовые атаки мятежников на героически обороняющийся Мадрид и усиление иностранной помощи генералу Франко в ноябре — декабре 1936 г. Переезд правительства в Валенсию.

4. Январь — май 1937 г. Перенос центра тяжести борьбы на маневренные операции в районе Мадрида, на юге и севере Испании. Смена республиканского правительства и реорганизация республиканской армии. Подавление мятежа в Барселоне.

5. Май — декабрь 1937 г. Потеря республиканцами северных провинций и занятие ими Теруэльского «выступа». Широкая блокада республиканской Испании и борьба на коммуникациях в Средиземном море. Нионское соглашение (14 сентября 1937 г.)

Важнейшие этапы второго периода войны

6. Январь — май 1938 г. Перенос центра тяжести борьбы на Восточный фронт и перелом войны. Усиление армии интервентов и насыщение ее военно-техническими средствами.

Занятие мятежниками территории Теруэля. Наступление на восточном фронте по обе стороны р. Эбро и выход мятежников на побережье Средиземного моря. Заключение англо-итальянского соглашения (16 апреля 1938 г.). Территория республиканской Испании разрезана на две изолированные части.

7. Июнь — июль 1938 г. Безуспешное трехмесячное (май, июнь и июль) наступление мятежников на фронте Леванта с целью овладения Валенсией и усиление воздушных

бомбардировок прибрежных городов и селений интервентами.

8. Июль — ноябрь 1938 г. Четырехмесячная борьба на р. Эбро, после которой вступило в силу англо-итальянское соглашение (16 ноября 1938 г.)

9. Декабрь 1938 г. — февраль 1939 г. Наступление интервентов на Каталонском фронте и падение Барселоны. Потеря всей Каталонии и переход частей республиканской армии через французскую границу. Предательский захват Менорки. Возвращение республиканского правительства в Мадрид с решением продолжать борьбу (13 февраля 1939 г.). Затишье на фронтах.

10. Февраль — апрель 1939 г. Подписание соглашения Франции с правительством Франко. Англия и Франция признали правительство Франко. Мятеж капитулянтов в Картахене и подавление его. Республиканский флот ушел в Бизерту.

11. Новые назначения в республиканской армии. Предательский переворот в Мадриде. Образование «Правительства национальной обороны» и переход на его сторону Валенсии, Мурсии и Альмерии.

12. Восстание республиканцев против «Правительства национальной обороны». Мадрид становится ареной ожесточенных боев. Бои в Мурсии, Гвадалахаре, Альмерии. Франко объявляет блокаду побережья республиканской Испании.

13. Переговоры «Совета национальной обороны» с правительством Франко о заключении «почетного мира».

14. Заключение Франко с Португалией договора о дружбе и ненападении.

15. Франция выдает Франко республиканский флот.

16. Безоговорочная сдача Мадрида и Валенсии.

17. США признают правительство Франко, объявившее об окончании войны (2 апреля 1939 г.).

Положение Испании после Мировой войны

Мировая война, в которой Испания сохраняла нейтралитет, дала ей активный торговый баланс, увеличила золотой запас страны в 4 раза и дала возможность ликвидировать большую часть внешнего долга.

С 1921 г. заказы из-за границы прекратились, и неожиданное «процветание» закончилось; начались увольнения рабочих и снижение заработной платы. Рабочие волнения приняли угрожающий характер.

Война с риффами 1921–1922 гг.

Король Альфонс решил разрядить напряженную обстановку в стране и летом 1921 г. предпринял экспедицию против Абд аль-Керима, вождя племени риффов, поднявшего восстание против испанского владычества в Марокко. В битве при Ануале испанская армия была наголову разбита риффами; командующий армией покончил самоубийством.

Назначенная следственная комиссия грозила разоблачением вины короля в постыдной экспедиции, и последний решил воспользоваться честолюбивыми стремлениями военного губернатора Примо де Риверы, пользовавшегося большой популярностью среди буржуазных кругов Барселоны после подавления им восстания анархистов в 1922–1923 гг.

Диктатура Примо де Риверы 1923–1929 гг.

В октябре 1923 г. генерал Примо де Ривера провозгласил диктатуру, принял на себя управление всей государственной машиной и приостановил действие конституции.

Альфонс признал свершившийся факт: ответственность за все политические акции будет лежать не на короле, а на генерале. Период диктатуры Примо де Риверы имел ярко выраженный реакционный характер. Правительство Примо де Риверы, поддерживаемое капиталистами, крупными землевладельцами и церковью, не пользовалось симпатиями народа. В стране росли оппозиционные настроения. Армия также проявила признаки недовольства.

С началом в 1929 году мирового экономического кризиса Испания, где был весьма силен иностранный капитал, сразу же оказалась под ударом финансовых трудностей. Страна открыто требовала ухода диктатора, армия отказалась выразить ему свое доверие. Тогда король предложил

Примо де Ривере подать в отставку и объявил о восстановлении конституции.

Однако новое правительство также оказалось несостоятельным. Летом 1930 г. интеллигентские слои, называвшие себя республиканцами, пришли к соглашению с каталонскими сепаратистами, договорившись о выходе из ситуации революционным путем и о создании республики с автономией для Каталонии. 16 октября 1930 г. вожди социалистов подписали соглашение с республиканцами. Часть офицеров также выразила готовность примкнуть к революции.

Испанская революция 1931 г.

Восстание было назначено на 28 октября 1930 г., но сведения о нем проникли в печать, правительство приняло меры, и восстание было отложено до 15 декабря. Но вследствие преждевременного выступления офицеров одного из гарнизонов, которые затем были расстреляны, армия не смогла поддержать общее выступление, забастовка в Мадриде не состоялась, а многочисленные забастовки и революционные восстания в провинции были подавлены. Около 1000 человек было брошено в тюрьмы.

Вожди республиканцев, заключенные в Мадридскую тюрьму, образовали там революционный совет и выработали основы будущей республиканской конституции. Разрастающееся революционное движение было столь велико, что правительство вынуждено было освободить заключенных и согласиться на свободные выборы в кортесы. Республиканцы и социалисты образовали на них единый фронт.

13 апреля 1931 года в Мадриде была провозглашена республика, король бежал во Францию, а глава католической церкви отбыл в Рим.

Это была на редкость мирная революция. Монархисты, не найдя поддержки ни в армии, ни у населения, не оказали никакого сопротивления. Республиканцы не проявили мстительности, королевской семье было разрешено беспрепятственно покинуть страну. Насилие было применено только против иезуитов и монахов, которыми киш-

мя кишела монархическая Испания. Было сожжено около 200 церквей, но не был убит ни один священник.

Испанский народ спокойно выбрал новые кортесы, которые должны были составить новую конституцию; от нее ожидалось устранение недовольства во всех классах.

Республика

Республиканская конституция, получившая силу закона в декабре 1931 г., представляла собой неизбежный компромисс. Новое правительство состояло из представителей нейтральной буржуазии и социалистов.

Новая конституция начиналась с декларации о том, что «Испания является республикой трудящихся классов». Она оговаривала право рабочих организаций. Законодательная власть принадлежала выборному парламенту — кортесам, перед которыми было ответственно правительство. Президент имел ограничительное право (вето) и фактически не обладал никакой реальной властью¹.

Перед кортесами и правительством тотчас же встал ряд проблем — религиозных, политических, экономических.

Глава правительства вождь республиканцев Самора и министр внутренних дел Маурер были ревностными католиками и выступали против всякой войны с церковью. Социалисты требовали конфискации церковных имуществ. В октябре 1931 г. Самора и Маурер ушли в отставку. Задача выработки новой конституции легла на главу нового правительства — Асанью.

Церкви была запрещена всякая просветительская деятельность, а также занятия торговлей, государственные субсидии на духовенство были отменены, но религиозные ордена не были изгнаны из Испании и беспрепятственно продолжали свою деятельность. Только наиболее ненавистный народу орден иезуитов был объявлен распущенным, и имущество его было конфисковано. Клерикализм по-прежнему оставался в Испании огромной силой.

¹ Джексон. «Послевоенный мир».

Старому бичу Испании — привилегированной военной касте был нанесен решительный удар. Увольнением в отставку (с увеличенной пенсией) армия была избавлена от 10 тысяч офицеров — из 22 тысяч. Одновременно проведенным законом офицеры уравнивались с правах с гражданским населением. На народное образование было отпущено втрое больше средств, чем при монархии — Испания являлась отсталой страной, где большинство населения не умело ни читать, ни писать.

Каталония еще в начале 1931 г. провозгласила независимую республику. Барселона была главным промышленным центром Испании. Однако Каталония экономически зависела от Кастилии и ей необходимо было установить федеративные отношения с Мадридом. В октябре 1932 г. кортесы предоставили Каталонии право автономной провинции со своим собственным парламентом, исполнительным советом и президентом.

Экономическая проблема оказалась более сложной. Правительство подчинило своему контролю испанский банк, проводило мероприятия по национализации железных дорог, ввело восьмичасовой рабочий день, выдачу пособий по болезни и нетрудоспособности.

Наибольшие препятствия правительство встретило при введении аграрной реформы. В северной части страны, где земельные участки были малы, правительство объединило их владельцев в общины с подчинением их министерству земледелия и с правом принимать решения большинством голосов о коллективной обработке их участков.

В южной части преобладали крупные землевладельцы. Влияние их было настолько велико, что правительство не могло пойти против них и попытаться подчинить своему управлению большие поместья юга. Тем не менее, королевские поместья и земли грандов были конфискованы. Несмотря на компромиссный характер реформ, республика за полтора года своего существования (до осени 1933 г.) сделала в Испании больше, чем монархия за полвека.

Постоянную угрозу республике представляли собой анархистские элементы. Ряды анархистов и синдикалистов пополнялись рабочими, покидавшими социалисти-

ческие союзы после каждой неудачи социалистов, первоначально получивших большинство в кортесах. В январе 1932 г. в Каталонии и Севилье (Андалузия) произошло серьезное анархо-синдикалистское восстание, которое было подавлено после большого кровопролития. В августе 1933 г. в целях более успешной борьбы с террористами был отменен закон о защите республики. Этим было приостановлено действие социальных гарантий.

Реакция 1933–1934 гг.

Осенью 1933 г. для борьбы с социалистами образовался так называемый «антимарксистский союз», состоящий из сильной аграрной партии (руководимой Хилем Роблесом, провозгласившим лозунг «сохранение земельной собственности и защиту католической религии»), национальной партии басков (карлисты), находившейся под влиянием духовенства и мечтавшей о восстановлении монархии, и так называемой «радикальной» партии во главе с Леруссом, пользовавшейся поддержкой буржуазии.

В результате борьбы премьером сделался Лерусс, политика которого состояла в том, чтобы ликвидировать все, что было достигнуто революцией в борьбе с капиталистами и церковью. С начала 1934 г. Испания быстро шла к гражданской войне.

Объединение правых партий в «антимарксистский союз» и реакционный курс Лерусса привели к объединению всех левых партий для защиты достижений революции. Результатом стала отставка Лерусса. К левому объединению присоединились каталонцы. Они провели закон против помещиков, дававший крестьянам право выкупать земли по истечении 18 лет их обработки. В сентябре 1934 г. в объединение вступили коммунисты, и когда 1 октября 1934 года собрались кортесы, в воздухе уже пахло восстанием. Только решительные уступки правительства могли предотвратить его, но правительство отказывалось уступить в чем бы то ни было, и Лерусс снова стал премьером. 5 октября по всей Испании вспыхнули волнения, наиболее

широко распространившиеся в Барселоне и Астурии. Но армия и помещики остались на стороне правительства, и восстание было подавлено.

Подготовка военного мятежа

Подготовка военного мятежа в Испании, по существу, началась сразу же после провозглашения республики (апрель 1931 г.). Но особенно интенсивно она велась со времени подавления октябрьского восстания пролетариата в 1934 г. Она облегчилась тем, что с октября 1934 г. по ноябрь 1935 г. в правительство вошли представители СЭДА (испанской федерации правых организаций), а с мая 1935 г. ее лидер Хиль Роблес стал военным министром, приложившим все старания для усиления реакционных элементов в армии. На ответственные командные должности были назначены доверенные лица: генерал Франко — начальником Генерального штаба, генерал Родед — начальником военно-воздушных сил. В сентябре 1935 г. Франко и Родед уже пытались произвести военный переворот. Только бдительность пролетариата и своевременная мобилизация его сил разрушили замыслы реакции. Ей пришлось отступить. Разногласия с другими правыми партиями вынудили СЭДА в ноябре 1935 г. выйти из состава правительства.

Тогда же образовался народный фронт, к которому примкнули: республиканская левая (Асанья), республиканский союз (Баррио), национальная (Эскарра) и левые баскские националисты. Основными требованиями народного фронта являлись: амнистия политзаключенных, возвращение на работу рабочих и служащих, уволенных в связи с октябрьским восстанием, восстановление аграрной реформы, отмена закона об аренде, восстановление конституционности, предоставление автономности Каталонии и Бискайе.

После победы народного фронта на парламентских выборах 11 февраля 1936 г. в мае 1936 г. было образовано новое правительство, состоявшее из представителей следующих партий: республиканской левой, республиканского союза, каталонской левой. Франко и Родед были смеще-

ны с должностей и переведены на посты командующих округов на Канарские и Балеарские острова.

Победа народного фронта способствовала углублению и разворачиванию в стране буржуазно-демократической революции, активизировала революционную деятельность масс, которые сами приступили к осуществлению программ народного фронта, и правительство вынуждено было во многих случаях только легализовать то, что массы проводили явочным порядком (амнистия, аграрная реформа, автономия Каталонии).

Образование правительства Асаньи произошло под давлением рабочих и широких трудовых масс. Однако реакция, сохранившая свои организации¹, полную свободу агитации и пропаганды, развернула контрреволюционную борьбу против правительства и демократии во всех областях. Всеми силами она добивалась раскола народного фронта.

Наиболее активной была «Испанская фаланга», методом борьбы которой являлся террор. Фаланга, а также «Испанское возрождение» и традиционалисты, объединившиеся в «национальный блок», представляли основные слои дворянского земледелия. «Испанская фаланга» ориентировалась на иностранные реакционные круги и стремилась к восстановлению монархии. Она создавала боевые отряды, осуществлявшие террористические акты. Сильнее всех организации фланги были в Новой и Старой Кастилии, Леоне, Арагоне.

13 апреля 1936 г. правительство объявило «Испанскую фалангу» вне закона, арестовало тысячи ее членов, включая и лидера фланги Примо де Риверу. Эти меры были предприняты лишь после общей забастовки мадридского пролетариата. В результате «Испанская фаланга» перешла к подпольной деятельности.

СЭДА, возглавляемая Хилем Роблесом, представляла интересы части помещиков, связанных с финансовым капиталом, а также монополистического капитала, связанного с помещиками. В значительной степени она была создана

¹ СЭДА, «Испанская фаланга», «Испанское возрождение» и др.

на средства миллионера Хуано Марча (табачный монополист). Важнейшей опорой СЭДА являлся и такой институт феодализма, тесно связанный с монополистическим капиталом, как католическая церковь. Церковь активно помогала реакции. Наконец, сильной опорой реакции являлся государственный аппарат и армия. За годы реакции (1933–1936) в государственном аппарате и армии укреплялись реакционные элементы.

Во всех учреждениях сидели ставленники реакции и тормозили проведение демократических мероприятий правительства. Решающую роль играла армия в лице ее высшего комсостава, происходившего из дворян и крупных помещиков. Созданный за эти годы реакционный офицерский союз распушен не был. Армия стала очагом мятежа и подняла его в ночь на 16 июля 1936 г.

В разлагавшейся испанской монархии армия все более утрачивала свое значение как орудие внешней политики. Даже война с риффами оказалась ей не под силу. Армия в значительной степени стала орудием реакционных кругов, обратившись в паразитический аппарат, обеспечивший синекуру дворянству и крупной буржуазии, которая занимала высшие командные посты, главным образом, в пехоте и кавалерии. Технические части, требующие больших знаний, заполнялись выходцами их разночинцев, мелкой буржуазии. Испанская армия, более чем какая-либо другая, была перенасыщена офицерским составом (на семь солдат приходился один офицер).

При таких условиях реакция, не имея широкого массового базиса, не могла полностью рассчитывать даже на армию. Поэтому основной упор был сделан на Испанское Марокко, где находились те части, на которые реакция могла безусловно положиться. Это были марокканские стрелки — туземная регулярная армия, и испанский Иностранский легион (6000 солдат) — наемная армия из международного сброда.

Решающее значение в борьбе с реакцией имели отношения между коммунистами и социалистами. Революционный подъем в стране и усиление влияния коммунистической партии принудили социалистов и анархо-синдикалистов принять участие в образовании

народного фронта, причем группа Бестейро, представлявшая правое крыло в партии социалистов, продолжала и в этих условиях противиться созданию политического единства в стране, возражала против сотрудничества с коммунистами в едином народном фронте.

Сплоченность пролетариата дала ему возможность играть решающую роль в борьбе демократических элементов против реакции. Тотчас же после вспышки мятежа в Марокко во всех городах была объявлена забастовка.

Против военно-реакционного мятежа поднялось и крестьянство, особенно активно в тех районах, где за последнее время были проведены аграрные реформы (Каталония и Эстремедура) и где были созданы крестьянские отряды под руководством рабочих. Настроение крестьянства и призыв правительства к неповиновению мятежным офицерам отразились до известной степени и на солдатской массе, часть которой перешла на сторону правительства.

Крупнейшую роль в дальнейшем разворачивании событий сыграла позиция матросов, которые предотвратили попытку контрреволюционного офицерства перевести флот на сторону мятежников. Между тем испанским ВМС¹ отводилось важное место в расчетах мятежников, так как при лояльности флота правительству мятежникам было бы крайне трудно перебросить из Марокко Иностранский легион и марокканских стрелков, которых считали мятежники самыми надежными частями. Насколько мятежники не доверяли солдатским массам, можно заключить из того, что моментом восстания был выбран июль, так как осенью предстоял новый набор рекрутов, которые, по словам Франко, «ускорили бы разложение армии».

Начало мятежа. 17 июля 1936 г.

Мятеж начался в Испанском Марокко. Во главе мятежников стал прилетевший с Канарских островов генерал Франко. В следующие дни мятеж подняли гарнизоны в

¹ Флот Испании состоял из 2 линкоров, 7 крейсеров, 10 лидеров, 12 эсминцев и миноносцев, 14 подводных лодок и 11 спасательных судов.

ряде городов: Барселоне, Севилье, Мадриде, Сарагосе, Памплоне, Эль-Ферроле, Ла-Корунье и др.

Мятеж начинался несколько ранее намеченного срока (25 июля). Восстание в разных гарнизонах произошло одновременно и было ускорено предшествующими событиями: выступлением фалангистов в Валенсии 12 июля, где они заняли радиостанцию и объявили о захвате власти, убийством фалангистами в Мадриде одного из сторонников народного фронта — лейтенанта штурмовой гвардии¹ Кастильо и в ответ на это расстрелом одного из главных организаторов мятежа Кальво Сотело. Правительство получило предупреждение о готовящемся мятеже и начало принимать меры, а именно: мобилизацию штурмовой гвардии, перемещения в комсоставе армии, сосредоточение в Мадриде бомбардировщиков, аресты нескольких сотен офицеров и фалангистов.

Мятежники, опасаясь, что правительство опередит их, ускорили выступление. В результате Мадрид оказался в окружении восставших гарнизонов. На северо-западе мятежные войска укреплялись на Сьерра-Гвадарраме, что грозило отрезать Мадрид от расположенных там водных источников. Оттуда открывался прямой путь (50 км) на Мадрид по горному плато.

На северо-востоке в 40 км в руках мятежников оказалась Гвадалахара, на востоке — Куэнка, на юге — Толедо, на юго-востоке — Альбасете, важный железнодорожный узел, связывающий Мадрид с Валенсией и Мурсией — основными продовольственными базами Мадрида — и тем самым с морем.

Организуя заговор, мятежники рассчитывали на молниеносный удар, при условии одновременности мятежа во всех гарнизонах, на пассивность крестьянства, городской мелкой буржуазии и интеллигенции, на нерешительность правительства. Реакция не ожидала, что левобуржуазные партии решат опереться на пролетариат и дать ему оружие.

¹ Штурмовая гвардия — жандармский корпус, созданный при Республике и в основном лояльный по отношению к левобуржуазному правительству.

Когда 20 июля мятеж подняли несколько мадридских полков в огромных казармах, расположенных на высоком холме и представлявших собой маленькую крепость, он был подавлен рабочими и солдатами. Рабочая милиция осадила казармы, а солдаты, узнав о призыве правительства к неповиновению мятежным офицерам, открыли ворота казармы и отказались сражаться. В тот же день матросы военного флота, услышав по радио призыв правительства, выступили против офицеров и спасли основную часть флота для республики.

Разгром фашистского мятежа в Барселоне

Барселона явилась основным республиканским центром Каталонии и Арагона с первых дней мятежа.

План мятежников, руководимых прилетевшим с Балеарских островов генералом Годедом, предусматривал предварительный вывод из Барселоны верных правительству частей и ввод войск мятежников. Но мятеж в Барселоне, который должен был начаться 20 июля, был подавлен рабочими, заранее получившими оружие. Когда части мятежников генерала Годеды вошли в город, они встретили организованное сопротивление и после 14-часового боя принуждены были сдаться, вожак мятежа был схвачен и расстрелян. Разгром мятежников в Барселоне означал их разгром во всей Каталонии.

В Барселоне в подавлении мятежа участвовали и крестьяне, которые наступали на город вместе с рабочими. Еще 18 июля, то есть до событий в Мадриде, каталонское правительство начало раздавать оружие рабочим. Здесь еще до Мадрида начала образовываться рабочая милиция и рабочие комитеты. Барселона первая подавила мятеж.

В Каталонии, самой промышленной области Испании, было сосредоточено около трети испанского пролетариата. Это единственная область страны, в которой городское население превышает деревенское. Ее столица, Барселона является самым крупным городом Испании и по числу населения (1 200 000 человек) превосходит Мадрид (1 000 000 человек).

После подавления мятежа каталонское правительство объявило о конфискации предприятий и поместий всех лиц, принявших участие в мятеже или бежавших. Ту же меру приняло и Мадридское правительство в начале августа.

Районы, занятые мятежниками

К середине августа мятежники занимали два основных района на юге и севере Испании. На юге они удерживали провинции западной Андалузии (Кадис, Уэльва, Севилья, Кордова и Гранада) и южную часть провинции Эстремадуры (Бадахос). Это были, в основном, аграрные провинции. Кроме того, в их руках находился крупнейший промышленный центр Андалузии — Севилья, где располагались оружейные заводы, табачные фабрики и другие предприятия с десятками тысяч рабочих. Горная промышленность мятежных районов была представлена медными рудниками (Рио-Тинто) в провинции Уэльва и свинцовыми в провинции Хаен (Линарес). В Кадикве имелся авиазавод, но топливной базы у мятежников не было.

Продвижению южной группы мятежников на север мешали в основном рабочие и крестьяне — как в районе Хаен (горняки Линареса), так и в Эстремадуре, где интенсивнее всего была проведена аграрная реформа.

Если бы мадридское правительство могло бросить сюда свои силы, то, опираясь на рабочих и крестьян, оно получило бы возможность выбить мятежников из Андалузии. Но главные силы правительства были сосредоточены против мятежников, укрепившихся в проходах Гвадаррамы и угрожавших Мадриду с севера. Таким образом, решающее значение для южной группы мятежников приобрела скорейшая переброска в Андалузию марокканских стрелков и иностранного легиона, что и делалось под прикрытием чужеземной авиации и военных флотов.

На севере к середине августа мятежники занимали Наварру (Памплона, Уэска), большую часть Старой Кастилии (Бургос, Вальядолид, Сеговия), Арагона, Леона и часть Галисии. В основном это тоже были аграрные райо-

ны, но социальный состав деревни с значительной прослойкой зажиточных крестьян здесь оказалось более благоприятно для мятежников. Аграрные реформы почти не коснулись этих районов, тут очень сильно было влияние католической церкви и СЭДА. Единственным крупным промышленным центром здесь была Сарагоса, где находился оружейный завод.

Зато именно здесь в руках мятежников оказались важные военные центры: хорошо укрепленная Сарагоса с большим гарнизоном, военной академией, артиллерийским складом, танками и Сеговия с ее артиллерийской школой. Поэтому на севере перевес в отношении артиллерии находился на стороне мятежников. Наконец, Сарагоса являлась крупным железнодорожным узлом, связывающим Мадрид с Барселоной. Занятие Сарагосы мятежниками отрезало Мадрид от Барселоны. Однако мятежникам не удалось продвинуться ни в один из окружающих ее промышленных районов: ни в Каталонию, ни в Басконию, главный центр тяжелой промышленности (железная руда, металлургические заводы); шахты и горы Астурии находились в руках астурийских горняков.

В Астурии мятежный гарнизон в октябре захватил Овьедо, но северная группа мятежников также оказывалась без топливной базы. Доступ к морю мятежники имели через галисийские порты — Эль-Ферроль, Ла-Корунья, с которыми связывала железная дорога Сарагоса — Ла-Корунья.

Южный фронт.

Соединение южной и северной групп мятежников

Военные действия на юге Испании развернулись, главным образом, в провинциях Эстремадура, Андалузия и Гранада. Долины рек Тахо и Гвадианы всегда служили историческими операционными направлениями для действий против столицы Испании — Мадрида — и проникновения в Новую Кастилию. Поэтому в первый период военных действий целью мятежников было соединение южной и северной групп войск в районе Бахадос для

дальнейшего наступления на Мадрид. Во второй половине августа им удалось достигнуть соединения обеих групп вдоль всей границы с Португалией, через которую шло снабжение мятежников. В дальнейшем долина реки Тахо служила им операционным направлением для организации наступления на Мадрид.

Мятеж на юге Испании начался так же, как и во всей Испании — 18 июля 1936 г., по общему сигналу. Днем раньше подняли мятеж гарнизоны в Марокко — на это правительство не обратило большого внимания, послав к берегам Марокко часть флота и арестовав небольшую группу фашистов в Мадриде.

Используя мятежные гарнизоны, мятежники сразу захватили Севилью, Альхесирас и Кадис. 22 июля мятежники атаковали Кордову и пытались захватить Малагу, но рабочие и крестьяне при поддержке 17-го пехотного полка, оставшегося верным правительству, отбросили противника от Малаги на запад за Эстемпону.

Мятежникам удалось атаковать Гранаду, захватить Уэльву и Хаен (из которого они впоследствии были выбиты). Одновременно летучие отряды мятежников захватили Бадахос.¹

Так как республиканский флот в большей части остался верен правительству и ликвидировал мятежный офицерский состав, то это создало мятежникам помеху в перевозке их войск из Марокко. Однако республиканскому флоту в свою очередь чинили препятствия английские морские власти в Гибралтаре: международная комиссия принудила корабли республиканцев покинуть Танжер. Под прикрытием чужеземных военных кораблей и авиации генералу Франко удалось перебросить на транспорте и частью на самолетах около 16 000 марокканских войск. При содействии десанта из Марокко генерал Кейпо ди Льяно овладел городом Ла-Линеа.

¹ Бадахос был взят марокканцами генерала Ягуэ после недельной осады. Вслед за этим в городе было расстреляно около 4 тысяч человек, в том числе много мирных жителей. (Прим. ред.)

К концу августа интервенты помогли мятежникам перевезти до 20–24 тысяч войск из Марокко и развернуть боевые действия с целью объединения южной группы с северной группой генерала Мола. К этому времени боевая связь этих групп была установлена в провинции Эстремадура (Бадахос), которая явилась исходной базой для наступления на Мадрид с запада. После овладения южным портом и объединения северной и южной групп мятежников южный фронт временно потерял значение, так как основная задача мятежников — высадка войск из Марокко на территории Испании и объединение обеих групп — была выполнена.

Центральный фронт. Мадридская операция

Занятие мятежниками Талаверы (4 сентября), поворот к Мадриду и овладение Толедо (27 сентября) открывало им пути к Мадриду с юга и юго-запада. После захвата Толедо мятежники укрепили занятый район и медленно продвигались на северо-восток. Республиканские части отходили к Мадриду.

На фронте Сигуэнса — Самосьера — Авила действовала группа генерала Молы, общей численностью 40–45 тысяч человек. На фронте Авила — Толедо действовала так называемая армия «Тахо» (генерал Варела) в 15–20 тысяч человек. У республиканцев имелось всего 40–50 тысяч плохо обученных, слабо и разнообразно вооруженных солдат, сведенных в отряды-колонны. Особенно слаба была республиканская авиация.

Основная задача, стоявшая перед армией «Тахо», состояла в захвате Мадрида. Группы мятежников, действовавших на Гвадаррамском направлении, у Самосьеры и Сигуэнсы, должны были содействовать армии «Тахо» демонстрациями.

Армия «Тахо» начала боевые действия в двух направлениях:

- 1) Толедо — Ильескас — Мадрид, где проходили основные коммуникации, связывающие Мадрид с югом. Это направление не имело крупных естественных препятствий

и выводило мятежников во фланг мадридского укрепленного района. Река Тахо служила естественным прикрытием правого фланга наступления.

2) Сан-Мартин — Навалькарнеро — Мадрид. Это направление позволяло отвлечь сюда значительные силы республиканцев от главного направления.

Гвадаррамское направление, проходящее через горные проходы, также приковывало внимание и силы республиканцев как весьма опасное. На этом направлении были расположены источники питания Мадрида водой и электроэнергией.

9 октября мятежники заняли на западе Сан-Мартин; сражавшаяся здесь колонна республиканцев пробилась из окружения. Одновременно республиканцы вели контрнаступление на Толедо, Сен-Мартин и Сигуэнсу, но вынуждены были отступить.

15 октября мятежники перешли в общее наступление на всем фронте армии «Тахо» по трем направлениям: от Наваль-Пераль на Эскориал, от Сен-Мартина на Брунете и от Толедо, форсируя реку Тахо, на Ильескас.

К 18 октября главные силы мятежников подошли к первой линии обороны Мадрида, левый фланг которой был открыт. Мятежники воспользовались этим для обхода ее. Большую роль в этом наступлении сыграла авиация интервентов, деморализовавшая отступающие колонны республиканцев.

22 октября мятежники начали воздушную бомбардировку Мадрида. 26 октября они перерезали было дорогу Мадрид — Арангуэс, но были отбиты контрударом республиканцев 29 октября (на Сасонью). К этому времени интервенты успели снабдить мятежников артиллерией, боеприпасами, а главное — многочисленными самолетами и танками. В штабах мятежников иностранные советники осуществляли оперативно-тактическое руководство боевыми действиями.

Мятежники форсировали свое наступление с целью скорейшего захвата Мадрида. Республиканские части, отходившие на Мадрид, понесли потери, моральное состояние их было низким, они лишились значительной части основного снаряжения, которого и без того было мало. 2-я

и 3-я оборонительные линии Мадрида еще не были готовы, формирование резервов в тылу затягивалось. В самой столице «пятая колонна» генерала Франко сеяла панику.

Для поднятия духа войска, выигрыша времени, для укрепления оборонительной линии и упорядочения эвакуации республиканское командование решило 29 октября нанести короткий удар по правому флангу и тылу наступавших мятежников в направлении на Сасонью. Но республиканские войска еще не были способны к маневру и наступательному бою, вследствие недочетов управления, разведки, связи, взаимодействия, ограниченного и плохого вооружения.

Несмотря на тактический неуспех республиканцев, эта операция все же задержала наступление мятежников на несколько дней и причинила им значительные потери. В ночь на 1 ноября правительство мобилизовало все остатки вооруженных частей и отдельных отрядов в Мадриде, включая внутреннюю охрану, и бросило их на 2-ю линию обороны.

К 3 ноября удалось собрать небольшую группу из наиболее боеспособных частей для контрудара по правому флангу мятежников. После ночного боя, в котором танки республиканцев расстреливали мятежников в упор, республиканские отряды отошли к линии железной дороги Мадрид — Арангуэс.

5 ноября, когда республиканцы оставили 2-ю оборонную полосу и мятежники заняли Хетефе, стало критической точкой Мадридской операции. В течение 5 и 6 ноября в районе 3-й оборонительной полосы республиканцами проводилась огромная организационная работа, восстанавливался порядок в частях, части переформировывались, стягивались последние резервы.

6 ноября мятежники начали наступление по всему фронту и к вечеру сбили республиканцев с 3-й оборонительной линии, отбросив их к Мадриду. Южная окраина Мадрида (Карабанчель) была совершенно открыта, так как на этом участке республиканская пехота потеряла боеспособность.

Единственно реальной силой в руках республиканцев оставалась танковая рота и около 20 бронемашин, а также

авиация, бомбившая скопления войск мятежников у Хетафе и других местах. Танковая рота атаковала во фланг пехоту противника, наступавшую в линейных боевых порядках. Танки прошли весь боевой порядок пехоты от фланга до фланга. Хотя противник и имел мощные средства ПТО, но был застигнут врасплох, и результат танковой атаки тотчас же сказался на общем улучшении положения на фронте. Постепенно нажим мятежников ослаб, они прекратили наступление и остановились.

Вечером 6 ноября состоялось чрезвычайное заседание правительства, на котором был решен немедленный переезд правительства в Валенсию. Правительство не принимало решительных мер в организации обороны. Премьер-министр Ларго Кабальеро всячески тормозил мероприятия по укреплению обороны Мадрида. Положение было спасено только благодаря энергичному вмешательству коммунистов и мобилизации рабочих Мадрида на защиту столицы от мятежников. Созданный коммунистами 5-й полк стал основным ядром, около которого создавались новые части. К этому времени уже наступил перелом в настроении войск. Теперь в распоряжении республиканцев имелись танки и неплохая авиация.

В ночь на 7 ноября из штаба фронта на сторону мятежников перебежали 6 офицеров во главе с начальником оперативного отдела штаба фронта. 7 ноября мятежники снова начали наступление, отбросили правительственные войска к Мадриду и подошли к реке Мансанарес, а также овладели большей частью парка Каса-дель-Кампо. Этот успех мятежников объяснялся исключительно изменой штабных офицеров, которым были известны состояние обороны Мадрида и расположение республиканских войск.

Целую неделю после 7 ноября мятежники вели упорные лобовые атаки на мосты через реку Мансанарес; наступательные бои, в которых они несли тяжелые потери (не менее 1000 человек в день), не привели к решительным успехам. Гражданское население Мадрида под пулеметным и орудийным огнем возводило оборонительные сооружения и приспособляло город к обороне. Мадрид действительно превращался в крепость.

Начался процесс создания регулярной республиканской армии. В тылу формировалось 8 новых бригад, из них 2 интернациональные. Обстановка под Мадридом требовала досрочного ввода в бой двух новых сформированных бригад (одной испанской и одной интернациональной) в контрнаступление. Оно было предпринято республиканцами 13 ноября силами шести бригад с целью нанесения мощного удара в правый фланг и тыл противника, чтобы заставить его отказаться от фронтальных атак на Мадрид, оттянуть от него силы мятежников и повернуть их фронт на восток.

Тем временем мятежники произвели перегруппировку и 14 ноября перешли в контратаку из района Хетефе на левый фланг республиканцев, остановив их наступление. Наступление 13 ноября было первой операцией, в которой принимали участие регулярные части создавшейся народной испанской армии. Хотя операция показывала недостаточное оперативно-тактическое взаимодействие, но все же некоторый оперативный успех был достигнут. Мятежники вынуждены были повернуть часть своего фронта на восток.

Выводы

Целью операции мятежников являлся быстрее захват Мадрида, что, по их расчетам, должно было привести к разгрому революции и восстановлению господства капиталистов, помещиков и католической церкви. Ради скорейшего достижения цели операция форсировалась при недостаточных силах, что вызвало необходимость помощи интервентов — при отсутствии какой-либо республиканцы легко справились бы с двумя очагами мятежных сил на юге и на севере.

Операция имела форму лобовых атак на Мадрид и создала смертельную угрозу испанской столице. Если бы в кризисные дни 5 и 6 ноября у мятежников хватило сил для преследования отступающих республиканцев, то они могли бы ворваться в Мадрид, не подготовленный к обороне правительством, не верившим в возможность удержания города. Успех дальнейшей обороны Мадрида был следствием перелома в настроении войск, кипучей работы

всех общественных сил, самоотверженной работы компартии, энергии комитета обороны, решившего не сдавать Мадрид и принявшего быстрые и решительные меры к возведению оборонительных сооружений и формированию регулярных частей народной армии, которые приняли участие в боевых действиях последних дней.

Весь испанский народ получил наглядный урок в преимуществе регулярной армии перед отрядной колонной организацией. С этого времени начался процесс создания новой республиканской регулярной армии. В этой операции выявилась огромная роль инженерного искусства в современной войне. Мадридская операция была последней маневренной операцией на мадридском участке этого этапа войны.

Северный фронт

Северный фронт республиканцев представлял собою совершенно изолированный театр военных действий, где власть республиканского правительства распространялась на территорию трех провинций: Астурии, Сантандера и Бискайи. Это была узкая полоса вдоль побережья Бискайского залива шириной в 30–40 км. Почти вся эта территория занята сплошными горными массивами, движение войск здесь возможно лишь через отдельные горные проходы. Провинции связаны между собой железными дорогами; вдоль побережья идет шоссе, соединяющее важнейшие порты: Бильбао, Сантандер, Хихон.

Север — наиболее богатый промышленный район страны. В Бискайе добывается 50% всего железа Испании. В 1935 г. из Бискайи был вывезен 1 млн тонн железной руды (преимущественно в Англию). Здесь имеются крупнейшие в стране металлургические и судостроительные заводы. В Астурии хорошо развита промышленность, имеются уголь и руда. Сантандер — территория крупного скотоводства, здесь расположены также и военные заводы. На территории этой провинции находится самый большой порт Испании — Сантандер.

В целом Северный фронт республиканцев располагал промышленной и топливной базой, способной произво-

дить все современное вооружение. Установленная мятежниками блокада всех северных портов выполнялась не только флотом мятежников, но и кораблями интервентов, что затрудняло сообщение Северного фронта с внешним миром и отражалось на снабжении продовольствием.

В результате неудачных боев в октябре 1936 г. республиканцы потеряли Овьедо, удержав, однако, за собой большую часть провинции Астурии с населением в 800 тыс человек. Управление провинцией было перенесено в город Хихон.

Участок Овьедо — Градо в виде «мешка», протяжением в 40 км, в зимнюю кампанию 1936—1937 г., явился единственным активным участком. Основной задачей республиканцев в зимней кампании была ликвидация овьедского «мешка».

К 1 ноября 1936 г. на астурийском участке у мятежников было 10 000 человек, у республиканцев — около 12 000. При почти количественном равенстве и даже некотором превосходстве в артиллерии астурийские войска качественно были слабее мятежников.

Сантандер и в особенности Бискайя политически были более слабыми участками: здесь у власти стояли буржуазные элементы, большое влияние имели анархисты. Поэтому организовать совместные действия всех трех участков было весьма трудно — несмотря на желание всех трех провинций драться с мятежниками. Регулярных войск у республиканцев здесь не было, равно как и единого командования фронтом. Все операции велись разрозненными партиями народного фронта, подчинявшимися фактически лишь комитетам своих партий. В административном отношении республиканский Север не был объединен.

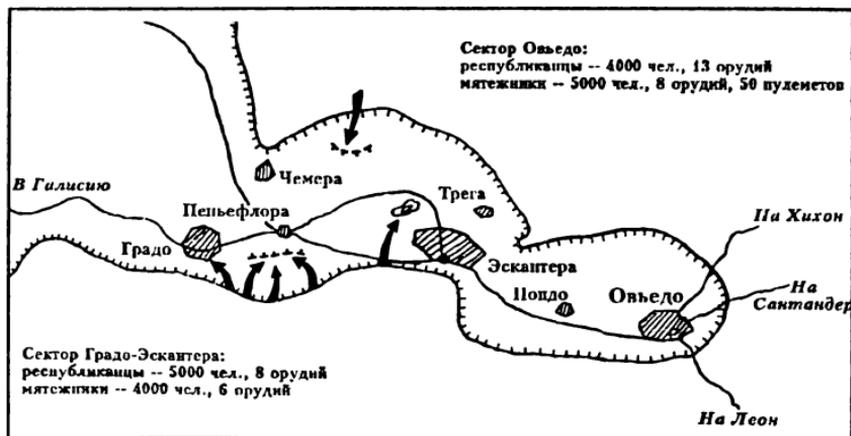
Атака республиканцами Овьедо (28 ноября — 5 декабря)

Командование Северным фронтом ввиду тяжелой обстановки для республиканцев под Мадридом решило начать активные операции с целью отвлечь резервы мятежников от Мадрида. В первую очередь ставилась задача

перерезать сообщение мятежников от Овьедо на запад и захватить Градо. Второй (в зависимости от успеха первой) стояла атака Овьедо.

В течение ноября производилась подготовка операции, но к началу ее астурийцам все же не удалось поднять на должную высоту дисциплину и боеспособность частей. Лучшими частями были коммунистические батальоны. Анархистские батальоны отличались своей недисциплинированностью и отсутствием наступательного порыва, поэтому не являлись реальной силой. Наоборот, двукратный отказ их во время операции от наступления наряду с другими причинами (отсутствие взаимодействия, недостаток технических средств, недостаточная обученность) привел к неуспеху операции. Только к концу ноября республиканцами был организован единый штаб Северного фронта.

28 ноября республиканцы начали наступление и атаковали высоту Лос-Пинос — ключ к позиции в районе Градо. Авиация республиканцев произвела бомбардировку и обстреляла пехоту мятежников и резервы в Градо. Батальон республиканцев подошел к Градо, а их бронемашины даже ворвались в город. Однако после небольших потерь батальон стал отходить. Высота Лос-Пинос была сначала захвачена батальоном республиканцев, но затем вследствие ложного приказа покинута и потом уже не могла быть взята.

Район Овьедо — Градо к 1 ноября 1937 г.

Анархисты отказались наступать. Сильный дождь затруднял движение по горным скатам, и артиллерия работала плохо. Попытки взять высоту Лос-Пинос на другой день были безуспешны. Анархисты вновь отказались наступать, и хотя бой в Овьедском «мешке» продолжался еще до 5 декабря, но никаких существенных результатов более достигнуто не было.

После декабрьского наступления басков на Виторию на всем северном фронте с началом зимней распутицы установилось затишье. Республиканцы использовали это время для организации своих слабых сил в регулярные соединения. Одновременно шла подготовка кадров комсостава и усиленное обучение войск, а также их вооружение и снабжение пулеметами и орудиями. Мятежники все время занимались укреплением своих позиций и вели усиленно окопные работы. Город Овьедо был превращен ими в небольшой, но хорошо укрепленный район. Особенно хорошо была оборудована оборона его с юга и востока.

К середине февраля 1937 г. республиканцы по количеству сил имели возможность предпринять крупную операцию на Северном фронте, хотя их войска не были еще достаточно обучены, и с комсоставом дело было еще плохо. Республиканское командование решило атаковать противника на астурийском участке с привлечением войск других северных провинций и нанести удар между Градо и Овьедо.

Хотя в сентябре—ноябре 1936 г. на Южном фронте происходили бои в районе Кордовы и Гранады, но общее положение линии фронта оставалось без существенных изменений. Первой крупной операцией на Южном фронте была операция мятежников в декабре 1936 года в направлении Монторо — Андухар — Линарес, за которой последовала решительная атака мятежников и интервентов на Малагу в конце января — начале февраля 1937 г.

Наступление мятежников на Монторо 15 декабря 1936 — 3 января 1937 г.

Целью операции было отвлечь большие резервы республиканских войск от Малагского сектора и обеспечить тыл для наступления на Малагу с севера. Захват богатой

сельскохозяйственной провинции Хаен избавлял мятежников от продовольственных затруднений.

Наступление велось с фронта Кордова — Гранада. 15 декабря мятежники, сосредоточившись в середине района Бана, атаковали республиканцев. Измена гарнизона одного из пунктов обороны вызвала поспешный отход последних. Главный удар наносился в направлении Монторо — Лингарем. Республиканцы, учитывая слабость войск в секторе Монторо, принуждены были сосредоточить здесь 3-ю и 4-ю интернациональные бригады и заняли рубеж западнее Андухара.

Наступление мятежников на Андухар было остановлено. Мятежники не развили далее свой успех, и республиканцы смогли организовать прочную оборону. По окончании операции 3 января 1937 г. части мятежников из сектора Монторо были отправлены для участия в наступлении на Мадрид.

Успешное наступление мятежников в секторе Монторо обеспечило им намеченную операцию против Малаги и отразилось на ходе декабрьских боев на мадридском участке, где резервы республиканцев были ослаблены отвлечением сил к Монторо.

Арагонский фронт

После организации народной милиции каталонцы начали предпринимать операции для помощи республиканцам соседнего Арагона. В середине августа республиканские войска подошли к Уэске и Сарагосе. 3 сентября 1936 г. Уэска была взята республиканцами — но после уличного боя вновь оставлена. С середины сентября арагонский фронт стабилизировался на линии Уэска — Сарагоса — Теруэль, и активных операций здесь не предпринималось до конца декабря.

Республиканское командование хорошо понимало важности ликвидации Теруэльского выступа, но до конца декабря у него не было еще достаточно сил для активной операции на теруэльском участке.

Недостаточная активизация арагонского фронта была результатом ряда политических факторов. Недостаточное

понимание анархистскими руководителями автономной Каталонии общих задач борьбы с мятежниками затрудняло согласование действий центрального республиканского правительства Каталонии, которое долго отрицало необходимость создания регулярной армии на арагонском фронте. В крестьянском вопросе анархические лидеры допустили ряд крупных извращений, вредно отразившихся на общем состоянии фронта. Недостатки государственной организации позволили контрреволюционным элементам и агентам мятежников творить свое предательское дело.

Оперативное значение Арагонского фронта

Оперативное значение Арагонского фронта для республиканцев заключалось в возможности использования следующих операционных направлений:

— Операционное направление Лерида—Уэска—Памплона выводило в тыл группы мятежников, действовавших в Бискайе, но мятежники имели на этом направлении хорошо подготовленную систему обороны, что затрудняло для республиканцев захватить город Уэску. Неоднократные атаки на этот город оканчивались безрезультатно для республиканцев.

— Операционное направление Лерида—Сарагоса выводило в район сосредоточения резервов мятежников, питавших Северный и Арагонский фронт.

— Операционное направление Алканис—Монтальбон—Каламота выводило в тыл Теруэльской группы мятежников. Провинция Теруэль в оперативном отношении являлась связующим звеном между Арагонским и Центральным фронтами.

Теруэльский участок

В стратегическом отношении район Теруэля при сложившейся к концу 1936 г. военной и политической обстановке получил особо важное значение как для республиканцев, так и для мятежников. Теруэльский выступ Арагонского фронта мятежников был расположен у

вершины угла, образуемого двумя горными хребтами, что облегчало оборону естественных рубежей.

Через город Теруэль проходит железная дорога, связывающая Сарагосу с Сагунто на восточном побережье Средиземного моря. От Теруэля на территорию, занятую республиканцами, вели два операционных направления:

1) Направление Теруэль — Вивер — Сагунто (120 км), весьма опасное для республиканцев, так как оно выводило мятежников к побережью Средиземного моря в район Валенсии, которая являлась важнейшим экономическим центром и, с момента оставления правительством Мадрида (7 ноября 1936), временной столицей Испанской республики. В случае попытки мятежников и интервентов высадить десант на этом побережье, при взаимодействии десанта с теруэльской группой, мятежники могли отрезать провинцию Валенсия от Каталонии и Арагонский фронт от Центрального, тем более что к юго-востоку от Вивера нет сильных естественных оборонительных рубежей.

2) Направление Теруэль — Куэнка выводило мятежников в район Куэнки — в тыл частям Мадридской группы республиканцев.

Теруэльская операция республиканцев (26 декабря 1936 г. — 1 января 1937 г.)

Республиканское командование хорошо понимало важность ликвидации Теруэльского выступления мятежников, но до конца декабря не имело достаточно сил для активной операции на этом участке.

Мятежники имели здесь около 5000 человек, 2 эскадрона конницы, 5–6 батарей (20 орудий). Их позиции было хорошо укреплены, особенно высоты к северо-востоку от Теруэля.

После того как атаки мятежников на Мадрид в начале декабря были отбиты и республиканские части окрепли и пополнились свежими резервами, была задумана первая большая наступательная операция с целью ликвидации Теруэльского выступления и достижения тем оперативного взаимодействия Центрального и Арагонского фронта. Эта операция являлась главной и по отношению к другим

одновременно намеченным операциям на Сигуэнсу и Сарагосу, чтобы сковать резервы мятежников.

26 декабря колонна республиканцев начала наступать с востока на Селадос и подошла к железной дороге; на другой день другая колонна с востока повела наступление на город Теруэль. Мятежники смогли подвести по железной дороге подкрепления. Со стороны республиканцев в операции приняли участие танки и авиация и интернациональная бригада. Но трехдневные бои не имели успеха, и 1 января 1937 г. операция была прекращена. Причинами неудачи стали разновременность наступления и нерешительность действий республиканских сил.

Состав, организация и базирование испанского флота в 1936 г.

В 1936 г. испанский флот состоял из следующих судов:

2 линкора: «Хаиме I» и «Эспанья» (бывший «Альффонс XIII»)

Вступили в строй в 1920 г. «Хайме I» строился 8 лет, «Эспанья» — 6 лет. Эти однотипные корабли имели водоизмещение 16 000 тонн, скорость 20 узлов, вооружение: 8 — 12-дюймовых орудий, 20 — 4-дюймовых орудий, 2 — 76-мм, зенитная артиллерия, 1 гидросамолет.

По своим тактическо-техническим данным уже при постройке эти корабли были более слабыми, чем современные им линкоры других флотов. Малое водоизмещение, слабо обеспечена живучесть.

2 крейсера «вашингтонского» типа: «Канариас» (вступил в строй в 1935 г.) и «Балеарес» (вступил в строй в 1936 г.)

Однотипные корабли водоизмещением по 10 000 тонн, 33 узла, 8—8-дюймовых орудий, 8—120 мм, зенитная артиллерия, 2 гидросамолета. Слабая сторона — тонкая броневая палуба (20 мм).

3 легких крейсера: «Альмиранте Сервера», «Либертад», «Мигуэль Сервантес». 7500 тонн, 33—35 узл., 8 — 6-дюймовых орудий, 4 — 4-дюймовых орудий, зенитная артиллерия. Годы спуска — 1925—1928.

2 легких крейсера: «Мендес Нуньес» (спущен в 1923 г.) и «Республика» (вступил в строй в 1925 г.). 5000 тонн, 29 и 26 узл., 6 — 6-дюймовых орудий и 9 — 8-дюймовых орудий.

13 лидеров типа «Чуррука» — 1800 тонн, 36–37 узл., 5 — 5-дюймовых орудий, 1 — 76-мм зенитка, 2 трехтрубных аппарата 533 мм.

3 эсминца типа «Альседо» 1850 тонн, 34–36 узл., 3 — 4-дюймовых орудия, 2 — 40-мм. зенитки, 2 трехтрубных аппарата 533 мм.

11 номерных миноносцев.

12 подводных лодок:

С-1 — С-6 (1926–1929 гг.) — типа «Голланд», 840 тонн, 16–8,5 узл., 1 — 76-мм зенитка, 6 торпедных труб 533-мм (4 носовых, 2 кормовых).

В-1–В-6 (1921–1926 гг.) типа «Голланд», 490 тонн, 16–10 узл., 1 — 76-мм зенитка, 4 торпедных трубы 450 мм (2 носовых, 2 кормовых).

А-1 (1917 г.) 185 т., 13/3 узл, 2 — 450-мм носовых торпедных аппарата.

4 заградителя типа «Юпитер» — 2100 тонн, 18,5 узл., 4 — 120-мм, зен., 264 мин.

3 канонерских лодки типа «Дато» (1922 г.) — 1335 тонн, 18 узл., 4 — 120-мм.

11 устаревших канонерок.

Все побережье Испании разделялось на три округа:

1. Эль-Феррольский. Эль-Ферроль — главная судостроительная и судоремонтная база северной Испании и морская крепость. Доки для линкоров и крейсеров. Морское инженерное училище.

В районе Феррольской бухты находятся базы эсминцев и подводных лодок. В Эль-Феррольском округе морские крепости: Виго, Поньеведра, Виллагарена и торговые порты: Ла-Корунья (вывоз железной руды), Хихон, в тылу которого в районе Овьдео была сосредоточена часть военной промышленности, Сантандер (вывоз железной,

медной и цинковой руды), Бильбао (вывоз железной руды и чугуна) и Сан-Себастьян. Хихон имел частный кораблестроительный завод с сухим доком, а близ Сантандера — орудийный завод.

2. Округ Кадиса охватывал весь район Гибралтарской узости и подходов к ней.

Кадис — морская крепость и крупная военно-морская база с сухими доками для линкоров. Имеется арсенал, частный орудийный завод и частный кораблестроительный завод, строивший подводные лодки. Здесь же находятся военно-морское училище и специальные классы (артиллерийский, торпедный и пр.).

В округе Кадиса находятся важные торговые порты Малага и Альмерия и опорные пункты Испанского Марокко: укрепленный пункт Сеута и Мелилья (Марокко). К этому округу относятся Канарские острова.

3. Округ Картахены охватывал почти все Средиземноморское побережье Испании, равно как и Балеарские острова. Картахена — морская крепость и главная база испанского флота в Средиземном море. Здесь расположены торпедный завод, сухие и плавучие доки для линкоров, казенные и частные верфи, строившие эсминцы, подводные лодки и заградители.

В округе Картахены были размещены второстепенные морские базы — Аликанте и на Балеарских островах базы подводных лодок в Маоне (Менорка) и Пальма (Майорка). В этом же округе находились крупные торговые порты: Барселона (судостроительные заводы, сухие и плавучие доки), Таррагона и Валенсия. Англо-испанский синдикат, в который входили фирмы Армстронг Веккерс, Дж. Браун и др., руководили с технической стороны испанскими верфями и поставляли на строившиеся корабли артиллерию, броню, механизмы. В Валенсии работала верфь итальянской фирмы Ансальдо, строившая капонерские лодки.

Организация флота в начале февраля 1936 г.

— **2 линкора:** «Хайме I» и «Эспанья»

— **Дивизия крейсеров** (2 тяжелых и 3 легких крейсера): «Канариас», «Балеарес» (введен в строй уже после

начала мятежа.), «Альмиранте Сервера», «Мигуэль Сервантес» и «Либертад».

— **Флотилия лидеров:** легкий крейсер «Мендес Нуньес», 1-я полуфлотилия («Санчес», «Феррандис», «Вальдес», «Антекера», «Хосе Луис Диас»), 2-я полуфлотилия («Чуррука», «Алькала», «Лепанто», «Миранда»).

— **Флотилия подводных лодок (7 единиц):** А-1, С1—С6. Кроме них — спасательный корабль «Кангуро» и эскадренный миноносец «Альседо». База — Картахена.

— **Флотилия подводных лодок (6 единиц):** В-1—В-6. База — Маон.

— **Отряд заградителей:** минный заградитель «Лобо», канонерские лодки «Альказар», «Лараче», «Тетуан».

— **Флотилия береговой обороны:** легкий крейсер «Республика», эсминец «Ласага», 9 канонерских лодок, 6 сторожевых катеров, 10 устаревших миноносцев.

— **Учебно-артиллерийский отряд:** эскадренный миноносец «Веласко», 1 канонерская лодка, 2 спасательных судна, 1 миноносец.

Все перечисленные корабли, за исключением нескольких канонерских лодок береговой обороны, базировались до начала мятежа на средиземноморские базы и частично на Кадис. В Эль-Ферроле находился линкор «Эспанья», предназначенный для модернизации, и несколько канлодок и мелких судов. Подводные лодки базировались на Картахену и Маон.

Испанский торговый флот насчитывал около 870 пароходов и теплоходов общим тоннажем 1 164 000 тонн.

Боевые действия флота летом 1936 г.

Попытка реакционного офицерства захватить в свои руки корабли была сразу пресечена революционными матросами. Почти все находившиеся в строю в момент мятежа корабли остались на стороне правительства. В руки мятежников попали только корабли, строившиеся или ремонтирующиеся в портах, сразу захваченных мятежниками.

Однако этот флот не находился в достаточной боевой готовности. Он был почти лишен командного состава, пе-

решедшего в большинстве на сторону мятежников или арестованного своими командами за попытку измены или саботажа. Расправившись с предателями внутри своей среды и с офицерами, в сложной обстановке, без топлива, не имея опыта в управлении флотом, республиканские матросы в конце июля и начале августа 1936 г. провели свои корабли из Эль-Ферроля, захваченного мятежниками, в Малагу и Картахену.

В поисках топлива кораблям приходилось заходить в Танжер и Кадис. Саботаж и вмешательство интервентов не могли сломить упорства революционных матросов. Флот был собран. Выборным судовым комитетам без штабов и офицеров пришлось в первое время организовывать флот и вести операции против мятежников. К началу августа на стороне мятежников было: 1 линкор, 3 крейсера и 1 эсминец. При превосходстве на море республиканского флота, который был сразу послан в Гибралтарский пролив, Франко не мог бы перебросить свои войска с марокканского берега в Андалузию. Единственным выходом для него было прибегнуть к авиации. Однако все воздушные силы Франко состояли из 2 старых гидропланов и 3 разведчиков типа «Бреге». Срочно были заказаны итальянской промышленности бомбардировщики и истребители. Был образован воздушный отряд иностранного легиона из 9 бомбардировщиков, собранных в Тетуане, куда и прибыл генерал Франко.

Операции в Гибралтарском проливе и Средиземном море. Борьба на коммуникациях

Уже 22 июля правительственный флот появился в Гибралтарском проливе с целью помешать перевозке войск мятежников из Марокко, где находились главные силы генерала Франко.

В Средиземном море сосредоточились почти все правительственные морские силы, главной базой которых была Картахена. 3 августа линкор «Хайме I» и легкий крейсер «Либертад» обстреляли Тарифу, а на другой день, 4 августа, когда «Хайме I» готовился обстрелять Сеуту, один из кораблей интервентов, маневрируя малым

ходом переменными курсами перед портом, умышленно мешал обстрелу, в результате чего республиканский корабль отошел к Малаге.

4 августа 1936 г. самолеты мятежников бомбардировали порт и город Лариче в Марокко, где находились правительственные войска. В тот же день они атаковали правительственные корабли «Хайме I», «Либертад» и «Мигуэль Сервантес». Одновременно была организована перевозка на пяти транспортах около 4000 мятежников из Марокко в Алхесирас и Кадис под прикрытием авиации.

Воспользовавшись туманной погодой, под прикрытием авиации, за несколько дней в начале августа мятежники провели транспорты с войсками и боеприпасами из Сеуты в Алхесирас. Войска перевозились также на крупных самолетах, делавших 3–4 рейса в день. За эти дни было переброшено 8–9 тысяч солдат.¹

7 августа линкор «Хайме I» и легкий крейсер «Либертад» и «Мигуэль Сервантес» подвергли сильной бомбардировке Сеуту, Тарифу, Алхесирас и дороги, ведущие в Малагу из Алхесираса, Сан-Рока и Ла-Линеа, занятые мятежниками. Во время операций в Гибралтарском проливе республиканская подводная лодка С-3 была атакована тремя неприятельскими бомбардировщиками и вследствие повреждений на буксире была отведена в Малагу.

10 августа правительственные войска заняли Кадис — военно-морскую базу мятежников, но затем она вновь перешла в руки мятежников. 15 августа Кадис и Алхесирас снова подверглись бомбардировке республиканского флота и авиации, причем происходили частые воздушные бои между гидросамолетами обеих сторон. Самолеты мятежников неоднократно бомбардировали корабли республиканского флота. В одну из таких бомбардировок линкор «Хайме I», находившийся в Малаге, получил по-

¹ С июля по октябрь 1936 г. через пролив было переброшено около 14 000 солдат, 44 орудия и около 500 тонн оружия и боеприпасов. (Прим. ред.)

падание¹ и вынужден был отойти в Картахену для ремонта. Через 6 дней он снова вступил в строй.

Десант на Балеарские острова

В середине августа часть судов республиканского флота принимала участие в захвате Балеарских и Нитузских островов. Сначала десант был высажен на острова Ивиса и Форментера. 16–20 августа были перевезены две колонны правительственных войск на остров Майорку, где ими были заняты командные высоты, а мятежные войска были отброшены в глубь острова. Однако в начале сентября правительственные войска были отозваны с Майорки для отпора мятежу внутри страны.

29 августа Каталонское правительство сообщило, что весь район, прилегающий к восточному побережью Испании, очищен от кораблей мятежников и мин., поставленных ими. В течение всего августа транспорты мятежников перебрасывали войска, артиллерию, военное снаряжение из Марокко на испанский берег под охраной авиации. В конце августа республиканские лидеры «Альмиранте Вальдес» и «Лепанто» обстреляли форты Алхесираса, самолеты бомбардировали Кадис и Сеуту и правительственные подводные лодки потопили близ порта Уэльва (к северу от Кадиса) два транспорта мятежников.

Операции флота у северного побережья Испании

Прибрежная полоса, шириной 10–30 км, занятая республиканскими войсками, подверглась непрерывным атакам северной группы мятежных войск генерала Моля. Эти атаки поддерживались с моря кораблями мятежников, линкором «Эспанья», крейсером «Канариас» и легким

¹ Бомба повредила носовую часть, мостики, рубку и фок-мачту. (Прим. авт.)

Это произошло 13 августа 1936 года. Корабль был атакован немецким самолетом Ju 52 (с испанскими опознавательными знаками), который пилотировал обер-лейтенант Гойос. (Прим. ред.)

крейсером. Линкор «Эспанья» в середине августа обстрелял Сантандер, а в начале сентября — Ирун.

Легкий крейсер «Альмиранте Сервера», действуя против республиканских войск у Сан-Себастиана, получил значительные повреждения, для исправления которых направился в Хихон, предполагая, что он находится в руках мятежников. Однако Хихон оказался занятым республиканцами, артиллерия которых обстреляла мятежный крейсер.

«Альмиранте Сервера», в свою очередь, обстрелял порт для облегчения положения мятежников в Овьедо, осажденного астурийскими частями народной милиции и правительственными войсками.

Но республиканские власти Хихона пригрозили крейсеру репрессиями против 2500 заключенных мятежников, после чего крейсер удалился в Эль-Ферроль. Значительные повреждения получил и линкор «Эспанья», к началу сентября вновь вступивший в строй.

Итоги и заключение

Из этого краткого обзора боевой деятельности флота в начале мятежа видно, что на Средиземном море сосредоточился почти весь правительственный флот. Его операции здесь состояли в борьбе на коммуникациях для воспрепятствования перевозки мятежных войск, в обстреле баз, захваченных мятежниками, и в высадке десанта на Балеарские острова.

На Севере (Бискайский залив) все действия на море ограничились обстрелом мятежными кораблями флангов правительственных войск и портовых сооружений. Операции морских сил, как правительственных, так и мятежных, до начала сентября были связаны с действиями сухопутных сил, которым корабли оказывали поддержку. Никаких попыток вступить в боевые столкновения между собой корабли не делали. Отчасти это объясняется тем, что правительственный флот был сосредоточен в Средиземном море, а корабли мятежников действовали на северном театре.

Авиация принимала деятельное участие в действиях флота, выполняя следующие задачи: разведку, бомбарди-

ровку военных кораблей и береговых объектов, охрану транспортов и переброску воинских частей.

К началу сентября в руках мятежников находились следующие округа береговой обороны и базы: часть округа Эль-Ферроль с базами Ферроль и Виго и части округа Кадис с базами Кадис, Сеута и Мелилья.

Боевые действия флота осенью 1936 г.

Северный поход республиканского флота

В конце сентября 1936 г. республиканское правительство решило перебросить часть кораблей на северный театр с целью освободить от блокады мятежных судов северные порты Хихон, Сантандер и Бильбао и оказать материальную и моральную поддержку астурийским войскам, сильно страдавшим от обстрела мятежников.

Отряд в составе линкора «Хайме I», легких крейсеров «Либертад» и «Мигуэль Сервантес» и шести лидеров вышел из Картахены и по пути зашел в Малагу, где, несмотря на короткую стоянку, подвергся бомбардировке двух самолетов типа «Юнкерс», сбросивших шесть бомб по 100 кг.

При движении на север республиканский отряд держался вдали от португальских берегов, рассчитывая застать врасплох суда мятежников, но последние укрылись за батареями Эль-Ферроля. 28 сентября отряд прибыл в Бильбао.

Отряд успешно выполнил свои задачи. Он освободил северное побережье от блокады, вытравил минные заграждения, поставленные мятежниками на подходах к северным портам, и открыл возможности снабжения через них Северного фронта. В результате положение фронта улучшилось, и мятежные войска, пытавшиеся прорваться из Галисии на выручку осажденных в Овьедо мятежных частей, были отброшены или рассеяны. Осенние штормовые погоды в Бискайском заливе сильно затрудняли операцию.

Все функции командования на республиканском флоте выполнялись выборными судовыми командами. Главный недостаток ощущался в строевых офицерах, тогда как

с инженер-механиками, комплектовавшимися из демократических слоев, дело обстояло лучше.

Из боевых столкновений в Бискайском заливе можно отметить потопление эсминцем мятежников «Веласко» республиканской подводной лодки В-6 в октябре и бой двух республиканских судов с эсминцем «Веласко» 16 ноября, в результате которого эсминец укрылся под защиту береговых батарей Сан-Себастьяно.

*Бой республиканских эсминцев
с мятежным крейсером «Альмиранте Сервера»
в Гибралтарском проливе (октябрь 1936 г.)*

С приходом республиканского флота на север мятежники перебросили свои крейсера «Канариас» и «Альмиранте Сервера» из Бискайского залива в Средиземное море. На пути эти крейсера встретили близ Гибралтара республиканские лидеры «Гравина» и «Альмиранте Феррандис», которые несли дозорную службу — «Гравина» в западной части Гибралтарского пролива, в Атлантике, а «Феррандис» — в восточной части пролива, в Средиземном море. На рассвете с эсминца «Гравина», имевшего пары только в двух котлах, заметили мятежный крейсер «Альмиранте Сервера», шедший полным курсом в Гибралтар. Миноносец привел его на кормовой курсовой угол и открыл огонь. Завязался артиллерийский бой.

В этом первом бою обнаружилось полное отсутствие боевой выучки. С той и с другой стороны кораблями командовали кадровые офицеры испанского флота. Обе стороны в течение шести часов безрезультатно стреляли друг в друга с дистанции 6–8 тысяч метров. «Альмиранте Сервера» выпустил более 500 снарядов. «Гравина» расстрелял все снаряды и, успев развести пары во всех четырех котлах, полным ходом оторвался от противника. В результате боя на «Гравине» две легко ранены и пробита кормовая надстройка. Крейсер «Альмиранте Сервера» получил значительные повреждения.

Эсминец «Феррандис», неся дозор на коммуникациях мятежников между Сеутой и Алхесирасом, неожиданно в дымке встретил крейсер «Альмиранте Сервера». Командир эсминца решил использовать неожиданность встречи,

короткую дистанцию и дымку, чтобы атаковать мятежный крейсер и, открыв огонь, начал маневрировать для производства торпедного залпа. Засыпаемый шестидюймовыми снарядами, эсминец закончил свое маневрирование, но перед самым торпедным залпом был убит унтер-офицер, управлявший торпедной стрельбой. Атака была сорвана, и эсминец, ведя ожесточенный артиллерийский бой, стал отходить. Получив попадание в корпус и механизмы, он потерял скорость. Через полтора часа упорного боя эсминец, медленно погружаясь, пошел на дно. Мятежный крейсер не стал спасать находившуюся в воде команду эсминца, а открыл по ней пулеметный огонь. Остатки команды погибшего эсминца были подобраны французским пассажирским пароходом.

Подрыв «Мигуэля Сервантеса»

Во время пребывания республиканского флота в Бискайском заливе мятежники производили перевозку марокканских войск под прикрытием крейсеров «Канариас» и «Альмиранте Сервера», перешедших с Северного театра в Средиземное море, вооруженных тральщиков и самолетов.

10 ноября «Канариас» подверг сильному обстрелу Альмерию, а 19 ноября оба крейсера появились у бухты Росас (к северу от Барселоны) и открыли сильный артиллерийский огонь по железной дороге, сообщавшейся с Францией, но, будучи атакованы вылетевшими из Барселоны республиканскими гидросамолетами, вынуждены были отойти.

В конце ноября мятежные крейсера начали блокировать Барселону и другие порты восточного побережья Испании.

По-видимому, для снятия этой блокады республиканский флот в составе линкора «Хайме I», легкого крейсера «Мигуэль Сервантес» (вернувшихся к этому времени из Бискайского залива) и легкого крейсера «Мендес Нуньес» вышел 22 ноября из Картахены в море. При выходе корабли были атакованы подводная лодками, причем был поврежден крейсер «Мигуэль Сервантес»; крейсеру «Мендес-Нуньес» удалось уклониться. Обследование торпед установило иностранное происхождение; возможно,

что атака была произведена иностранными подводная лодками, так как у мятежников подводных лодок не было.

*Захват интервентами Балеарских островов.
Действия мятежников и интервентов на море*

В ноябре интервенты захватили Балеарские острова (кроме Менорки). На Майорке находились войска интервентов, свыше 100 самолетов, 3 эсминца, 8 подводных лодок. На всех занятых островах спешно создавалась береговая оборона и ПВО.

В середине ноября 1936 г. в испанских водах были сосредоточены значительные военно-морские силы интервентов. Кроме того, на Сеуту базировались 12 подводных лодок, а 2 подводные лодки прибыли в порт Дельгадо на Азорских островах. Эти острова являются одним из узлов атлантических путей, и в Мировую войну служили важным районом операций подводных лодок воюющих сторон. В Сеуте установлены дальнобойные орудия, огонь которых перекрывал ширину Гибралтарского пролива.

Стремясь пресечь снабжение республиканской Испании, суда мятежников и интервентов расширили свою деятельность на Средиземном море, останавливая, захватывая и топя пароходы нейтральных стран. Так были остановлены и досмотрены советские торговые суда, шедшие с различными грузами в иностранные порты: «Днепр» и «Союз водников» — в Средиземном море, «Вторая Пятилетка» и «Петровский» — в Бискайском заливе. В ноябре — декабре в Гибралтарском проливе было задержано 11 советских торговых судов, часть их отведена в Сеуту. После осмотра груза и проверки документов все они были отпущены.

14 декабря 1936 г. крейсером «Канариас» был потоплен советский теплоход «Комсомолец», шедший из Потти в Гент с грузом марганцевой руды, проданным бельгийской фирме, что вызвало взрыв негодования, прокатившийся по всему СССР¹. В середине декабря близ Малаги

¹ 12 (по другим данным — 15) октября 1936 года «Комсомолец» доставил в Картахену первые 50 танков Т-26. Однако в декабрьском рейсе, согласно современным источникам, он действительно шел без военного груза. (Прим. ред.)

была потоплена «по недосмотру» республиканская подводная лодка С-3 (840 т., 1929 г. постройки)

В конце декабря близ Барселоны были атакованы подводными лодками два республиканских корабля. Обе торпеды (одна найдена на берегу, другая выловлена рыбаками) оказались иностранного производства. Мятежные крейсера «Канариас» и «Альмиранте Сервера» и гидросамолеты произвели в декабре повторные обстрелы района Росаса, тоннеля и поезда (железнодорожная связь с Францией).

Действия флота в Бискайском заливе

В Бискайском заливе в течение ноября — декабря линкор мятежников «Эспанья», эсминец «Веласко» и тральщики обстреляли позиции республиканских войск и, действуя на коммуникациях, захватывали торговые суда. Со стороны республиканцев в операциях, главным образом, участвовала авиация.

Основной организующей силой республиканского флота в первый период гражданской войны были судовые выборные комитеты. Во главе флота с самого начала мятежа встал Центральный комитет флота, выбранный командами республиканских кораблей.

Возникшие стихийно, судовые комитеты ликвидировали попытки мятежников овладеть флотом республики и его отдельными кораблями. На первом этапе гражданской войны комитеты осуществляли ряд боевых операций против мятежников, организовали боевые действия эсминцев на коммуникациях мятежников между Марокко и Испанией, затруднявшие переброску войск генерала Франко, провели ряд обстрелов в Мелильи и Сеуты, а также десантную операцию на остров Майорку и ряд других.

Центральный комитет флота с момента его создания до ликвидации являлся органом боевого и оперативного управления республиканского флота, так как штаба флота и штабов соединений тогда еще не существовало. Старые штабы были ликвидированы в самом начале мятежа генерала Франко из-за их политической ненадежности, и командующий флотом, хотя и избранный флотом, фактически являлся лишь советником.

Только в процессе проведения операции, столкнувшись с серьезностью положения на море и необходимостью быстрого разрешения вопросов, личный состав и сами комитеты поняли, что существующая организация боевого управления флотом через Комитеты не служит на пользу дела.

Уже после Северного похода флота, в конце 1936 г. комитеты признали необходимость реорганизации управления флотом, которая и была проведена, несмотря на противодействие некоторых членов Центрального комитета (анархистов). Были созданы штабы флота и штабы соединений, назначен правительством командующий флотом, политический комиссар флота и командиры кораблей. По примеру армии, оправдавшему себя в боевой обстановке, судовые комитеты самоликвидировались, и был введен институт политических комиссаров.

Коммунистическая партия Испании приобрела большой авторитет среди моряков республиканского флота тем, что ее лозунги и практическая работа всегда соответствовали моменту. Коммунисты-моряки являлись передовыми бойцами республиканского флота, подавая высокий пример героизма и мужества.

Центральный фронт.

Наступление республиканцев на Сигуэнсу 1–3 января 1937 г. (Гвадалахарский участок)

Целью этой частной операции было коротким ударом срезать выступ фронта противника у Сигуэнсы и овладеть последним (направление на Сарагосу). Мятежники имели на этом направлении хорошую систему полевых укреплений, 7–8 батальонов, 2 эскадрона конницы, 5–6 батарей. Они знали о готовящемся наступлении республиканцев, но все же наступление республиканцев, начатое 1 января, оказалось для них внезапным.

Первой задачей республиканцев было окружить и уничтожить гарнизон противника в Альмадронесе. Авиация республиканцев бомбардировала окопы и расстреливала пехоту мятежников пулеметным огнем. У мятежников не было зенитной артиллерии, и авиация их не участвовала в операции.

Наступление республиканцев велось в направлениях: на Мирабуэно и на Альгору. Противник разбежался во всех направлениях, и авиация республиканцев, имея задачу не допустить резерв противника из Сигуэнсы и Алькала, ошибочно бомбила и своих.

Тем не менее противник был выбит из Мирабуэно, где был захвачен его штаб, и из Альгоры. Но подошедшие к мятежникам подкрепления вызвали ночной бой. На другой день бой у Альгоры и в тылу (Альмадронес) продолжались. Так как Теруэльская операция к этому времени фактически закончилась, то мятежники смогли маневрировать резервами. Тем не менее республиканцы овладели всей полосой укреплений мятежников, и дорога на Сигуэнсу была открыта. Но 3 января 1937 г. мятежники начали большое наступление у Мадрида, что заставило республиканцев отказаться от дальнейшего наступления на Сигуэнсу и совсем прекратить операцию на этом участке.

*Операция мятежников под Махадаондой
и Лас-Росасом 3-14 января
и контрудар республиканцев от Эскориала*

Мятежники, силами 15 батальонов, 45 танков и 100 орудий наносили удар от Брунете и Боадильо, имея главное направление на Махадаонду и Лас-Росас с целью выхода на дорогу Эскориал—Мадрид. Это угрожало отрезать Гвадаррамскую группу республиканцев от Мадрида, облегчая наступление генерала Мольтке. 3 января мятежники начали наступление. 6 января они вышли на железную дорогу у Торранодалья, 7 января заняли Умер и, наступая на Араваку, 9 января овладели ею. Это был критический день операции.

Республиканцам было известно, что мятежники 11 января готовят наступление на Мадрид через Араваку и укрепляют левый фланг своей ударной группы в районе и Лас-Росасе. За три дня мятежники сумели превратить захваченный район в труднодоступные укрепленные позиции. Только контрудар республиканцев мог остановить продвижение противника.

План республиканцев был таков: главный удар наносят 2-я интернациональная и танковая бригады в направлении от Эскориала на Махадаонду. Вспомогательный удар тремя бригадами наносился с северо-востока на Лас-Росас. Республиканцы начали контрудар 11 января. В развернувшихся трехдневных боях особо успешного результата достигли интернациональные бригады и танки, громившие пехоту противника. Захваченный мятежниками район отбить не удалось, но основная цель контрудара — отвлечение главных сил противника от наступления на Мадрид — была достигнута и 14 января республиканские войска отошли на оборонительные рубежи.

Южный фронт.

Малагская операция мятежников и интервентов 14 января — 10 февраля 1937 г.

Главнейшее внимание республиканского командования было устремлено на Центральный фронт, на оборону Мадрида. Так называемая «Южная» армия мятежников не имела достаточных сил для наступления на Мадрид и смогла организовать это наступление только после высадки иностранных экспедиционных войск в южных портах Испании. Об этих высадках и сосредоточении иностранных войск в районе, главным образом, Севильи республиканцы имели сведения уже к началу января, но намерения интервентов были еще неясны для республиканского командования.

План мятежников и интервентов сводился к тому, чтобы на первом этапе операции овладеть Эстепоной, Сан-Педро и Марбельей, а затем повести одновременное наступление на Малагу с запада, севера и северо-востока (от Гранады, через Альхаму — на Велес—Малагу и Торро-дель-Маре), что приводило к окружению Малаги с суши. Флот должен был действовать вдоль берега и содействовать огнем наступлению мятежников с запада.

14 января мятежники начали наступление вдоль берега при содействии флота (9 кораблей, в том числе крейсера «Канариас» и «Альмиранте Сервера»). С захватом Сан-Педро и Марбельи 17 января мятежники выполни-

ли первую часть плана, после чего повели наступление с востока и 23 января заняли Альхаму.

С 24 января по 1 февраля активных действий не было. 1 февраля мятежники повели наступление с запада на Бурго и Охен. 5 февраля суда мятежников обстреляли Малагу, уничтожив телеграфную связь с центральным командованием.

5–6 февраля наступление на севере велось от Антекеры на Вильянцену, от Лохи на Логордо — Кальменари и с востока от Альхамы на Вентас, где были введены в бой многочисленные танки и авиация. К вечеру 6 февраля был занят город Кальменари. Одновременно флот мятежников обстрелял аэродром у Малаги и уничтожил здесь часть республиканских самолетов.

7 февраля танки мятежников подошли вплотную к городу с севера, флот мятежников продолжал обстреливать Малагу. Республиканцы начали спешную эвакуацию города. 8 февраля мятежники продолжали наступление, нанеся главный удар с севера от Кальменари и Антекеры иностранными войсками¹. В тот же день северная группа интервентов и мятежников заняла Малагу. Западнее

Малагская операция

¹ Итальянские механизированные части генерала Роатты.
(Прим. ред.)

Малаги в окружении остались 7000 республиканцев; часть из них, потеряв артиллерию, просочилась на восток.

Разбитые республиканские войска, с многочисленными беженцами, устремились на восток по единственному приморскому шоссе, поражаемому с моря и с воздуха. Преследование продолжалось и 9 февраля¹.

Большая часть офицеров штаба республиканской армии, будучи шпионами мятежников, осталась в Малаге и перешла на сторону противника, отдав перед этим панические приказы разным частям о поспешном отходе. Отход обратился в беспорядочное отступление деморализованных войск. Только прибытие с Центрального фронта интернациональной и испанской бригад задержало дальнейшее наступление противника на рубеже восточнее Мотриля.

В результате операции мятежники значительно сократили протяжение фронта и высвободили 15 тысяч войск для операции на других участках. Для республиканцев потеря территории и береговой полосы с портом Малагой была серьезным ударом. Малагская операция явилась первой, в которой в массовом количестве были введены в бой общевойсковые соединения регулярных частей армии интервентов.

Участие флота мятежников и интервентов в Малагской операции (январь—февраль 1937 г.)

Началу Малагской операции предшествовала бомбардировка с воздуха и с моря Малаги, Марбельи и других пунктов побережья. 11 января порт Альмерия вторично подвергся бомбардировке гидросамолетов мятежников. Сбросив бомбы и снизившись, они обстреляли порт пулеметным огнем, а на другой день мятежные крейсера «Канариас» и «Альмиранте Сервера» обстреляли Малагу.

¹ Только за первую неделю после падения Малаги в городе было расстреляно около 4000 человек. Даже Муссолини обратился к Франко с требованием прекратить зверства «националистов» и марокканцев. (*Прим. ред.*)

В районе Эстепоны с четырех тральщиков был высажен десант, который был окружен и разбит республиканцами, а тральщики были захвачены и отведены в Малагу. В тот же день корабли мятежников обстреляли Валенсию.

14 января в день начала наступления мятежников на Малагу и в связи с подготовкой нового десанта в районе Эстепоны Малага вновь подверглась ожесточенной бомбардировке с моря и с воздуха. Одновременно республиканские самолеты произвели налет на корабли мятежников. На «Альмиранте Сервера» были сброшены 100-кг бомбы, из которых две попали в цель, после чего крейсер удалился по направлению Сеуте. Бомбардировке с республиканских самолетов подвергся и Алхесирас, где находился штаб мятежных войск.

С началом наступления мятежников и интервентов на Малагу корабли интервентов обеспечивали фланг наступающих вдоль побережья войск, препятствуя и парализуя действия республиканского флота, наблюдая за всеми его действиями и сообщая о них мятежному командованию.

Штаб генерала Кейпо де Льяно, командующего южной армией мятежников, находился на борту иностранного военного корабля, откуда таким образом осуществлялось руководство наступлением на Малагу.

К 3 февраля 1937 г. флот мятежников в составе крейсеров «Канариас» и «Балеарес» (последний только что вступил в строй и впервые участвовал в операции), легкого крейсера «Альмиранте Сервера», 1 эсминца и нескольких транспортов сосредоточился в Алхесирасе. 4 февраля флот мятежников вышел к Малаге и 5 февраля с утра обстрелял Малагу и разрушил телеграфную связь с центральным командованием. 6 февраля флот мятежников обстрелял аэродром около Малаги, уничтожив часть самолетов республиканцев. 7 февраля флот продолжал обстреливать Малагу.

8 февраля действия мятежников снова поддерживали авиация и флот, преследуя отходящие от Малаги войска и многотысячные толпы беженцев.

**Центральный фронт.
Харамская операция 6–23 февраля 1937 г.**

Основная задача республиканского командования состояла в том, чтобы частями создаваемой народной армии упредить новый удар противника на Мадрид и разгромить его раньше, чем он сможет предпринять новую операцию.

Планы республиканцев начали разрабатываться еще в декабре, о чем командование мятежников, очевидно, было осведомлено. Декабрьская операция у Боадильи и январская у Махадаонды показали, что мятежники упредили наступление республиканцев в северо-западном секторе Мадридского фронта.

Укрепление мятежниками занятого района Махадаонды ухудшило обстановку для республиканцев и вынудило их изменить план. По новому плану главный удар наносился с востока от реки Харамы в тыл основного расположения противника под Мадридом.

Задержки в развертывании республиканских сил заставили перенести операцию на 2 недели позже против назначенного срока. Плацдарм на западном берегу реки Харамы был занят только что прибывшими двумя бригадами республиканцев.

Мятежники между тем не теряли время и уже 6 февраля начали наступление. Развернувшиеся затем кровопролитные бои вылились в 20-дневную операцию, наиболее крупную из бывших до сего времени по количеству сил, продолжительности, упорству и понесенным потерям. Мятежники рассчитывали ударом с юга-востока окружить и занять Мадрид, оказавшийся неприступным с юга, запада и северо-запада. Они сосредоточили здесь лучшие части и технические средства — танки и артиллерию. Молодая республиканская армия показала свою возросшую мощь и прошла здесь хорошую школу.

С 6 по 10 февраля происходили бои за плацдарм на западном берегу Харамы и за мосты через реки Харамы и Мансанарес. К 9 февраля мятежники очистили плацдармы на западном берегу реки Харамы от республиканцев, которые все же не удержали переправы через реку.

11 февраля, уничтожив ночной атакой охранение моста, мятежники быстро распространились по восточному берегу. Построив затем понтонный мост, они овладели мостом у Сан-Мартина и захватили на восточном берегу Харамы плацдарм шириной в 10 км и глубиной до 3 км, обеспечивающий переправу и развертывание крупных частей на восточном берегу.

С 13 по 19 февраля продолжались упорные бои на восточном берегу. Части республиканских войск, еще оставшиеся на западном берегу у Сиеносуэлоса, отошли на восточный берег к Итауотони. Мятежники несколько расширили плацдарм на восточном берегу и угрожали ударом на Арганду, Морату и Чинчион.

Бои 13 марта носили наступательный характер. Контратаки проводились до 5–6 раз в день. Напряжение танкового состава было так велико, что люди теряли сознание на машинах. Борьба шла буквально за каждый метр территории.

Основную роль играли интернациональная бригада и республиканские танки. Танки мятежников, не имевшие пушечного вооружения, не могли оказать помощи своей пехоте. 15 февраля был критическим днем операции, так как обе стороны ввели в действие все силы и не имели резервов. Контрудар северной группы полковника Модесто на Мараньосу и Сан-Мартин 17 февраля заставил мятежников часть сил перебросить на западный берег Харамы.

18 февраля наступил момент, выгодный республиканцам для контрнаступления. Однако без захвата высоты Пингаррон, сильно укрепленной мятежниками и господствующей над всей долиной Харамы, нельзя было думать об успешном наступлении. Внезапной ночной атакой она была захвачена 19 февраля бригадой Листера, но затем атакой марокканцев снова была отбита.

Республиканским командованием было решено 21 февраля перейти в контрнаступление с целью овладеть высотой Пингаррон и отбросить мятежников к Сан-Мартину. 22 и 23 февраля происходили ожесточенные бои за высоту Пингаррон, которая в конце концов осталась за мятежниками. Следующие 3 дня они подтягивали резервы на восточный берег.

27 февраля республиканцы вторично предприняли контрнаступление с целью срезать выступ у Пингаррона. В начатом наступлении двумя бригадами и ударной группой от Марато к мосту у Сан-Мартина пехота оторвалась от танков, и мятежники, перейдя в контрнаступление, принудили обе бригады к беспорядочному отходу. Брошенная в контратаку танковая бригада республиканцев остановила свою отступающую пехоту, а продвигающиеся вперед пехоту и танки противника обратила в бегство.

Подошедшие резервы республиканцев восстановили положение. Этим закончилась Харамская операция, в результате которой республиканцами была потеряна часть территории на восточном берегу Харамы, но пресечена попытка мятежников захватить Мадрид. На обеих сторонах участвовало по 40 000 человек, и обе стороны понесли большие потери (мятежники — 50%, республиканцы — 40%).

Северный фронт.

Вторая атака республиканцами Овьедо (21 февраля — 10 марта).

21 февраля 1937 г. республиканцы вновь атаковали позиции мятежников под Овьедо, введя в дело 110 орудий. Завязались бои и за высоты, командующие над дорогой Овьедо — Градо. Был занят ряд важных высот. Бригада сантандерцев заняла часть укреплений мятежников на высотах севернее Пенъефлора и Пико-дель-Арко, но не смогла овладеть высотой Чемеро. Высота Трега была также захвачена республиканцами, которые подошли к южной окраине Овьедо. Дорога между Овьедо и Градо была перерезана на высотах Пандо. Однако к вечеру часть занятых высот республиканцы не могли удержать вследствие отсутствия взаимной поддержки и малой жизнеспособности сантандерских частей.

22 февраля бои продолжались на всех участках. Баскская бригада заняла высоту Парра, но так как северные высоты были оставлены сантандерцами, то баски не смогли удержаться. Хотя бои продолжались и на следующий день, но в течение трех дней республиканцы не смогли

подавить оборону мятежников и окончательно перерезать сообщение Овьедо — Градо.

На 4-й день определилось, что понесенные потери и большой расход боеприпасов не привели к цели, и республиканцы не в состоянии продолжать операцию на всем фронте Овьедского «мешка». До 10 марта еще продолжались атаки на Овьедо, но мятежники, хотя и понесли не меньшие потери, чем республиканцы, подтянули подкрепления, удержали за собой весь район Овьедо — Градо.

Вторая атака республиканцев началась перед окончанием Харамской операции, и так как мятежники вынуждены были притянуть в Овьедо значительные резервы (9 тысяч человек и 30 орудий), то этим до известной степени облегчилось положение республиканцев на центральном фронте.

Гвадалахарская операция (8–22 марта 1937 г.)

Обстановка

К началу марта 1937 г. военная обстановка для республиканцев сложилась неблагоприятно. Харамское сражение в феврале, потрепав лучшие марокканские части мятежников, вынудило республиканцев тоже втянуть в бой все резервы. Южный фронт после сражения у Малаги находился в периоде реорганизации.

Таким образом, ни Центр, ни Южный фронт не имели свободных оперативных резервов. Было начато формирование 15 новых бригад (к концу марта). Рассчитывать на силы Северного и Арагонского фронта командование не могло: первый был изолирован, второй — не организован.

У мятежников положение было лучше. Захват Малаги позволил им высвободить 16 тысяч человек. Кроме того, Франко располагал иностранным экспедиционным корпусом в 25 тысяч солдат. Таким образом, к началу марта у Франко было 40 тысяч свободных войск, с которыми он мог предпринимать активные операции в марте с надеждой на успех.

План мятежников состоял в концентрическом наступлении на Мадрид с целью окружения и уничтожения

Мадридско-Гвадаррамской группы республиканцев и ставил задачей: нанести главный удар в Гвадалахарском направлении, одновременно наступая на Харамском участке, действуя демонстративно на Южном фронте (у Пособланко 6 марта). Главный удар должен был наноситься иностранным экспедиционным корпусом в составе четырех дивизий, переброшенных из Малаги в Сигуэнсу, и смешанными испанскими частями, всего около 30 000 человек.

У республиканцев Гвадалахарский участок прикрывала 1-я дивизия в составе четырех бригад (49-я, 48-я, 50-я и 71-я). На харамском участке силы были почти равны. Республиканцы имели здесь лучшие части, в том числе три интернациональные бригады. Пятая бригада была отведена в резерв для отдыха и пополнения.

1-й этап операции

8 марта 2-я дивизия интервентов начала наступление тремя колоннами, поддерживаемыми танками, на Альмадронес, Хонтанарес и Масегосо. Наступление было неожиданным для республиканцев. Авиаразведка в сопровождении танков по Сарагосскому шоссе. Первый удар приняла на себя 50-я республиканская бригада. Слабые части республиканцев, растянутые на широком фронте, начали отходить. 50-я бригада попыталась задержать противника у Каханехоса 9 марта, но была отеснена и отошла к Трихуэке.

Группа Маскардо сменила 49-ю республиканскую бригаду, остатки которой собрались в Гвадалахаре. 10 марта переброшенные с Харамского фронта 11-я и 12-я бригады республиканцев с 20 танками развернулись на фронте Трихуэке — Фуэнтос и остановили противника.

11 марта противник развернул главные силы двух дивизий и занял Трихуэке и Бриуэга. Главная тяжесть борьбы легла на 11-ю и 12-ю бригады. Республиканское командование решило перебросить еще 5 бригад и батальон танков и сформировать на Гвадалахарском участке 4-й корпус в составе трех бригад (11-й, 12-й и 14-й).

12 марта 11-я и 12-я бригады республиканцев вели ожесточенные бои в районе Трихуэке и Бриуэга с противником, сосредоточившим большое количество артиллерии и танков. Большую роль в этот день сыграла авиация республиканцев. 1-я иностранная дивизия (2-го эшелона), растянутая на 20 км по Сарагосскому шоссе, подверглась совершенно неожиданному нападению с бреющего полета сначала 30 республиканских штурмовиков под защитой 45 скоростных истребителей, которые, по выполнении своей задачи, расстреливали колонну. Сброшено было около 500 бомб, израсходовано 200 тыс патронов. В результате налета колонна была остановлена и дезорганизована, началось паническое бегство.

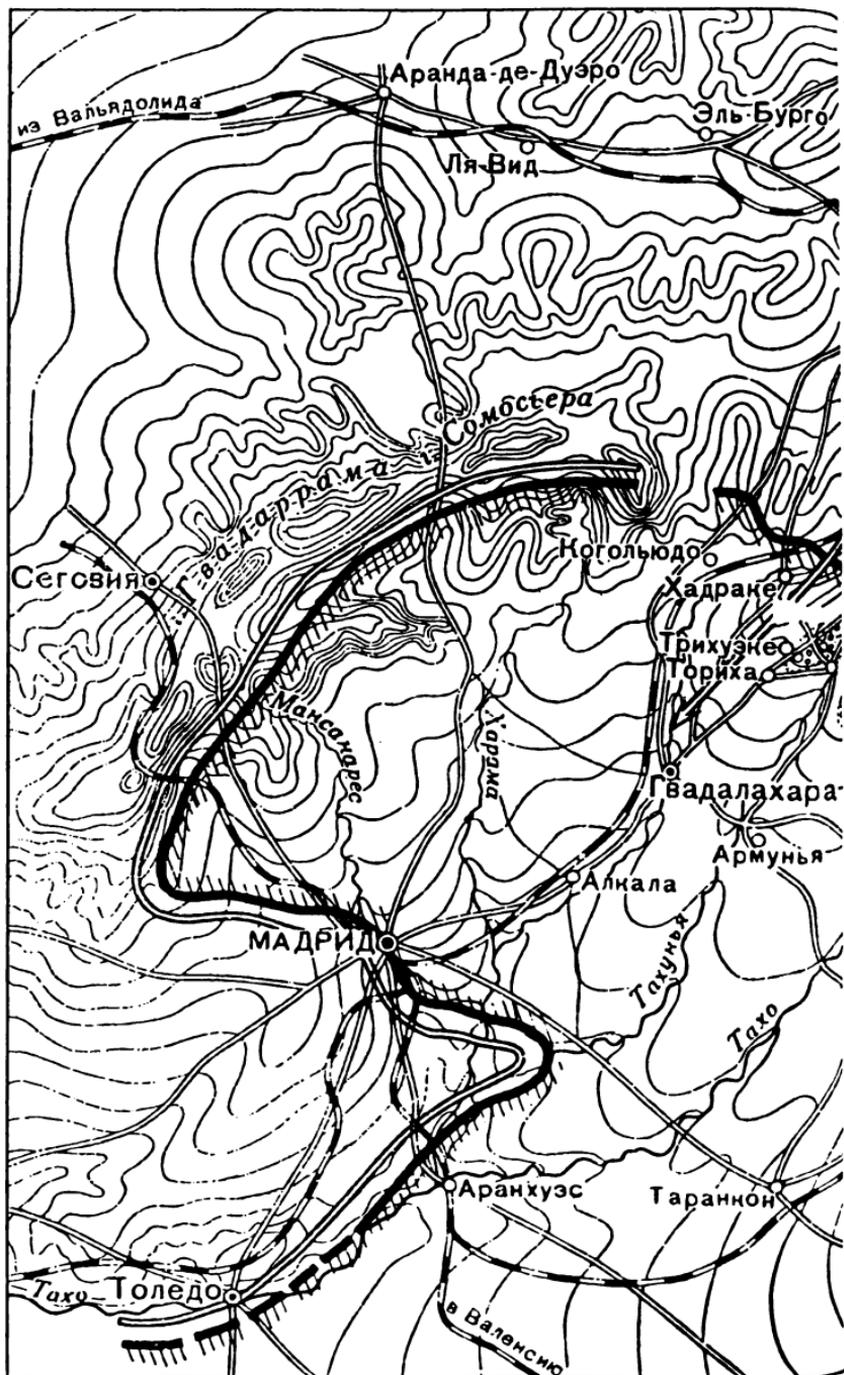
2-й этап операции

13 марта республиканские части (бригада Листера и 63-я бригада) перешли в наступление при поддержке танков и авиации, которая в составе 28 самолетов произвела вторичный налет на колонну интервентов. К концу дня мятежники, понеся большие потери, отошли к северу от Трихуэке, который был занят республиканскими войсками. Положение республиканцев на фронте Трихуэке — Бриуэга значительно упрочилось.

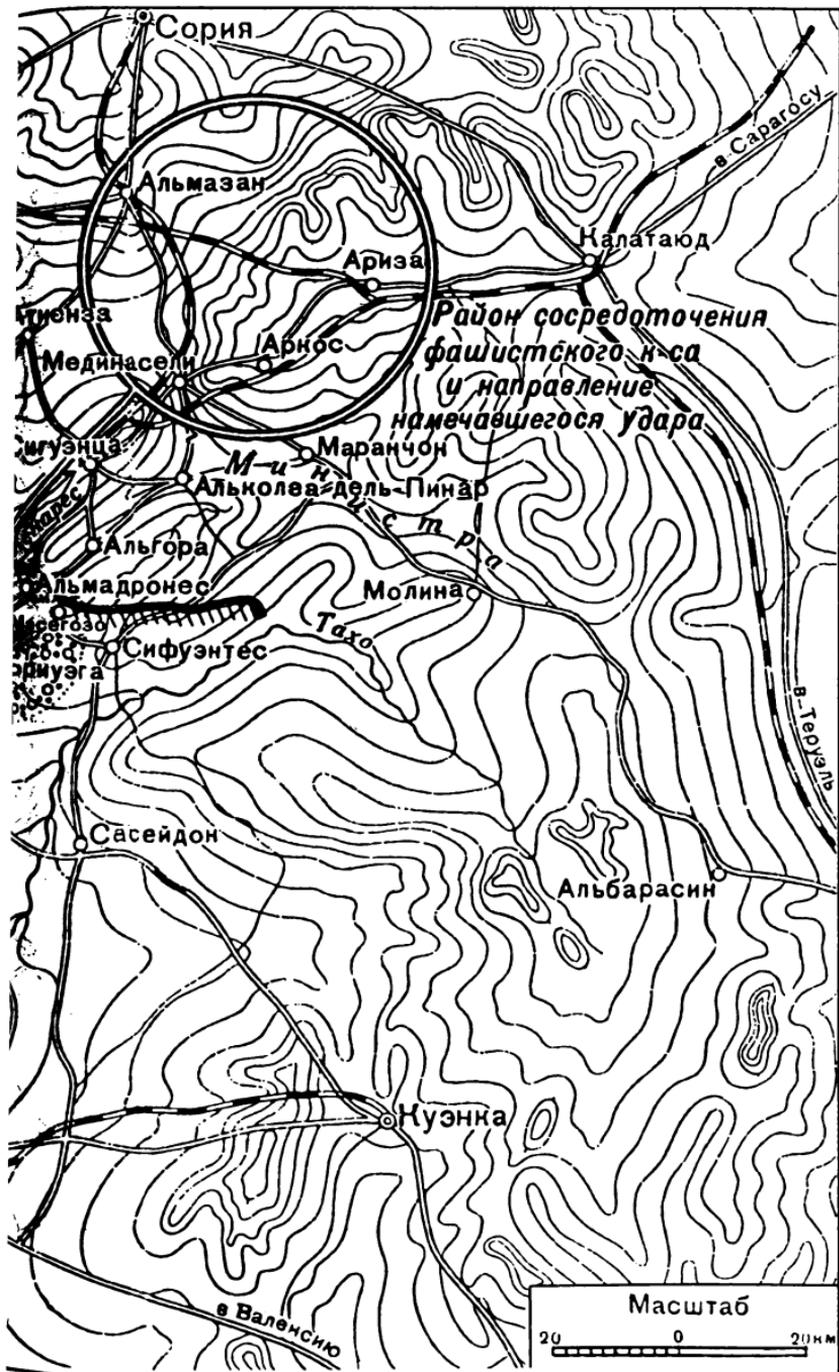
В течение 14–17 марта на всем фронте шли упорные бои; за эти дни республиканцами на фронт были подтянуты еще три бригады (65-я, 70-я и 71-я). Интервенты понесли серьезные потери от авиации республиканцев и перешли к обороне.

3-й этап операции

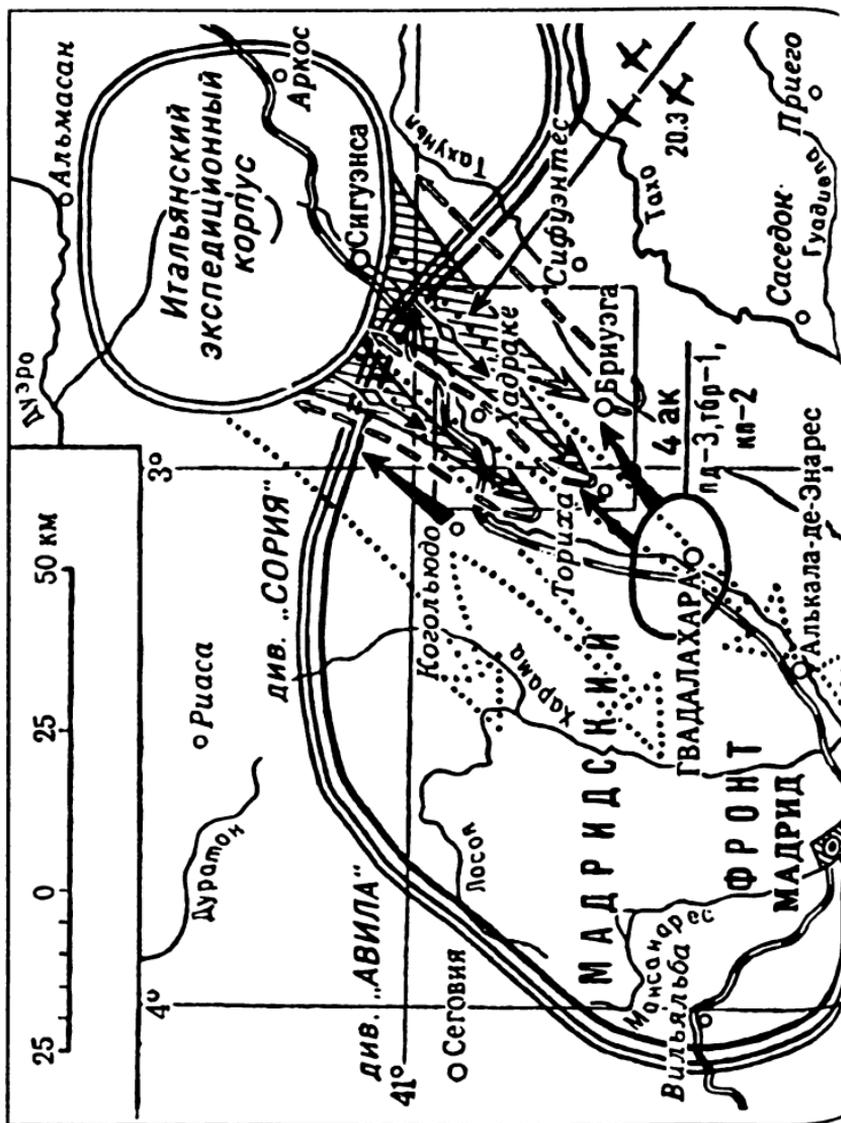
2-я дивизия интервентов была выведена для приведения в порядок. Инициатива решительно перешла к республиканцам, которые 18 марта при поддержке авиации (75 самолетов) начали наступление на Бриуэгу, большой гарнизон которой был парализован двумя воздушными налетами. В тот же день они овладели Бриуэгой. Одновременно противник начал отход и от Трихуэке по Сарагосскому шоссе.

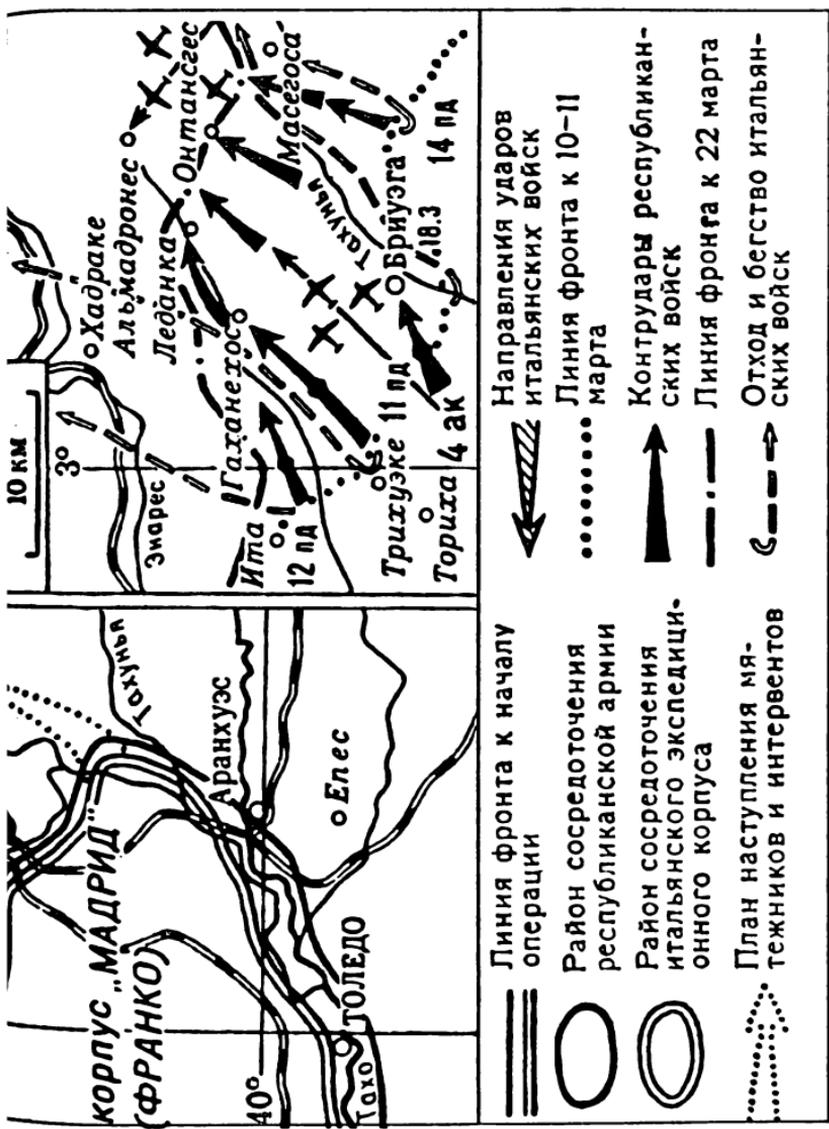
Центральный фронт республики

с весне 1937 г.

Общий ход Гвадалахарской операции

8 по 22 марта 1937 года

19 марта авиация республиканцев производила разведку отступающих войск интервентов, а на следующий день 19 марта атаковала Альмадронес и Альгору — пункты сосредоточения обозов, а равно и поезда с военным имуществом на станции Сигуэнса, сбросив около 600 бомб и израсходовав 100 тысяч патронов.

20–22 марта республиканские войска продолжали преследование, стремясь войти в район Альмадронеса с целью отрезать отход противника по основному шоссе. Однако противник закрепился на рубеже Масегоса, Монтанарес, Леданка, Мудуэс, Хилья, Белена. Попытки возобновить наступление на всем фронте не имели успеха, и операция закончилась.

В результате операции противнику было нанесено поражение, корпус интервентов был отведен на север, потеряв боеспособность почти на 2 месяца. Слабые атаки на Харамском участке 9–12 марта не оказали никакого влияния на переброску резервов республиканцев, как и наступление на Южном фронте (Пособланко).

Автоколонны интервентов, двигавшиеся на узком фронте по двум дорогам, явились мишенью для повторных ударов республиканской авиации, которая привела их к полному расстройству и деморализации; все 4 дивизии интервентов были сильно потрепаны действиями республиканской авиации, и это послужило причиной отхода. За операцию интервенты потеряли около 900 человек. Преследование отходящих колонн противника велось в основном авиацией на низких высотах, которая превращала отход в беспорядочное бегство. Искусное и сильное прикрытие бомбардировщиков и штурмовиков скоростными истребителями парализовало и без того малоактивную эскадрилью чужеземных «Фиатов». Быстрота переброски резервов республиканцев способствовали поражению интервентов, задержав их наступление и изменив в дальнейшем соотношение сил. Гвадалахарская операция принесла первую крупную победу республиканцам и сильно повысила их боеспособность и моральное состояние.

**Южный фронт.
Операция под Пособланко
(6 марта — 6 апреля 1937 г.)**

Эту операцию можно разделить на три этапа.

1-й этап (6–23 марта) — наступление мятежников, занятие ими Вильянуэвы (9 марта), Алькорасехоса (15 марта), разгром 20-й бригады, бои за Пособланко.

2-й этап (24–30 марта) — контрнаступление республиканцев, овладение Фуэнте (24 марта) и освобождение Вильянуэвы и Алькорасехоса (30 марта).

3-й этап (31 марта — 16 апреля) — преследование мятежников до исходного положения.

К концу марта на Южном фронте обстановка была неблагоприятной для республиканцев. На этом фронте только что начался процесс реорганизации армии. Части были слабо подготовлены, имели мало пулеметов и артиллерии. В резерве имелось только 12–15 тысяч солдат, отошедших после падения Малаги в Альмарено. Падение Малаги отразилось на моральном состоянии республиканских войск.

Все это позволило мятежникам начать частную наступательную операцию в районе севернее Кордовы, имевшую целью захват Альмадера и отвлечение резервов с центрального фронта для облегчения наступления мятежников на Гвадалахарском направлении. Мятежники усилили этот участок фронта за счет войск, освободившихся из-под Малаги, сосредоточив 12–15 тысяч солдат, 40 орудий и 30 самолетов. Республиканцы знали о готовящемся наступлении, но к началу операции не имели резервов.

6 марта мятежники повели наступление в направлениях: Пеньяройя — Вильянуэва, Эспиель — Алькорасехос, и более слабой группой от Вильяхарта на Пособланко. 9 марта они заняли Вильянуэву ударом с запада. Создавшаяся угроза Алькорасехосу, а затем и Альмадене, заставила республиканское командование перебросить сюда спешно 2 дивизии с Хаэнского участка.

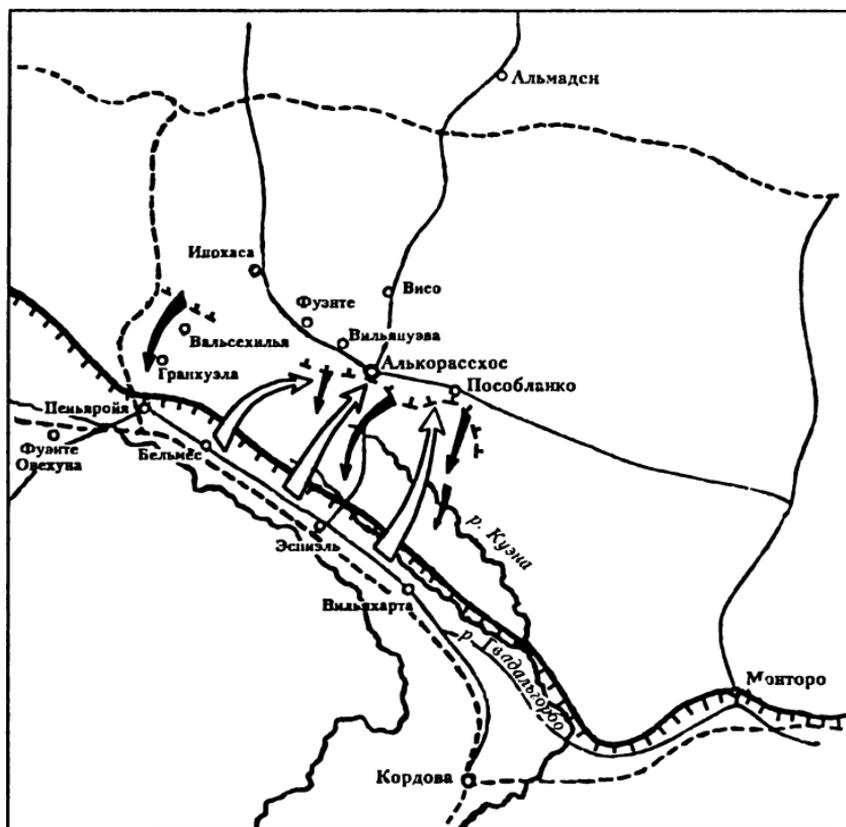
В течение 6 дней шли бои за Вильянуэву, которая осталась в руках мятежников, после чего при поддержке авиации, после упорного боя, они заняли Алькорасехос (15 марта), разгромив одну бригаду республиканцев. Другая бригада в это время прикрывала Альмаденское направление.

Для укрепления фронта республиканцы перебросили к Пособланко две эскадрильи самолетов, роту бронемашин из Аранхуэса, роту танков из Арчена, бригаду из Альмерии и бригаду из Альбасете. С обеих сторон активно действовала авиация. За это время республиканцы сосредоточили у Пособланко авиацию, бронемашину, танки, артиллерийские батареи и еще 2 бригады и, в связи с большими потерями у противника, получили возможность перейти в контрнаступление 24 марта от Инохоса, Висо и Пособланко.

Инохосская группа овладела Туэнте (24 марта). Бригада, наступавшая от Пособланко к западу, оттеснила мятежников к Алькорасехосу. С 25 по 30 марта шли упорные бои за Вильянуэву и Алькорасехос, где обе стороны понесли большие потери. Напряжением всех сил республиканцы овладели обоими пунктами и отбросили мятежников к югу. Противник отступал по всему фронту.

Республиканцы преследовали мятежников тремя колоннами. Правая колонна имела задачу овладеть районом Пеньяройи, центральная — Эспиэлем, левая — Вильяхартой. Преследование велось при поддержке авиации, но медленно из-за утомления войск. Мятежники, прикрываясь сильным арьергардом, смогли оторвать главные силы от преследования.

Нанеся поражение мятежникам у Гравехуэласа на правом фланге и переправившись через реки Куэно и Гвадальбаробо на левом фланге, республиканцы поставили под угрозу железную дорогу Кордова — Пеньяройя. Противник был вынужден стянуть резервы из Кордовы, в том числе и иностранные части. Укрепившись на выгодных пунктах, они остановили наступление республиканцев к 11 апреля на том рубеже, откуда они начали наступление 6 марта.

Операция под Пособланко 6 марта – 16 апреля 1937 г.

На этом операция закончилась. Это был первый успех республиканцев на южном фронте, где они впервые били марокканцев, считавшихся «непобедимыми» войсками Франко. Республиканцы показали возросшую боеспособность и маневренность. На события под Гвадалахарой операция не оказала никакого влияния.

Южный фронт республиканцев был реорганизован в апреле 1937 г. Все отдельные колонны были превращены в регулярные части, сведенные в два армейских корпуса. В начале июня 1937 г. для удобства управления Южный фронт перестал быть самостоятельным, и его корпуса были подчинены непосредственно Генштабу.

Северный фронт.

Наступление мятежников и интервентов на Бильбао 1 апреля — 11 апреля 1937 г.

Обстановка

В марте Северный фронт получил помощь от Центрального правительства и приступил к формированию и вооружению новых частей. Организация должна была закончиться к 15 апреля. Одновременно шла подготовка состава и специалистов и организация штабной службы.

Объединению всех сил на севере мешало стремление баскских националистов к неподчинению указаниям командующего фронтом, назначенного Центральным правительством. Штабы, особенно штаб басков, были засорены реакционными элементами. Командование принадлежало баскским националистам, которые вели колеблющуюся политику в деле военного строительства и укрепления армии.

О прибытии на север иностранного корпуса и авиации, которые были направлены сюда после Гвадалахары, республиканское командование не имело достаточных сведений. Разведслужба была организована плохо.

Группировка сил

Мятежники группировались в районах Витория — Вилларсеаль, Вергара — Мондрагон и вдоль побережья по дороге в Сан-Себастьян. Позиции мятежников были на

всех участках хорошо укреплены. Республиканцы занимали фронт слабыми силами. Гористая местность позволяла держать главные силы в резерве на главном направлении вероятного удара мятежников. Важнейшее значение для республиканцев имела горная цепь Горбеа и труднодоступные высоты между Виллареалем и Мондрагоном. Поэтому главные силы басков группировались в районе Убидеа—Очиандино и в районе Эллорио—Дуранго—Маркина.

Батальоны басков еще не были сведены в бригады и входили в состав секторов, непосредственно подчиненных командованию басков. При такой организации надежное управление войсками было крайне затруднительно. Войска басков комплектовались добровольцами, причем отдельные части формировались разными политическими партиями. Наиболее стойкими частями были коммунистические батальоны. Батальоны националистов были мало боеспособны. Анархистские батальоны не представляли надежной силы. Дисциплина была недостаточна. Вооружения хватало, но у республиканцев почти совсем не было авиации.

Целью операции мятежников являлся захват Бильбао.

1-й этап. 1-10 апреля 1937 г.

Наступление мятежников 1 апреля 1937 г. в районе Мондрагон — Виллареаль оказалось неожиданным для командования басков. Мятежники прежде всего атаковали хорошо укрепленные высоты Альбертия и Сан-Андриано, угрожавшие сообщениям Витория—Мондрагон—Сан-Себастьян. Эти высоты прикрывали пути вторжения на Очиандино—Дурано—Диема.

Подготовка к атаке началась артиллерийской бомбардировкой (140 орудий) и воздушной (13 самолетов) позиций республиканцев, не имевших ни ПВО, ни авиации (всего 4 самолета). Бомбардировка авиацией производилась с небольшой высоты группой самолетов (12-18 машин) по 3-4 часа, после чего она заменялась другой.

Одновременно группа самолетов (3-8 машин) в сопровождении истребителей бомбардировала баскские

тылы и дороги, а также аэродром республиканцев в Бильбао. После того как республиканские части, занимавшие высоты, потеряли 50% своего состава и были уже небоеспособны, мятежники легко выбили республиканцев с высот.

Внезапное наступление мятежников с такими результатами побудило баскское командование отозвать три бригады басков из Астурии, где они должны были участвовать в подготовительной атаке на Овьедо, что заставило астурийцев отказаться от операции. Таким образом, в первый же день мятежники достигли не только тактических, но и оперативных успехов, связав активность республиканцев на всем Северном фронте.

В последующие дни мятежники вели наступление на Очиандино, Убието и упорный бой за высоту Горбеа, применяя тот же метод использования авиации. Анархистские части начали отход, и республиканцы подтянули артиллерию из Бильбао и одну астурийскую бригаду.

15 апреля республиканцы оставили Очиандино и Убието, а на другой день мятежники, сосредоточив значительные силы (15 тысяч, 100 орудий) при сильной поддержке авиации перешли в наступление на Дуранго — Диема. Из Астурии на помощь баскам были посланы три бригады. Они участвовали в боях за высоту Горбеа и южнее Дуранго и сыграли крупную роль в первый период операции.

Мятежники дважды бомбардировали аэродром в Бильбао и уничтожили все 4 самолета басков. Они предприняли также частное наступление в районе Овидео, чтобы затруднить переброску в Бискайю астурийских войск.

Баскское правительство издало декрет об обязательной военной службе. Приняты были меры по организации обороны на фронте и по очистке Бильбао от агентов «пятой колонны». С Юга было прислано 12 самолетов, из них 8 истребителей современного типа.

10 апреля мятежники прекратили атаки, так как республиканцы предприняли наступление на Арагонском фронте на Уэску и Сарагосу, угрожавшие тылу мятежников, наступавших в Бискайе.

Перерыв в операции на Северном фронте дал возможность срочно реорганизовать военное управление басков, организовать бригады и дивизии, ввести институт комиссаров, заставить подчиняться распоряжениям Командующего Северным фронтом, оказать помощь ПВО и авиации — хотя последняя все же оказалась в 8 раз количественно меньше, чем у мятежников, сохранивших за собой господство в воздухе.

За 10 дней боев первого периода мятежники смогли продвинуться на 10–12 км в направлении Очиандино — Юрре. Они решили нанести главный удар не с юга, а с востока в районе Мондрагона и севернее и наступать по трем направлениям:

- 1) Эллорио — Дуранго — Аморабиета — главной колонной генерала Молы (15 тысяч);
- 2) Маркино — Герника — смешанной колонной подержанной главной артиллерией и танками (7–8 тысяч);
- 3) Очиандино — Юрре (7–8 тысяч).

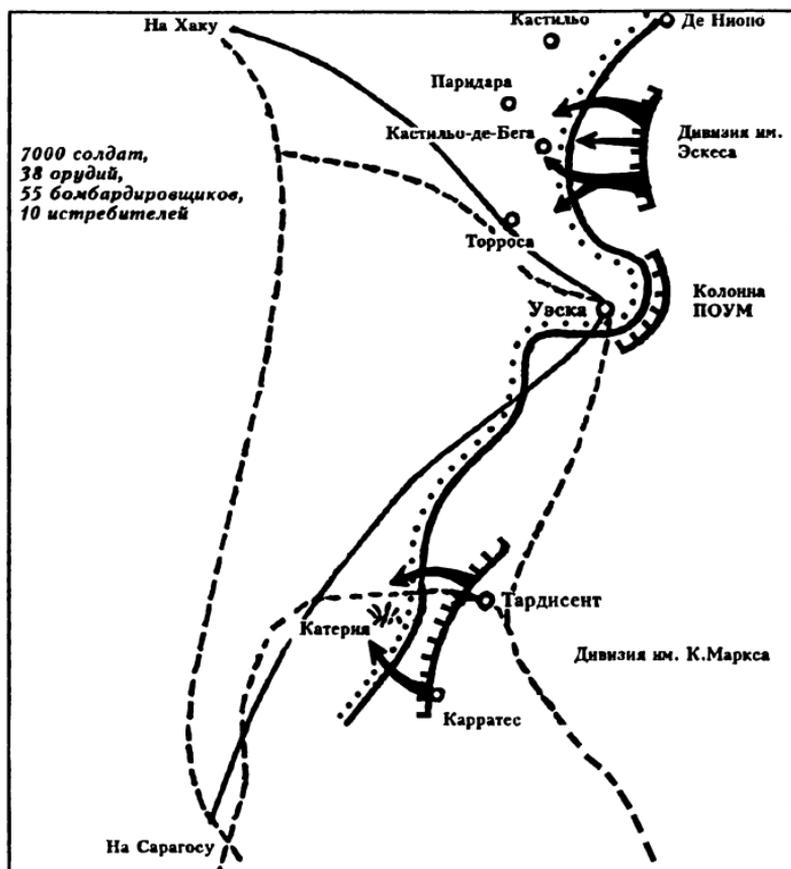
Республиканцы, зная о намерениях противника, сосредоточили свои главные силы в направлении главного удара, подготовили позиции и подтянули резервы из Астурии и Сантандера.

Арагонский фронт.

Частная операция республиканцев в районе Уэски (4–13 апреля 1937 г.)

К 5 апреля обстановка на Северном фронте настоятельно требовала от республиканского командования решительной помощи Северному фронту. Наибольшее воздействие могло оказать наступление республиканцев на арагонском фронте в направлении Уэски и севернее, что выводило бы республиканцев на основную группировку резервов мятежников в районе Памплоны. Для такой задачи у командования Арагонским фронтом не было достаточных сил. Поэтому задачей наступления ставилось оттянуть часть сил мятежников с Северного фронта.

Севернее Уэски находилась дивизия генерала Эскеса, в большей части анархистского состава. Перед Уэской

Попытка наступления республиканцев под Уэской
4–13 апреля 1937 г.

фронт занимала колонна ПОУМ¹, сформированная под руководством агентуры из контрреволюционеров, троцкистов, совершенно ненадежная, недисциплинированная и небоеспособная². Южнее Уэски расположилась дивизия имени Маркса, сформированная объединенной социалистической партией Каталонии, в которую входили коммунисты. Она

¹ Partido Obrero Unification Marxista — Единая марксистская рабочая партия, организация испанских троцкистов. (Прим. ред.)

² Соединение ПОУМ носило название «Колонна имени Ленина». (Прим. ред.)

была наиболее боеспособной частью арагонского фронта (всего 20 тыс человек и 50 орудий).

Мятежники имели три отряда общей численностью в 7000 человек при 38 орудиях и 15 самолетах, позиции их были хорошо укреплены.

7 апреля дивизия Эскерса начала наступление в направлении Паридера и за 3 дня продвинулась на 3 км. Колонна ПОУМ почти не сдвинулась с места. Дивизия имени Маркса имела задачей обойти правый фланг противника, овладеть высотой Китерия с последующим выходом на железную дорогу севернее высоты.

12 апреля республиканцы овладели высотой, но авиация противника беспрепятственно расстреливала части дивизии Маркса, а на следующий день мятежники, подтянув резервы, вынудили республиканцев с большими потерями отойти на исходные позиции.

Это была первая наступательная операция республиканцев Арагонского фронта после долгого затишья. Оперативная цель была частично достигнута. Мятежники на северном фронте прекратили наступление 12 апреля и возобновили его только 20 апреля. Основная причина неудачи республиканцев, также как и у Теруэля — слабость управления войсками.

Центральный фронт.

Наступательная операция республиканцев в парке Каса-дель-Кампо (Мадрид)

Эта операция была предпринята республиканским командованием самостоятельно, так как общая военная обстановка на центральном фронте значительно улучшилась сравнительно с предшествующим периодом Харамской и Гвадалахарской операций.

Мятежникам надо было произвести мобилизацию, что они потом и сделали, а интервенты должны были подбросить новые части. На Северном фронте создавалось тяжелое положение. Мятежные войска и войска интервентов 1 апреля неожиданно начали наступление на Очиандино и Убидеа и 5 апреля заняли эти пункты. Войска басков, не оказывая должного сопротивления, продолжали отходить.

При господстве в воздухе авиации мятежников, от появления которой части басков разбежались, это создавало реальную угрозу для Бильбао. Было очевидно, что мятежники на этом слабом участке хотят повторить опыт Малаги.

Непосредственной помощи баскам живой силой с Центрального фронта оказать было нельзя и, следовательно, надо было оказать оперативную помощь — начать хотя бы небольшую операцию на Центральном фронте. На Арагонском фронте обе стороны продолжали сидеть в окопах, на Южном фронте (Пособланко) первоначальный успех мятежников был ликвидирован республиканскими войсками.

На Центральном фронте у республиканских войск создавалась уверенность в своих силах после поражения чужеземного корпуса под Гвадалахарой, насыщенность техническими средствами была неплохая (100 танков, 100 самолетов, достаточно пулеметов), в резерве было 10 бригад (25 000 чел.), 5-я, 6-я и 7-я дивизии. Но для крупной операции по разгрому хорошо укрепившегося противника этих сил было недостаточно, а главное — не хватало тяжелой артиллерии.

Мятежники в районе Каса-дель-Кампо имели в общей сложности 10–11 тысяч человек, 150 пулеметов, около 40 орудий. Для преодоления сильно укрепленной позиции мятежников, имевшей характер укрепленного района, требовалось решительное превосходство в силах, особенно в тяжелой артиллерии.

Парк Каса-дель-Кампо представлял собой сильно пересеченный лесистый участок, отделенный от Мадрида рекой Мансанарес с многочисленными мостами.

В центре парка находится господствующая высота Гарабитос. Она закрывает выход из Университетского городка, большую часть которого мятежники занимали с 6 ноября 1936 г. и за 6 месяцев хорошо укрепили (окопы с хорошими убежищами, пулеметные гнезда, противотанковые рвы, минированные поля, проволочные заграждения в несколько рядов, а местами и бетонные сооружения).

Наступление у Мадрида должно было отвлечь силы мятежников и интервентов от Бискайского фронта, где они продолжали наступление, начатое 1 апреля. План

операции состоял в том, чтобы одновременным ударом двух групп на высоту Гарабитос из северной и южной частей парка Каса-дель-Кампо окружить и уничтожить части мятежников, занимавших Университетский городок. Основным условием выполнения плана была внезапность.

Северная группа (5 бригад, 18 орудий, 20 танков) должна была наносить главный удар через высоту Эрмита на Гарабитас.

Южная группа (4 бригады, 8 орудий, 12 танков) имела задачу ударом от Галисийского моста овладеть высотой 660 и затем наступать на Гарабитас.

Части 6-й и 7-й дивизий активными действиями должны сковывать силы мятежников в Университетском городке. Для борьбы с артиллерией противника создана группа из семидесяти четырех 155-мм и двух 125-мм орудий. Авиации ставилась задача до начала выступления пехоты бомбардировать высоту Гарабитас, как главный объект наступления пехоты.

Подготовка к операции началась 6 апреля. Наступление было назначено на 9 апреля. За это время произведена рекогносцировка, уточнены задачи и увязаны вопросы взаимодействия пехоты с танками и артиллерии с авиацией.

Задачи операции

Северная группа 39-й и 21-й бригадами должна была ночным налетом овладеть высотой 661 и Эрмитой; 69-й бригаде после налета авиации и короткой артиллерийской подготовки следовало овладеть высотой Агилья. В дальнейшем всей группе — атаковать Гарабитас, содействуя южной группе в овладении ею. За 69-й бригадой во втором эшелоне шли 2-я (Листер) и 68-я (Кампесино) бригады.

Южная группа 2-й и 68-й бригадами должна была ночным налетом овладеть высотой 660 и, после налета авиации на Гарабитас и короткой артиллерийской подготовки, овладеть высотой.

4-й и 75-й бригадам (6-й дивизии) полагалось атаковать части противника в Университетском городке.

Основным недостатком подготовки являлось то, что комсоставу не были ясно поставлены задачи (якобы для соблюдения внезапности)¹; не были эти задачи доведены и до бойцов. В результате наступление не было начато своевременно, танки и авиация опоздали, а со стороны бойцов и командиров не было проявлено достаточно решительности.

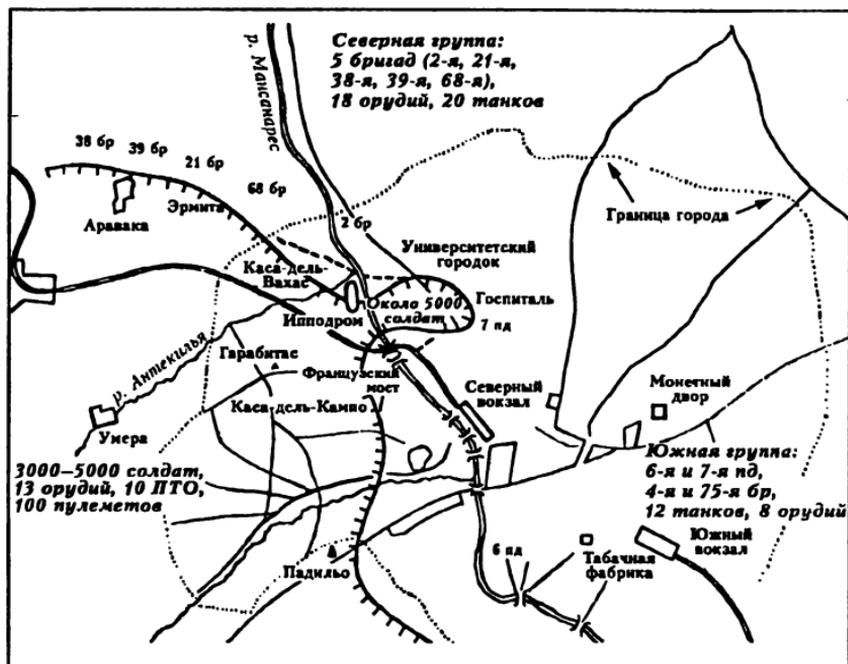
Наконец, имелось серьезное расхождение между планом и задачами групп; по плану и распределению сил и средств в группах — главный удар должна была наносить северная группа на высоту Гарабитас, а по задачам, поставленным перед наступлением, роль северной группы сводилась к вспомогательному удару (содействие южной группе в овладении Гарабитасом).

Ход операции

Вместо того, чтобы начать операцию ночью, республиканские части начали ее утром 9 апреля. Только один батальон 69-й бригады без единого выстрела проник ночью через линию мятежников и достиг склонов высоты Гарабитас, но так как остальные части в атаку не пошли, батальон оказался изолированным и окруженным. Из окружения батальон пробился с потерей половины состава, взяв в плен нескольких мятежных офицеров.

Части северной и южной групп начали наступление только после налета авиации и артиллерийской подготовки. Авиация вместо Гарабитаса сбросила бомбы на высоты Эрмисто и Агилья и даже в районе Падильо. Артиллерийская подготовка велась достаточно хорошо, но пехота обеих групп шла в атаку нерешительно. Подойдя к окопам противника, открывшего сильный огонь, она залегла и в наступление не пошла. Понадобилась вторая артподготовка, но и после нее пехота не сразу пошла в атаку, и противник снова своим огнем прижал ее к земле. Танки северной группы опоздали и не смогли повести за собой пехоту. Начав атаку с опозданием, они до противника не дошли. Республиканская авиация весь день работала на пехоту. У мятежников авиации не было — почти вся она была отправлена на север.

¹ Очевидно, из-за опасения измены. (Прим. ред.)

Операция в парке Каса-дель-Кампо

В результате наступления в первый день успех достигнут не был, внезапности добиться не удалось, что и определило дальнейший ход операции. На следующий день, 10 апреля, из северной группы были образованы две: одна под командованием Листера (2-я бригада Листера, 68-я Кампесино и 69-я бригада) и Переа (38-я, 39-я, 21-я бригады).

Первая с 21 танком имела задачей овладеть высотой Агилья и Каса-дель-Кампо, а 69-я бригада — наступать вдоль реки Мансанарес, овладеть ипподромом и перерезать железную дорогу у Французского моста. Группе Переа была поставлена задача сковать противника наступлением на высоты 661 и Эрмита. Задача южной группы оставалась прежней — завладеть высотой 660.

10 апреля

Северная группа атаковала высоту Агилья и Касадель-Кампо и вышла на ручей Антенилья. Группа Переа (21-я бригада), наступая на Эрмиту, подходила к окопам противника, вела бой ручными гранатами. Танки поддерживали пехоту, но повести ее на штурм мятежников, сидящих в окопах, не смогли. После взрыва мятежниками минного поля 21-я бригада отошла на исходные позиции. 39-я бригада не поднялась для атаки высоты 661 и вела огневой бой.

68-я бригада из состава южной группы в атаку на высоту 660 не пошла, считая, что высота сильно укреплена и взять ее нельзя. 2-я бригада после переброски ее на правый фланг атаковала Французский мост, но, понеся потери, мост не взяла. Командир бригады, лично ведущий бойцов в атаку, был убит.

Авиация действовала с большим напряжением, сбросив около 500 бомб, но особенного успеха не имела, так как пехота мятежников во время налета авиации и обстрела артиллерии пряталась в укрытиях. Бой носил ожесточенный характер, доходя до рукопашных схваток. Части мятежников, пытавшиеся отойти, возвращались огнем своих танков.

11 апреля

На третий день операции атаки северной группы на все пункты не имели крупного успеха. Только 69-я бригада ворвалась на ипподром, а южная группа овладела Французским мостом, но виадук остался в руках мятежников. В ночь на 12 апреля мятежники троекратной атакой выбили 69-ю бригаду с ипподрома. 12 апреля бой хотя и продолжался, но республиканские войска дальше продвинуться не могли. На этом операция закончилась. Мятежники в Университетском городке не были окружены, но в общей обстановке операция сыграла некоторую роль: наступление на Бильбао временно было приостановлено. Операция помогла выявить оборону

противника и его тактические приемы. Для республиканского командования, штабов и бойцов операция явилась большой школой.

Вторая Теруэльская операция республиканцев (16–27 апреля 1937 г.)

С оттеснением республиканцев на Северном фронте к Дуранго для Севера создалось тяжелое положение, так как мятежникам удалось прорвать вторую линию обороны басков, после чего они закрепились, готовясь к дальнейшему наступлению на Бильбао.

От республиканцев требовались решительные меры, чтобы оттянуть хотя бы часть сил мятежников с Северного фронта. При всей слабости оперативного взаимодействия отдельных фронтов Главное командование республиканцев решило активизировать Центральный и Арагонский фронты, чтобы понудить мятежников отказаться от наступления на Бильбао.

9 апреля была предпринята операция на Мадридском участке с задачей окружить части мятежников, занимавших Университетский городок и очистить его от противника. Операция не имела успеха, но привлекла внимание командования мятежников к Центральному фронту. Одновременно были предприняты частные наступательные операции на Арагонском фронте под Уэской (4–13 апреля) с целью облегчить положение республиканцев на Северном фронте.

Начатая 16 апреля Теруэльская операция была частью общего плана активизации республиканских фронтов. После неудачной для республиканцев Теруэльской операции в декабре 1936 года (вследствие низкого качества анархистских частей) мятежники еще более укрепили Теруэльский выступ, держа там незначительный гарнизон.

Со времени Харамского сражения (6–28 февраля) Теруэльский участок снова приобрел большое оперативное значение, и республиканское командование принимало меры к увеличению сил на этом участке к апрелю. Кроме подразделений каталонских анархистов здесь были

сосредоточены четыре бригады регулярной армии центрального правительства.

Было решено провести наступательную операцию с задачей отрезать гарнизон Теруэльского выступа от сообщения с другими участками арагонского фронта мятежников, окружить его и уничтожить. С этой целью намечался двойной удар: с востока в направлении на Селандос и Селью одной бригадой с бронемашинами и с юго-запада через Алабарассин также на Селью двумя колоннами общей силой в 15–16 батальонов, куда входили и анархистские части. К участию в операции была привлечена сильная авиационная группа (65 самолетов).

Уже в процессе подготовки проявились недочеты в управлении войсками. Приказы дошли до исполнителей только за 3 часа до начала операции, и потому наступление республиканцев в первый день операции проходило неорганизовано и без должного взаимодействия артиллерии, авиации и пехоты.

К 17 апреля восточная группа захватила Селандос и сильно укрепленную высоту Санта-Барбара, а юго-западная подошла к Реа-де-Альбарассин. Авиация свои задачи выполняла успешно, особенно при взятии Санта-Барбары. В этот же день республиканская конница овладела Арченге, угрожая сообщениям с Теруэлем.

Следующие два дня республиканцы не наступали, а только отбивали контратаки мятежников, которые подвезли подкрепление с севера и выслали из Теруэля два батальона.

20 апреля республиканцы, благодаря успешным действиям авиации, отбили контратаки и преследовали мятежников, захватив оружие и пленных. Но командующий участком приказал прекратить наступление, и благоприятная обстановка для захвата Сельи была упущена. Командование фронтом приказало возобновить наступление, и 22 апреля начались ожесточенные бои за высоту Гордо. У республиканцев ощущался недостаток шанцевого инструмента, и они еще не умели закреплять за собой занятые территории. Авиационная группа была переключена на другое направление, а мятежники сосредоточили до 45 самолетов.

26 апреля мятежники атаковали Санта-Барбару. Республиканцы, понеся большие потери от авиации противника, после упорного рукопашного боя вынуждены были оставить Санта-Барбару. 27 апреля мятежники выбили республиканцев из Селандоса, который был разрушен авиацией мятежников.

К концу дня 27 апреля на всех участках правительственные войска отошли в исходное положение, чем и закончилась операция.

Из хода операции видна полная несогласованность действий республиканцев, как результат слабого управления, плохой связи и информации. Неоднократное упущение момента для развития успеха, отозвание блестяще действовавшей авиации и потери от авиации мятежников явились причиной неудачи.

Северный фронт.

Наступление мятежников на Бильбао.

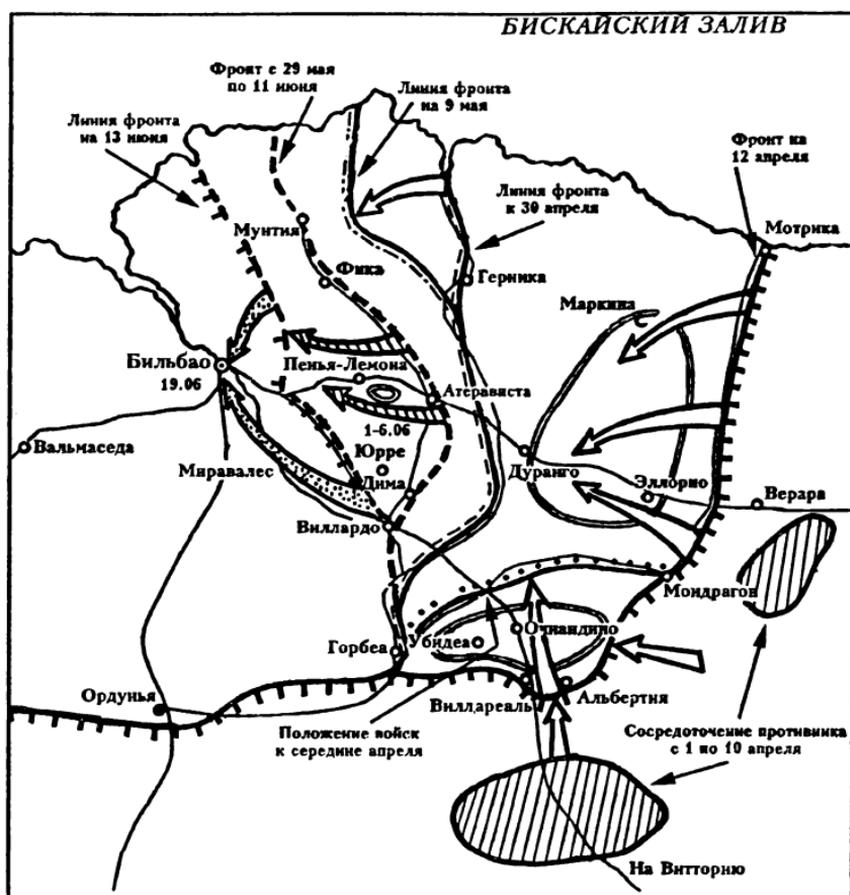
(21 апреля — 19 июня 1937 г.)

2-й этап операции

21 апреля мятежники после мощной артиллерийской и воздушной подготовки возобновили наступление на Эллорио, поставив задачей овладение этим пунктом, чтобы в дальнейшем перевести удар на Маркино. В трехдневных боях все атаки их были отбиты, но 24 апреля анархистские батальоны самовольно ушли с фронта в Бильбао, не сообщая об этом своим соседям, и тем самым открыли фронт противнику — чем он и воспользовался, захватив без сопротивления Эллорио (25 мая) и начав заходить в тыл группе республиканцев, оборонявших Маркино.

Республиканские части в районе Эллорио, деморализованные изменой анархистов, отходили к Дуранго, преследуемые авиацией противника. Командование Северным фронтом выслало в Бискайю еще две бригады из Астурии и одну из Сантандера.

Продолжая наступление, мятежники совершенно разрушили Маркино и Гернику (28 апреля). Бомбардировка Герники, древней столицы басков, авиацией интервентов

Оборонительная операция у Бильбао, апрель — июнь 1937 г.

вызвало огромное возмущение всего испанского народа и протестующие отклики общественного мнения в Европе. На момент бомбардировки она не была занята войсками, и уничтожению подверглось мирное население¹.

¹ Налет на Гернику был осуществлен соединениями немецкого «Легиона Кондор» и итальянской авиации под общим руководством Вольфрама фон Рихтгофена, Франко был информирован об акции. В налете участвовали 41 бомбардировщик (23 Ju 52, 4 He 111, 10 He 51, 1 Do 17 и 3 SM.81) при поддержке 12 истребителей SR.32 и 6 Bf 109). Самолеты совершили несколько вылетов. В этот день в

В результате боев в районе Дуранго республиканцы вынуждены были оставить развалины Дуранго (29 апреля). Несмотря на превосходящие силы, артиллерию, танки и особенно авиацию, с 1 по 15 мая мятежники смогли продвинуться только на 40–45 км по всему фронту.

Местность благоприятствовала обороне, и республиканцы имели возможность выиграть время для организации сильной кольцевой обороны Бильбао (Мунчия, Гольдакано, Мороваллес и далее на запад) с тремя линиями окопов, блиндажами, бетонированными точками для артиллерии и пулеметов. Весь район был огражден проволочными заграждениями в 4–6 рядов. На подступах к этой укрепленной полосе мятежники и понесли особенно большие потери.

Однако в дальнейшем обнаружилась вредительская рука в построении укрепленного района — главный строитель, который перебежал к мятежникам. Мятежники имели план укрепленного района и знали его слабые места.

К 15 мая мятежники овладели половиной территории провинции Бискайя, совершенно разрушив все города и селения и к 24 мая вышли на фронт Мунчия Фико Амориента — Дима Вилларо. Все атаки мятежников в течение последующей недели были отбиты, но город и порт Бильбао начали подвергаться обстрелу тяжелой артиллерии мятежников. С 1 по 6 июня узловым пунктом борьбы явилась высота Пенья-Лемона, занятая мятежниками только 6 июня, после того как она несколько раз переходила из рук в руки. Затем до 11 июня на Бискайском участке было затишье, продолжались лишь активные действия авиации.

3-й этап операции

Третий и последний этап операции имел результатом прорыв мятежниками укрепленной полосы и захват

Гернике была ярмарка, поэтому здесь собралось много людей из окрестных сел. Общее число погибших составило 1645 человек, 889 человек было ранено. Республиканских войск в городе не было, но по несчастливой для Франко случайности вблизи от Герники оказались три английских и один бельгийский журналист, поэтому трагедия получила широкий резонанс в мировой печати. (*Прим. ред.*)

Бильбао. Отход одного батальона басков, занимавшего передний край укрепленного района и повлекший за собой отход других, способствовал прорыву мятежников.

Одновременно с воздушной бомбардировкой фронта, мятежники бомбардировали корабли республиканцев в порту Бильбао и город. После двухдневных боев республиканцы вынуждены были к отходу на вторую линию обороны. Все контратаки их легко останавливались артиллерией и авиацией мятежников.

14 июня мятежники продолжали наступление, нанося главный удар в стык 1-й и 5-й армий. Были прорваны 2-я и 3-я линии обороны. 1-я и 5-я дивизии республиканцев отошли на новые позиции и закрепились, но мятежники 15 июня перенесли направление главного удара на фронт 2-й и 3-й дивизий, стремясь охватить Бильбао с юга, причем им удалось переправиться через реку Нервион на участке 2-й дивизии.

К концу дня 17 июня Бильбао был полуокружен мятежниками, и их артиллерия взяла под обстрел дороги к западу, ведущие из Бильбао на Сантандер. 2-я дивизия была полуразбита и отходила. Поэтому было решено отходить всем фронтом, причем 1-я и 5-я дивизии отводились на реку Нервион. Окруженная у Бильбао 1-я дивизия прорвалась после ожесточенного боя.

19 июня закончилась эвакуация запасов из Бильбао, в городе были взорваны военные заводы и мосты. Отход войск совершался в порядке под прикрытием бронемашин. Ночью оставили город последние части басков.

Операция по захвату Бильбао являлась частью большого плана наступательных операций мятежников на Северном фронте с целью полной ликвидации этого фронта и использования освободившихся сил для решительных действий на других фронтах. Плохая организация разведки республиканцев привела к тому, что первые удары мятежников оказались внезапными для республиканцев. Недостаточная организованность басков и малая маневренность их войск позволили мятежникам применить тактику последовательных ударов на отдельных узких участках фронта.

Успех мятежников стоил им дорого: они понесли большие потери в живой силе, введя в бой в конце операции не менее 40 тысяч человек.

Недостаточно организованные, имея недостатки в тылу, в штабах и на фронте, не имея почти авиации и ПВО, баски сражались героически, переходя в частные контратаки. Измена националистских лидеров и предательство анархистских руководителей способствовали успехам мятежников. Господство в воздухе авиации интервентов и мятежников во многих случаях имело решающее значение.

Смена правительства Ларго Кабальеро

Организирующее влияние компартии сказалась не только в создании регулярной армии. Главные усилия ее были направлены на создание единого Народного фронта. В связи с этим она неустанно разъясняла народу и указывала испанскому правительству на необходимость четкой организации республиканского тыла и решительного очищения его от всяких троцкистских и иных провокаторских, шпионских и диверсионных банд. Благодаря этим указаниям и разоблачениям компартии в мае 1937 г. произошла смена правительства Ларго Кабальеро, который окружил себя саботажниками, изменниками и подозрительными людьми, тормозившими и срывавшими мероприятия по укреплению и организации армии, по расширению военной промышленности и созданию революционного порядка в тылу. Новое правительство Негрина, хотя и произвело целый ряд мероприятий по укреплению тыла, но все же этих мер было недостаточно: работа по очищению тыла от шпионов, диверсантов и предателей не была доведена до конца.

Майский путч в Каталонии

Каталонский путч в мае 1937 г. был подготовлен испанскими троцкистами по непосредственным указаниям мятежников. Они прямо выступали с призывом к вооруженной борьбе с правительством Народного фронта, и их

выпады становились тем ожесточеннее, чем яснее были успехи Народного фронта. Успехи идей коммунизма среди каталонского пролетариата обеспечили поворот основных масс анархистских рабочих к решительной поддержке Народного фронта.

Каталонский путч был одной из крупных попыток мятежников взорвать республиканский тыл изнутри, открыть фронт генералу Франко и обеспечить задуманный интервентами десант. План был рассчитан на то, чтобы путем провокации столкнуть анархистские массы с народным фронтом.

За день до майского путча в Барселоне в органе ПОУМ, газете «Баталья» специальным извещением предлагалось всем офицерам и курсантам школы ПОУМ в Лериде немедленно явиться в расположение центрального коменданта ПОУМ в Барселону, каковы бы ни были их служебные дела. По специальному извещению поумовцы бросили фронт и прибыли в Барселону руководить мятежом против правительства Народного фронта¹.

Но рабочие Барселоны раздавили этот мятеж, как и первый. Уже через несколько часов после начала путча стало явным, что большая часть анархистских рабочих не пошла на троцкистскую провокацию.

Несколько десятков поумовцев, испанских троцкистов, шпионов Франко были немедленно заключены в тюрьмы. Орган ПОУМ, газета «Баталья», был запрещен, но меры против троцкистов и поумовцев не были доведены до решительного их искоренения. Они ушли в подполье, и подрывная работа их продолжалась в еще более гнусных формах.

4-й этап войны. Действия флота

8 марта 1937 г. «Комитетом по невмешательству в испанские дела» была принята система контроля всех грузов, доставляемых в Испанию морем и через сухопутные

¹ Утверждение о том, что части ПОУМ покинули фронт, как и об их связях с мятежниками, не соответствуют действительности. (Прим. ред.)

границы. Система контроля включала три основных элемента: контроль на сухопутных границах Испании, контроль на судах, идущих в Испанию, и морской патруль вдоль испанских берегов для проверки, действительно ли имеют на борту контролеров все суда, идущие в Испанию. Патрульную службу по поручению Комитета осуществляли Англия, Франция, Германия и Италия.

Боевые действия флота в Бискайском заливе

При наступлении мятежников и интервентов на Бильбао (31 марта — 19 июня) в Бискайских водах были сосредоточены как флот мятежников, так и многочисленные корабли интервентов. Последние стремились установить блокаду Бильбао, а после его падения — Сантандера и других республиканских портов северного побережья. Блокаде этой оказывали энергичное сопротивление республиканская авиация, суда и береговые батареи. Участие в блокаде линкора мятежников «Эспанья» весьма осложнило действия республиканских сил и мешало проходу судам с продовольствием в Бильбао.

Прорыв эсминца «Сискар» в Бискайский залив

Обстановка на севере Испании и в Бискайском заливе вызвала необходимость в содействии республиканским войскам в обороне северного побережья и доставлении им боезапасов. С этой целью 8 апреля 1937 г. из Картахены был послан эсминец «Сискар», который, успешно прорвавшись через Гибралтарский пролив, 11 апреля пришел в Сантандер и доставил боеприпасы республиканским войскам в Бискайе. В дальнейшем эсминец «Сискар» совместно с находившимся уже в северных водах эсминцем «Хосе Луис Диас», принимал активное участие в обороне побережья.

Гибель линкора «Эспанья» 30 апреля 1937 г.

30 апреля 1937 г. линкор «Эспанья» и эсминец «Веласко» пытались задержать английский пароход «Нистли», шедший в Сантандер. Эсминец «Веласко», а затем

и линкор «Эспанья» открыли огонь, причем последний выпустил 29 снарядов, не достигнув ни одного попадания.

Капитан парохода сообщил на берег по радио об обстреле, и республиканское командование выслало 5 бомбардировщиков. Одна из бомб (300 кг) попала в кормовую часть линкора, пробила палубу, в результате чего произошел взрыв погреба¹. Линкор затонул в течение 15 минут после взрыва. Эсминец «Веласко» спас офицерский состав и ушел в Эль-Ферроль, бросив некомандный состав на произвол судьбы. Около 600 человек было спасено рыбаками.

Большая часть команды корабля состояла из учителей, приказчиков, банковских служащих, не имевших никакого опыта. Строевыми офицерами, а также инженер-механиками на линкоре были иностранцы. При водоизмещении 16 000 тонн корабль имел невысокую живучесть, что и обусловило его быструю гибель.

Гибель «Эспаньи» произвела большое впечатление на мятежников. Гибель его была весьма чувствительна, так как в последнее время линкор своими действиями сильно осложнял операции республиканского флота и мешал проходу судов с продовольствием в Бильбао.

Действия флота в Средиземном море.

Обстрел Сеуты республиканскими эсминцами

В конце марта 1937 г. республиканский флот начал более энергичную деятельность. 29 марта были подвергнуты сильному обстрелу военные объекты в Малаге и Мотриле. 30 марта республиканские лидеры обстреляли порт и военные сооружения на острове Ивиса, базу гидросамолетов и радиостанцию на острове Майорка. 4 апреля 1937 г. республиканские эсминцы «Лепанто», «Вальдес», «Гальяно» и «Санчес» получили задачу обстрелять порт Сеуту

¹ «Морской сборник», 1937 г., № 6. По одним неофициальным данным, гибель линкора «Эспанья» произошла от торпеды, выпущенной английским эсминцем, по другим — от взрыва на минном заграждении, поставленном одним из минзагов мятежников.

с находящейся в порту канлодкой мятежников, а в случае встречи в этом районе с крейсером мятежников — атаковать торпедами.

Выйдя из Картахены, эсминцы в светлое время прошли до Альмерии с целью привлечь внимание крейсеров противника для атаки их ночью. Среди полуночи в полном затемнении эсминцы подошли к Сеуте, не встретив неприятельских судов в море. Эсминцы «Гальяно» и «Вальдес» произвели обстрел с дистанции 40–50 каб., а эсминец «Санчес» и «Лепанто» маневрировали в Гибралтарском проливе.

После первых залпов город, считая, что он подвергся воздушному нападению, произвел затемнение и открыл зенитный огонь. Снаряды республиканских кораблей попали в береговую 152-мм батарею и в зенитную батарею, а также в казармы мятежников.

Операция была проведена быстро и энергично и оказалась неожиданной для мятежников, которые не считали возможным появление республиканских кораблей в Гибралтарском проливе.

Подрыв английского эсминца «Хантер» у Альмерии 13 мая 1937 г.

3 мая 1937 г. в 4 милях от Альмерии английский эсминец «Хантер», осуществлявший «контроль» в этом районе, получил 2 пробоины от торпеды или мины. В результате взрыва было 8 убитых и 14 раненых. Эсминец принял 900 тонн воды и остался на плаву, осев носом.

По английским данным¹, эсминец, имея пары в одном котле, перед взрывом дрейфовал по течению. По испанским данным, английский эсминец быстро подходил к обычному месту своей стоянки на рейде Альмерии, когда произошел взрыв.

Республиканское командование Альмериийской базы быстро организовало помощь; через 10–15 мин. эсминец «Ласага» и несколько тральщиков уже вышли к месту аварии. Английский эсминец, уже покинутый своей

¹ Доклад инженера Стэнли.

командой, был отбуксирован республиканским тральщиком в порт, где и был сдан прибывшему английскому адмиралу. После осмотра эсминец «Хантер» был отбуксирован английским крейсером «Аретьюза» в Гибралтар, где поставлен в док.

Бомбардировка Альмерии германским флотом

20 мая республиканские самолеты производили разведку над Балеарскими островами. Пролетая над островом Ивиса, они обнаружили военный корабль, принятый ими за один из мятежных крейсеров, но он оказался иностранным линкором¹, который неожиданно открыл огонь по самолетам из зенитных орудий.

Вынужденные защищаться, самолеты сбросили несколько бомб, из которых одна проникла в носовую часть жилой палубы, другая разорвалась на шкафуте, в результате чего на линкоре 24 человека было убито и 82 человека ранено. Так как контроль над водным районом, где находится остров Ивиса, был возложен на французские морские силы, то нахождение там линкора можно объяснить только стремлением оказать содействие мятежникам после апрельского обстрела острова Ивиса республиканскими эсминцами.

31 мая отрядом иностранных кораблей была проведена бомбардировка Альмерии в течение часа, сопровождавшаяся значительным разрушением и жертвами среди гражданского населения. Одновременно с бомбардировкой Альмерии иностранные подводные лодки произвели нападение у Барселоны на испанские пароходы, потопив один из них.

Республиканское правительство в Испании заявило, что испанские летчики и командиры кораблей получили распоряжение избегать малейших столкновений с кораблями под иностранными флагами.

Республиканский флот действовал в районе западной части Средиземного моря, где, кроме судов мятежников и

¹ Это был германский «карманный линкор» «Дойчланд» (Прим. ред.)

интервентов, находились английские и французские военные корабли. Интенсивное движение в этом районе весьма усложняло положение республиканского флота, в особенности при ночных операциях. Каждый раз надо было безошибочно определить, какой нации принадлежат встречные корабли, так как противником должны были считаться только корабли мятежников, а не корабли интервентов, с которыми запрещалось вступать в бой.

Сложность и неясность обстановки, быстрые ходы, требование непрерывной боевой готовности вызывало большое напряжение сил личного состава и изнашивание материальной части. 17 июня 1937 г. республиканский линкор «Хайме I» вышел из строя в результате взрыва необычайной силы, происшедшего на корабле в то время, как он находился в Картахене. На корабле было убито 18 человек и 100 человек ранено. Линкор затонул так, что над водой виднелись только его верхние надстройки.

*Бой республиканских эсминцев
с крейсером «Канариас» в Валенсийском заливе
13 июля 1937 г.*

12 июля 1937 г. флотилия республиканских эсминцев получила приказ 1-й полуфлотилии (4 эсминца) провести транспорты из Барселоны в порт Маон на остров Менорка, а 2-й полуфлотилии («Гравина», «Санчес») — конвоировать нефтеналивной транспорт «Канпильо» из Картахены в Валенсию. 1-я полуфлотилия должна была соединиться со 2-й на траверзе Валенсии утром 13 июня.

Транспорт и эсминцы «Гравина» и «Санчес» вышли в море 12 июня вечером и на рассвете были в 12 милях от Валенсии, когда к ним присоединилась 1-я полуфлотилия. В 8 милях от Валенсии внезапно по курсу 1-й полуфлотилии появился неприятельский крейсер типа «Канариас» и тотчас открыл по ней огонь. Уже второй залп дал накрытие головного миноносца, который, сделав поворот влево, лег на обратный курс. За ним последовали и остальные миноносцы 1-й полуфлотилии. Этот последовательный поворот кильватерной колонны эсминцев происходил под огнем крейсера.

Миноносцы «Гравина» и «Санчес», видя затруднительное положение 1-й полуфлотилии, закрыли дымом транспорт и пошли на сближение, демонстрируя торпедную атаку. Крейсер привел их на кормовой курсовой угол и открыл по ним огонь противоминной артиллерией. 1-я полуфлотилия была вынуждена отказаться от атаки и отошла к транспорту, закрывая его дымзавесой. Крейсер, изменив курс, пытался преследовать миноносцы, которые легли на обратный курс.

Туман на время разъединил противников. Через полчаса «Канариас» появился снова, идя полным ходом наперерез курсу конвоя. Сблизившись на 14 000 м, он открыл огонь из орудий всех калибров. Третьим залпом эсминцы, ставившие завесу около транспорта, были накрыты.

Не ожидая следующих залпов, «Гравина» и «Санчес» укрылись за завесой. Транспорт, сделав координат к берегу, быстро пошел в Валенсию. «Санчес», потеряв ход до 24 узлов, направился в глубь залива. Командир флотилии (флаг на «Гравине») решил принять огонь крейсера на себя и отвлечь его от транспорта. Закрываясь дымзавесой, он отходил на юг к мысу Антонио и, переходя в контратаки, когда завеса рассеивалась, заставлял крейсер менять курс на прицел.

В результате боя, продолжавшегося 1 ч. 40 мин., «Канариас» выбросил огромное количество снарядов, но безуспешно. Транспорт благополучно достиг Валенсии, из эсминцев ни один не пострадал. Но главная задача — провод транспортов в порт Маон — не была достигнута.

Республиканские миноносцы без поддержки крейсеров не были в состоянии атаковать свободно маневрирующий крейсер, а тем более маневрируя в строе кильватера под усиленным огнем «Канариаса». Благодаря этому последнему удалось обратить в бегство 1-ю флотилию. Удачно сочетая маневрирование с дымзавесами, эсминец «Гравина» вышел из боя без повреждений, увлек «Канариас» в погоню за собой, дал возможность транспорту прорваться в Валенсию и выручил эсминец «Санчес».

Бои республиканской эскадры с крейсерами мятежников у м. Тенес 7 сентября 1937 г.

В сентябре 1937 г. обстановка для плавания торговых судов республики Испании стала весьма напряженной. Испанские коммерческие суда подвергались нападениям не только в западной, но и восточной части Средиземного моря, до того недоступной для флота мятежников. В районе между республиканским побережьем, Балеарскими островами и Алжиром, кроме подводных лодок «неизвестной национальности», постоянно находились крейсера мятежников, блокировавшие республиканское побережье.

С целью обеспечить проводку транспортов в этом районе республиканский флот в составе крейсеров «Либертад», «Мендес Нуньес», 1-й и 2-й полуфлотилий эсминцев вышел вечером 6 сентября из Картахены, предварительно обеспечив выход тралением, поисками подводных лодок в районе базы и воздушной разведкой по направлению движения флота. Утром 7 сентября республиканский флот, приблизившись к африканскому берегу, к северу от Алжира, встретил два транспорта. Перестроившись в порядок для их конвоирования, он взял курс на Картахену. В 10 ч. 20 мин. с крейсера «Либертад» был усмотрен по направлению к африканскому берегу большой военный корабль, шедший на восток. Когда он, повернув на норд-ост, чтобы обойти республиканскую эскадру с кормы, в 10 ч. 40 мин. открыл огонь с дистанции 16–17 тысяч метров, в нем был опознан «Балеарес».

Крейсер «Либертад» был готов к открытию огня, к этому времени он повернул вправо, подняв общий сигнал о повороте, и послал в базу радио о высылке самолетов. Крейсер «Мендес Нуньес» сразу же повернул за «Либертадом». Эсминцы разобрали сигнал с опозданием и оказались позади крейсеров, а так как «Либертад» сразу увеличил ход до 29 узлов, идя на сближение с противником, то эсминцы в дальнейшем отстали и в бою участия не принимали. «Мендес Нуньес» также отстал, и в конечном итоге все свелось к одиночному бою «Либертада» с «Балеаресом», постепенно удалявшимся к северо-востоку.

Крейсер «Либертад» (восемь 6-дюймовых орудий) открыл огонь тотчас же вслед за «Балеаресом» (восемь 8-дюймовых орудий). Оба противника стреляли залпами. Бой продолжался с 10 ч. 40 мин. до 11 ч. 05 мин., и с 11 ч. 15 мин. до 11 ч. 30 мин. «Либертад» стрелял четырех орудийными залпами примерно через 10 сек. и выпустил около 220 снарядов. Во время боя было замечено 15—20 накрытий «Балеареса», который получил 16 пробоин и потерял 15 человек убитыми и 75 ранеными. Около 11 ч. 45 мин. противники разошлись. «Либертад» повернул на обратный курс на соединение с транспортом, а «Балеарес», пользуясь своим 32-узловым ходом, скрылся из видимости «Либертада».

Когда республиканский флот повернул на сближение с «Балеаресом», транспорты остались без прикрытия и в начале завязки боя повернули к югу, стремясь укрыться у африканского берега. Это движение транспортов с «Либертада» замечено не было, однако поворот транспортов к югу был замечен эсминцами, о чем они донесли в 13 ч. командующему эскадрой. Предположив, что транспорты намерены продолжать путь под берегом до мыса Тенес, чтобы оттуда повернуть на Картахену, командующий эскадрой решил идти к мысу Тенес. Воздушная разведка, высланная из Картахены рано утром 7 сентября, ничего не обнаружила, а высланные вторично уже по вызову командующего эскадрой в 10 ч. 55 мин. три бомбардировщика приблизились к месту боя и вернулись с сообщением, что видели республиканскую эскадру, а противника не обнаружили.

В 16 ч. республиканская эскадра, находясь в 20 милях на норд-вест от м. Тенес, подверглась атаке трех бомбардировщиков и одного торпедоносца, безрезультатно выпустившего две торпеды по «Либертаду». Одна из них прошла под носом у эсминца «Лепанто», шедшего вблизи «Либертада». Бомбардировщики сбросили бомбы на эсминцы, но ни одна из них не попала. Зенитный огонь успеха не имел.

В 16 ч. 30 мин. 2-я полуфлотилия эсминцев получила приказание обследовать прибрежный район у мыса Тенес, а эскадра некоторое время шла курсом ост. В 17 ч. 30 мин.,

когда флотилия возвращалась к эскадре, «Либертад», обнаружив на норд-вест крейсер «Канариас», шедший курсом норд-ост, повернул на сближение; была вызвана бомбардировочная авиация и эсминцами приказано атаковать противника — 1-й флотилии с носа, 2-й с кормы. В этот момент «Канариас», открыв огонь, сразу получил накрытие. «Либертад», «Мендес Нуньес» и шедший в голове эсминец «Антекера» открыли огонь с дистанции 80–90 каб. только после двух его залпов. Обе флотилии эсминцев были в это время справа от крейсеров. Вследствие плохой видимости огонь велся с перерывами, и в 18 ч. 10 мин. бой крейсеров закончился.

В 18 ч. 23 мин. «Канариас» повернул на вост. Обе флотилии эсминцев легли на тот же курс южнее «Канариас» и открыли по нему огонь, но не смогли развить скорость более 30 узлов и постепенно отставали. «Либертад» в 18 ч. 32 мин. также повернул вслед за «Канариасом», который отвечал на огонь эсминцев обоими калибрами и, имея скорость 32–33 узла, уходил на вост. За невозможностью догнать противника командующий эскадрой приказал эсминцам прекратить погоню. Во время присоединения эсминцев к крейсерам в 19 ч. 40 мин. уже почти в темноте эскадра была безрезультатно атакована бомбардировщиками противника.

В вечернем бою «Либертад» выпустил свыше 80 снарядов, «Мендес Нуньес» сделал свыше 50 залпов из орудий 6-дюймового калибра. Республиканские корабли не получили попаданий, но и их стрельба была малоуспешна из-за плохой видимости. Республиканская авиация, вылетевшая в 18 ч. 25 мин. к месту боя, не могла распознать противника, и летчики, вернувшись на аэродром в 20 ч. 30 мин., донесли, что видели только свою эскадру, шедшую к транспортам.

Утром 8 сентября республиканская эскадра вернулась в Картахену, а транспорты, приткнувшиеся к берегу, на следующий день вернулись в Алжир. Свою оперативную задачу — проводку транспортов в Картахену — республиканская эскадра не выполнила. Транспорты, оставленные без специального отряда прикрытия и связи, спаслись случайно. В бою крейсер «Либертад» нанес

«Балеаресу» (значительно более сильному тяжелому крейсеру вашингтонского типа) серьезные повреждения, в результате которых тот был выведен из строя на 2 месяца. Это показало превосходство республиканских крейсеров в артиллерийской стрельбе, но безуспешность действий миноносцев обнаружила неудовлетворительное взаимодействие крейсеров с эсминцами.

Уход с поля сражения сильнейшего противника сильно поднял боевой дух республиканского флота и вселил уверенность в своих силах. Одновременно наглядно обнаружилась беспомощность временно приданной флоту сухопутной авиации в деле разведки на море.

Бой 7 сентября 1937 г. выявил следующие недочеты в боевой подготовке:

- недостаточное взаимодействие крейсеров с эсминцами;
- недостаточная боевая подготовка эсминцев;
- беспомощность сухопутной авиации в деле разведки на море;
- неправильное оставление транспортов без охраны;
- отсутствие на них средств связи и инструктирования.

Все эти недочеты и вытекавшие из них мероприятия легли в основу дальнейшей боевой подготовки республиканского флота.

Реорганизация и боевая подготовка республиканского флота

В республиканском флоте не были еще изжиты многие пробелы боевой подготовки, перешедшие в наследство от старого руководства флотом, сохранившего рутинные и устарелые взгляды на тактическое и оперативное использование флота. Специального времени на боевую подготовку личного состава не было, флоту пришлось учиться в боях и операциях и во время коротких передышек, так как большую часть времени корабли были в море. Реорганизация флота происходила в сложной обстановке.

Наиболее активные революционные элементы флота добились смены комсостава, неспособного или не желав-

шего изучать боевой опыт. Новое командование при поддержке революционных матросов энергично развернуло боевую подготовку, обратив все усилия на огневую, артиллерийскую и торпедную подготовку и на совместные атаки миноносцев во взаимодействии с крейсерами. Флотилия миноносцев была разделена на 2 полуфлотилии, и на их начальников возложена ответственность за боевую подготовку своих частей¹.

В связи с этим росла боеспособность флота. Артиллерийская стрельба поднялась на большую высоту. В бою 7 сентября 1937 г. с мятежным крейсером «Балеарес» у алжирского побережья республиканский флот сдал боевой экзамен по артиллерийской подготовке. В этом бою решающую роль сыграла артиллерийская выучка республиканцев, в то время как противник, несмотря на лучшую материальную часть и наличие в нем иностранных инструкторов, не имел ни одного попадания.

Что касается торпедных атак эсминцев, то расчет на возможность использования их для торпедных атак в дневном эскадренном бою на крейсера противника не оправдался. При всех попытках эсминцев произвести дневную торпедную атаку быстроходный крейсер неизменно приводил эсминцы на кормовые курсовые углы. Разница в скоростях хода республиканских эсминцев и быстроходного современного крейсера была слишком мала (1–1,5 узла)². Существовавший в испанском флоте метод выхода в торпедную атаку с заранее предрешенным курсовым углом цели и дистанцией, с которой должна быть выпущена торпеда, практически оказался неосуществимым.

Наличие в республиканском флоте только двух легких крейсеров (против трех крейсеров мятежников) и флотилии из восьми эсминцев (при отсутствии таковых у мятежников) указывало, что в дальнейших операциях торпеда должна быть основным оружием республиканского флота,

¹ Менделев. Боевые действия эсминцев // «Красный флот», 2 июня 1938 г., № 40.

² Возможно, здесь сыграло роль и большее водоизмещение крейсера, увереннее державшего ход на волне в открытом море. (Прим. ред.)

а самые операции должны проводиться в ночное время. Однако флотилия эсминцев не была подготовлена ни к совместному маневрированию, ни к торпедным атакам, особенно в ночное время.

В ночь на 18 сентября 1937 г. вблизи Барселоны произошла встреча республиканских эсминцев («Антекера», «Гравина» и «Санчес») с крейсером «Канариас». Попытка их атаковать «Канариас» оказалась неудачна. «Антекера» выпустил две торпеды с неверным углом упреждения. От двух торпед, выпущенных «Санчесом», «Канариас» легко уклонился поворотом. Это заставило республиканское командование обратить внимание на маневрирование эсминцев и использование ими торпед в ночном бою, и с осени 1937 г. началась усиленная тренировка эсминцев в этом направлении. С конца ноября 1937 г. флотилия эсминцев начала проводить ночные поиски противника с целью торпедных атак. Поиски сопровождались практикой в ночном плавании и упражнениях в совместных торпедных атаках. В течение зимы было произведено 7 ночных поисков, оставшихся безрезультатными вследствие полного отсутствия воздушной разведки, и поиски производились на предположительных данных.

Пиратская война на Средиземном море

В первую половину войны республиканский флот выполнял операции, в основном сводившиеся к обеспечению морской торговли Испанской республики и сопровождению транспортов. Все прочие операции, в том числе и по обстрелу берегов, были подчинены основной задаче и имели целью отвлечение флота мятежников от блокады и действий на морских сообщениях республиканцев.

Преобладание на море республиканского флота, мешавшего перевозкам мятежников и блокаде, было одной из причин вмешательства интервентов — сначала замаскированно, а потом открыто — в войну на море и постепенного расширения блокады и пиратской войны на коммуникациях. С июня по август 1937 г. в различных районах Средиземного моря — в западной его части, у берегов Туниса и в восточной части у Дарданелл — был

потоплен ряд испанских торговых и нефтеналивных судов. 12 августа 1937 г. у входа в Картахену был подорван торпедами и выведен из строя эсминец «Чурукка». В августе и сентябре было атаковано 30 торговых судов, из которых 7 было потоплено — в том числе советские пароходы «Тимирязев» близ Алжира и «Благоев» в Эгейском море.

Нионское соглашение 14 сентября 1937 г.

Это соглашение признало, что нападения на торговые суда, нарушая международное торговое право, равносильны пиратству. Оно установило, что пиратские акты совершались в Средиземном море против судов, не принадлежащих борющимся сторонам в Испании. Не признавая за этими сторонами права воюющей стороны и права контролировать судоходство, соглашение предоставило участникам его защищать свои торговые суда, как покажется им нужным.

Основные положения Нионского соглашения, подписанного 14 сентября 1937 г., сводились к следующему:

— Участники соглашения обязываются защищать своими морскими силами торговые суда всех стран, не участвующих в испанском конфликте.

— Всякая подводная лодка, атакующая торговые суда с нарушением правил о гуманизации подводной войны, установленных Лондонским договором 1930 г. и Лондонским протоколом 6 сентября 1936 г., подвергается контра-таке и может быть уничтожена.

— Также должно поступать с подводной лодкой, обнаруженной вблизи от места, где было потоплено какое-либо торговое судно с нарушением условий, указанных выше.

— Осуществление этих решений поручается: в западной части Средиземного моря (исключая Тирренское море, где особые правила) — французскому и британскому флотам. В восточной части Средиземного моря (кроме Адриатики) все государства обеспечивают защиту торговых судов в пределах своих территориальных вод, а в открытом море — французский и британский флоты.

— Участники соглашения ограничивают свое пользование подводными лодками. Как правило, они не будут плавать в Средиземном море, если же будут, то лишь в надводном положении и в сопровождении надводного судна. Никаких иностранных подводных лодок в свои территориальные воды участники соглашения не допускают, исключая случаи аварии.

— Предусмотрено установление маршрутов для торговых судов и ограничение права надводных судов плавать помимо маршрутов.

Прекращение морского патруля

16 сентября под предлогом, что корабли могут быть лучше использованы для борьбы с пиратством на Средиземном море, Англия и Франция последовали примеру Германии и Италии и прекратили патрульную службу у берегов Испании. Таким образом, морской патруль исчез, но обязательство для судов, идущих в Испанию, брать на борт контролеров, сохранилось. Однако с прекращением морского патруля уже было некому проверять соблюдение этого правила интервентами и участниками соглашения.

Теперь все зависело от «доброй воли», ценность которой достаточно определилась всей предшествующей историей «невмешательства». Представитель СССР в Комитете по невмешательству в конце сентября от имени Советского правительства указал на абсолютную ненормальность создавшегося положения и поставил вопрос о ликвидации столь нелепой схемы контроля, а через месяц он уведомил Комитет о прекращении платежей со стороны СССР на поддержание этой «схемы». Германия и Италия также прекратили платежи, за ними последовали Англия и Франция.

Меры, принятые в результате Нионского соглашения, мало повлияли на образ действия мятежников. Они продолжали топить нейтральные суда. Только суда, шедшие под охраной военных кораблей или успевавшие вызвать их на помощь, могли избежать захвата или отвода в порт мятежников.

Мятежные крейсера и авиация, имевшая базу на острове Майорка, бомбардировали испанские порты и селения на побережье. Самолеты бомбардировали Сагунто, Таррагону и подвергли пулеметному обстрелу незащищенные окрестные деревни, пытались бомбардировать Барселону, но были отогнаны зенитной артиллерией.

22 сентября военные суда мятежников бомбардировали республиканские порты Валенсию и Сагунто, причем получил повреждение находившийся вблизи порта английский пароход «Шетланд». Республиканские летчики сбросили бомбы на корабли мятежников. Одна из них причинила крейсеру «Альмиранте Сервера» столь серьезные повреждения, что он был взят на буксир другим кораблем. При последовавшей атаке в 90 км от Сагунто республиканские летчики причинили серьезные повреждения и тому кораблю, который буксировал «Альмиранте Сервера».

Борьба за коммуникации

Одной из важнейших задач республиканского флота являлось обеспечение коммуникаций. В этом отношении значение флота для республиканцев было громадно. Но политическая и стратегическая обстановка сложилась для него крайне невыгодно, и целый ряд причин парализовал все его усилия — прежде всего, вначале замаскированное; а затем вполне явное содействие флотов интервентов мятежникам. Это содействие осуществлялось не только разведкой, но и прямыми враждебными действиями. Помимо того, ряд позиций (Гибралтар, Балеарские острова) обеспечивали флоту мятежников почти полный контроль над морским сообщением, по которым шло снабжение для республиканской Испании. Потеря Северного побережья с его портами еще более сузила эти возможности для республиканцев. Наконец, требование республиканского правительства не обострять отношения с нейтральными государствами и не поддаваться на провокации ограничивало действия республиканского флота в борьбе за коммуникации.

Отсутствие воздушной разведки на море у республиканского флота и боевая деятельность неприятельской

авиации, главным образом направленная на коммуникации, до крайности стесняли боевую деятельность республиканского флота.

Важнейшими морскими путями для республиканской Испании являлись:

1. Между Средиземноморскими портами республиканской Испании, включая порт Маон (на острове Менорка).

2. Между этими портами и Францией. Оба указанных пути находились под контролем и угрозой нападения воздушных сил и кораблей мятежников, базирующихся на порт Пальма (остров Майорка).

3. Пути между портами Средиземноморского побережья республиканской Испании и восточной частью Средиземного моря. Эти пути находились под контролем Италии, которая весьма облегчила узость между Сицилией и африканским берегом.

4. Пути, проходящие через Гибралтарский пролив, которые до потери Северного побережья связывали с ними республиканские порты Средиземноморского побережья и контролируемые морскими силами мятежников, базировавшимися на Сеуту и Кадис.

Фактически республиканский флот мог более или менее надежно обеспечивать движение судов вдоль республиканского Средиземноморского побережья и время от времени практиковал проводку транспортов в районе Картахена — Алжир.

Система конвоирования на всем протяжении пути применялась только на коммуникациях между республиканскими портами Средиземного моря. В других случаях она могла применяться только на отрезке, посильном республиканскому флоту. Движение транспортов в порт Маон производилось ночью во избежание атак самолетов и подводных лодок. Ночью считалась достаточной охрана миноносцев, которые представляли большую угрозу для крейсеров мятежников.

Случай ночной встречи конвоя миноносцев с «Канариасом», когда миноносцы сделали неудачную попытку

атаковать противника и потеряли конвоируемые транспорты, а также операция у мыса Тенес, когда конвоируемые транспорты также отделились от флота, показал республиканскому командованию, что при встрече с неприятелем следует оставлять при транспортах прикрытие.

Боевые действия флота у Северного побережья Испании

После занятия Бильбао вооруженные суда мятежников, блокирующие Северное побережье и базирующиеся ранее на Пасахес (Сан-Сеабстьян), перенесли базирование в Бильбао. Сокращение береговой линии республиканцев позволило мятежникам увеличить время пребывания каждого корабля на блокадной линии. Крейсер «Альмиранте Сервера», имея главную базу в Эль-Ферроле, стал пользоваться Бильбао как маневренной базой. Он оказался самым выносливым кораблем для блокадной стрельбы.

Службу так называемого «контроля» от Комитета по невмешательству у северного побережья несла английская эскадра (в составе 1 линкора, 1–2 крейсера и 4 эсминцев). Что касается республиканских судов (3 эсминца и 3 подводные лодки), то после перехода их в Сантандер эсминцы оказались в тяжелом положении из-за недостатка нефти в Сантандере, в Хихоне же нефти вовсе не было.

С 26 июня республиканские подводные лодки несли регулярную позиционную службу на путях движения кораблей мятежников, сменяясь вначале через 5–6, а потом через 3–4 суток. 2 июля крейсер «Альмиранте Сервера» был атакован подлодкой С-2 с дистанции 4000 м, но неудачно. При попытке же подводной лодки С-4 атаковать крейсер «Канариас» (23 июля) она была забросана глубинными бомбами с вооруженных судов мятежников.

Пользуясь сокращением республиканской береговой черты и уменьшением числа портов, мятежники организовали блокадную службу двумя отрядами судов: одним у Сантандера, другим у Хихона. «Альмиранте Сервера»,

эсминец «Веласко» и 2–3 паровых или моторных судна маневрировали переменными курсами в видимости Сантандера в 12–20 милях от берега, на ночь удаляясь от берегов. В районе Хихона блокадную службу нес второй отряд в составе заградителя «Юпитер» и 2–3 вооруженных пароходов.

Вместе с тем в районе этих портов, в пределах территориальных вод мятежники вновь начали систематическую постановку мин с «Юпитера» и вооруженных судов, однако в небольшом количестве, банками.

Республиканские тральщики вели повседневную интенсивную работу: часто им приходилось уходить, бросив тралы, из-под обстрела «Альмиранте Серверы» или «Канариаса», которых пытались отогнать береговые батареи.

Наступление мятежников на Вильбас и дальнейшее занятие ими территории северных провинций вызвало огромный наплыв беженцев. Тяжелое продовольственное положение Севера и большое затруднение с размещением и питанием беженцев привело к необходимости эвакуации женщин, стариков и детей. С половины июня до 5 июля из Сантандера на испанских и иностранных пароходах было вывезено 14 тысяч человек. Общее же число подлежащих эвакуации определялось в 175–200 тысяч человек, для чего требовалось 10 пароходо-рейсов. Эвакуация обеспечивалась конвоированием республиканских эсминцев в территориальных водах и английской эскадры в море. С 18 по 30 июля «Альмиранте Сервера» находился в Эль-Ферроле в ремонте. Его сменил «Канариас», неоднократно обстреливавший береговые батареи с дистанции 5–6 миль и республиканские тральщики.

В результате усиления блокады и активной деятельности «Канариаса» подвоз на Север продовольствия почти совсем прекратился, горючее было на исходе, и автотранспорт был под угрозой остановки. Пароходы с продовольствием и горючим стояли по несколько дней в виду республиканских берегов, вне территориальных вод у Сантандера и Хихона и не могли войти в порт из опасения встречи с кораблями мятежников.

В таких условиях в конце июля республиканцами был задуман план прорыва блокады и ввода в порт торго-

вых судов. Но ввиду появления «Альмиранте Серверы», 30 июля вышедшего из ремонта, операцию пришлось отложить до начала августа, когда «Канариас» ушел в Средиземное море, а «Альмиранте Сервера» находился у Сантандера. Задача республиканских эсминцев заключалась в том, чтобы до подхода «Альмиранте Серверы» успеть ввести в Хихон находившиеся вблизи него торговые суда.

11 августа эсминец «Сискар», выйдя из Хихона и обнаружив минзаг «Юпитер» и вооруженное судно, открыл по ним огонь, заставив повернуть на север. Получив попадания, «Юпитер» радировал на «Альмиранте Сервера», что из Хихона вышли неприятельские корабли и преследуют его. «Альмиранте Сервера» направился к Хихону, а «Сискар», израсходовав 38 снарядов из 150, прекратил огонь по «Юпитеру», который, закрывшись дымзавесой, полным ходом уходил на северо-восток.

«Сискар», вернувшись в Хихон, стал за молом, замаскировавшись на фоне горы. Через час показался «Альмиранте Сервера», о чем было немедленно сообщено в Сантандер, откуда в свою очередь вышел эсминец «Хосе Луис Диас», атаковавший оставшиеся суда мятежников. «Альмиранте Сервера» несколько часов маневрировал у Хихона — но, очевидно, получив известия от судов, отогнанных «Диасом», вернулся к Сантандеру.

В течение этого дня в Хихон вошел пароход «Ла-Валлетта» с горючим и еще три парохода с продовольствием. Эта операция дала Северу до 30 тысяч тонн крайне нужных грузов. В результате ее был выведен из строя единственный минзаг мятежников «Юпитер», который был отправлен для ремонта в Бильбао. Наконец, она показала мятежникам, что наличие одного крейсера не обеспечивает блокаду республиканских портов.

14 августа мятежники начали наступление на Рейносу (к югу от Сантандера), где находился самый крупный военный завод на Севере. В наступлении приняли участие 4 дивизии интервентов и 4 бригады «Наварро», большое количество авиации (до 40 самолетов в воздухе одновременно), 50–60 танков и большое количество артиллерии.

Наступление имело целью окружение республиканских войск в «Рейносском мешке». В течение трех-четырех дней мятежники прорвали фронт в нескольких местах, и 9 республиканских бригад, оказавшись под угрозой окружения, вынуждены были с боями пробиваться на север. Авиация мятежников бомбила Сантандер, откуда производилась эвакуация оставшихся войск и населения при помощи вооруженных пароходов и рыболовных моторных судов.

25 августа Сантандер был занят мятежниками¹ и положение республиканского флота, у которого оставался один порт Хихон, оказалось чрезвычайно тяжелым. Хихон был совершенно открыт с моря и защищен только четырехдюймовыми орудиями. Гавань очень тесна, не имела дока, и суда в ней находились под серьезной угрозой воздушной бомбардировки.

В начале сентября состав блокирующих сил мятежников пополнился минным заградителем «Вулкано» и 4–6 торпедными катерами. Одновременно с успешными воздушными бомбардировками мятежники стали усиливать заграждение минами подходов к Хихону. Днем их корабли обычно крейсировали в 10–15 милях от берега, а ночью торпедные катера и вооруженные пароходы приближались к берегу и располагались в 2–3 линии для наблюдения и атаки выходящих из Хихона судов.

Поврежденный «Сискар» был затоплен республиканцами в Хихоне². Подводная лодка С-6 была взорвана

¹ Правительство Страны Басков, столицей которого был Сантандер, согласилось капитулировать в обмен на обещание Франко не применять репрессии к сдавшимся войскам и дать возможность руководителям басков покинуть Сантандер на английских судах. Соглашение было достигнуто под давлением и под гарантию итальянцев, поскольку Муссолини требовал от Франко прекратить бессмысленный террор. После вступления фашистов в Сантандер 26 августа Франко, невзирая на протесты Муссолини, сразу же нарушил все свои обещания. (Прим. ред.)

² Впоследствии он был поднят мятежниками и отремонтирован.

своей командой. Эсминцу «Хосе Луис Диас» удалось прорвать блокаду, но вследствие поломки машины в море он был отведен во Францию. 20 октября 1937 г. Хихон был захвачен мятежниками, и все северное побережье с его портами оказалось в их руках¹.

Бои за Теруэль

Захват Теруэля республиканцами

После захвата мятежниками Бильбао (19 июня) республиканцами было предпринято большое наступление в июле на Мадридском фронте, закончившееся захватом Брунете, а после падения Сантандера, занятого мятежниками в августе, в сентябре-октябре оживилась деятельность на Арагонском фронте, где республиканцами был занят Бельчите (сентябрь).

Ликвидация мятежниками Северного фронта осенью 1937 г. существенно видоизменила стратегическую обстановку, лишив республиканскую Испанию значительной территории и всех портов северного побережья Испании. Нельзя преуменьшить значение потери северных провинций. Это знаменовало потерю рудников и металлургических заводов, машиностроительных и судостроительных заводов, т.е. потерю материальной базы, военного снабжения, а также и продовольственного (скотоводческий район Сантандера). Оно означало и потерю возможности получения через порты северного побережья необходимых товаров. Теперь у республиканцев оставалось только Средиземноморское побережье до Альмерии. Это облегчило интервентам блокаду республиканских портов на восточном побережье Испании и пресечение подвоза.

С ликвидацией Северного фронта мятежники обеспечивали себе тыл и снабжение морем, освобождали свои войска для использования их на Центральном и Арагонском фронтах.

¹ Всего на севере в плен попало около 100 000 солдат республиканских частей, а также причисленных к ним мирных жителей, всех их ждала многолетняя каторга. (*Прим. ред.*)

Автономная Каталония не оказала помощи северным провинциям давлением на Арагонском фронте и ударом в тыл мятежникам, и результаты этого прежде всего отразились на самой Каталонии.

Следующее звено между Центральным и Арагонским фронтами — Теруэльский выступ — приобретал теперь для обеих сторон особо важное значение. Для республиканцев он представлял постоянную угрозу возможного наступления мятежников на Валенсию и приковывал к себе относительно крупные силы их армии. Попытки ликвидации Теруэльского выступа уже предпринимались два раза — в декабре 1936 г. и в апреле 1937 г., — но обе окончились неудачно, встретив сильное сопротивление мятежников.

В декабре 1937 г. командование мятежников, получившее новые подкрепления, предполагало начать наступление на Центральном фронте, у Гвадалахары, но республиканское командование упредило его. Окрепшая за летний период республиканская армия снова предприняла решительное наступление на Теруэльском участке, целью которого было окружить Теруэльский гарнизон и затем взять город. Подготовка наступления производилась настолько скрытно, что до самого последнего дня мятежники не знали о готовящемся против них ударе.

Наступление республиканской армии началось 15 декабря 1937 г. Удар наносился по направлениям: с севера вдоль реки Альфамбры на Конкуд и Сан-Блас и с юга на Муэло-де-Теруэль. В первый же день северная группа заняла Конкуд и затем Сан-Блас, а южная продвинулась к району Муэло-де-Теруэль.

Быстроте наступления способствовало то, что республиканцы не задерживались атакой отдельных укрепленных пунктов противника, а, изолируя и окружая их, продвигались дальше, преследуя основную оперативную цель. На другой день южная группа, продвинувшись к Сан-Блас, соединилась с северной, замыкая таким образом окружение Теруэля и образовав новую линию фронта¹.

¹ Теруэль оборонялся 52-й пехотной дивизией франкистских войск. (Прим. ред.)

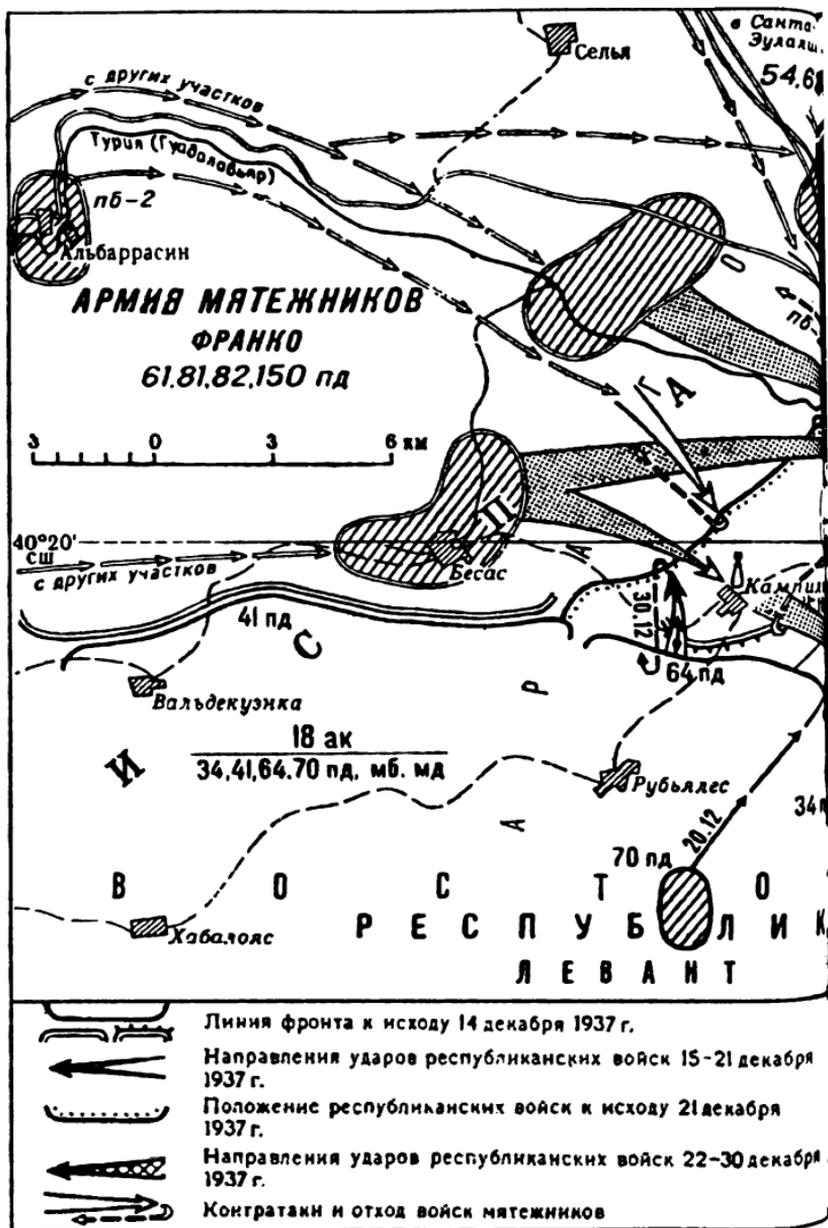
Наступлению содействовала республиканская авиация, обеспечивая себе превосходство в воздухе и не допуская самолеты противника к месту боя. Она громила воинские поезда и автомобильные транспорты, везшие подкрепления мятежникам, и рассеяла кавалерийский эскадрон, направлявшийся к Теруэлю.

17 декабря республиканцы окружили возвышенность Муэло-де-Теруэль, сильно укрепленную позицию, являющуюся ключом юго-западного участка обороны. 18 декабря она была взята, и республиканские войска продвинулись к слиянию рек Турия и Альфамбра. Республиканское командование опубликовало обращение к населению, в котором ему предлагалось, во избежание напрасных жертв при дальнейшей атаке города, эвакуироваться группами по 25 человек под белым флагом по дороге Теруэль — Сарагоса.

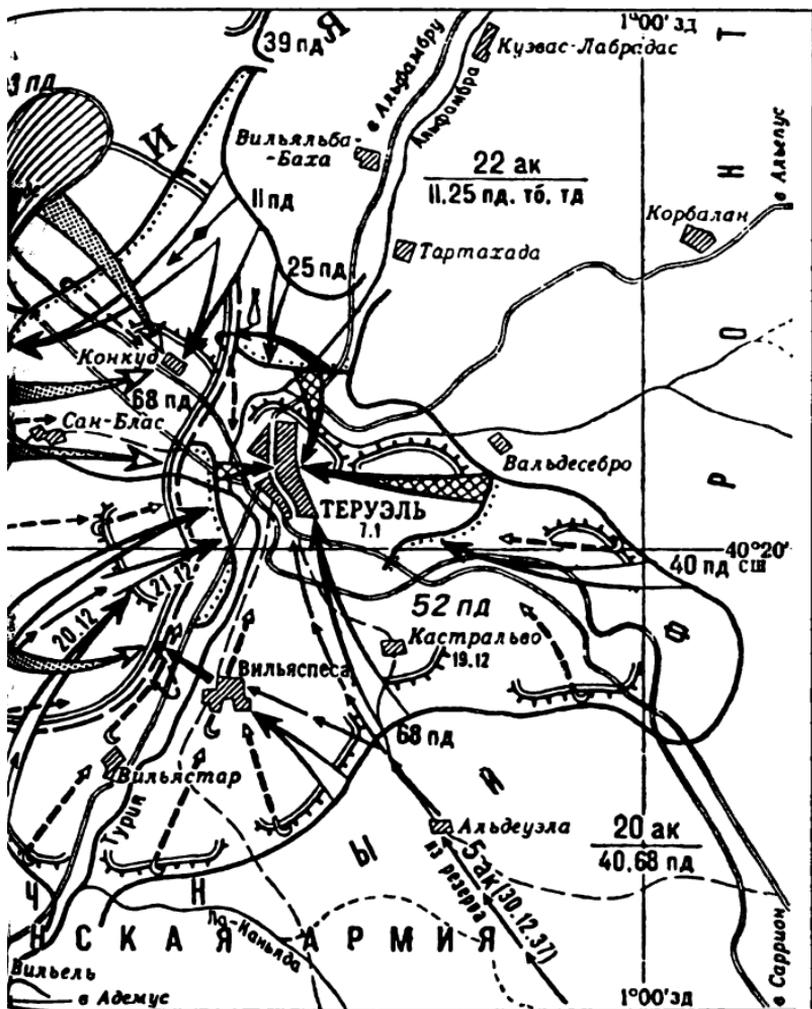
Прекращение снежной бури облегчило дальнейшие операции. После взятия Пуэрто-де-Эстандон, являвшегося ключом юго-восточного сектора обороны, в руки республиканцев перешли все позиции мятежников к юго-востоку от Теруэля, а также оборонительные сооружения в Кастральво и на высотах Кастельяра (19 декабря). Особенно упорное сопротивление мятежники оказали на высоте Санга-Барбара и в районе кладбища в северо-восточном секторе.

20 декабря многочисленные подкрепления, которые командование мятежников спешно посылало на Теруэльский фронт, предприняли отчаянные попытки прорвать линии республиканских войск и оказать помощь мятежникам. Все эти контратаки от Серро-Гордо на Вильяльба-Баха, Кауде и в районе кладбища окончились неудачей. Появление республиканской кавалерии в районе Кампильо и Сан-Блас, где бои отличались особым ожесточением, внесло растерянность и панику в ряды мятежников. Одновременно с этими операциями другие республиканские силы продолжали наступление на Теруэль, сжимая все теснее кольцо вокруг города.

Решающие бои произошли 21 декабря, когда республиканские войска предприняли концентрированное наступление, непрерывно обстреливая город. При помощи

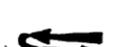
Наступление республиканских войск под Теруэлем

Районы сосредоточения войск мятежников и исходу 29 декабря 1937 г.

Направления ударов войск мятежников 30 декабря 1937 г. — 8 января 1938 г.

Контрудары и отход республиканских войск 30 декабря 1937 г. — 8 января 1938 г.

Линия фронта к исходу 8 января 1938 г.

декабре 1937 г. — январе 1938 г.

легких танков были уничтожены гнезда неприятельской обороны. Республиканская авиация на бреющем полете обстреливала пулеметным огнем войска мятежников. Радиостанция была повреждена, телеграфная и телефонная связь прервана, и Теруэль оказался совершенно изолированным. Квартал за кварталом занимали республиканские войска, уже в ночной темноте был занят центр города, а мятежники были выбиты из последних позиций. Две роты мятежников перешли на сторону республиканских войск.

Лишь на высоте Санта-Барбара и на северо-западной окраине города оставались небольшие очаги сопротивления мятежников, ликвидированные 22 декабря. Опираясь на позиции Санта-Барбара и Монсуэто, республиканские войска господствовали над всей зоной военных действий. Однако в самом городе в течение 23–25 декабря все еще продолжалось очищение отдельных зданий (семинария, Испанский банк, казармы жандармерии), где засели с женщинами, детьми и республиканскими заложниками отказавшиеся сдаться мятежники.

В эти же дни мятежники сделали попытки атаковать республиканские позиции в Пико-дель-Серро и других пунктах к северу от Теруэля, но были отбиты, понеся большие потери¹.

Значение Теруэльской победы республиканцев

Взятие Теруэля было большим военным, политическим и моральным успехом для республиканской армии, которая выдержала здесь серьезный боевой экзамен. Теруэль — одна из самых сильных позиций мятежников, хорошо укрепленная и защищенная высокими горами. Это

¹ Эти сведения не вполне соответствуют действительности. Последние очаги обороны франкистов в Теруэле были ликвидированы лишь 7 января. К этому времени мятежники начали наступление на внешнем фронте окружения, продвинулись на 6–10 км и вновь подошли к городу. (Прим. ред.)

чувствительный пункт фронта мятежников, имеющий важное стратегическое значение. Операция была проведена в суровых зимних условиях быстро, методично и победоносно. В городе было захвачено много трофеев, оружия и военного снаряжения.

Потеря мятежниками Теруэля отразилась на общем состоянии Восточного (Арагонского) фронта мятежников, вызвав ослабление оборонительной системы Сарагосы, фланги которой прикрывались Уэской и Теруэлем. Для мятежников этот удар явился полной неожиданностью. Он сорвал подготовлявшееся наступление мятежников и вынудил их пересмотреть свои планы. Внезапность действий республиканских войск явилась непосредственной решающей причиной достигнутого ими успеха. Это обстоятельство — лучший признак укрепления дисциплины в частях и в штабах республиканских войск, признак их возросшей организованности. Республиканская армия, которая в течение многих месяцев обучалась и организовывалась в Восточной Испании, показала себя способной на наступление большого масштаба и на долгую ожесточенную борьбу.

Занятие Теруэля наложило отпечаток на всю политическую обстановку в Испании. В республиканской Испании оно вызвало огромный подъем народных масс. Победой всего народа, всей Испанской республики, назвал это событие Хосе Диас. Она стала результатом крепнущего единства испанского народа, которое отразилось и на состоянии армии. *«Завоевание Теруэля еще раз показало правильность линии нашей партии, поднявшей знамя создания регулярной, дисциплинированной и сознательной армии...»* — говорилось в воззвании ЦК испанской коммунистической партии. Компартия Испании утверждала, что вопрос о военной промышленности является центральной проблемой в ее теперешней фазе. Нельзя купить все необходимое за границей. Необходимо производить оружие внутри страны. Надо централизовать производственный аппарат, произвести большую чистку кадров в военной промышленности и мобилизовать массы рабочих и техников. Партия призывала поменьше торжествовать, больше усиливать бдительность и готовиться к дальнейшей борьбе.

Захват Теруэля мятежниками (5 февраля—22 февраля 1938 г.)

В январе мятежникам удалось несколько отодвинуть на восток линию фронта, установленную у Теруэля после занятия его республиканцами 22 декабря 1937 г., приблизив ее к городу. Одновременно командование мятежников продолжало стягивать на Теруэльский участок сильные резервы, снимая их с других фронтов. Войска интервентов пополнялись новыми резервами. Они были усилены военной техникой, особенно авиацией и артиллерией. Всего мятежниками и интервентами было сосредоточено на Теруэльском участке не менее 100 тысяч человек пехоты, до 300 самолетов, много артиллерии и танков.

Первое сильное контрнаступление мятежники начали к северу от Теруэля. 5 февраля они перешли крупными силами в наступление в направлении на Альфамбру¹, которое поддерживалось 150 самолетами. Учтя опыт наступления на Вильбас и уроки Теруэля, они озаботились обеспечить себе господство в воздухе. Республиканские части были вынуждены отойти, оставив 7 февраля деревню Альфамбра.

17 февраля части мятежников начали новое наступление на другом участке в непосредственной близости к Теруэлю с северо-востока. Они вели атаку двумя крупными колоннами: от Вильяльба-Баха на Тартахаду и от высоты Эль-Мултон на Вальдесебро. И здесь их наступление было поддержано авиацией интервентов в составе не менее 200 самолетов. Авиация мятежников бомбардировала Теруэль и позиции республиканцев в Мансуэто и в селении Тортхада.

Одновременно мятежники повели наступление на высоту Сьерра-Горда. В боях за эту высоту республиканцы оказывали упорное сопротивление. С большими потерями 18 февраля мятежники и интервенты заняли высоту Сьерра-Горда и продолжали наступление на Вальдесебро на восточном участке.

¹ Около 20 км к северу от Теруэля. (Прим. ред.)

19 февраля войска мятежников заняли Вальдесебро, Мансуэто, а также высоту Санта-Барбара. 20 февраля под Теруэлем продолжались напряженные бои. На левом фланге республиканцы также отошли к реке Турии (к югу от Теруэля). Весь день до поздней ночи 21 февраля продолжалось ожесточенное сражение. Мятежники бросили в бой отборные части, поддержанные сильнейшим огнем артиллерии и авиацией. Во время последних боев вокруг Теруэля все небо над полем сражения в течение нескольких дней было буквально покрыто самолетами. Большинство из них было иностранного происхождения: «Юнкерс-52», «Хейнкель-3» и «Хейнкель-51», а также новые самолеты «Мессершмитт» и «Дессау». Последний тип является крупным бронированным истребителем, вооруженным семью пулеметами и небольшой пушкой. В боях участвовали также новые итальянские машины типа «Фиат», «Савойя», «Капрони».

Для республиканских частей, защищавших Теруэль, создалась весьма невыгодная обстановка. Мятежники своим движением к югу от Вальдесебро и Мансуэто серьезно грозили основным коммуникациям республиканского гарнизона в Теруэле с республиканским тылом. Республиканское командование отдало приказ об эвакуации города, который 22 февраля был занят мятежниками.

Занятие Теруэля мятежниками стоило им потери 15–20 тысяч убитыми и ранеными. Решающее значение в операции сыграло их превосходство в средствах военной техники, особенно авиации. Интервенция приняла более широкие размеры при прямом попустительстве со стороны Англии и Франции.

Бой республиканского флота с крейсерами мятежников у мыса Палос 6 марта 1938 г.

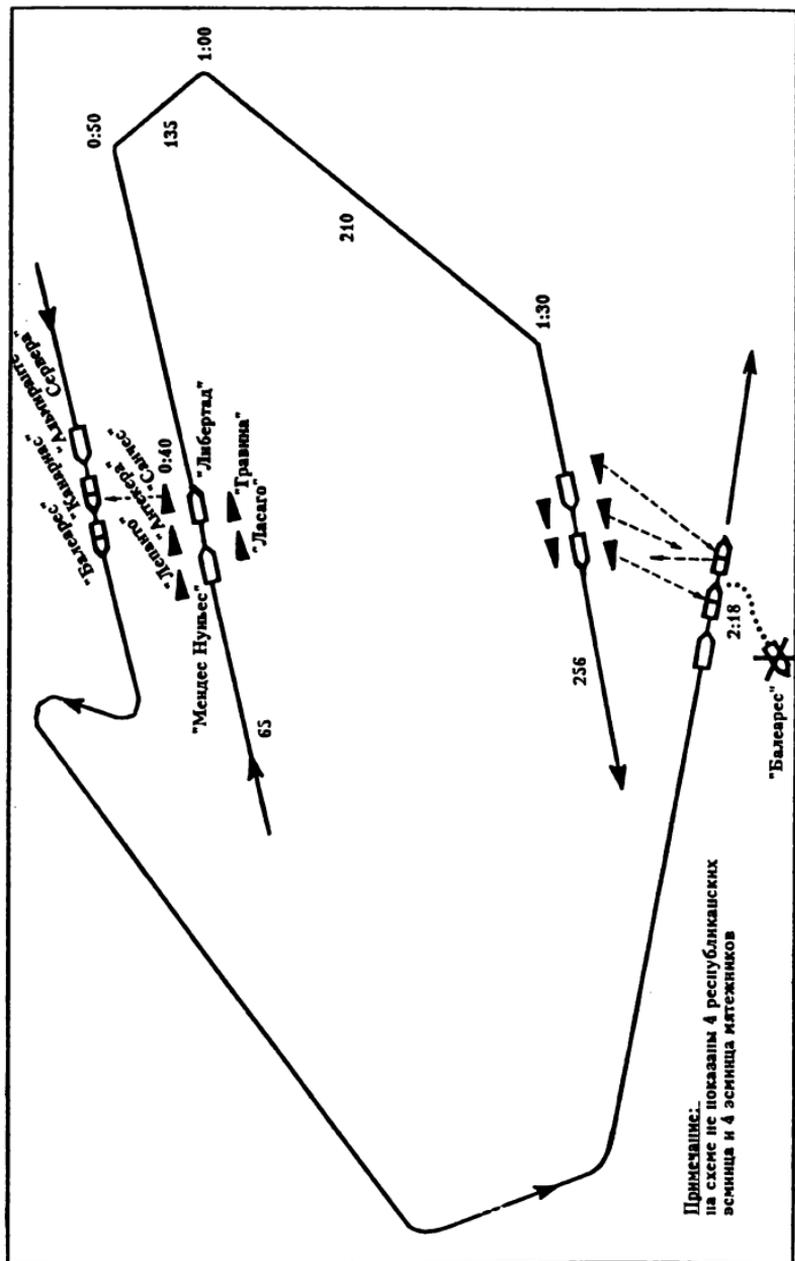
В ночь с 5 на 6 марта 1938 г. республиканский флот в составе крейсеров «Либертад» (флаг командующего флотом), «Мендес Нуньес», 1-й и 2-й флотилий эсминцев вышел в море с целью ночного поиска противника.

Находясь в 70 милях от мыса Палос на курсе 65° в кильватерном строю, имея по обеим сторонам миноносцы 2-й флотилии (1-я была в разведке) в 0 ч. 40 мин. республиканцы обнаружили слева три крейсера мятежников. Ближайший к противнику и первый заметивший его эсминец «Санчес» тотчас выпустил по нему 2 две торпеды, которые в цель не попали.

Неприятельские крейсера, не открывая огня, повернули вправо. По получении донесения с эсминца «Санчес» комфлота переменял курс, ища встречи с противником, который мог бы отрезать 1-ю флотилию, находившуюся в разведке. Получив сообщение с радиопеленгаторных станций о местонахождении «Канариаса» в 20 ч. 45 мин. в 43 милях от мыса Нао, командующий флотом приказал повернуть на курс 256° наперерез противнику, вслед за чем немедленно были обнаружены мятежные крейсера на курсовом угле 60° , идущие контркурсом. В 2 ч. 15 мин. группа эсминцев, находившаяся ближе к противнику, произвела торпедные залпы («Санчес» — 4 торпеды, «Антекера» — 5 и «Лепанто» — 3 торпеды). Одновременно крейсер «Балеарес», шедший средним в кильватерной колонне противника, выпустил торпеду по республиканским кораблям, после чего, осветив их осветительными снарядами, открыл по ним артиллерийский огонь. Почти одновременно и «Либертад» открыл огонь по «Балеаресу», сделав пять залпов. Эсминец «Санчес» также сделал три залпа по «Балеаресу».

В 2 ч. 16 мин. на «Балеаресе» раздался сильный взрыв, и крейсер оказался охваченным пламенем, осветившим шедший сзади крейсер «Альмиранте Сервера». После взрыва на «Балеаресе» «Канариас» и «Альмиранте Сервера» отвернули, а республиканский флот продолжал идти первым курсом. Бой продолжался всего три минуты.

От повторной атаки эсминцами 2-й полуфлотилии и от вызова 1-й полуфлотилии командующий флотом отказался из-за сложной ночной обстановки и низкого уровня боевого управления на республиканском флоте. В 5 ч. 30 мин. республиканский флот подошел к м. Палос, где к нему присоединилась 1-я полуфлотилия эсминцев, и в 7 ч. он вернулся в Картахену.

Морской бой у мыса Палос 6 марта 1938 г.

Утром для атаки подорванного «Балеареса» были высланы республиканские самолеты из береговой охраны, которые несколько раз бомбили горящий «Балеарес». Первая бомбардировка крейсера была произведена в 7 ч. 18 мин. В то время возле «Балеареса» находились два эсминца и крейсер, который при приближении воздушной эскадрильи отошел полным ходом. Бомбардировка производилась с высоты 5000 м. Бомбы падали рядом с горящим крейсером. В полдень бомбардировка возобновилась, при этом несколько бомб попало в корабль. Рядом с «Балеаресом» стоял крейсер такого же типа и два меньших корабля. Донесения летчиков были противоречивы. В ночь на 7 марта в этот район были посланы торпедные катера для выяснения обстановки, но, кроме английских эсминцев, они никого не встретили. Утром 7 марта средствами сухопутной авиации была произведена разведка всего театра. Корабли противника в море обнаружены не были.

«Балеарес» — флагманский корабль дивизии мятежных крейсеров — затонул утром 6 марта¹, главным образом, от повреждений, полученных от торпеды, выпущенной эсминцем «Лепанто». Из 765 человек команды было спасено английским эсминцем 400 человек, из которых многие были иностранцами. Значительное повреждение получил и однотипный крейсер «Канариас», у которого была повреждена корма и потерян один винт.

Бой 6 марта и блестящая победа республиканского флота над превосходящими силами противника были экзаменом его выучки по торпедной стрельбе, результатом упорной боевой подготовки флота и особенно торпедных судов в течение всего зимнего периода. Потеря такой крупной боевой единицы, уже второй после гибели линкора «Эспанья», настолько ослабила флот мятежников, что последние были вынуждены признать превосходство республиканского флота. Об этом свидетельствовало прекращение их операций на море и уход в базы. В то же

¹ По данным некоторых источников, в полдень 6 марта республиканские самолеты атаковали уже не «Балеарес», а потерявший ход «Канариас». (Прим. ред.)

время республиканский флот усилился вышедшим из ремонта крейсером «Мигуэль Сервантес». Велико было и политическое значение победы, поднявшей дух личного состава флота и гражданского населения.

Никогда так остро, как утром 6 марта, республиканский флот не чувствовал отсутствие морской авиации. Сухопутная авиация не давала точной обстановки на море. В налетах же на неподвижно стоящий «Балеарес» бомбардировщики не достигли существенных результатов.

Последовавшие 6 и 7 марта воздушные налеты на Картахену авиации противника (шесть «Юнкерсов» и шесть «Хейнкелей»), хотя и не причинили повреждений, но показали необходимость разделить скопление кораблей в Картахене. Тренировка эсминцев в течение зимы 1937–1938 гг. сказалась в их успешной ночной атаке в бою 6 марта. Характерно, что эсминцы были поставлены не в хвосте или голове колонны, а на обоих траверзах, что облегчило их атаку.

Обе стороны вели артиллерийский огонь, не открывая прожекторов. Крейсера мятежников имели преимущество, применяя осветительные снаряды, но стрельба их была хуже, чем у «Либертада»: три снаряда его попали в «Балеарес». «Мендес Нуньес» не открывал огня, имея в момент встречи неисправность в схеме управления огнем. Этот бой, как и бой 7 сентября 1937 г., выявил недостатки боевого управления в республиканском флоте, которое было слабым местом в его боевой подготовке.

Наступление мятежников и интервентов на Арагонском фронте

Прорыв к морю (9 марта — 15 апреля 1938 г.)

С падением Теруэля 27 февраля 1938 г. центр тяжести борьбы переносится на восточный фронт; он приобретает первостепенное значение. Здесь интервенты пытаются найти решение затянувшейся войны.

Нарастающее сопротивление республиканцев заставило мятежников сосредоточить огромные силы на одном направлении с целью быстро захватить важнейшие

стратегические пункты и в короткий срок принудить республиканскую Испанию к полной капитуляции.

Последняя операция мятежников под Теруэлем была их подготовительной акцией, обеспечивавшей правый фланг для широкого наступления на Арагонском фронте с целью прорыва республиканского фронта и выхода на побережье Средиземного моря. В своем стремлении к Средиземному морю мятежники хотели разрезать республиканскую Испанию на две изолированные друг от друга части.

После захвата Теруэля мятежники произвели перегруппировку в районе южнее Сарагосы. В начале марта сюда были переброшены части интервентов, и к 5 марта в этом районе было сосредоточено более 20 тысяч войск с большим количеством артиллерии, танков и авиации.

С 25 февраля по 5 марта в портах мятежников было высажено не менее 25 тысяч иностранных солдат. Политика «невмешательства» Англии и Франции позволила мятежникам и интервентам обеспечить себе численное и техническое превосходство. На 65-километровом фронте от Сарагосы до Каламоча было сосредоточено не менее 16 дивизий. Особое место отводилось экспедиционному корпусу интервентов и марокканским войскам. 9 марта, после сильной артиллерийской и авиационной подготовки, войска мятежников перешли в наступление в направлении Бельчите, Мунисса и Понтальбан.

15 марта мятежники заняли Альканьис, а 18 марта Каспе. В результате восьмидневных упорных боев интервенты и мятежники прорвали оборонительную полосу республиканцев. Несмотря на упорное сопротивление республиканской пехоты, она, под воздействием непрерывных в течение круглых суток налетов бомбардировочной авиации, была вынуждена занять новую оборонительную позицию по берегу реки Эбро-де-Каспе и от Каспе к югу по линии Альканьис, Монтельбан, укрепив участок фронта Каспе — Альканьис. Здесь действовал корпус интервентов. Упорные бои продолжались три дня (19–21 марта), в течение которых республиканские войска нанесли интервентам тяжелые потери, отстояв свои позиции.

Остановка в наступлении на линии Каспе — Альканьис привела к тому, что Франко, сосредоточив до четырех

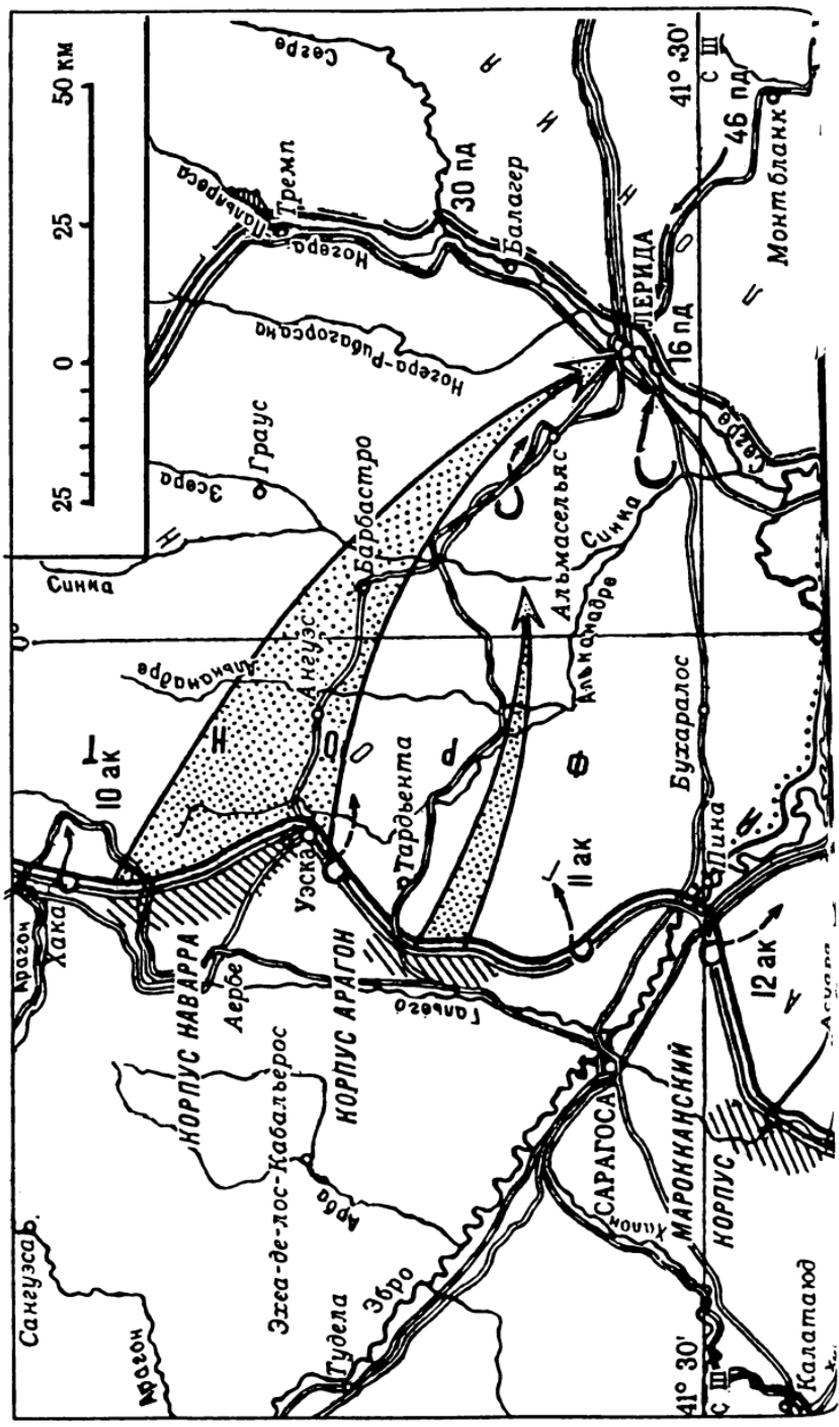
дивизий, 80 самолетов и многочисленную артиллерию на участке фронта Уэска—Тардиенте, 22 марта начал наступление на Сариньен. Почти одновременно четыре дивизии марокканцев, сосредоточившись на участке Сарагоса — Пина, под сильным прикрытием авиации навели понтонные мосты, форсировали реку Эбро и повели наступление на Бухаралос.

Переправившись на северный берег реки Эбро, марокканские войска во взаимодействии с частями мятежников, наступавших от Уэски на Сариньен, заняли значительный район и выдвинулись к 26 марта на линию Сариньен—Бухаралос. Малочисленные в этом районе части республиканцев вынуждены были отходить под давлением в несколько раз сильнеешего противника, а в особенности его многочисленной авиации.

В наступлении на Арагонском фронте по обе стороны реки Эбро действовали две армии: одна, северная, наступала в направлении на Лериду, имея конечной целью Барселону; другая, южная, стремилась выйти к морю в направлении на Тортосу. В северную группу мятежников, на участке от Уэска до реки Эбро входило до четырех корпусов, в составе южной группы от реки Эбро до Монтельбона находился экспедиционный корпус интервентов и несколько дивизий испанских мятежников.

Действия каждой группы поддерживались значительным количеством авиации, танков и артиллерии. Всего в обеих группах было сосредоточено 15—16 пехотных дивизий (250 тысяч человек), до 200 танков, около 200 орудий разных калибров и не менее 700 самолетов. Боевые действия обеих групп обеспечивались авиацией интервентов.

Роль авиации в этом наступлении была чрезвычайно велика. В основном она выражалась в тесном взаимодействии с наземными войсками. Авиация мятежников оказала решающее влияние на прорыв республиканского фронта, так как на ее стороне было подавляющее численное превосходство в воздухе. В решающие дни операции основная масса авиации мятежников сосредоточивалась в направлении главного удара шириной до 10 км. Она действовала по позициям республиканцев и их резервам, против отходящих войск и подходящих подкреплений. В воздухе

непрерывно находились самолеты мятежников и буквально все дороги подвергались их воздействию.

Тем не менее, республиканские воздушные силы, имея против себя более чем втрое сильнейшего противника, оказывали существенную помощь своей армии, производя налеты на позиции неприятеля, не неся почти никаких потерь и достигнув крупных успехов. Целый ряд воздушных боев свидетельствует о героизме и высоком искусстве республиканских летчиков. 14 марта произошли бои 10 республиканских истребителей с 16 самолетами интервентов, из которых 4 было сбито. За первые пять дней республиканскими летчиками произведено 12 воздушных боев с неизменным успехом. С 10 по 20 марта республиканскими летчиками сбито не менее 35 самолетов, причем в один день (в двух боях) они сбили 9 самолетов интервентов, не потеряв ни одного. С 25 марта истребительная авиация интервентов под влиянием понесенных потерь переходит к полетам в группах по 50—60 самолетов.

26 марта на участке Каспе—Альканьис шли очень упорные бои. Однако наступление трех дивизий интервентов и не менее шести дивизий испанских мятежников вновь были отбито республиканскими войсками. Получив отпор на этом решающем участке и понеся большие потери, мятежники продолжали наступление севернее реки Эбро, где 28 марта они вышли на линию Барбастро—Фрапа, двигаясь по направлению к Лериде.

29 марта в районе Лериды произошел крупный воздушный бой: 35 бомбардировщиков мятежников под прикрытием 40 истребителей вылетели для бомбардировки республиканских войск. Подоспевшие 35 республиканских истребителей атаковали эскадрилью мятежников, сбив 7 самолетов противника и не потеряв ни одного своего. Успеху республиканских летчиков способствовала твердая решимость уничтожить врага и искусство, а также правильное применение авиации. При малочисленности республиканской авиации, не позволявшей распылить свои силы на широком фронте, командование сосредоточило истребительную авиацию на важнейших участках. Вместе с тем она проявила мобильность, организовав час-

тую смену аэродромов и не задерживаясь на них более трех-четырёх дней.

С 1 апреля развернулись упорнейшие бои за Лериду. Обороняя этот важнейший стратегический узел железнодорожных и шоссейных путей, республиканские войска в течение трех дней, несмотря на большое превосходство противника в артиллерии и авиации, стойко и храбро выдерживали натиск врага. Неоднократно переходя в контратаку, они иногда обращали в паническое бегство части противника, которые командование мятежников останавливало огнем своих пулеметов и снова заставляло идти в бой. В ночь на 4 апреля под угрозой обхода с северо-запада республиканские войска оставили полуразрушенный город и отошли на восточный берег реки Сегре.

Части мятежников, действовавшие севернее Лериды, 8 апреля после многодневной воздушной бомбардировки заняли Тремп — одну из энергетических баз каталонской промышленности. 14 апреля республиканские войска перешли в контрнаступление в районе Лерида — Балагер, отбросив мятежников на западный берег реки Сегре.

На участке южнее реки Эрбо войска интервентов с 1 апреля повели наступление в трех направлениях: на Гандесу, Вальдерробрес и Морелью. 1 апреля были заняты Вальдерробрес и обойденная с севера Гандеса, 3 апреля занят расположенный в излучине р. Эрбо город Мордель-Эбро.

Только сосредоточив четыре дивизии, 100 танков и 300 самолетов, после упорных боев интервенты заняли Морелью 9 апреля. Упорно отстаивая рубежи, переходя в контратаки и нанося большие потери противнику, республиканские войска шаг за шагом задерживали его наступление. 14 апреля в бою в районе Матео с участием 23 республиканских истребителей против 40 «Фиатов» было сбито 4 «Фиата».

14 апреля мятежники заняли Сан-Матео и продолжали наступление на Винарос, расположенный на берегу Средиземного моря. Сражение на подступах к Винаросу носило чрезвычайно ожесточенный характер. Республиканские войска, не имея достаточного тыла, вынуждены были отступить к северу и к югу.

Интервенты вышли к морю 15 апреля, заняв Винарос и ряд прилегающих пунктов на береговой полосе протяжением в 25 км. Для расширения этого узкого выступа, очень чувствительного к фланговым ударам, мятежники тотчас же повели наступление главными силами вдоль побережья на север по направлению к Тортосе. Несмотря на свое пятикратное численное превосходство, интервенты продвигались очень медленно и только 25 апреля подошли к Ампесте.

С выходом армии мятежников к морю республиканская Испания была разрезана на две части. Положение создалось очень тяжелое. Мятежники рассчитывали, что с расчленением республиканской Испании она пойдет на капитуляцию. Однако это не поколебало единства Народного фронта и решимости к дальнейшей борьбе. Правительство приняло меры к организации армии и усилению обороны в обеих частях.

Политика стран Запада в отношении Испании

Англо-итальянское соглашение о «невмешательстве»

16 апреля, то есть на другой день после выхода интервентов к морю, было заключено англо-итальянское соглашение, явившееся очередной уступкой со стороны Англии. По этому соглашению Англия обязывалась признать захват Абиссинии, обмениваться с Италией информацией о своих сухопутных, воздушных и морских силах в бассейне Средиземного моря, а также предоставлять Италии право беспрепятственного пользования Суэцким каналом в любых условиях. Кроме того, Италия выговорила обещание английского правительства предоставлять ей крупный заем на восстановление ее весьма подорванной экономики. Взамен этого итальянское правительство обязывалось после окончания войны в Испании вывести оттуда свои войска.

В момент заключения этого соглашения участники рассчитывали на скорую победу мятежников в Испании. Именно поэтому в соглашении и было предусмотрено, что оно вступит в силу «по окончательном урегулировании испанского вопроса».

*Деятельность Комитета по невмешательству
в испанские дела*

Со времени своей организации Комитет по невмешательству обнаружил нежелание обеспечить действительное невмешательство в дела Испании. Несмотря на наличие неопровержимых фактов, свидетельствующих о том, что война против республиканской Испании ведется войсками и оружием интервентов, Комитет ни разу не обсудил вопроса об интервенции, ни разу не констатировал нарушения соглашения о невмешательстве.

На заседании Комитета 25 апреля при обсуждении вопроса о сохранении системы контроля представитель СССР подчеркнул, что все опасения, которые Советское правительство высказывало в сентябре прошлого года, были полностью подтверждены в течение последующих семи месяцев. Несмотря на наличие контролеров на судах, сотни новейших иностранных самолетов с иностранными летчиками сражались на стороне Франко. Огромное количество артиллерии, танков, военных материалов и военных средств всякого рода все время доставлялось испанским мятежникам из двух стран, представители которых сидят за столом Комитета по невмешательству. Очевидно, контролеры ничего не могли проконтролировать. Перед лицом всего мира с полной ясностью обнаружилось, что «схема» контроля после отмены морского патруля является ничем иным, как лицемерной комедией, выгодной только тем, кто стремится к удушению Испанской республики.

Самый лицемерный лозунг, который выдвигался английскими и французскими реакционерами для оправдания политики невмешательства для оправдания блокады испанского народа — это лозунг «локализации» войны. Если бы не «невмешательство», то война в Испании давно бы давно переросла в европейскую и мировую. На самом же деле, если бы не комедия «невмешательства», поощрявшая интервентов, испанский народ давно бы уже уничтожил мятежников.

Интервенция затянула ликвидацию мятежа в Испании. Политика же поощрения интервентов до крайности усложняла и затрудняла борьбу испанского народа за свою свободу и явилась источником резкого обострения всей европейской обстановки и угрозой новой мировой войны. «Истинная цель политики невмешательства есть разжигание мировой войны» — сказал товарищ Сталин в отчетном докладе на XVIII съезде партии.

Правящие круги Англии и Франции расценивали англо-итальянское соглашение от 16 апреля чуть ли не как начало новой эры в европейских отношениях, как взрыв «оси Рим — Берлин». Это объясняет конечную цель англо-французской политики — внести раскол между союзниками и оторвать Италию от Германии.

Между тем сопротивление республиканских войск продолжалось, и надежды на быстрый разгром не оправдались. Война по-прежнему носила затяжной характер, и конца ей не было видно. Вместо отозвания войск из Испании интервенты посылали крупные подкрепления и мощную технику для нового наступления на Левантском фронте. Одновременно они затягивали петлю блокады и варварски истребляли мирное население воздушными бомбардировками.

С середины апреля до середины июня 22 английских парохода подверглись бомбардировке, причем 11 из них были потоплены или серьезно повреждены. Эти акты открытого разбоя вызвали негодование и протест среди широких кругов английской общественности. Вот почему англо-итальянское соглашение повисло в воздухе. Для успокоения общественного мнения и в то же время идя навстречу итальянским домогательствам, английское правительство делало новую уступку интервентам, пойдя на компромисс для «урегулирования испанского вопроса», то есть скорейшей победы Франко.

Комитет по невмешательству долгое время не подавал признаков жизни, но в конце мая проявил усиленную деятельность в виде многих заседаний, на которых обсуждался выдвинутый председателем Комитета лордом Плимутом план эвакуации иностранных добровольцев.

План эвакуации иностранных добровольцев

План предусматривал эвакуацию из Испании некоторого количества «добровольцев», причем если бы эвакуация достигла «существенных» размеров, мятежникам в виде компенсации было бы предоставлено право воюющей стороны. Интервенты, добивавшиеся для Франко таких прав с целью обеспечить ему законное право блокады республиканского побережья, могли бы пойти на эвакуацию некоторого количества пехоты (в первую голову — больных и раненых), сохранив технические части, представляющие основную боевую силу мятежников и интервентов.

План предусматривал восстановление контроля на франко-испанской границе — при этом не упоминая о контроле на море, хотя основная масса войск и вооружения интервентов прибывала в Испанию именно морским путем через принадлежавшие мятежникам порты. Представитель СССР в Комитете высказался против плана, который создавал односторонние выгоды для мятежников и интервентов, и предложил осуществить эвакуацию по специальностям — в первую очередь летчиков, танкистов, артиллеристов.

В результате было принято решение проводить эвакуацию пропорциональными долями по родам войск (сухопутные, авиация, флот). Возражения со стороны представителя СССР встретило также намерение Плимута добиться одностороннего закрытия франко-испанской границы, что по замыслу автора плана окончательно лишило бы республиканскую Испанию возможности получать извне какое-либо снабжение при полной возможности для мятежников и интервентов получать его морем. Несмотря на противодействие Плимута, Комитет вынужден был пойти на учреждение постоянных контрольных постов в четырех портах мятежников и четырех республиканских с задачей не допускать в этих портах выгрузки войск, оружия и военных материалов.

План был утвержден 5 июля, но еще до этого Франция, под давлением Англии, 13 июня закрыла свою испанскую границу.

Утверждение плана эвакуации «добровольцев» явилось лишь маневром, под прикрытием которого интервенты и их пособники рассчитывали ускоренным темпом сломить сопротивление испанского народа.

Наступление мятежников и интервентов на фронте Леванта (Теруэль—Сагунто). 15 апреля — 25 июля 1938 г.

После выхода интервентов к морю 15 апреля, они пытались вести дальнейшее наступление от Лериды на Барселону и от Винароса на Тортосу. Однако эти попытки фашистов форсировать реку Сегре севернее Лериды и реку Эбро в районе Тортосы окончились неудачей. Тогда фашисты сосредоточили все основные силы и средства на фронте Леванта, поставив главной задачей овладение Сагунто и Валенсией. Около трех месяцев на фронте Леванта шли ожесточенные кровопролитные бои, и до конца июля мятежники не могли преодолеть упорное героическое сопротивление республиканских войск.

На узких участках этого гористого района интервенты сосредоточили огромные силы и массы авиации, буквально таранили позиции республиканцев. Ценой огромных потерь мятежники захватывали небольшие куски территории. Республиканцы отходили на новые, заранее подготовленные рубежи для обороны, нередко переходя в контратаки и возвращая захваченные противником позиции. И все начиналось сначала.

Наступление на Левантском фронте сопровождалось усилением воздушных налетов не только на важнейшие порты побережья, но и окрестные незащищенные селения. С 1 мая по 30 июня Германия послала в Испанию морем 962 самолета, 17 самолетов перелетели на большой высоте через французскую территорию.

Театр военных действий от Валенсийской низменности к северу до реки Эбро представляет весьма пересеченную горную местность, с хребтами, расположенных перпен-

дикулярно берегу, и целью гор, тянущейся вдоль побережья до самых Пиренеев. Горные хребты и речки, впадающие в Средиземное море, представляют здесь естественные препятствия, могущие служить рубежом обороны. От Теруэля до Сагунто идет железная дорога. Другая дорога ведет вдоль побережья от Барселоны на Сагунто и дальше на Валенсию.

Валенсия постепенно обращалась в военный лагерь. Тысячи мужчин и женщин рыли окопы, специальные бригады строили убежища против воздушных налетов. Крестьяне и рабочие отдавали на оборону все, что могли. Руководивший обороной командующий республиканской армией генерал Миаха находился в Валенсии.

Наступление на Сагунто велось в двух направлениях: вдоль побережья через Кастельон и от Теруэля (Мора-де-Рубиелос) на Саррион. Предпринятая мятежниками в середине июля операция вдоль железной дороги Теруэль — Сагунто окончилась неудачей. Мятежники должны были оставить территорию, захваченную ими к западу от Сарриона и отойти к исходным позициям.

В своей попытке продвинуться вдоль побережья от Кастельона к югу они встретили исключительное по упорству сопротивление республиканских войск и поэтому перенесли центр тяжести борьбы на теруэльское направление. Здесь мятежники сосредоточили до 14 дивизий, до 100 батарей артиллерии, 150 танков и 500 самолетов.

С начала июля бои развернулись на всем протяжении фронта в 150 км от Теруэля до Средиземного моря. Целью наступления был Сагунто. Будучи отбиты в секторе между Мора-де-Рубиелос и рекой Михарес, мятежники пытались обойти оборонительную систему республиканцев у Вильястара (к югу от Теруэля). Эти попытки были отражены и войска мятежников отброшены в исходное положение. В течение 10 дней с начала июля ожесточенные бои происходили в приморском секторе по нижнему течению реки Секо и в районе между Вивером и Ондой, где мятежники стремились обойти горную цепь, тянущуюся от массива Эспадан.

В прибрежном секторе республиканские войска эвакуировали селение Нулес (8 июля), отойдя на заранее

приготовленные позиции к югу. В результате непрерывных бомбардировок авиации мятежников Нулес обращен в гору развалин. В этих боях мятежники понесли крупные потери общим числом до 10 000 человек. Ряд атак, направленных мятежниками на Валь-дель-Уксо (южнее Нулеса) были отражены республиканцами.

Авиация мятежников почти ежедневно производила налеты и бомбила Сагунто и окружающую местность, Таррагону и предместья Барселоны. 9–11 июля самолеты мятежников неоднократно пытались бомбардировать Валенсию, окрестные деревни и дороги. В общей сложности за 30 часов Валенсия подверглась пяти бомбардировкам. Мадрид оказывал широкую помощь Валенсии, моральную и материальную. Среди раненых оказался один из наблюдателей Комитета по невмешательству бельгиец Леман. Обстрелу подвергся британский пароход.

12 июля в районе массива Эспадон, вершину которого занимали республиканские войска, шли ожесточенные бои. Республиканцы сдерживали натиск мятежников на Сегорбе и вдоль берега. В районе Теруэля была отбита атака мятежников на Пуэбло-де-Вальверде. Одновременно авиация мятежников произвела налет на Картахену, окрестности Сагунто и Барселоны.

13 июля в районе Теруэля после ожесточенного боя мятежники заняли Саррион. В воздушном бою у Сарриона было сбито 8 истребителей типа «Фиат». 18 республиканских самолетов бомбардировали аэродром мятежников в Кауде, в результате чего значительная часть самолетов на аэродроме загорелась. 14 июля продолжались упорные бои у Сарриона, в которых 170 орудий и 50 бомбардировщиков непрерывно обстреливали республиканские позиции. Авиация мятежников бомбардировала Картахену, Аликанте, Валенсию и Сагунто, держась на высоте 3000–3500 м. На участке близ морского берега войска мятежников были оттеснены на север, к долине реки Михарес. Республиканские войска вновь заняли потерянные позиции.

В течение последующих дней (18–25 июля) на фронте Леванта шли напряженные бои. Атаки, после длительной артиллерийской подготовки предпринимавшиеся мя-

тежниками вдоль дороги Теруэль—Сагунто, потерпели полную неудачу. На эту дорогу было брошено 40 тысяч человек с танками. 85 самолетов мятежников бомбардировали и обстреливали из пулеметов Вивер и Сегоре, 50 «Юнкерсов» бомбардировали и обстреливали из пулеметов район близ побережья между массивом Эспадан и Сагунто. Самолеты мятежников с Майорки неоднократно бомбардировали Валенсию, ее пригороды и территорию между Валенсией и Аликанте. Такого огня, таких бомбардировок, такого сосредоточения технических средств еще не испытывала народная армия Испании.

21 июля войска интервентов в районе Вивера несколько раз пытались захватить проход, ведущий к Сегорбе. 75 самолетов бомбардировали позиции республиканцев. Главные усилия интервентов были направлены к тому, чтобы обойти с востока республиканские позиции и выйти обходным путем на дорогу Теруэль—Сагунто. Но все безуспешно. Каждый метр продвижения стоил им больших потерь.

Республиканцы держались стойко, отбивая иногда в день по 12 атак и переходя сами в контратаки. Глаза всего испанского народа были устремлены на армию, борющуюся уже два месяца на фронте Леванта, куда мятежники бросили все лучшие силы, всю свою военную технику. Валенсия героическими усилиями удерживала непрерывно растущую лавину интервентов. Мадрид оказывал широкую моральную и материальную поддержку. Барселона отражала налеты авиации мятежников, истреблявшей мирное население, не останавливая ни на минуту работу заводов на оборону.

Наступление республиканцев на реке Эбро 25 июля — 16 сентября 1938 г.

Обстановка

На Левантском фронте мятежники и интервенты тщетно пытались прорвать фронт республиканцев и в итоге вынуждены были перейти к методам позиционной борьбы. Однако положение республиканцев в районе Вивера—

Нулес все же было крайне неприятным, и над Валенсией нависла смертельная опасность.

Пока шли бои на фронте Леванта, части республиканской армии, занимавшие позиции на левом берегу реки Эбро, отдохнули и привели себя в порядок. У мятежников на правом берегу Эбро имелось шесть бригад фалангистов и несколько таборов марокканских войск. Правый берег был хорошо укреплен фортами, окопами, проволочными заграждениями. Противников разделяла широкая река с крутыми берегами. Мятежники считали свои позиции непреодолимыми для республиканских войск и не верили в возможность их наступления.

Цель наступления и задачи республиканской армии

Для облегчения положения на Левантском фронте республиканское командование задумало одним ударом во фланг мятежникам со стороны нижнего течения реки Эбро отвлечь силы интервентов от Левантского фронта, облегчить там положение республиканских войск и дать время, хотя бы месяц, и возможности для усиления и укрепления обороны Валенсии. Операция была задумана с ограниченной целью — наступлением через Эбро в направлении Гандесы притянуть сюда силы мятежников с Левантского фронта и тем облегчить положение республиканских войск в районе Вивер — Нулес.

Таким образом, ближайшей задачей республиканцев являлось форсирование р. Эбро, представлявшей серьезную преграду (200 м ширины, 3–3,5 м глубины, быстрое течение), принимая во внимание укрепленный неприятельский берег. Такая задача решалась республиканской армией впервые и требовала искусства и решительности в ее подготовке и проведении, тем более что республиканская авиация была сосредоточена почти целиком на Левантском фронте, откуда нельзя было выделить ни одного самолета.

Подготовка операции

Обеспечением операции должны были служить внезапность, неожиданность для противника и быстрота выполнения.

Переправа через Эбро была разработана и подготовлена до малейших подробностей. Переправу намечалось произвести ночью в нескольких (шести) пунктах излучины нижнего течения реки Эбро, восточнее устья Сегре. Для наводки мостов заготовлены понтоны, для охраны мостов от налетов авиации противника выставлены батареи зенитной артиллерии.

Для операции сосредоточены 6–7 дивизий. Первый эшелон должен был переправиться на лодках для закрепления на противоположном берегу.

Ход операции

В темную ночь с 24 на 25 июля республиканские войска неожиданно для мятежников начали переправу, успешно форсировав Эбро в шести пунктах (Файон, Риберакка, Фликс, Аско, Гинистар и Венифаллет). Когда первые отряды, переправившись на лодках, закрепились на неприятельском берегу, были быстро наведены понтонные мосты, через которые хлынула пехота, артиллерия, танки.

Переправа была совершена в течение шести часов, настолько неожиданно для мятежников, что они в беспорядочном отступлении бросали оружие, пушки и пулеметы. Наступление республиканцев развернулось на фронте в 60 км. В первый день войска противника понесли потери, и республиканцы захватили большое количество военных материалов и около 50 пленных. Республиканская кавалерия преследовала бегущих. К концу первого дня республиканцы продвинулись на 15 км, заняв высоты в 10 км к северо-западу от Файона и в 9 км юго-восточнее Гандесы (Пинель).

Чтобы помешать переправе, мятежники открыли шлюзы на реке Сегре, рассчитывая на усиление течения и подъем воды, но понтонные мосты были поставлены прочно. В первый же день наступления мятежники перебросили авиацию с Левантского фронта и направили ее к пунктам переправы, стремясь разрушить мосты и уничтожить скопления республиканских войск, но точная стрельба республиканской артиллерии не допустила разрушения мостов, сбив три германских самолета. Успех

форсирования Эбро объясняется не только неожиданностью наступления, но и тем, что местное население оказывало всемерную помощь республиканским войскам.

26 июля число пленных достигло 3000 чел., а 27 июля возросло до 4000 человек, фронт наступления расширился до 100 км. К 28 июля республиканскими войсками было занято около 500 тысяч кв. км, наступление развивалось в направлении на Аотканьис и Винарес. Гандеса была полностью окружена¹.

Тактика республиканцев

Республиканская пехота, как во время форсирования Эбро, так и в процессе наступления обнаружила в своих действиях хорошую организованность, сознательность и высокие боевые качества, тем более, что она не имела поддержки авиации.

В противоположность позиционным методам, к которым были вынуждены под конец прибегнуть мятежники на Левантском фронте, республиканские части при своем наступлении проявили величайшую маневренность. Их тактика заключалась в том, что при быстром наступлении они обходили очаги сопротивления, смело оставляли их у себя в тылу и на флангах, предоставляя добывать противника резервам. Такая смелая тактика посильна для хорошо обученных войск, дисциплинированных и крепких духом.

Республиканская армия вела наступление отдельными колоннами, которые соединялись в заранее намеченных пунктах и затем выполняли новые задачи. Эта тактика дала возможность путем отдельных операций быстро преодолеть сопротивление мятежников, уничтожить их живую силу, захватить большое число пленных и крупные запасы военного снаряжения. Почти не понеся потерь, республиканцы уничтожили всю 50-ю дивизию противника, взяв до 5000 пленных.

¹ На самом деле окружить Гандесу так и не удалось, хотя республиканские войска подошли вплотную к городу. (Прим. ред.)

Наступление отразило, как в зеркале, противоположные процессы, происходившие в течение нескольких последних месяцев в республиканской армии и в рядах мятежников. Только армия народа достаточно высокой политической сознательности и овладевшая военным искусством, могла совершить такую беспримерную переправу без серьезных потерь. Вместе с тем это наступление вскрыло основную слабость армии интервентов — неустойчивость ее человеческого материала.

В течение всего наступления республиканских войск авиация противника производила непрерывные налеты, бомбардируя республиканские войска. Однако противовоздушная оборона республиканцев была хорошо организована, и меткий огонь зенитных батарей заставлял самолеты противника летать на максимальной высоте. Сбрасываемые с такой высоты бомбы в большинстве падали мимо цели. Притом наступление республиканцев было так быстро, что авиация интервентов спутывала расположение войск и обстреливала колонны своих же войск.

27 июля десять «Юнкерсов» подвергли одной из наиболее жестоких воздушных бомбардировок Таррагону, сбросив 100 бомб, разрушив около 60 зданий, в том числе здания французского и бельгийского консульств. Бомбардировке подверглись английские пароходы, оставшиеся в Валенсии.

28 июля наступление республиканцев продолжалось на фронте от Тиберраха до Ампосты. Наиболее тяжелые бои были в районе Гандесы. 29 июля республиканские войска заняли селение Вильальбе, и Гандеса была полностью окружена. К этому времени мятежники перебросили с фронта Леванта крупные подкрепления (82-ю дивизию) и контратаками пытались прорвать окружение Гандесы, но были отбиты с тяжелыми потерями. В связи с переброской войск мятежников с фронта Леванта активные действия их на этом фронте прекратились, равно как и на Эстремадурском, где мятежники пытались захватить ртутные копи Аотмадена.

Итоги и результаты шестидневного наступления на реке Эбро

Мятежники были захвачены врасплох наступлением республиканских войск. Они вынуждены были перебросить с фронта Леванта крупные подкрепления и приостановить свои операции на этом фронте. Таким образом, основная цель наступления республиканцев была достигнута.

В течение шести дней (25–30 июля) республиканские войска продвинулись в среднем на 32 км по фронту противника в 45 км (от Файона до Черта), заняли около 700 кв. км территории, уничтожили целую дивизию противника, взяли 5000 пленных и огромное количество военных материалов, создав на правом берегу Эбро плацдарм, который приковал к себе крупные фашистские силы. Операции на фронте реки Эбро дали возможность республиканцам еще более укрепить фронт Леванта и подступы к Валенсии.

Контратаки мятежников и интервентов на Эбро в августе 1938 г.

После шестидневного наступления республиканцы закрепились на занятых позициях. Когда в начале августа мятежники и интервенты начали свои первые контратаки, направленные на Пинель, их стремлением было разрушить мосты, чтобы отрезать армию Эбро (полковник Модесто) от тыла. Республиканская авиация и зенитная артиллерия успешно защищали переправу. А инженерные части республиканской армии возводили взамен разрушенных все новые мосты. С 10 по 15 августа республиканцы вели наступление к северу от Лериды. 10 августа ночью после артиллерийской подготовки республиканские части переправились на правый берег реки Сегре к югу от Балагера. Многократные контратаки противника 12–14 августа, пытавшегося остановить продвижение республиканских войск, были отражены.

На фронте Эбро войска мятежников продолжали атаки на позиции республиканцев у Гандесы. В воздушном бою 12 августа между 28 истребителями республиканцев и 39 самолетами интервентов республиканцы сбили четыре самолета, потеряв два, экипаж которых спасся на парашютах. Одновременно самолеты с Майорки бомбардировали Аликанте и Барселону. 14 августа в районе Гандесы произошли большие воздушные бои. Три республиканских эскадрильи встретились с 30 «Фиатами», затем в бой вступили 12 «Хейнкелей». Через 40 минут после начала боя к обеим сторонам прибыли подкрепления, причем к самолетам противника прибавилось 11 «Хейнкелей», группа «Фиатов» и 8 «Мессершмиттов».

В конце боя, когда республиканские летчики обратили самолеты противника в бегство, появилась новая группа самолетов мятежников, которая, однако, не рискнула вступить в бой. Республиканцы сбили 12 «Фиатов», 5 «Хейнкелей» и 2 «Мессершмитта», потеряв 1 самолет, пилот которого Гомес был тяжело ранен в голову¹.

В 20-х числах августа в контрнаступление на Сьерра-Пандос мятежники ввели в действие свою лучшую ударную часть — 4-ю Наваррскую дивизию. С фронта Леванта лихорадочно подтягивались войска мятежников, перебрасывались тяжелые орудия, танки, бомбардировщики сбрасывали зажигательные бомбы, войска противника пытались прорваться на Пинель, отрезать республиканцам переправу, но все безуспешно.

В трех воздушных боях с неприятельскими самолетами в районе Сьерра-Пандос 23–24 августа республиканская авиация сбила 16 самолетов, еще 2 было подбито зенитной артиллерией. В первом бою встретились 20 республиканских самолетов с 26 «Фиатами». В результате сбито 7 «Фиатов». Во втором сбит 1 «Мессершмитт». В третьем республиканская авиация имела против себя 36 «Фиатов», 24 «Мессершмитта» и 12 бомбардировщиков. Сбито 6 «Фиатов» и 1 «Мессершмитт», остальные бежали. Республиканцы потеряли два самолета в третьем сражении.

¹ Сообщение министерства обороны Испании.

За месяц (25 июля — 25 августа) республиканскими войсками сбито: зенитными батареями 14 самолетов (7 бомбардировщиков и 7 истребителей); огнем республиканской пехоты — 5 самолетов (4 бомбардировщика и 1 истребитель); республиканскими летчиками в воздушных сражениях — 72 самолета (7 бомбардировщиков и 65 истребителей). Всего интервенты потеряли на реке Эбро в течение месяца 91 самолет (18 бомбардировщиков и 72 истребителя).

После неудачи у Сьерра-Пандос интервенты перенесли удар на направление по основной дороге Гандеса — Мерио-де-Эбро, чтобы выйти к реке. Для осуществления этого второго плана, начатого 4 сентября, интервенты стянули 12 дивизий, около 30 батарей, 80 танков и несколько сот самолетов. В бой были брошены отборные части, подведены свежие подкрепления, механизированные бригады, марокканская конница. Был день, когда над республиканскими позициями появлялось до 400 самолетов. В районе Сьерра-Кабальос шли ожесточенные бои. Мятежники, открыв чудовищный огонь, пытались отбросить республиканские войска за реку — но понесли еще большие потери, чем в июле на Левантском фронте.

Действия флота

Потопление «Балеареса» и вступление затем в строй республиканского крейсера «Сервантес» явилось причиной некоторого ослабления боевой деятельности мятежников на море. Деятельность их сводилась к контролю над торговыми путями к республиканским портам, особенно со стороны восточной части Средиземного моря при совершенно открытом содействии интервентов в осуществлении дальней блокады в районе Сардиния — Сицилия.

Выход мятежников к Средиземному морю (в апреле 1938 г.) резко изменил обстановку на суше и на море. Республиканская Испания была разрезана на две части. Морские сообщения между ними и питание южной части оружием, боеприпасами и сырьем, равно как и переброска войск морем должна была происходить вдоль побережья, занятого противником. Существенное преимущество мя-

тежников было в авиации, базировавшейся на Балеарские острова и позволявшей знать обстановку на море. Повторными ударами авиации по базам Республики мятежники стремились вывести из строя республиканские корабли.

В апреле при воздушной атаке на Картахену был выведен из строя республиканский крейсер «Либертад», а в июне — крейсер «Сервантес» и повреждено несколько эсминцев. Между тем 1 июля мятежники ввели в строй модернизированный крейсер «Наварра» (бывший «Республика») с немецкой артиллерией и нефтяным отоплением.

20 августа³ 1938 г. республиканский эсминец «Хосе Луис Диас» по окончании ремонта покинул Гавр с целью прорваться в Средиземное море. Мятежники были осведомлены об этом, и в Гибралтарском проливе были сосредоточены крейсера мятежников и 3 минных заградителя. «Диас» был замаскирован под английский эсминец «Айвенго», находившийся в это время в Гибралтаре.

27 августа «Диас» встретился в Гибралтарском проливе с крейсером «Канариас», который не был обманут маскировкой и открыл огонь. «Диас», получив серьезную пробоину 8-дюймовым снарядом в ватерлинию у самого носа и имея 28 убитых и 10 раненых, на рассвете 27 августа вынужден был укрыться в Гибралтаре. С этого времени мятежники организовали отряд в составе четырех минзагов, двух канонерок и двух вспомогательных судов для тесной блокады и непрерывного наблюдения за выходом «Диаса».

Хозяйничание флотов интервентов в Средиземном море, конвоирование потока подкреплений и военного снаряжения, бомбардировка самолетами нейтральных пароходов, шедших в Испанию и находящихся в республиканских портах — все это отзывалось на положении республиканской Испании, испытывавшей недостаток не только в военных материалах, но и в продовольствии.

Процесс ПОУМ и эвакуация добровольцев

Прошло уже полтора месяца со времени закрытия франко-испанской границы. Испанское правительство в дипломатических представлениях в Лондоне и других

столицах настоятельно требовало открытия франко-испанской границы. В середине сентября на пленуме Лиги Наций выступал министр Испанской демократической республики Альварес дель Вайо. Подчеркнув, что Испания в третий раз появляется перед пленумом Лиги Наций как жертва агрессии, он заявил, что политика уступок агрессору и игнорирование агрессии развязывает войну.

«Наибольшая ответственность падает не на самих агрессоров, а на их сообщников. Сообщники агрессоров — это государства, которые превратили Лигу Наций в простое бюро регистрации ее собственных поражений... Несмотря на то, что моя страна стала жертвой агрессии и оскорблялась в самые тяжелые часы ее борьбы проведением так называемой политики «невмешательства», никакая другая страна не сделала больших усилий к тому, чтобы помешать превращению в общий пожар того конфликта, который происходит на ее территории.»

Колебания западноевропейских государств дискредитировали систему коллективной безопасности.

Будь у нас помощь Лиги Наций, наше сопротивление уже давно привело бы к решающим результатам, и много сотен тысяч испанских жизней было бы спасено.»

Подчеркнув, что Испания будет продолжать свою борьбу за независимость, дель Вайо настаивал на необходимости восстановления полной свободы торговли для Испании. 2 сентября представитель Совета министров республиканской Испании Негрин на сессии кортесов (парламента) заявил:

«Несмотря на несправедливые условия плана Комитета по невмешательству относительно отозвания добровольцев из армии Франко, правительство республики приняло этот план.»

После отрицательного ответа мятежников Лондонский Комитет попытался похоронить свое собственное предложение. Работа Лондонского Комитета оживляется только тогда, когда ему кажется, что конец республики близок. Но республика будет сопротивляться и никогда не согласится на предоставление мятежникам права воюющей стороны».

Негрин подчеркнул, что никакого перемирия быть не может.

1 октября интервенты вновь возобновили свои атаки на Эбро при участии больших масс авиации и танковых частей. Это наступление, прерываемое контратаками республиканцев, безуспешно продолжалось до 15 октября и сопровождалось огромными потерями в войсках мятежников. В итоге трехмесячных боев ценой огромных потерь в 80 000 человек убитыми и ранеными мятежники смогли отвоевать лишь 35 кв. км из 700, занятых республиканцами в первые шесть дней их наступления.

Наступление мятежников, предпринятое ими 24–26 октября на реке Хараме к юго-востоку от Мадрида с целью захвата важнейших узлов сообщения, также было сломлено.

Во время этих напряженных боев в Барселоне закончился процесс троцкистско-шпионской банды поумовцев, организовавших майский путч в Каталонии с целью свергнуть правительство народного фронта, причем «дивизия» ПОУМ для этой цели оставила фронт. Эта шпионская уголовная организация изменников, надевших на себя маску ультрареволюционеров, находилась в сношении с заграничными генштабами и разведками, скрыто оказывала помощь мятежникам и выдавала врагу военные планы. Так, ПОУМ опубликовал сообщение о дне отплытия республиканского десанта на Майорку, о численности десанта и имени его командира¹.

¹ Речь прокурора в Барселоне 21 октября 1938 г.

Испанское правительство честно выполнило обещание эвакуировать иностранных добровольцев. 28 октября в Барселоне состоялся прощальный парад интернациональных бригад. Интервенты ответили на это фарсом эвакуации раненых и непригодных для фронта солдат.

1 ноября войска мятежников и интервентов после артиллерийского обстрела снова атаковали позиции республиканцев на высотах Сьерра-Кабальес силами до 10 батальонов, поддержанных огнем 140 орудий, в воздухе находилось около 120 самолетов. В двух воздушных боях республиканские летчики сбили восемь неприятельских самолетов, потеряв два.

Ожесточенные бои в районе Сьерра-Кабальес происходили в течение недели. Отдельные позиции переходили из рук в руки. В результате ценой больших потерь мятежники несколько продвинулись вперед.

Одновременно подверглись бомбардировке самолетов интервентов районы Валенсии, Таррагоны и Барселоны. Общее количество самолетов, действовавших в это время на стороне мятежников, было не менее 1000.

Наступление республиканцев на Лериду (7–15 ноября)

7 ноября республиканские войска, стремясь ослабить давление мятежников на Эбро, вторично начали новое наступление в районе реки Сегре. Перебросив неожиданно несколько понтонных мостов и перейдя реку в нескольких местах к юго-западу от Лериды, они сломили сопротивление противника, заняли ряд селений на правом берегу Сегре, перерезали у Фраги дорогу из Лериды в Сарагосу, захватив до 800 пленных и большое количество военных материалов. Поддержанные большим количеством танков и самолетов, мятежники в течение 11–14 ноября пытались выбить республиканцев из занятых ими позиций, непрерывно бомбардируя их с суши и с воздуха, но были отбиты.

С 11 ноября на фронте Эбро не прекращались упорные бои. Седьмое контрнаступление интервентов на этом

фронте, так же как и предыдущее, было отражено республиканцами.

Отход республиканских войск на фронте р. Эбро на прежние позиции 16 ноября

В районе нижнего течения реки Эбро в ночь на 16 ноября республиканские войска покинули занятую ими территорию и свои позиции на правом берегу и снова обосновались на левом берегу на старых позициях, которые они занимали до наступления 25 июля. Этим закончился еще один период испанской войны. Почти 4 месяца республиканские войска приковывали крупные силы интервентов к этому участку фронта, и за это время основательно укрепили Валенсию. Остановлено было наступление на Валенсию, сорван был удар мятежников на Альмаден.

Это были четыре месяца еще невиданных в Испании условий борьбы республиканской армии против непрерывно нараставших сил интервентов. Каждый день был днем напряжения всех сил, физических и моральных. Семь контрнаступлений, длившихся неделями, с каждым разом обрушивавших на республиканские позиции все большее количество огня и металла, были отражены. Мятежники потеряли в этих операциях 80 тысяч человек и 214 самолетов.

Республиканская армия в Каталонии состояла из двух групп: восточной группы под командованием полковника Переаса и группы района Эбро под командованием полковника Модесто. Именно последняя выдержала всю тяжесть четырехмесячной борьбы, которую она начала наступлением 25 июля и вышла из этой операции весьма ослабленной. Отозв же интернациональных бригад в конце октября лишило эту группу испытанных бойцов, которые были заменены молодыми рекрутами.

Обе группы насчитывали в общей сложности около 120 тысяч человек и должны были защищать фронт протяжением свыше 200 км от Пиренеев до Тортосы. Республиканские войска не располагали материалами, не имели достаточного вооружения и не могли рассчитывать на

прямую помощь со стороны войск центральной и южной зоны.

16 ноября вступило в силу англо-итальянское соглашение, заключенное 16 апреля 1938 г. Введение в силу этого соглашения означало признание Англией «единой Испании» — то есть Испании Франко.

Наступление мятежников и интервентов на Каталонском фронте (23 декабря 1938 г.— 14 февраля 1939 г.)

Дальнейшие планы интервентов

Убедившись в невозможности сокрушить одним ударом сопротивление республиканцев, интервенты наметали занять франко-испанскую границу на всем ее протяжении и тем лишить испанский народ снабжения продовольствием. Для этого надо было бы продвинуться на севере через гористый район до Сео-де-Ургель и Сильсены. От Сео-де-Ургель вдоль реки Сегре идет шоссе до пограничного городка Пуигсерды. Следующим этапом было бы продвижение мятежников до Фигераса и Росаса. Захват этих пунктов отрезал бы республиканскую Испанию от Франции, откуда она получала некоторое количество продовольствия, однако не было подходящего момента для его осуществления. Наступление зимы и трудности проведения операции в гористой бездорожной местности делали этот план маловероятным¹.

Наступление на Мадридском или Валенсийском направлении обещало мало успеха ввиду того, что эти важнейшие пункты после многократных безуспешных попыток мятежников овладеть ими теперь были хорошо укреплены республиканцами.

Наступление на Эстремадурском фронте могло бы дать в руки мятежников Альмаден, где добывается 51%

¹ См. статью Робсона в «Дейли Телеграф энд Морнинг Пост». Робсон — корреспондент этой газеты — несколько месяцев пробыл при армии мятежников.

всей мировой добычи ртути, необходимой для военной промышленности. Но успех на этом фронте еще в меньшей степени, чем на других фронтах, привел бы к уничтожению республиканской армии.

Наступление от Лериды на Барселону — третий важнейший пункт, отстоящий от Лериды на 90 миль, — представляло наибольшие выгоды, тем более, что его можно было сочетать с наступлением со стороны Мора-де-Эбро или от Ампосты на Тортосу и Таррагону вдоль побережья и, вместе с тем, усилить блокаду Барселоны при содействии флотов интервентов, которые уже третий год открыто используют свои сухопутные, воздушные и морские силы против Испанской республики. В связи с эти Франко усилил свои домогательства на получение права воюющей стороны.

Раскрытие крупнейшего шпионского центра в Каталонии

Только что закончился в Барселоне процесс троцкистско-шпионской банды, устроившей майский путч, как в декабре был раскрыт крупный шпионский центр, действовавший в Каталонии. Он показывал, что в республике имеется еще много тайных врагов, в частности троцкистов, с которыми необходимо вести беспощадную борьбу. Раскрытие шпионского центра было большим ударом для мятежников, подготовлявших с помощью шпионов новое наступление уже в течение двух месяцев.

Шпионский центр находился под руководством Генерального штаба войск мятежников и интервентов. Во главе шпионской организации стоял майор Аймаг, личный друг генерала Франко. Шпионы указывали авиации Франко объекты бомбардировки и предупреждали мятежников о предстоящих рейдах республиканской авиации. Они оперировали в районах, прилегающих к Барселоне и имеющих крупное стратегическое значение, и вместе с тем подготовляли мятеж против республиканского правительства. Шпионская организация имела филиалы во многих городах и деревнях Каталонии.

Наступление мятежников на Берхос-Бланкас

К 12 декабря мятежники и интервенты сосредоточили на Каталонском фронте между Тремпом и Файоном (на реке Эбро) 250 тысяч человек, 3000 орудий, 500 танков, 800 самолетов, огромные запасы снарядов и автоматического оружия. Кроме четырех дивизий интервентов, уже бывших в Испании, сюда были переброшены еще две. В состав этих сил входил корпус марокканских войск и войска, состоящие из русских белогвардейцев, португальцев, венгров, румын.

Республиканская армия состояла из 120 тысяч бойцов, 300 пушек, 50 танков, 50 самолетов, артиллерийских боезапасов хватало на 2 недели.

23 декабря после предварительной интенсивной артиллерийской и воздушной бомбардировки мятежники начали наступление на Каталонском фронте — сначала в секторе Тремпа, а затем по всему фронту до Эбро. Главный удар наносился в направлении на Берхос-Бланкас, важную станцию железной дороги Лерида — Таррагона. В районе Тремпа был сосредоточен марокканский корпус и действовали 80 самолетов. На главном направлении атаковали три дивизии при поддержке 200 самолетов. Такой концентрации авиации не было даже в боях на Эбро, равно как и такой интенсивности артиллерийского огня. Бои происходили при больших морозах (до 20 градусов ниже нуля).

Огромное превосходство мятежников и интервентов в численном составе войск и всех видов новейшего вооружения дало им возможность пробить брешь в линии республиканского фронта. Чтобы остановить продвижение их на главном направлении, на третий день боев пришлось обратиться к поддержке группы республиканских войск, действовавших в районе р. Эбро, которые были переброшены в сектор Боркас-Бланкас. Войска этой группы, руководимые полковниками Листером и Тагуэньей под общим командованием полковника Модесто, в течение 8 дней (26 декабря — 3 января) защищали позиции у Борхас-Бланкас с беспримерным героизмом, в то время как восточная

группа, занимавшая сектор Тремп — Балагер, отступила до линии Артеса — Торреро. Новые виды вооружения — танки, тяжелые самолеты, моторизированные части — нашли проверку и применение в этих боях. 29 декабря был самым тяжелым днем для республиканцев. Одна из республиканских дивизий в этот день была окружена и с большим трудом пробила себе дорогу.

*Попытка прорыва эсминца «Хосе Луис Диас»
из Гибралтара в Картахену*

Находившийся в ремонте в Гибралтаре республиканский эсминец «Хосе Луис Диас», получивший повреждения в бою с крейсером «Канариас» при попытке прорыва через Гибралтарский пролив 27 августа 1938 г., к 20 декабря был готов к выходу.

Ввиду организованной мятежниками тесной блокады эсминца выхода из Гибралтара и неизбежной встречи с превосходящими силами противника, республиканское правительство поручило Морскому Генеральному штабу обеспечить переход эсминца из Гибралтара в Картахену.

Согласно разработанному Морским Генеральным штабом плану, должна была быть проведена между 23 и 28 декабря береговая операция четырьмя республиканцами миноносцами для атак блокирующих кораблей мятежников, которой «Диас» мог бы воспользоваться для своего выхода из Гибралтара. Республиканская эскадра в составе 2–3 крейсеров и 4 эсминцев должна была оказать поддержку 1-й флотилии эсминцев, посланной для атаки, крейсируя в 30 милях к востоку от пролива в ожидании прорыва «Диаса».

Рандеву эскадры, флотилии эсминцев и «Диаса» было назначено на меридиане мыса Гата. Для прикрытия отхода флота от точки рандеву до Картахены авиация и торпедные катера должны были быть заранее перебазированы в Альмерию. Авиации ставилось задачей предварительная бомбардировка кораблей мятежников в Сеуте и Малаге.

К этому времени диспозиция флота мятежников была такова: группа блокирующих «Диас» судов в составе

четырёх минных заградителей, двух канлодок и двух вспомогательных крейсеров базировалась на Сеуту, Кадис и Малагу. В Кадисе находился также и крейсер «Канариас». В Пальме стояли «Альмиранте Сервера», «Наварра», два эсминца, два подводные лодки несколько канонерских лодок и вспомогательных крейсеров.

Командующий флотом считал план Морского Генерального штаба ошибочным и находил, что «Диас» должен прорываться самостоятельно, без участия флота. Также думало и большинство морских офицеров. Оперативный приказ комфлота не соответствовал полученной директиве. Эсминцу «Диас» приказывалось в 23 ч. 30 мин. 27 декабря во что бы то ни стало выйти из Гибралтара для самостоятельного следования в Картахену. 1-й флотилии эсминцев, разделившейся на две части, к полуночи на 28 декабря следовало быть у мыса Эстепон и у мыса Альмина, после чего обеим частям лечь на обратный курс с расчетом быть у мыса Гага к утру 28 декабря, где к этому времени будет находиться республиканская эскадра¹.

В ночь на 28 декабря «Канариас» вышел из Сеуты в Пальму, а в проливе был сосредоточен весь блокирующий отряд. Командир эсминца «Диас» Кастро просил комфлота поставить задачу 1-й флотилии атаковать блокирующий отряд, но не получил ответа. Донеся о нахождении «Канариаса» у мыса Европа и считая в этих условиях самостоятельный выход невозможным, Кастро просил отложить выход на сутки. Не получив ответа и на эту телеграмму, Кастро донес, что выход им отложен.

Командующий флотом, находившийся у мыса Гага, получив эти донесения и выждав подхода 1-й флотилии, вернулся в Картахену и донес министру о срыве операции по вине командира эсминца «Диас», прося дать приказ о самостоятельном выходе эсминца и смене командира. Однако начальник Морского Генерального штаба Прадо доложил министру о срыве операции по вине комфлота, отменившего атаку 1-й флотилии и просил вновь

¹ Расстояние от Гибралтара до мыса Гага составляет около 150 миль, мыс Эстепон находится в 20 милях северо-восточнее Гибралтара. (Прим. ред.)

дать приказ о выполнении операции в ночь с 29 на 30 декабря.

Получив директиву министра — организовать выход силами флота и эффективную защиту для обеспечения выхода «Диаса» из Гибралтара — командующий флотом приказал 1-й флотилии идти к мысу Альмина, а сам с тремя крейсерами вышел к мысу Гата. Командиру эсминца «Диас» комфлота дал радио: *«Выходите со всем риском в 1 ч. 30 декабря. Пункт соединения с флотом тот же. Пройдя пролив, держите на м. Гата. Охраняющие эсминцы все время будут к югу от вашего пути».*

Эскадра мятежников в составе крейсеров «Канариас», «Альмиранте Сервера», «Наварра» и трех миноносцев утром 29 декабря вышла из Пальмы и в ночь на 30 декабря находилась у африканского берега между Тенесом и Архелем.

В 1 ч. 30 декабря 1-й флотилия в составе четырех эсминцев («Улисс», «Вальдес», «Миранда», «Антекера») пришла к мысу Альмина, рассчитывая пройти в английских территориальных водах до мыса Европа, после чего, пользуясь превосходством скорости, оторваться от противника. Агенты мятежников оповестили ракетами блокирующие суда о выходе «Диаса», с мыса Карнера его освещали прожектором, а заградитель «Юпитер» — осветительными снарядами; одна из канлодок открыла по нему огонь. «Диас» шел, прижимаясь к берегу, и, обнаружив еще два заградителя — «Вулкано» и «Марте», открыл огонь по ним и выпустил по «Марте» три торпеды, не достигшие цели.

Обстрелянный четырьмя заградителями мятежников, «Диас» сосредоточивает огонь на «Вулкано», который неоступно следует за ним и, наконец, своим корпусом преграждает ему путь.

«Диас» решает таранить «Вулкано» и правой скулой ударяет его в левый борт. Высокобортный «Вулкано» поражает «Диаса» пулеметным огнем и ручными гранатами. Получив попадание 120-мм снарядом в машину с повреждением главного трубопровода, «Диас» потерял ход и выбросился на берег в Каталонской бухте. Суда мятежников продолжали вести артиллерийский огонь, пока не

были отогнаны вышедшим из Гибралтара английским миноносцем.

Командир 1-й республиканской флотилии, находясь на своей позиции у мыса Альмина и увидев вспышки выстрелов, осветительные снаряды и силуэт корабля в лучах прожектора, не проявил никакой инициативы а, донеся комфлота, что «Диас» интенсивно обстреливается кораблями противника, ограничился тем, что открыл огонь по прожекторам с дистанции 15 500 метров на две минуты, так как в это время стрельба мятежников стихла вследствие столкновения «Диаса» с «Вулкано». Командир 1-й флотилии, считая свою миссию выполненной, 30-узловым ходом повел флотилию на рандеву с эскадрой, которая в составе трех крейсеров и четырех эсминцев в это время начала выходить из Картахены и только к 7 часам подошла к месту рандеву. Вместе с подошедшей 1-й флотилией, торпедными катерами и авиацией, вызванной из Альмерии, эскадра вернулась в Картахену.

Английские власти потребовали от командира эсминца «Диас» спустить республиканский флаг и со всей своей командой покинуть эсминец. Английские буксиры сняли «Диас» с мели и привели в Гибралтар, где он был интернирован.

Республиканское правительство опротестовало незаконные действия английских властей, указав, что, интернируя эсминец, английское правительство фактически признает за Франко право воюющей стороны. Незаконность действий английских властей была тем более очевидна, что мятежники вели обстрел эсминца, находившегося в английских территориальных водах, где он должен был найти защиту государства, поддерживающего с республиканским правительством нормальные дипломатические отношения.

Команда геронгического эсминца была на английских судах отправлена в Альмерию, откуда сухим путем — в Картахену.

Основная причина неуспеха прорыва эсминца «Диас» заключалась в невыполнении и искажении директив правительства командующим флотом, в отмене набереговой операции и предоставлении самостоятельного выхо-

да эсминцу, в отсутствие какого-либо содействия флота — что свидетельствовало о желании комфлота сорвать операцию. Получив донесение 1-й флотилии, что «Диас» атакован кораблями мятежников, командующий флотом не дал никаких указаний флотилии, что указывает на полное отсутствие боевого управления со стороны комфлота. Операция еще раз показала, что большинство офицеров неохотно шло на активные операции против флота мятежников. Командир 1-й флотилии, прикрываясь формальным выполнением задачи, оставил без всякой помощи эсминец, боровшийся с многократно превосходящим его силой противником.

Использование оружия с обеих сторон в этом ночном бою не было достаточно эффективно. Несмотря на интенсивный обстрел «Диаса» четырьмя равными ему по артвооружению заградителями, он получил повреждения только от двух попаданий¹. Видя, что артогнем даже превосходящих сил нельзя остановить республиканский эсминец, заградитель «Вулкано» смело заградил ему путь своим корпусом.

На 40 выпущенных «Диасом» 120-мм снарядов в три корабля попало 9 снарядов, из выпущенных им шести торпед — не попало ни одной. Заградитель «Вулкано» в результате полученных повреждений был отведен в Кадис в док на 10 дней.

Итоги первого этапа операций на Каталонском фронте

Если в боях на реке Эбро около 80% потерь республиканцев происходило от действий неприятельской артиллерии и авиации, то при наступлении на Каталонском фронте такой же процент падал на пулевые ранения. Участились рукопашные бои с применением ручных гранат.

Авиация мятежников бомбила не только линию фронта, но разрушала все в глубину на 60 км от фронта. Днем войска мятежников обычно ничего не могли добиться, но

¹ Минный заградитель имел водоизмещение около 2000 т и четыре 120-мм орудия, эсминец — 1650 т и пять 120-мм орудий. (Прим. ред.)

по ночам, совершая обходные действия, они одерживали успехи. 31 декабря авиация интервентов подвергла Барселону усиленной бомбардировке, в которой впервые был применен новый тип бомб, специально предназначенный для массового истребления мирного населения. Бомбы были сброшены на самые оживленные улицы Барселоны. В результате бомбардировки было 62 убитых и 111 раненых.

3 января эскадрилья интервентов бомбардировала Валенсию, 4 января — Таррагону, где обстрелу подверглись вокзал и поезда с эвакуируемыми из города женщинами и детьми. С 3 по 7 января 1939 г. дивизии интервентов вели успешные бои на Борхас-Бланкас и Артеса-де-Серре. Части Листера были атакованы сотней танков. Наконец республиканская артиллерия стала испытывать недостаток в снарядах. 7 января Борхас-Бланкас и Артес были оставлены республиканцами.

По призыву коммунистической партии в Каталонии началась всеобщая мобилизация и создание добровольческих отрядов из мужчин, не подлежащих призыву.

Действия республиканцев на Эстремадурском фронте

Для ослабления нажима мятежников на Каталонском фронте республиканское командование 6 января предприняло наступление на Эстремадурском фронте в районе Альмаден — Фуэнте Овехуна, к западу от Пособланко, угрожающее как Кордове, так и Севилье. Наступление велось в трех направлениях: на Монтеруббио, на юг, на Пеньяройю, важный железнодорожный узел, и вдоль железной дороги Овехуна — Асуага.

Республиканская армия под командованием генерала Эскобара, переправившись через реку Сухар, за три дня заняла территорию свыше 600 кв. км и подошла к Монтеруббио. В районе Пеньяройя — Бельмос республиканцы перерезали все коммуникации мятежников, сжимая кольцо вокруг Пеньяройи, снабжающей Севилью и Кордову электроэнергией. В провинции Бадахос республиканские войска к 15 января достигли селения Асуага.

Однако, несмотря на удачно выбранный момент и сильный удар на Эстремадурском фронте, уже к 11 января мятежники подтянули резервы и приостановили наступление республиканцев. К 20 января правительственные войска только удерживали занятые позиции.

Наступление мятежников на Таррагону

Между тем на Каталонском фронте после некоторого затишья мятежники с 9 января продолжали наступление по направлению на Монбланк, Реус и Вельс, подвергая Вельс и Реус сильнейшей бомбардировке. Несмотря на бомбардировки с воздуха и обстрел Реуса артиллерией, в городе не прекращалась производственная деятельность. Мужчины, женщины и дети работали на военных заводах, набивая гранаты и снаряды для республиканских войск.

Республиканские войска отошли на заранее подготовленные позиции к востоку от Вельса. На фронте Сегре мятежники заняли Понс (к северо-востоку от Артесы). Занятие Вельса мятежниками угрожало отрезать от Барселоны Таррагону, которая вслед за тем была эвакуирована республиканскими войсками. Одновременно мятежники и интервенты оказывали сильное давление на позиции республиканцев к северо-востоку от Монбланка, используя свое численное превосходство. Мятежники продвигались, попеременно выдвигая резервы в первую линию и отводя передовые части в резерв и на отдых. Республиканские войска сражались бесценно, за неимением резервов, сражались день и ночь, при недостатке боеприпасов и продовольствия.

Наступление мятежников на Барселону

С 19 января начались ожесточенные бои в районе Игуаледы. Авиация мятежников бомбардирует усиленно Манресу, Виллафранку. Одновременно начался нажим на севере на Манресу и Виллафранку с целью окружения Барселоны. В районе Игуаледы мятежники сосредоточили до 400 орудий.

Напряжение на фронте достигло наивысшей степени. Крейсера мятежников и интервентов крейсировали у Средиземноморского побережья Испании для оказания содействия сухопутным и воздушным силам, ведущим наступление на Барселону вдоль берега. Ежедневные воздушные налеты на Барселону приняли более интенсивный и варварский характер. За 21–23 января в Барселоне убито 82 и ранено 222 человека мирного населения, преимущественно женщин и детей.

С 22 января на территории всей республики введено военное положение. В Барселонском порту бомбами неприятельских самолетов повреждены два английских парохода, а в Валенсийском — два английских и один французский пароход. С 23 января Барселона осталась без хлеба. Большинство заводов в Барселоне прекратило работу, так как все рабочие были мобилизованы.

Франко двинул на Барселону 80 тысяч войск, в составе которых были и марокканские дивизии. Они наступали на Барселону с трех сторон: с северо-запада (от Манресы), с запада (от Сан-Сатурнио) и юго-запада (от Виллафранки). Всю мощь своей военной техники интервенты обрушили на позиции республиканцев, защищающих подступы к городу. Круглые сутки продолжался непрерывный артиллерийский обстрел по всему фронту. Авиация бомбила и обстреливала республиканские позиции из пулеметов. Огонь достиг невиданной силы. Дальнобойные орудия интервентов с 24 января начали громить предместья Барселоны, а город подвергся неприятельским воздушным налетам. В результате город остался без освещения, Барселонский порт превратился в груды развалин.

Несмотря на исключительное превосходство интервентов в технике¹, республиканская армия на некоторое время задержала интервентов у реки Льобрегат, подготавливая новые позиции от Сольсаны до Бича и далее к югу до Аренис-де-Мар. В Барселоне продолжалась мобилизация всех годных для защиты города мужчин и женщин. На подступах к городу рыли окопы днем и ночью.

¹ У республиканцев одно орудие против десяти, один пулемет против пяти, одна зенитка против пятидесяти.

25 января с утра Барселона подверглась двенадцати воздушным бомбардировкам. Авиация бомбила Барселону «на конвейере», не давая ни минуты передышки. Несмотря на то, что мятежники, захватив Таррасу, пытались атаковать Сабадель, республиканские войска удержали его, чтобы прикрыть единственную железную дорогу вдоль побережья.

Вечером республиканское правительство покинуло Барселону и переехало в провинцию Жерона. Оно обосновалось в Фигерасе.

Исходя из соображений, что дальнейшая оборона Барселоны может привести к тому, что защитники города оказались бы отрезанными от остальной республиканской армии и главных запасов военных материалов, командование решило эвакуировать город. Вывезя все военные материалы, государственные документы, уничтожив все мосты и нефтехранилища, республиканские войска оставили город, закрепившись в 40 км к северу от него (близ Кальдетаса). Около 100 тысяч жителей покинуло Барселону. В течение ночи на 26 января интервенты вплотную подошли к Барселоне, и в полдень 26 января войска заняли город без боя. Несколько часов спустя флот мятежников вошел в Барселонский порт.

Причинами оставления Барселоны явились голод, нехватка боеприпасов и военных материалов, а также беспрерывная бомбардировка полуголодного гражданского населения, отсутствие резервов, крайнее истощение от непрерывных боев, в течение месяца без смены и отдыха, полная неподготовленность Барселоны к обороне и отсутствие помощи других фронтов, где генерал Мнаха располагал пятью армиями.

Как при обороне Мадрида Каталония не помогла Мадриду, так и при наступлении на Барселону Мадрид не помог Каталонии. Захватив Барселону, мятежники начали расправу над каталонским народом. Они объявили об отмене автономии Каталонии и о введении военного положения на всей территории, захваченной интервентами и мятежниками. В самом городе начались розыски республиканцев и коммунистов по особым спискам и расстрелы.

Отказ Франции принять беженцев

Десятки тысяч мужчин, женщин и детей со своим скарбом заполнили дороги из Барселоны на север. Беженцам приходилось спать под открытым небом, в снегу, в грязи, под дождем и подвергаться беспощадному истреблению авиации мятежников.

Министр иностранных дел республиканской Испании обратился к Боннэ с просьбой принять таких беженцев из мест, захваченных мятежниками. Боннэ ответил отказом, предложив дель Вайо обратиться к генералу Франко с просьбой о создании «нейтральной зоны» на севере Каталонии. Что касается 50 тысяч детей, то Франция могла бы приютить их, если бы республиканское правительство внесло за них залог в размере 600 франков за каждого ребенка.

Генерал Франко отказался признавать нейтральную зону с беженцами. Самолеты интервентов подвергли варварской бомбардировке демобилизованных бойцов интернациональных бригад, ожидавших эвакуации из Испании под контролем представителей Лиги Наций. Эти люди находились в Валенсии с начала декабря ввиду того, что Франция отказалась пропустить их через границу. В тот момент, когда они ждали поезда на небольшой железнодорожной станции, самолеты забросали их бомбами и обстреляли из пулеметов. Было убито и ранено 800 человек.

Ликвидация Каталонского фронта (28 января — 13 февраля)

На севере Каталонии создавался новый фронт, и республиканская армия перестраивалась для дальнейшей борьбы.

До 28 января республиканцы сдерживали напор войск мятежников на линии фронта от Сео-де-Ургель (на границе с Андоррой), восточнее Тремпа, через Сольсону, Манресу, Сабадель до побережья Средиземного моря (к северо-востоку от Барселоны).

Марокканцы, продвигаясь по дороге Барселона — Жерона, достигли Модуро. Сабадель оставался в руках республиканцев, несмотря на яростные атаки. Упорные бои шли в районе Гранольерса.

Сотни тысяч голодных бездомных беженцев в районе между Жероной и Фигерасом осложнили положение республиканской армии. В Жероне, где было 40 тысяч жителей, скопилось полмиллиона людей, в Фигересе, где было 20 тысяч, скопилось 200 тысяч. Население без хлеба, госпитали под открытым небом, без лекарств. Авиация противника бомбила Жерону и Фигерас. Мятежные войска пытались атаковать Жерону, но будучи отбиты, предприняли обходное движение. Военные корабли мятежников бомбардировали Палемос. 1 февраля республиканские войска сдерживали напор противника на фронте Аренис-де-Мар— Мойя. На заседании испанских кортесов в Фигерасе единодушно решено было бороться до конца.

3 февраля, после ожесточенных боев вокруг горного массива Родо, интервенты продвинулись до Вика, стремясь обойти республиканские войска с фланга. У республиканцев уже не было достаточно сил, чтобы установить непрерывную линию фронта. Сопротивление потому могло оказываться на отдельных участках. Обходным движением, пуская вперед танки, мятежники стремились отрезать республиканские части, которые были вынуждены отходить, чтобы избежать окружения и уничтожения. Отсутствие сплошного фронта создало тяжелую обстановку, при которой утрачивалась связь между отдельными частями войск и участками.

После беспощадной воздушной бомбардировки в течение 3 и 4 февраля и уличных боев республиканские войска и все население оставили Жерону и Фигерас, который был обращен в развалины. Только за один день 5 февраля около 40 тысяч беженцев перешли границы Франции. Всего же пределы Каталонии покинуло до 130 тысяч жителей. 6 февраля французские пограничные власти отменили все ограничения перехода границы и направляли беженцев в концлагеря. Вслед за гражданским населением начали переходить границы и воинские части. Они разоружались французскими властями и направлялись в лагерь Аржелос к югу от Перпиньяна.

3 декабря 1938 г. - 28 января 1939 г.

Борьба продолжалась в секторе Сео-де-Ургель на реке Тер, у Жероны и Фигераса. Начальник центрального штаба генерал Роха продолжал руководить операциями. Особенным упорством отличались лучшие части республиканской армии под командой полковников Модесто, Листера, Тагуэньи. Они отражали атаки противника, чтобы дать возможность населению перейти границу, и прикрывали отступление других частей.

Правительство во главе с Негрином оставалось в одном из поселков Каталонии, еще не занятом неприятелем, который 7 февраля находился на полпути между Жероной и Фигерасом, где три дня шло сражение. В этот день перешли границу 800 бойцов интернациональных бригад, которых до этого дня Франция отказывалась принять.

9 февраля республиканские войска, отступая к границе, взорвали мосты к юго-западу от Пучсерды и на полпути между Фигерасом и Хункаром и находившиеся в Хункаре пороховые склады. Последние два корпуса республиканской армии Эбро с полковником Модесто и его штабом, сражавшиеся в арьергарде, покинули последние линии обороны у Хункара и отошли к французской границе у Пертюса (севернее Хункара).

В районе Пучсерды 35 тысяч республиканских бойцов, принадлежавших к частям 11-го и 18-го корпусов, выдержавших бои у Тремпа и Артесы, упорно защищали последний клочок Каталонии, прикрывая эвакуацию населения, раненых. До 13 февраля они удерживали Кампадрон и другие пункты, и лишь закончив эвакуацию, последние части перешли границу.

Англо-французские отношения

6 февраля Чемберлен в палате общин заявил:

«Согласно информации, которой я располагаю, министр иностранных дел Франции Боннэ заявил в палате депутатов, что в случае войны, в которую окажутся вовлеченными обе стороны, все силы Англии будут в распоряжении Франции, точно так же, как и все силы Франции будут в распоряжении Англии. Это заявление Боннэ

целиком совпадает с точкой зрения английского правительства.

Невозможно предвидеть детально все возможные случаи, но я хочу ясно заявить, что общность интересов, объединяющих Францию и Англию, такова, что при всякой угрозе жизненным интересам Франции, откуда бы эта угроза ни исходила, это должно вызвать немедленное сотрудничество со стороны Англии».

Французская печать развивала это заявление в том смысле, что отныне Англия будет с Францией не только с первых дней военных действий, но и с того момента, когда угроза конфликта появится на горизонте. Слова британского премьера конкретно означают, что если завтра Италия попытается начать конфликт с Францией, например, путем провоцирования серьезных инцидентов, требующих ответных действий, англо-французское сотрудничество немедленно начнет действовать.

Республиканское правительство решило продолжать борьбу, имея пять хорошо обученных армий, насчитывающих 500 тысяч человек, за которыми стояло почти полмиллиона резервов.

Захват Менорки

9 февраля остров Менорка был занят войсками мятежников, прибывшими с острова Майорка и из Барселоны. Осуществлению захвата Менорки предшествовала сложная политическая игра, характеризующая взаимоотношения между Англией, Францией, Италией и генералом Франко. За время войны в Испании Франция дважды обращалась к Англии за санкцией на оккупацию Менорки, второй раз — 2 февраля. Англия всегда отговаривала Францию от подобного шага, который мог бы «обострить положение на Средиземном море». Между тем английский посол имел переговоры с Чиано¹ относительно «стратегических приемов», путем которых может быть осуществлен захват Менорки силами Франко.

¹ Министр иностранных дел Италии, зять Муссолини.
(Прим. ред.)

7 февраля английский крейсер «Девоншир» прибыл в порт Маон с представителем генерала Франко, который потребовал от губернатора острова Убието безоговорочной сдачи острова, угрожая в противном случае морским и воздушным нападением на Менорку, за которым следует высадка войск с Майорки. На желание губернатора снестись с правительством командир «Девоншира» заявил, что правительство Испании обратилось в бегство. Власти Менорки на своем совещании решили продолжать оказывать сопротивление. Гражданское население выражало протест против сдачи острова настолько решительно, что создалась угроза восстания, направленного против командира порта, склонявшегося к сдаче.

Реакционные элементы, от которых не был очищен остров республиканским правительством, отличавшимся излишним либерализмом, поддерживали непрерывный контакт с мятежниками и пытались деморализовать население в то время, как самолеты мятежников разбрасывали листовки, призывающие к сдаче острова. С приходом английского крейсера на Менорку 7 февраля реакции удалось поднять мятеж в ряде пунктов на Менорке. Республиканские власти, послав из порта Маон колонну против мятежников, старались затянуть переговоры до подавления мятежа, заручившись обещанием со стороны представителей генерала Франко, что во время переговоров не будет предпринято никаких бомбардировок и репрессий.

Тем не менее 8 февраля появившиеся с острова Майорка самолеты начали жестокую бомбардировку части острова, не охваченной мятежом, а командир «Девоншира» потребовал немедленного ответа на предложение о сдаче. Решение о капитуляции было принято по инициативе офицеров старой испанской армии. 9 февраля Менорка была сдана прибывшим войскам генерала Франко.

Истинная цель Англии в предательской игре с Меноркой за счет республиканской Испании заключалась в том, чтобы не допустить оккупации Францией Менорки и передачей ее Франко устранить содействие Италии, показав тем самым Франко ценность английского «посредничества». В результате Франция была обманута, но Италию

оттеснить Англия не смогла, вызвав лишь насмешки итальянской прессы над попыткой посредничества Англии с целью сдать Франко Менорку без содействия итальянских вооруженных сил. Захватом Менорки был нанесен удар по стратегическим интересам Франции и Англии на Средиземном море.

10 февраля председатель испанского правительства Негрин и министр иностранных дел Альварес дель Вайо прибыли на самолете в Аликанте, откуда направились в Валенсию. Резиденцией правительства был избран Мадрид, куда собрались все министры республиканского правительства. 19 февраля было созвано заседание правительства, на котором были обсуждены важнейшие вопросы, связанные с обороной республики. В своем обращении к народу правительство приветствовало бойцов, героически отстаивающих Испанию от иностранных захватчиков и, упомянув героическую оборону Мадрида, призывало все население к упорной борьбе с врагами во имя спасения Испании.

Признание Франко Англией и Францией (13 февраля — 5 марта 1939 г.)

Интервенция в Испании вошла в новый этап своего развития. Буржуазно-демократические Франция и Англия открыто стремились как можно скорее задушить республиканскую Испанию. Уже ставился вопрос, законно ли республиканское правительство.

Англо-французская политика «невмешательства», эта маска нейтралитета, была направлена на содействие не интервентам, а Франко, и имела целью оторвать, перекинуть, «переманить» Франко на свою сторону, укрепив свои позиции и свое политическое и экономическое влияние в Испании, тем самым аннулировать планы и усилия интервентов. Интервенты и понимали это не как пособничество им, а как обман и борьбу с ними за Франко.

Когда в результате французского и английского предательства Каталония и Менорка оказались в руках интервентов, маска «невмешательства» была сброшена, и правительства Чемберлена и Даладье от политики

«невмешательства» перешли на позиции открытой интервенции. Англия и Франция рассчитывали на то, что Франко не обойтись без их финансовой помощи для восстановления хозяйства страны после его окончательной победы. В расчете на нее спор шел теперь о том, кому достанутся трофеи. Каждая из сторон стремилась обработать те группы внутри реакционного лагеря, на которые она рассчитывала опереться в борьбе против своих конкурентов. Таким образом, каждая из конкурирующих сторон надеялась, что именно ей предназначена роль хозяина и покровителя Франко. Уже в этот момент Англия видела, что *«даже после того, как вооруженное сопротивление республиканцев будет окончательно преодолено и военные действия прекратятся, даже тогда не придется рассчитывать на ликвидацию внутренних раздоров и боев»*¹.

Таким образом, в целях скорейшего удушения Испанской республики задачей французского и английского правительства была всемерная поддержка Франко и обработка общественного мнения для признания законности бургосского правительства. «По существу признание бургосского правительства является лишь выводом из политики невмешательства», — такую мысль старалась внедрить французская печать.

Вопрос о признании Франко становится очевидным и важнейшим вопросом, суть которого заключалась в выяснении, чем такое признание может быть обусловлено. Для выяснения этого вопроса и заключения соглашения Франко в Бургос была отправлена миссия Барара.

Между тем было объявлено об отмене французской воздушной линии Тулуза—Аликанте, чем прерывалось всякое сообщение между Францией и Испанской республикой, а английское правительство заявило о прекращении почтовой связи с республиканской Испанией. Италия послала новые войска в Ливию, что являлось прямым нарушением англо-итальянского соглашения. На запрос английского посла в Риме было заявлено, что это увеличение вооруженных сил потребовалось ввиду усиления французских войск в Тунисе. В это же время Германия и

¹ Газета «Таймс».

Италия оказывали давление на Франко и следили, чтобы Франко не соблазнился финансовыми предложениями Франции и Англии.

25 февраля 1939 г. в Бургосе было заключено соглашение между Францией и мятежниками. Согласно подписанному договору, золото республиканской Испании и военное снаряжение каталонской армии должны быть переданы мятежникам. Кроме того, должны были использоваться все средства, чтобы заставить испанских беженцев вернуться в Испанию. Франция обязалась выдать мятежникам республиканские суда, находящиеся во французских портах, и передавать те, что войдут в эти порты. В этот же день французская палата и английский кабинет санкционировали признание Франко. Мотивировку этого признания Даладье формулировал следующим заявлением в печати:

«Здесь говорили о третьей границе в Пиринеях. С конце января мы имеем на этой границе, протяжением в 600 км, соседство правительства Франко. Именно для того, чтобы Франция не должна была защищать третью границу, я хочу поддержать с правительством Франко добрососедские отношения. Хотите ли вы, чтобы иностранные войска обосновались на границе протяжением в 600 км? Я утверждаю перед палатой, что для этого нет другого способа, чем признание де-юре правительства Франко».

Даладье объяснил свое решение и другим важным соображением — позицией Великобритании. Этих доводов оказалось достаточно, чтобы палата большинством голосов одобрила признание Франко.

Официальная аргументация английского кабинета признания Франко сводилась к тому, что испанский вопрос остается одним из наиболее важных европейских проблем и что интервенция будет продолжаться, приняв, возможно, новые и более опасные формы. Скорейшее признание Франко расценивалось как наиболее быстрый способ добиться влияния на внутренние изменения, происходящие в

новой Испании, чего требуют жизненно важные интересы Англии.

27 февраля правительство Англии и Франции объявили о признании Франко. На другой день, на бурном заседании палаты общин, Чемберлен заявил: *«Неужели мы должны толкнуть Франко в стан наших противников, унизив его? Вы должны знать, что мы не могли добиться никаких обязательств, разве только если бы мы пошли на войну».*

«Хунта национальной обороны» и падение Республики

Затишье на фронтах

С половины февраля до начала марта на фронтах было сравнительное затишье и не происходило никаких крупных операций. Зато авиация интервентов ежедневно производила усиленную бомбардировку республиканских портов: Картахены, Валенсии, Сагунто, Аликанте и Альмерии. Артиллерия мятежников непрерывно бомбардировала кварталы Мадрида.

В Каталонии царил разгул террора и массовые расстрелы. В Барселоне было арестовано 40 тысяч человек. В своем выступлении в Таррагоне 23 февраля Франко подчеркнул необходимость строительства большого флота для Испании.

В Мадрид прибыли полковники Модесто, Листер, Галан и генеральный комиссар армии Оссорио. Республиканская армия была готова продолжать борьбу. Но, ссылаясь на признание Франко Англией и Францией, президент Испанской республики Асанья сложил с себя обязанности президента, и по 74-й статье Конституции эти обязанности принял на себя председатель кортесов Варрио.

С начала марта мятежники начали усиленную подготовку к наступлению на Центральном фронте. Из Каталонии в район Гвадалахары и Харамы переброшено 200 тысяч солдат.

Население республиканской Испании активно поддерживало все мероприятия республиканского правитель-

ства и командования. Оборонная промышленность работала с большой нагрузкой.

Подготовка мятежа в столице

Между тем в этой обстановке в течение последней недели эмиссары Франко при помощи агентов так называемых «демократических» стран подготавливали повторение Менорки в Картахене, базе республиканского флота.

После потери Каталонии обострение отношений между различными общественными группировками и партиями, особенно анархистами и коммунистами, а также между республиканцами и кабальеристами подготовило почву для агитации французско-английской агентуры. Признание Франко Францией было сигналом. В недрах республиканского командования и гражданского управления возникли разногласия, хотя внешне это прикрывалось высказываниями о необходимости продолжать борьбу.

Когда Негрин и другие члены правительства прибыли из Франции в Центральную зону, они встретили весьма враждебное отношение со стороны генералов Миахи и Касадо¹, которые заявили им: «Вам бы не следовало возвращаться. Война окончилась, и уже больше нечего делать».

Несмотря на возражения Негрина, что войска Франко истощены и они не желают воевать, дальнейшие разговоры убедили членов правительства, что большинство кадровых офицеров соглашается с мнением Миахи. Поэтому было принято решение сместить их. Негрин прежде дал новое назначение Касадо, чтобы удалить его из Мадрида, где он пользовался поддержкой других офицеров и капитулянта-социалиста Бестейро.

Министры решили образовать ударный корпус под начальством верного республике полковника Модесто, который взял бы на себя командование в Мадриде. По плану правительства Листер, Тагуэнья и другие командиры,

¹ Командующий армией Центра Сехисмундо Касадо имел звание полковника. (Прим. ред.)

верные республике, должны были быть назначены на командные посты на Эстремадурском и Андалузском фронтах.

Прежде чем ударные войска Модесто успели продвигнуться к Мадриду, в Картахене вспыхнул мятеж. Картахенский командир Берналь прибыл в Аликанте, где находился Негрин, чтобы предупредить его о мятеже, подготовляемом несколькими офицерами Франко. В Картахену немедленно был послан полковник Галан во главе бригады войск. Несмотря на то, что мятеж вспыхнул прежде, чем Галану удалось достигнуть Мурсии, Галан быстро добрался до Картахены на автомобиле и с помощью 300 солдат и офицеров подавил мятеж.

Мероприятия правительства Негрина

На последнем заседании Совета министров в Мадриде председатель Совета министров ознакомил членов правительства с намеченными им мероприятиями по укреплению армии и сообщил, что разработка этих мероприятий требовала его пребывания в провинции Аликанте. Министерство национальной обороны опубликовало следующее сообщение, подписанное председателем Совета министров и министром национальной обороны Негрином:

«В связи с требованиями момента нами принято решение о расформировании существующей группировки наших армий в национальном и южном районах. Военные части, входящие в данный момент в эту группировку, а также те, которые будут образованы в дальнейшем, будут отныне находиться непосредственно под моим командованием через посредство Генерального штаба».

Этим распоряжением генерал Миаха отстранялся от командования всеми республиканскими вооруженными силами. Генерал Матальина временно назначался на пост начальника Генерального штаба с оставлением в должности командующего республиканской армией Центра. Полковник Галан назначался начальником морской базы в

Картахене, и был проведен ряд других военных назначений в республиканской армии.

Заявление Негрина с решением взять на себя верховное командование армией последовало за раскрытием и подавлением мятежа в Картахене. Еще 3 марта вечером среди командиров артиллерийского полка в Картахене началось брожение. 4 марта начался бунт — картახенские капитулянтсы по плану должны были выступить первыми. Однако они выступили на несколько часов ранее, и бунт был подавлен.

Тогда командующий флотом — капитулянт-социалист Аленсе заявил, что он опасается, как бы и флот не попал под влияние коммунистов. Поэтому он отдал приказ, чтобы весь флот отправился в Оран и там разоружился. Галан сообщил об этом по телефону Негрину, но во время разгрома связь была прервана.

Подавление мятежа в Картахене угнетающе действовало на генерала Миаху и полковника Касадо, и они решили без промедления приступить к действиям. Они отказались выполнять приказ Негрина явиться на заседание Кабинета, которое происходило вблизи Аликанте, и пытались захватить министров в ловушку, пригласив их явиться в Мадрид, где их, несомненно, арестовали бы и, вероятно, расстреляли.

Мятеж в Картахене

5 марта утром над портом появилось пять итальянских самолетов, которые стали сбрасывать бомбы. Одновременно в городе началась стрельба и вспыхнул мятеж. По улицам города под охраной провели республиканских руководителей. Был дан приказ, чтобы весь флот сдался. Немедленно все корабли снялись с якоря и вышли в море. Сотни людей пытались добраться до военных кораблей в небольших лодках, многие из которых опрокинулись.

За какие-нибудь полчаса все небо буквально покрылось итальянскими самолетами. В Картахене началась паника. Три эсминца затонули, не успев выйти из порта,

причем люди, находившиеся на борту, погибли¹. Бомбы падали так часто, что, вероятно, сотни людей были убиты на борту других кораблей.

Позже из Аликанте прибыли республиканские части, а к концу дня прибыло несколько тысяч солдат с танками. Бои на улицах длились в продолжение дня и ночи на 6 марта, слышалась пулеметная стрельба и разрывы ручных гранат. Порт обстреливался из тяжелых орудий, в то время как танки двигались по дорогам, ведущим к возвышенностям, господствующим над городом.

Когда арсенал был еще в руках сторонников Касадо, несколько республиканских руководителей пытались спастись на подлодке, но она затонула вместе с экипажем, прежде чем ей удалось погрузиться². 6 марта к Картахене приблизилось транспортное судно мятежников, на борту которого находилось 1500 солдат. Однако к этому времени республиканцам удалось захватить береговые батареи и открыть огонь. Первым выстрелом была снесена носовая часть транспорта, второй снаряд попал в переднюю часть судна, еще после нескольких выстрелов раздался взрыв, и судно скрылось под водой. Все 1500 человек погибли.

Во второй половине дня 6 марта были снова захвачены военные и морские арсеналы. Морские офицеры оказывали ожесточенное сопротивление, но вечером 7 марта они сдались. В результате трехдневного боя большая часть города была разрушена. Однако республиканские флаги снова развевались повсюду, а вечером 7 марта сторонники мятежников были проведены по городу как пленники. Впереди ехал автомобиль, с которого раздавались звуки республиканского гимна.

¹ Эта информация не соответствует действительности. В Картахене погиб только один миноносец № 14. (Прим. ред.)

² Это утверждение взято из газет и тоже неверно. В марте 1939 г. республиканский флот не потерял ни одной подводной лодки. 1 апреля в Картахене были затоплены две лодки (В-1 и В-2), позднее они были подняты и сданы на слом. (Прим. ред.)

Переворот в Мадриде

Еще в 9 ч. вечера 5 марта верховный комиссар Оссо-рио выступил по радио с речью, обращенной к солдатам и морякам, в которой он заявил, что последний очаг мятежа в Картахене полностью подавлен и что испанский флот будет до конца сражаться против захватчиков и предателей. Но в ночь на 6 марта в Мадриде произошел переворот.

Законное правительство республики было низвергнуто, его место занял комитет капитуляции, для маскировки именовавший себя «Комитетом национальной обороны» во главе с предателем Бастейро, давним приятелем английской разведки, и полковником Касадо. Английский консул в Мадриде находился в контакте с полковником Касадо, и они совместно подготовили создание нового правительства.

Предатели долго готовились к перевороту. Они завербовали кадровых командиров старой испанской армии. Воспользовавшись отсутствием правительства, находившегося в Аликанте, они захватили власть в Мадриде и отдали приказ об аресте правительства республики, доблестных командиров Модесто, Листеры, Галана, Ортеги, Кампосино и руководителей компартии. Монондес, под командованием которого находилось 200 тысяч войск на восточном побережье, заверил правительство в своей верности ему, но заявил, что не может выступить против Касадо. Валенсия, Мурсия, Аликанте быстро, одна за другой, присоединились к Касадо, так как, пользуясь тем, что вся телефонная сеть и радиосвязь находилась у него в руках, он смог действовать быстро и заменить во всех стратегических пунктах республиканских командиров своими людьми. Наутро 6 марта на стороне республиканского правительства остались лишь войска в Аликанте. Но к концу дня и здесь командование принял офицер, ставленник Касадо.

Большинство летчиков в Мадриде было арестовано. Аэродром Альказар-Сан-Хуан оказал сопротивление предателям, и отсюда удалось выслать четыре самолета,

чтобы дать возможность Негрину и другим министрам покинуть Испанию.

Захватив власть в Мадриде, предатели образовали «Хунту национальной обороны», в которую вошли: главнокомандующий армией центра Касадо, правый социалист Бестейро — друг Кабальеро и поумовцев; друг английской разведки Карильо из ВРС и несколько анархистов. В состав правительства вошли: генерал Миаха — председатель Совета министров, Бестейро — министр иностранных дел; полковник Касадо — министр национальной обороны; Карильо — министр внутренних дел. Министры республики, которым грозила расправа предателей, 6 марта вечером прилетели в Тулузу. Туда же прибыли начальник воздушных сил Сиснерос, генерал Модесто и полковник Листер. Долорес Ибарури прибыла в Оран.

Премьер комитета капитулянтов заявил о готовности ожесточенно биться против Франко, но в то же время упоминал о возможности почетного мира, изображая переворот как движение против коммунистов. Мадридский переворот был давно подготовлен французскими и английскими агентами, в частности, сотрудниками Бестейро, подготовившими для него почву.

Переворот не был совершен ранее только потому, что военная ситуация в Мадриде не допускала этого. Теперь же после перевода некоторых военных частей в Каталонию и после падения Каталонии лучшие силы республики были лишены возможности возвратиться в республиканскую Испанию.

Элементы, на которых рассчитывали опираться Англия и Франция, были готовы поощрять Франко к заключению «почетного соглашения» с новой военной диктатурой Мадрида при условии, что она прежде всего разгромит коммунистов и тем докажет, что заслуживает доверия. Бестейро и его клика принялись выполнять эту программу. Анархисты требовали объявления коммунистов вне закона и настаивали на мире с Франко.

Французская буржуазная печать приветствовала переворот и открыто заявила: «Пока Негрин находился у власти, невозможно было добиться мира. Убедить его

уйти в отставку не удалось, а потому умеренным элементам пришлось применить более энергичные меры».

Миаха и Касадо вступили в переговоры с Франко с предложением мира, базируясь на том, что коммунисты разгромлены и Негрин устранен от власти. Но Бургос заявил, что он не хочет разговаривать с Касадо и Миахой — Франко требовал капитуляции без переговоров, без пунктов и без подписей.

Восстание республиканских войск против предателей

6 марта вечером войска комитета изменников встретили сопротивление; бойцы некоторых секторов Мадридского фронта, разгадав измену, отказались очистить позиции и признать новых командиров. Мнимые республиканцы стали расстреливать подлинных защитников республики.

7 марта утром оставшиеся верными правительству войска подняли в Мадриде восстание против нового «совета обороны». Восстание началось в предместьях. В районе ипподрома шли ожесточенные бои. Против республиканских войск Касадо послал танки и самолеты. В центре столицы слышалась ружейная перестрелка и пулеметная стрельба. Несколько батальонов мадридского гарнизона подняли восстание против «Хунты национальной обороны» и укрепились в рабочих кварталах северной части города, а также на частично разрушенном ипподроме, расположенном возле здания министерства.

Одновременно произошли восстания в Гвадалахаре, Альбасенте, на Хараме, в Куэнке и Картахене. В секторе Харамы шли бои между частями генерала Миахи и республиканскими войсками. В Мадриде восстание разрасталось; началась расправа с коммунистами. Самолеты подвергли бомбардировке «коммунистические», то есть верные республике части.

7 марта в Бизерту прибыло 11 военных кораблей испанского республиканского флота. Французский крейсер «Дюпле» и четыре миноносца взяли под надзор прибывшие суда. Испанские военные суда были интернированы в Бизерте. Это были три крейсера («Мигуэль Сервантес»,

«Либертад», «Мендес Нуньес») и восемь эсминцев («Миранда», «Уэльва», «Хорхе Хуан», «Эсканьо», «Лепанте», «Антекера», «Вальдес» и «Гравина»). Число испанцев, прибывших на этих судах, достигало 5000 человек; среди них 500–600 беженцев, в том числе много женщин и детей, рабочих Картахенского арсенала и их жен. На республиканском флоте прибыли морской министр Буиса, командующий военно-морской базой в Картахене Галан и гражданский губернатор Картахены.

8 марта Морской штаб Франко объявил о блокаде всего испанского побережья между Сагунто и Адрой. Было объявлено о закрытии навигации для всех судов, независимо от национальности и перевозимых ими товаров. Ни один корабль не имел права приближаться к берегу на расстояние меньше трех миль без разрешения адмирала, командующего морскими силами в Средиземном море. Все суда, нарушающие его постановление, могли быть захвачены. Предупреждалось что у Картахены и на участке между Торро-ла-Меса и Кабо-де-Падос будут находиться подводные лодки, которым дано указание топить все без различия пароходы, которые попытаются перейти установленные границы. Суда, подвозящие грузы не для портов «красной зоны», независимо от их национальности, должны будут направляться в порты националистической Испании — Барселону, Пальму или Малагу по их выбору.

Франко, готовя нападение на Мадрид, больше всего опасался сопротивления со стороны коммунистов и выжидал, пока Касадо и Миаха разгромят их, чтобы расчистить ему путь¹. Больше 10 дней в Мадриде продолжались ожесточенные уличные бои; бои происходили также в Мурсии, Альмерии и Гвадалахаре, вокруг Валенсии. С 5 по 9 марта Валенсию усиленно бомбардировала авиация мятежников.

9 марта пять эскадрилий Касадо бомбардировали улицы Мадрида, где укрепились восставшие; на перекрестках установлены пулеметы, по улицам двигались танки. Телефонное сообщение Мадрида с другими городами было

¹ См. «Дейли Мейл».

прервано. В боях против изменников принимали участие не только верные республике бойцы, но и население Мадрида.

11 марта восстали против предателей Линарес, Альмаден и другие города Андалузии и Ламанча. Войска Касадо, с танками впереди, атаковали северную часть столицы. 75-мм и 105-мм орудия били по пулеметным гнездам республиканцев. К 12 марта в руках предателей находился центр Мадрида. Число жертв насчитывалось тысячами. Особенной силой отличались бои в северной и северо-восточной части столицы, где укрепились республиканские войска. Они укрепились также в районе четырех дорог к югу от столицы. Но еще 13 марта значительная часть Мадрида находилась в руках республиканцев.

В 20-х числах марта сопротивление верных республике войск, разрозненных и лишенных руководства, почти прекратилось, и начались переговоры между изменниками — Миахой, Касадо и Бестейро — и Франко, который сосредоточил на Мадридском фронте военные силы численностью до 400 тысяч.

Пакт о ненападении между Португалией и бургосским правительством

23 марта между Португалией и бургосским правительством заключен пакт о ненападении сроком на 10 лет, а 24 марта Франко, настаивая на полной и безоговорочной сдаче Мадрида, дал мадридской клике 48 часов как предельный срок и еще 48 для подготовки сдачи.

Предательская «Хунта национальной обороны» обязалась разоружить все сектора обороны Мадрида ввиду того, что в остальной части республиканской Испании власть ее еще недостаточно утвердилась. Мадридское правительство изменников не ручалось за территорию Валенсии, Мурсии, Картахены и предупреждало правительство Франко, что для оккупации этой зоны войсками Франко еще нужно будет прибегнуть к военным операциям. Тем временем в Мадриде шла ежедневная расправа с защитниками республики. Изменники арестовали всех

командиров и комиссаров, преданных республике. В тюрьмах сидело 25 000 патриотов. Свыше 1000 их уже было расстреляно.

Назначенный французским послом в Бургосе маршал Петен не мог вручить Франко своих верительных грамот, пока французское правительство не дало согласия на передачу Франко республиканского флота, интернированного французскими властями в Бизерте. 25 марта такое решение было принято. В тот же день английские власти в Гибралтаре передали Франко республиканский эсминец «Хозе Луис Диас», который, после сражения 30 декабря 1938 г. с эскадрой мятежников, был интернирован в Гибралтаре.

Сдача Мадрида

Миаха дал согласие на безоговорочную сдачу Мадрида, и Касадо должен был передать Франко всю авиацию Мадридского фронта. Изменники шли на капитуляцию без всяких условий, прося только обеспечить им самим отъезд за границу. Войска с передовых позиций были отведены с линии фронта и сдали оружие.

28 марта войска франкистов вступили в Мадрид. Генерал Миаха в сопровождении двух советников — Метальяна и Менендеса — прибыл в Валенсию. Все члены Мадридского комитета предателей также прибыли в Валенсию, кроме оставшегося в Мадриде Бестейро. Накануне Совет министров во Франции решил выслать в Испанию 400 тысяч беженцев.

Немедленно после сдачи Мадрида начала действовать «пятая колонна», многие члены которой до того укрывались в иностранных посольствах. Из Мурсии в Оран (Алжир) прилетели 14 военных республиканских самолетов, которые были интернированы французскими властями.

Сдача Валенсии

29 марта контрреволюционный «Совет обороны» сдал франкистам Валенсию. Решение о сдаче города было принято после выступления «пятой колонны». Аналогичные

выступления имели место в Альмерии и Картахене. 31 марта в Мадриде и Валенсии было объявлено военное положение

Признание Франко Соединенными Штатами

Озабоченные вопросом об американской собственности, захваченной или разрушенной во время военных действий в Испании, 1 апреля правительство США признало Франко и отменило эмбарго на ввоз вооружения в Испанию.

2 апреля Франко в торжественной обстановке провозгласил, что гражданская война «закончилась». Испанский флот, интернированный в Бизерте, пошел в испанские порты под конвоем двух судов Франко, на которые были взяты экипажи интернированных военных судов.

В Мадриде только за 3 и 4 апреля было арестовано 4000 республиканцев. В концлагерях под Мадридом уже находились 17 000 арестованных республиканцев. В Аликанте, в ожидании возможности покинуть Испанию, скопилось 4000 республиканцев — командиров, ученых, представителей интеллигенции. После вмешательства делегатов Международного комитета по координации помощи республиканской Испании местные власти согласились организовать в Аликанте «нейтральную зону», в которой республиканцы могли бы укрыться до отъезда за границу. Однако французское правительство отказало даже в выдаче транзитных виз этим 4000 республиканцам, которым угрожала смерть. В то же время предатель Касудо и с ним 200 лиц, связанных с бывшей мадридской кликой, прибыли на английском санитарном судне «Мейн» в Марсель, откуда вся группа направилась в Англию, где они были гостеприимно встречены.

По статистическим данным, опубликованным в Мадриде франкистскими властями, потери обеих сторон во время гражданской войны в Испании с 18 июля 1936 г. по 30 марта 1939 г. составляли на фронтах 450 000 солдат. 750 000 человек гражданского населения погибло в результате бомбардировок и репрессий. Общее число погибших достигло 1 200 000 человек.

Заключение и выводы

Социальные корни поражения республиканской Испании

Развитие революции внесло глубокие изменения в социально-экономическую структуру республиканской Испании, передав землю в пользование крестьян, банки в руки правительства народного фронта, управление крупными частнокапиталистическими предприятиями в руки комитетов рабочих и служащих. Был нанесен удар важнейшему оплоту реакции — католической церкви, возросло влияние испанской компартии в Народном фронте, в частности, в войсках Центрального и Южного фронтов.

Коммунисты знали, что для осуществления твердого единого руководства в сложной обстановке национально-освободительной войны и революции необходима диктатура пролетариата. Однако многопартийность Народного фронта, необходимость использовать для борьбы против реакции и интервентов все силы испанского народа, опасность расширения вмешательства европейской реакционной буржуазии против Народного фронта вынуждали для данного этапа революции выдвинуть лозунг «буржуазно-демократическая республика нового типа», под которым лозунгом и шла работа испанской компартии.

Образованное в начале войны правительство Ларго Кабальеро (левого социалиста) отражало в своем составе борьбу всех партий. Оно не способствовало прочному объединению Народного фронта в Испании, не боролось за искоренение вредителей, саботажников и предателей в тылу, противодействовало проведению необходимых мероприятий по реорганизации армии, очищению тыла, объединению усилий отдельных провинций, особенно Каталонии, где наиболее сильное влияние имели анархисты.

Подавив мятеж в Барселоне, Каталония думала, что все кончено, и жила с этой мыслью полтора года. В то вре-

мя как Мадрид укреплял свою оборону и отбивался от врагов, Арагонский фронт оставался пассивным, а в его тылу усиливалось разлагающее влияние поумовцев и анархистов. Они противодействовали внедрению дисциплины в войсках и переходу Арагонского фронта в наступление, имея в виду в дальнейшем вооруженную борьбу в лагере Народного фронта с коммунистами и подготавливая путь к захвату власти в Каталонии. Анархисты и ПОУМ располагали здесь большим политическим аппаратом и проводили административные мероприятия под вывеской «свободного коммунизма» (отмена и изъятие денег, обобществление имущества и пр.), возмущавшие и раздражавшие население и вредно отзывавшиеся на фронтах. Главную язву в Каталонии и Бискайе представляли контрреволюционные троцкисты, которые вели подрывную деятельность против коммунистов. Они имели на Каталонском фронте свой полк, а потом дивизию, получая для нее оружие, деньги, боеприпасы. Попытка их провести в мае 1937 г. в Барселоне путч была подавлена, но измена не была вырвана с корнем, и, уйдя в подполье, поумовцы продолжали свою подрывную и предательскую деятельность, служа орудием иностранной агентуры.

Ларго Кабальеро был врагом коммунизма, презирал массы и их инициативу, окружал себя подозрительными и бездарными военными специалистами, идя по пути компромисса и капитуляции. Особенно были засорены высшие штабы и органы управления. Предательство штаба в Малагской операции было следствием этой политики.

Под давлением народных масс на смену кабинету Кабальеро пришло правительство Негрина—Прието (май 1937 г.). Руководство войной осуществлялось исключительно Прието, сторонником гегемонии буржуазии в революционной борьбе испанского народа. Он отказывался произвести чистку комсостава армии, мало того — целый ряд комиссаров, проверенных в боях, был заменен людьми, не обладавшими революционной стойкостью, верой и энтузиазмом.

В результате бессмысленного и преступного приказа об отступлении республиканских войск был потерян

Теруэль. Политика Прието привела к распаду и бюрократизации всего военного комиссариата, разрушению всего восточного фронта и разделению республиканской зоны на две части. По воле народа и бойцов Негрин снял Прието и сам занял пост военного министра, восстановив разрушенный Восточный фронт и улучшив организацию армии, которая спустя несколько месяцев осуществила героическое форсирование реки Эбро. Однако Негрин не провел в армии, во флоте и государственном аппарате радикальной чистки, на которой настаивали коммунисты, мирился с атмосферой безнаказанности, саботажа мероприятий по созданию резервов и укреплений.

Борясь за свою свободу, независимость, освобождение от капиталистического гнета, испанский народ, достигнув объединения Народного фронта, слабо цементированного, не смог создать крепко сплоченной партии и выдвинуть ее к твердому руководству, не уничтожив предателей в тылу, которые после военных поражений республиканских войск подняли голову и, при содействии Англии и Франции, произвели переворот и предательски сдали Мадрид. Помощь мятежникам войсками и военным снаряжением интервентов сыграла огромную, можно сказать, решающую роль.

Потеря территории и блокада республиканских портов довершили дело, лишив республиканцев оружия, боеприпасов, продовольствия, доведя их до крайнего истощения и утомления непрерывными боями. Перевес в численности бойцов, артиллерии, танков, воздушных сил был подавляющим у интервентов.

Позиция Комитета по невмешательству создала такую обстановку, что Испанской республике пришлось бороться против объединенных сил реакции всей Европы. «Демократические» государства Западной Европы всячески стремились обеспечить победу реакционных сил Испании. Это стремление находило наиболее яркое выражение в блокировании республиканской территории, в отзыве добровольцев интернациональных бригад, являвшихся наиболее обученными в военном отношении и морально устойчивыми частями республикан-

ской армии, и, наконец, в активном участии в организации и осуществлении заговора предательской клики Касады — Миахи — Бестейро.

Военно-политические причины поражения Испании

С началом мятежа республиканская Испания осталась без армии, флот — без комсостава. Надо было создавать, вооружать, обучать регулярную армию, что происходило медленно при противодействии контрреволюционных элементов. Боеспособность армии выковывалась в ходе самой войны. Лучшие обученные и дисциплинированные части были те, которые находились под руководством коммунистов.

Отсутствие единого командования, объединения фронтов, оперативного взаимодействия и взаимопомощи между Мадридом и Каталонией — все это явилось причиной ряда крупных стратегических ошибок и того, что действия республиканских войск носили оборонительный характер. Наступательные операции были непродолжительны и быстро выдыхались (наступление на Овьедо, на Теруэль, на реке Эбро).

Каталония не оказала помощи и содействия героическим защитникам Мадрида и содействия северным провинциям. В результате имела место потеря северных провинций, не был использован успех республиканских войск под Теруэлем в декабре 1937 г. Не было помощи и от Мадрида и Валенсии при наступлении республиканских войск на Эбро. В противоположность мятежникам, республиканские войска не обеспечивали укреплениями важнейшие стратегические пункты (кроме Мадрида). А главное — не была достигнута политико-моральная крепость тыла, не были уничтожены саботажники, вредители, изменники в государственном аппарате, в штабах, в рядах комсостава армии и флота.

Тем не менее при хорошем руководстве и тщательной подготовке республиканские войска одержали ряд блестящих побед (под Гвадалахарой, Теруэлем, на реке Эбро).

Однако, в силу указанных причин, они не имели решающих последствий.

По опыту испанской войны в обороне особенно выявилась роль противотанковой артиллерии. Основой обороны общевойсковых соединений является прежде всего противотанковая оборона, эшелонированная в глубину. Выявились также большое значение подвижного заградительного огня по наступающей пехоте.

Исключительную роль в обороне имело инженерное искусство, удваивающее, утраивающее боеспособность части; применение его резко меняло оперативную обстановку.

Наступательная инициатива большей частью принадлежала мятежникам и интервентам. Они упреждали наступление республиканцев из-за их проволочек вследствие лучшей агентурной разведки.

Мятежники начинали бой бомбардировочной авиацией, после чего следовала сильная артиллерийская подготовка (большей частью по площадям, что давало возможность пулеметам обороны продолжать действовать). В первую половину войны танки мятежников боялись танков обороны и не могли завершать работу артиллерии.

Пехота мятежников сопровождалась танками и ПТО. Танки прокладывали дорогу пехоте через проволочные заграждения. Бомбардировочная авиация проявила себя как могучее средство в борьбе с артиллерией противника. Она действовала также в тесном контакте с наземными войсками против пехоты обороняющегося.

При обороне велико было значение истребительной авиации и зенитной артиллерии. Аэродромы истребительной авиации должны быть не далее 20–25 км от фронта. Как показал опыт, штурмовая авиация («воздушная конница») нуждается в скорости и бронировании.

Значение морской силы

и преобладание на море в испанской войне

Морская сила в испанской войне играла огромную роль. От преобладания на море зависел прежде всего успех переброски войск мятежников, а затем снабжение рес-

публиканской армии и армии мятежников военным снаряжением и продовольствием. Морские границы Испании имеют гораздо большее протяжение, чем сухопутные. Республиканский флот количественно превосходил флот мятежников, хотя в артиллерии, благодаря наличию двух тяжелых крейсеров, мятежный флот имел преимущество, но в торпедном оружии, благодаря наличию эскадренных миноносцев и подводных лодок, республиканцы превосходили мятежников. Поэтому для республиканского флота были выгоднее ночные действия, а для мятежников — дневные.

Однако республиканскому флоту приходилось действовать в очень трудных условиях. У него не было состава, который почти весь перешел на сторону мятежников; пришлось создавать его заново. Боевая выучка была на низкой степени — пришлось учиться и тренироваться. А главное то, что в испанских водах находились многочисленные военные суда интервентов, оказывавшие сначала замаскированную, а затем и явную поддержку мятежникам.

Они создавали препятствия операциям республиканского флота, стремившегося помешать переброске мятежных войск из Марокко, способствовали снабжению войск мятежников и препятствовали снабжению республиканских войск оружием и снабжению населения продовольствием. Лондонский Комитет по невмешательству делал вид, что ему ничего не известно, и оказывал прямое попустительство интервентам. С конца 1937 г. флоты интервентов начали широкую блокаду республиканских портов. Морской контроль с участием представителей интервентов, созданный Комитетом по невмешательству, являлся чистойшей комедией.

Республиканский флот оказывал поддержку войскам, действовавшим в северных провинциях. С потерей Бискайского побережья и части побережья Средиземного моря, после выхода на него мятежников, создалась крайне тяжелое положение для республиканских войск и населения во вторую половину войны.

Создание, вооружение, обучение и управление флотом труднее и больше, чем армией и авиацией. Овладение

сложной передовой техникой морских сил и правильное тактическое и оперативное применение их — наиболее трудная задача и требует подготовки кадров и времени. Как это, так и неблагоприятная политическая обстановка при наличии подавляющего превосходства флота интервентов сделали то, что флот мог выполнить весьма ограниченные задачи, далеко не соответствующие тому значению, которое имела морская сила в испанской войне.

Тем не менее, республиканский флот достиг некоторых успехов в борьбе с флотом мятежников. Но флоты интервентов и политика «невмешательства» Англии и Франции не допустили выполнить главную его задачу — обеспечить морские сообщения и освободить от морской блокады республиканское побережье.

С конца 1937 г. и в дальнейшем все усиливалось реакционное настроение среди комсостава республиканского флота. Всей реакционной работой во флоте руководил бывший военный министр Прието и его ставленники¹. С руководящих постов снимались лица, выдвинутые в первый период, изъяты были из флота моряки, расправлявшиеся со старым офицерством, которое с началом мятежа пыталось передать флот в руки генерала Франко. Часть бывших кадровых офицеров, которая заняла руководящие посты в республиканском флоте, не была заинтересована в победе республики, боялась развития революции и срывала мероприятия правительства.

По мере укрепления своего положения офицерский состав брал руководство в свои руки, стараясь проводить политику пассивного выжидания исхода войны на суше и не считал возможным рисковать флотом. Так думал и комфлота Убието. Большая часть приказов, отдаваемых флоту морским министром, или от его имени начальником Морского генерального штаба, не выполня-

¹ На фоне следующего абзаца это утверждение выглядит странно. Советские мемуаристы (в частности, Н.Г. Кузнецов), даже критически относясь к фигуре Прието, никогда не ставили под сомнение его профессионализм и верность республике. (Прим. ред.)

лась командующим флотом. Это оставалось безнаказанным вследствие нерешительности правительства. Предложение министра о снятии комфлота отклонялось Советом министров. К концу 1938 г. положение настолько обострилось, что можно было считать, что во главе флота стоят предатели, которые в тяжелый момент изменят республике.

В республиканской Испании не было единого командования вооруженными силами. Флот, базы, береговая оборона были подчинены министру национальной обороны, он же глава правительства. В оперативном отношении морские силы замыкались на начальника Морского Генерального штаба, который, не имея командных функций, должен был согласовывать вопросы с командующим флотом. Нежелание последнего вести активную борьбу приводило к срыву распоряжений и упущению ряда возможностей.

В конце 1938 года был образован Центральный Генеральный штаб с подчинением ему сухопутного Генерального штаба, Морского Генерального штаба и воздушных сил.

Только в конце января 1939 года, ко времени падения Барселоны, Убието был наконец-то снят с командования флотом — но зато с должности начальника Морского Генерального штаба был снят коммунист Прадо и назначен реакционный офицер. Но положение от этого не изменилось. Конец был уже близок: зрел мятеж в Картахене, с началом которого флот ушел в Бизерту, где и был интернирован.

Борьба на коммуникациях и блокада

Основной задачей республиканского флота в течение всей войны было обеспечение морских коммуникаций. Первейшей задачей его было не допустить или помешать переброске войск из Марокко в Испанию, а затем обеспечить подвоз всех видов снабжения для фронта и тыла.

С потерей республиканцами побережья от границ Португалии до Малаги в начале 1937 г., контроль над

Гибралтарским районом окончательно перешел в руки мятежников. С потерей северных провинций в конце 1937 г. число республиканских портов, а, следовательно, и возможности снабжения извне, еще более уменьшились.

С начала войны почти все средства, необходимые для ведения войны, прибывали морским путем, поэтому действия на морских коммуникациях непосредственно влияли на ход борьбы на суше. Важнейшими путями для республиканцев были морские сообщения; с восточной частью Средиземного моря, с Францией, с портом Маон на острове Менорка и, наконец, между республиканскими портами вдоль восточного побережья Испании.

«Неизвестные» подводные лодки¹ топили транспорты, шедшие в республиканские порты. В начале замаскированное, а затем открытое участие флота интервентов обеспечивало движение транспортов в порты мятежников и все более парализовало движение транспортов в республиканские порты. В августе 1937 г. итальянский флот совершенно открыто выступал на стороне Франко, взяв под свое наблюдение коммуникации вдоль Средиземного моря.

После Нионского соглашения (сентябрь 1937 г.), направленного против действий «неизвестных» подводных лодок, флот мятежников установил блокаду, являющуюся формой концентрированной борьбы на сообщениях.

Мятежники смогли установить дальнюю блокаду республиканских портов, чему весьма благоприятствует характер западной части Средиземного моря с узкостями Сардиния — Сицилия — Мальта и район Гибралтарского пролива, где и расположились линии блокады — восточная и западная. На этих линиях днем и ночью находились суда мятежников и интервентов. На восточной линии блокаду несли крейсера, сторожевые суда, канлодки, а в районе Гибралтара — тральщики, минзаги и вооруженные рыбацкие суда. Агентурная сеть и разведка итальянской авиации весьма облегчала судам мятежников осуществление блокады.

¹ Это были итальянские подводные лодки, формально переданные в состав флота мятежников. (Прим. ред.)

С выходом войск мятежников к Средиземному морю и последовавшим за тем закрытием французской границы еще более сузились возможности снабжения республиканской армии военным снаряжением, сырьем и продовольствием. Имея базу на острове Майорка (Пальма) и хорошую информацию от агентурной сети и воздушной разведки, крейсера мятежников успевали своевременно выйти из Пальмы, чтобы отрезать путь транспортам в республиканские порты.

В результате же установления блокады в районе Сардиния — Сицилия — Мальта, движение транспортов их восточной части Средиземного моря в республиканские порты к концу 1938 г. совершенно прекратилось. Поэтому мятежники сняли блокаду в этом районе, перенесли деятельность крейсеров ближе к республиканскому побережью, опираясь на базу Пальму, а также в Атлантический океан, опираясь на базу Эль-Ферроль.

Борьба с восточной линией блокады была для республиканского флота непосильна вследствие большого удаления линии и выгодного расположения базы мятежников на острове Менорка, а также вследствие слабости подводного флота республиканцев и полного отсутствия у них морской авиации. Борьба с западной линией блокады затруднялась наличием выгодно расположенных баз мятежников в Кадисе и Сеуте, береговых батарей в проливе и густотой движения иностранных судов; это могло вызвать ошибки при атаке и политические осложнения. Этого республиканское правительство требовало всемерно избегать. Здесь республиканцы ограничивались действиями только подводных лодок и эсминцев.

Республиканские транспорты, шедшие самостоятельно, широко применяли маскировку. Республиканские эсминцы сопровождали транспорты, шедшие вдоль побережья или в порт Маон. Для движения транспортов через опасные районы выбиралось темное время. Иногда республиканский флот выходил для встречи и проводки транспортов, шедших из восточной части Средиземного моря, или производил диверсии для отвлечения флота мятежников.

Вследствие повреждений, причиненных нескольким республиканским кораблям воздушными налетами на Картахену в течение лета 1938 г., задача обеспечения морских сообщений с Францией и портом Маон, а также между республиканскими портами на восточном побережье, легла, главным образом, на эсминцы, подводные лодки и торпедные катера.

Обстановка потребовала организации постоянных конвоев, обеспечивающих движение республиканских транспортов, перевозивших войска и военное снабжение вдоль восточного побережья. В тех случаях, когда имелись сведения о выходе крейсеров мятежников из Пальмы, применялись атаки их бомбардировщиками береговой обороны и одновременно торпедными катерами. Эти атаки не причинили потерь судам мятежников, но отгоняли их и тем самым давали возможность проскользнуть транспортам.

После занятия Барселоны (26 января 1939 г.) и мятежа в Картахене (4–5 февраля 1939 г.), когда республиканский флот целиком ушел в Бизерту и был там интернирован, мятежники установили тесную блокаду побережья. Борьбу с блокадой уже некому было вести, и республиканская Испания была полностью изолирована. В общем, борьба за коммуникации и с блокадой в условиях испанской войны была непосильна для республиканского флота, и это обстоятельство послужило одной из главнейших причин истощения усилий и поражения республиканской Испании.

Борьба с флотом противника

Участие флота интервентов на стороне мятежников, сначала замаскированное, а потом явное, вкупе с попустительством Комитета по невмешательству создали невыгодное соотношение сил на море для республиканского флота. Ему пришлось считаться с гораздо более мощным противником на море, чем флот мятежников. Трудность отличить суда мятежников от судов интервентов и нейтральных, требование правительства не вызывать осложнений, а также отсутствие морской авиации сковывало рес-

публиканский флот во всех сторонах его боевой деятельности. Не менее способствовали этому предательская деятельность командующего флотом Убието и реакционного офицерства.

Все эти обстоятельства, как и слабость боевой подготовки и военного управления, явились причиной упущения многих благоприятных случаев для нанесения потерь противнику и оказания содействия армии. Необходимость конвоирования транспортов не позволяла выбрать удобное время и место для встречи с противником. Отсутствие воздушной разведки на море угрожало неожиданной встречей в невыгодных условиях.

Преимущество флота мятежников в крупной артиллерии и республиканского — в торпедном оружии, заставляло республиканцев считать противника сильнее днем, а себя — ночью. В бою 7 сентября 1937 г. республиканский флот показал превосходство своей артстрельбы, а ночной бой 6 марта 1938 г., в котором республиканцы потопили «Балеарес», свидетельствовал об успехах республиканцев и в торпедной стрельбе. Таким образом, при умелом использовании оружия республиканский флот мог бы рассчитывать на успех. Однако дальнейших встреч крупных сил обоих противников не последовало. Флот мятежников избегал их, а республиканский флот связывало отсутствие воздушной разведки и опасение оказаться в тяжелых условиях вследствие крупных потерь при слабости ремонтных и судостроительных средств.

Ночные поиски эсминцев и попытки атаковать ночью крейсера мятежников без поддержки своих крейсеров не имели успеха. Главным образом и торпедные катера, высылаемые в темные ночи, не имели встреч ни с транспортами, ни с боевыми кораблями противника. Не имели успеха и действия республиканских подводных лодок, высылаемых в районы важнейших действий транспортов противника или для блокады его баз.

За все время войны подводные лодки не причинили потерь противнику и только два раза имели возможность атаковать корабли мятежников. Неудовлетворительное техническое состояние подводных лодок, отсутствие подготовленных кадров, посылка в море в неисправном виде,

неумение использовать подводные лодки — были причиной гибели четырех республиканских подводных лодок (В-3 пропала без вести, В-6 повреждена самолетом и добита эсминцем у Эль-Ферроля, С-3 погибла при выходе из Малаги от взрыва, С-6 повреждена авиацией противника при захвате им Хихона и затоплена своей командой).

После боя 6 марта 1938 г. мятежники перенесли центр тяжести борьбы с республиканским флотом на действие авиации по судам, стоящим в базах. В течение лета 1938 г. усиленными и повторными воздушными налетами им удалось нанести повреждения нескольким кораблям и тем ослабить республиканский флот в период решающих боев на Каталонском фронте.

Таким образом, все упиралось в авиацию.

Авиация

Авиация интервентов в испанской войне сыграла весьма крупную роль. Как и флот, она оказала существенную помощь армии и флоту мятежников, причем на море она явилась фактором, обеспечивающим мятежникам борьбу за коммуникации, блокаду и действия против республиканских баз. Отсутствие воздушной разведки на море у республиканского флота заставляло его действовать вслепую.

Воздушные бомбардировки республиканских прибрежных городов, портов и баз военного флота причинили республиканской Испании огромные потери. Война показала, какую огромную опасность представляют воздушные атаки противника на корабли, стоящие в базах. С марта 1938 г. по февраль 1939 г. авиация интервентов при налетах на базы повредила два легких крейсера, несколько эсминцев и вспомогательных судов и целый ряд республиканских и нейтральных транспортов. В условиях возросшей воздушной опасности, особенно при слабом ПВО, стоянка судов в базе стала более опасной, чем пребывание кораблей в море.

Несмотря на большое число воздушных атак на суда в море, был лишь один случай попадания в свободно ма-

неврирующий корабль («Хайме I», и то на малом ходу в 14 узлов), причем самолеты были приняты за свои.

Большая часть воздушных атак на порты и базы производилась с моря и притом неожиданно, вследствие трудности выставлять посты ВНОС в достаточном удалении от базы, что заставляло выставлять особые корабли в море, рассредоточивать суда по базам; подводные лодки, выйдя из гавани, ложились на дно.

Днем налеты производились на высоте 5–6 тысяч метров, и судовая зенитная артиллерия была почти бессильна. Особенно опасны были бомбы с замедленными взрывателями, взрывающиеся на глубине даже вблизи кораблей. Интенсивные воздушные налеты на Барселону дезорганизовали, а под конец парализовали работу военных заводов, портовых сооружений и промышленных предприятий, что ускорило падение Барселоны.

Оборона республиканского побережья

Береговая оборона республиканского побережья, кроме Картахенского сектора, состояла из устарелых недалекобойных орудий и не являлась серьезным препятствием для флота мятежников, а потому вся тяжесть обороны побережья ложилась на флот и армию и отчасти на авиацию.

Торпедные катера (мореходные, килевые с зенитным вооружением) оказались, как показал опыт, весьма эффективным средством обороны баз и побережья. Крейсерства республиканских торпедных катеров сильно стеснили у республиканского побережья активность флота мятежников, которые боялись атак торпедных катеров, особенно ночью. Равным образом, когда у республиканского побережья на позиции были подводные лодки, крейсера мятежников не рисковали подходить близко. Зная, что у побережья находятся торпедные катера и подводные лодки, флот противника мало прибегал к обстрелу флангов армии.

Оборона участков побережья и охрана прибрежных фарватеров находилась в руках командира охраны водного

района. В каждом порту и базе были флотилии, имевшие в своем составе тральщики и катера — охотники за подводными лодками.

Республиканский флот на протяжении войны имел ряд удачных действий, но сложность международной обстановки, отсутствие единого командования, наличие реакционных лиц на руководящих постах и, под конец, нехватка вооружения, главным образом, торпедного, препятствовали республиканскому флоту действовать энергично и эффективно.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ I

М.В. Фрунзе

ЕВРОПЕЙСКИЕ ЦИВИЛИЗАТОРЫ И МАРОККО¹

ПРЕДИСЛОВИЕ

Марокко всегда было одним из больных мест мирового империализма. На протяжении двух последних десятилетий события, вспыхивавшие в этом небольшом уголке северо-западной Африки, не раз уже грозили зажечь пламя мирового пожара. Эту свою роль Марокко не утратило и сейчас. Как раз напротив — положение там стало еще более сложным и острым, а потому и более опасным для системы мирового капиталистического равновесия.

Неожиданный и потрясающий по своим размерам разгром испанских войск риффанцами, организация в результате этого разгрома на территории испанской зоны «свободного государства» Рифф во главе с талантливым вождем Абд аль-Керимом, волнения во французской зоне и начало франко-риффской войны, новые обострения в связи с этим в лагере империалистических держав, широкий отголосок риффанских побед во всем мусульманском мире — все это с особенной силой притягивает всеобщее внимание к марокканским событиям. Значение их далеко выходит за пределы самого Марокко и даже всей Северной Африки. Здесь важнейший узел мировых капиталистических противоречий. Здесь вместе с тем пункт, где под

¹ Впервые опубликовано: Военный вестник, 1925 г. (под псевдонимом М. Мирский).

грохот оружия, по существу, решается судьба колониального могущества всех западноевропейских стран и в первую очередь судьба африканской колониальной империи Франции. Помимо общеполитического значения, война в Марокко представляет немалый и чисто военный интерес.

Здесь впервые после окончания Мировой войны мы имеем перед собой опыт военных операций, проводимых в довольно широком масштабе и с применением всех новейших технических средств. При всей своей узости, односторонности и ограниченности опыт этот может дать немало полезного материала для суждения о характере будущих массовых военных операций современных армий. Роль «живой силы» и «техники», относительное значение отдельных родов оружия, вопросы маневренности и позиционности, война и политика и т.д. получают в свете этого опыта ряд новых конкретных данных, облегчающих их разработку.

Из указанного ясно, какой обширный и разносторонний материал может дать нашей военной мысли изучение опыта марокканской войны. К сожалению, наша военная литература особого интереса к этому делу не проявила. Это несомненная ошибка. Войной в Марокко надо и стоит интересоваться.

Цель настоящих очерков — дать некоторый материал по этому вопросу. Первые пять из них были написаны осенью минувшего года под свежим впечатлением разгрома испанской армии в конце лета 1924 г. К сожалению, по ряду причин они не были тогда напечатаны. Позднее же они просто были мною позабыты. Только теперь, когда марокканские события вновь привлекают внимание всего мира, я вспомнил о них и решил опубликовать, дополнив их еще двумя главами, относящимися к позднейшим событиям и написанными в июле текущего года.

I. БОРЬБА МАРОККО С ЕВРОПЕЙЦАМИ ДО НАЧАЛА XX СТОЛЕТИЯ

Борьба марокканцев с европейцами не является новостью последних лет. Уже издавна, с момента создания и укрепления в Западной Европе торгового капитала и воз-

никновения первых национальных государств, европейские культуртрегеры появляются на территории Марокко и начинают свою цивилизаторскую работу. Две главные причины толкали их сюда: во-первых, чрезвычайно выгодное стратегическое положение страны, расположенной у одного из важнейших узлов мировой торговли, и, во-вторых, ее огромные естественные богатства. Марокко, особенно в береговой своей части (так называемая «Телль»), отличается изумительным плодородием почвы, великолепными пастбищами и климатом, вполне благоприятным для европейцев. Это — та «отдаленная Мавритания», которая в свое время была одной из самых богатых житниц Римской империи.

Помимо этого, страна обладает значительными богатствами металлов и минералов. Здесь крупные залежи железной, свинцовой и медной руды, каменной соли, марганца и фосфатов, и если по ряду причин разработка их пока сравнительно незначительна, то будущие перспективы широки. Наконец, здесь большие леса ценных древесных пород.

Неудивительно поэтому, что Марокко уже издавна стало объектом захватнических стремлений со стороны его северных европейских соседей и не раз подвергалось нашествию неприятельских армий.

Такие попытки начались еще с XV столетия. Сперва португальцы, а в следующем столетии и испанцы, окрыленные успехами в борьбе с маврами, предпринимают ряд экспедиций для завоевания Марокко.

Первоначально эти набеги, благодаря внутренним междоусобицам и религиозным распрям в стране, увенчиваются успехом. Португальцы к началу XVI столетия успевают построить опорные пункты по всему Атлантическому побережью Марокко. Испанцы почти одновременно укрепляются на берегах Средиземного моря. Эти экспедиции сопровождались невероятными жестокостями и насилиями над покоренными туземными племенами. Это было не только в практике, но и в «принципах» той «христианнейшей» эпохи европейского цивилизаторства. Однако вскоре туземное население начинает борьбу с пришлыми хищниками.

Население Марокко неоднородно. Главную его массу — не менее двух третей — составляют аборигены страны — берберы, или, как их называют, «кабилы». Это племена той же национальности, что населяют в большинстве две другие французские колонии — Алжир и Тунис. Вторую по численности группу образуют арабы — потомки завоевателей страны, давших ей единую религию и единый литературный язык. Затем идут мавры (потомки беженцев из Испании), негры, евреи. Европейцы — сравнительно небольшое количество — живут, главным образом, на побережье и по большим городам. Общая численность населения современного Марокко точно не установлена — в среднем считается около 6 млн человек.

Берберы и арабы — природные воины. Скромные в потребностях, сильные и выносливые, с детства приучающиеся владеть оружием, необычайно храбрые и предприимчивые, они представляют великолепный боевой материал. Если бы не внутренние раздоры, связанные с сохранившимся в неприкосновенности и доныне первобытно-родовым патриархальным строем, то эти племена, сплотившись, представляли бы несокрушимую силу. И эту потенциальную силу не раз пришлось испытать на себе алчным конквистадорам.

Первыми испытали ее португальцы. Ряд крупных поражений, понесенных последними в начале XVI в., завершился в 1578 г. разгромом целого экспедиционного корпуса, рискнувшего, под начальством самого короля, углубиться в страну. В ожесточенном бою у города Эль-Ксар-эль-Кебира португальцы были разбиты наголову, причем погиб и сам король. Этот удар парализовал окончательно наступательную энергию португальцев. Шаг за шагом они оставляют захваченные позиции и, утомленные продолжительной, дорого стоящей, но безуспешной борьбой, в 1769 г. покидают свою последнюю колонию на западном берегу Африки — форт Ма-Цаган. Таким образом, борьба марокканцев с их первым историческим врагом оканчивается полным успехом. Судьба испанцев была немногим счастливее. Все многочисленные экспедиции, предпринимавшиеся ими на протяжении четырех столетий, не только не принесли Испании ни славы, ни выго-

ды, но отразились самым губительным образом на благосостоянии самой метрополии. К началу нынешнего столетия испанцам удалось удержать за собой только несколько опорных пунктов на средиземноморском побережье (Сеута, Мелилья, Альхусемас, Велесдель-Гамера) без всякого «хинтерланда». Территория независимых племен начиналась сейчас же за чертой этих городских поселений.

Таким образом, и из этой борьбы Марокко выходит победителем.

Какими же причинами объясняется такая безуспешность усилий двух могущественнейших держав тогдашней Европы?

Их три. Первая — колониальный характер войны для Португалии и Испании. Вторая — энергия и упорство сопротивления со стороны многомиллионного и храброго населения. И третья — природные условия страны.

Рассматривая операции в Марокко как одно из своих многочисленных колониальных предприятий, обычно не вызывавших больших финансовых и военных усилий, пиренейские завоеватели с этим же масштабом подходили к Марокко. В связи с этим их борьба носила скорее характер разбойничьих набегов, чем планомерных, систематических военных операций масштаба настоящей большой войны. Между тем силы противника, опиравшегося на исключительно выгодные для обороны природные условия страны, далеко превосходили те ресурсы, которыми располагали завоеватели.

Поверхность Марокко в большей своей части чрезвычайно гориста. Почти вся страна заполнена возвышенностями огромной горной системы — Атласа, тянущегося в направлении с северо-востока на юго-запад (от границы Алжира до устья реки Сус) и являющегося на протяжении почти тысячи верст основной ее осью. Цепь Большого Атласа с его снеговыми вершинами до 12 000 футов высоты сопровождается двумя горными массивами меньшей величины: на юге (к Сахаре) — Малым Атласом, со средней высотой около 6500 футов, и на севере — Средним Атласом, идущим вдоль главной цепи почти параллельно морскому берегу и упирающимся в Средиземное море у устья самой большой реки

Марокко — Мулуя. Средняя высота этого хребта достигает 10 000 футов.

Наконец, самая северная часть Марокко, как раз входящая сферу испанского влияния, занята возвышенностями, — составляющими так называемую Риффскую горную цепь. Этот дикий горный район, населенный воинственными берберами, и представляет ту неприступную цитадель, о которую разбивались четырехсотлетние завоевательные усилия испанцев...

Завоевание Марокко — задача до крайности трудная. Для решения ее требуется колоссальная выдержка, настойчивость, определенный план и система борьбы и, конечно, большая затрата людских и материальных ресурсов. Наскоком и техническим превосходством, как это европейским цивилизаторам удавалось с большинством их колониальных предприятий, тут ничего не поделаешь.

Такой планомерности и выдержки не оказалось ни у португальцев, ни у испанцев, результатом чего явилось полное крушение их завоевательных планов. Было нужно появление другой исторической силы, чтобы результаты борьбы изменились. Эта сила и выступила на сцену в начале XX столетия в лице империализма «Третьей республики».

С этого момента начинается новая историческая фаза борьбы многострадального Марокко за свою независимость — фаза, несравненно более трудная и опасная, ибо отсталая, живущая в первобытных условиях страна подвергается на этот раз нападению противника, обладающего неисчислимыми материальными средствами, располагающего всей мощью современной гражданской и военной техники. Новый враг опирается на крепкий, хорошо организованный тыл, способен на длительную, систематическую борьбу и потому опасен вдвойне. Исход как будто бы уже предрешен. Так бы, конечно, и было, если бы одновременно с этим не сказывалось действие и других сил. Это, во-первых, отсутствие единства в международном капиталистическом лагере и, во-вторых, выступление на сцену нового могучего фактора в лице мирового пролетарского движения. Действие этих сил

сказывается на общем ходе событий и может в дальнейшем придать им самое неожиданное для империалистов направление

II. МАРОККО В НАЧАЛЕ XX СТОЛЕТИЯ.

НАЧАЛО БОРЬБЫ С ФРАНЦУЗАМИ.

УТРАТА НЕЗАВИСИМОСТИ

Первые военные столкновения марокканцев с французами относятся к 1844 г. Поводом к ним послужила поддержка, оказанная Марокко алжирскому эмиру Абд аль-Кадиру, боровшемуся с французами за независимость своей страны.

Абд аль-Кадир — один из крупнейших мусульманских деятелей прошлого столетия. Ему удалось объединить под своей властью все разрозненные кабилские племена Алжирии и в течение почти 20 лет с успехом сопротивляться сильнейшему противнику. Под его начальством алжирские кабилы не раз наносили жестокие поражения французским войскам. История Абд аль-Кадир удивительно напоминает историю его земляка Абд аль-Керима, явившегося в наши дни продолжателем его дела. Для наказания марокканцев французское правительство организовало военную экспедицию. Значительные французские силы под командой маршала Бюжо вторглись в пределы Марокко со стороны Алжирии и на реке Исли 14 августа разбили нестройные полчища берберов. В то же время французский флот подверг бомбардировке важнейшие марокканские гавани — Танжер и Могодор. Далее вплоть до 1851 г. происходили лишь мелкие столкновения.

На этот раз Франция никаких приобретений за счет Марокко не делала — у нее было достаточно хлопот и с Алжиром. Но, утвердившись в последнем, французский империализм не замедлил обратить свои взоры на соседнюю территорию богатого султаната, захват которой не представлял, казалось, больших затруднений, обещая в то же время массу экономических выгод.

Со второй половины XIX столетия Франция, пользуясь пограничными инцидентами и слабостью власти в стране, систематически распространяется в глубь Марокко, захватывая или подчиняя своему влиянию один район за другим». К началу нынешнего столетия, заняв ряд оазисов северо-западной Сахары (Туат, Тафилелът и др.), непосредственно прилегающих к Марокко, французы охватили последний своими владениями с востока и юга. Одновременно с военным нажимом французы методически работали над укреплением своего экономического и политического влияния внутри страны. Глава власти, марокканский султан, бессильный в борьбе с многочисленными народными выступлениями, нередко устраивавшимися на деньги и по наущению той же Франции, вынужден был обращаться к ней же за помощью. Этим путем к началу нынешнего столетия Франции удалось довольно основательно прибрать к рукам центральную власть Марокко в лице его безвольного султана Абдул-Азиза. Но эти успехи французского империализма не замедлили вызвать вмешательство ряда других держав, желавших погреть руки у чужого костра. Главными конкурентами явились Англия и Германия. Начинается склока и драка международных хищников из-за не принадлежащего им добра.

С Англией вопрос разрешается соглашением 8 апреля 1904 г., причем ставкой со стороны Франции явился Египет, не принадлежавший ей, как и Марокко. Признав за Великобританией право распоряжаться и грабить Египет, Франция в обмен получила такое же «право» по отношению к Марокко.

Но тут выступила на сцену Германия. Она отказалась признать англо-французское соглашение и настояла на пересмотре вопроса, в результате чего была созвана Альхесирасская конференция 1906 г. Здесь была подтверждена формальная независимость Марокко и вместе с тем политическое и экономическое равноправие всех заинтересованных в вопросе держав. Однако на деле от этого соглашения вскоре ничего не осталось, так как Франция, получившая совместно с Испанией право наблюдения за выполнением Альхесирасского договора, использовала его

настолько ловко, что очень быстро прибрала к рукам большую часть страны. Повод к этому дали события, развернувшиеся в это время внутри самого Марокко. Известия о сделке, состоявшейся в Альхесирасе между претендентами на господство в стране, скоро широко распространились среди населения и вызвали сильнейшее возмущение против правительства султана, пошедшего на позорную сделку с грабителями. Как обычно бывает в таких случаях, народ сам взялся за дело и свергнул султана Абдул-Азиза, бывшего безвольным орудием французской политики. Престол переходит к брату султана Мулай-Гафиду, стоявшему во главе оппозиции.

Но народ оказался снова обманутым: новое правительство, зависевшее от иностранного капитала и жившее за счет тех же подачек, пошло, как и старое, по пути предательства национальных интересов страны и признало Альхесирасский трактат.

Подлое поведение правительства вызвало новый взрыв народного гнева, направленного против Мулай-Гафида и его «покровителей». В ряде городов вспыхивают восстания. Многие племена целиком берутся за оружие. Иностранцы подвергаются нападениям.

Все это дает Франции широкую возможность использовать предоставленные ей Альхесирасской конференцией полицейские права для укрепления своих собственных позиций в стране.

В 1907 г. французы занимают порт Касабланку и в течение последующих двух лет значительно расширяют оккупационную зону всё под тем же предлогом ограждения безопасности европейцев.

Вспыхнувшее в начале 1911 г. всеобщее восстание марокканских племен и провозглашение в городе Мекнесе нового султана Мулайэль-Цина, брата царствующего Мулай-Гафида, ввергает страну в состояние полной анархии и открывает для французской предприимчивости новые широкие горизонты.

Эту возможность половить рыбу в мутной воде французы использовали очень умело и энергично. В результате ряда походов, боевых столкновений, а больше всего — подкупов главарей, восстание затихает, в руках же французов

оказывается огромная часть Марокко вместе с окончательно продавшимся французскому капиталу султаном и его армией. Правительство «Третьей республики» уже торжествовало победу — целая страна со всеми своими богатствами попадала в руки победителя и сулила неисчислимые барыши.

Но торжество оказалось непродолжительным. Ему вскоре был нанесен удар сразу с двух сторон. С одной стороны, победителю опять предъявила счет Германия, а с другой — марокканцы показали, что они отнюдь не собираются хоронить свою независимость.

В августе 1911 г. в марокканском порту Агадир появляется и бросает якорь немецкая канонерка «Пантера». Одновременно с этим испанцы занимают ряд пунктов в северном Марокко.

Этот «прыжок Пантеры», как фигурально выражалась тогда буржуазная пресса, был ударом грома среди казавшегося ясным неба империалистического равновесия. В воздухе запахло порохом. Вся Европа пришла в движение. Все сильнее и сильнее стало раздаваться вызывающее бряцание оружием по ту и другую сторону Рейна. Французский хищник, вцепившийся в тело своей жертвы, злобно и вместе со страхом встретил появление соперника. Добычу отдать было жалко, но и вступить в бой казалось рискованным.

В результате — уступки и новая сделка рабовладельцев за счет марокканцев и негров далекого Конго. Франция получает протекторат над большей частью Марокко в обмен за уступленные Германии части Французского Конго. Северное Марокко с городами Тетуан, Лараш и др. образует зону испанского влияния. Портовый город Танжер с небольшой прилегающей к нему территорией образует третью зону с особым интернациональным режимом, под номинальной властью султана.

Это было 11 ноября 1911 г. В этот день заправили буржуазного мира формально упразднили независимость Марокко. Марокканское правительство с этим легко примирилось. Но не так поступил народ.

В апреле 1912 г., сейчас же после обнародования договора о протекторате, население, оскорбленное в своих на-

циональных и религиозных чувствах, почти поголовно хватается за оружие. На этот раз движение началось с самой столицы страны — города Феса, причем инициаторами восстания явились «собственные войска» султана. Так было положено начало ожесточенной народной войне, ряду кровавых карательных экспедиций, кошмарных погромов и насилий, составляющих историю современного Марокко.

III. МАРОККО — ПРОТЕКТОРАТ. УТВЕРЖДЕНИЕ ФРАНЦУЗСКОГО ГОСПОДСТВА. ВОЕННЫЕ ОПЕРАЦИИ

Со времени окончательного подчинения Марокко иностранному капиталу прошло 15 лет, считая началом этого подчинения фактическую оккупацию большей части территории французами в 1909 г.

Срок — немалый. За это время могли уже полностью проявиться те «благоденствия», которыми западная цивилизация хотела — правда, против воли опекаемых — осыпать неразумных детей Востока. В чем же выразились «дары» новой культуры?

Прежде всего — в страшнейшем опустошении и разорении страны. Все эти 15 лет ушли на открытую, ни на один год не прекращавшуюся борьбу с различными непокорными племенами. Методы, посредством которых проводилась эта борьба, превращали ряд районов в безлюдные пустыни, обрекая жителей на голод и вымирание. О сущности этих методов можно судить по следующим официальным справкам. Официальное французское наставление для боевых действий экспедиционных отрядов гласит:

«Все репрессии должны проводиться немедленно и сурово. Нельзя останавливаться перед сожжением деревень и посевов, так как опыт показал, что великодушные столкновываются как слабость и побуждают марокканцев к новым нападениям».

Эта директива точно определяет характер французских операций в Марокко. Там происходило медленное, систематическое истребление всех, кто не желал подчиниться

власти пришлых порабощителей. Метод борьбы, усвоенный французами, сводился к постепенному, планомерному и прочному закреплению за собой важнейших политических и экономических центров, где ставились крупные гарнизоны, и к системе ежегодных, периодически совершаемых карательных экспедиций против так называемых «непокорных» племен.

Вот обычная картина действий экспедиционных отрядов. По заранее составленному плану отряд вторгается на территорию «непокорного» племени; преодолевает военное сопротивление повстанцев и захватывает их населенные пункты. Уничтожив, согласно инструкции, посевы, жилища и вообще все имущество побежденных, отряд оттесняет остатки последних к диким горным тущобам (обычно действия происходят в горах). Чтобы не дать им возможности выбраться оттуда, у выходов и вообще во всех узловых пунктах путей сооружается система постоянных укреплений в виде блокгаузов и отдельных фортов, снабженных соответствующими гарнизонами. Несчастным туземцам, загнанным в горы, остается или сдаваться или погибать с голоду.

Ожесточение с обеих сторон — невероятнейшее. В том же наставлении мы читаем: *«Они (т.е. марокканцы) никогда не берут пленных, уродуют раненых и мертвых, — следовательно, всегда надо подбирать своих раненых и убитых»*. Здесь идет война на истребление. И такая война идет непрерывно с начала французской оккупации вплоть до последних дней. Правда, французский диктатор в Марокко маршал Лиотэ не раз для успокоения французских рантье объявлял, что к такому-то сроку страна будет усмирена, окончательно превратится в «*Magos utile*» («полезное Марокко») и начнет давать долгожданные проценты. Но пророчества почтенного маршала оказались не совсем удачными. Вплоть до последней вспышки ожесточенной войны с риффанцами военные операции во французской части Марокко не прекращались, не давая в то же время решающих результатов.

Еще в 1920 г. Лиотэ представил правительству и парламенту программу «пацификации» Марокко, обещая осуществить ее в трехгодичный срок. Таким образом, 1923 год яв-

лялся конечным сроком покорения последних не признавших еще власти Франции марокканских племен. Программа эта осталась невыполненной, хотя известных результатов в деле укрепления своего положения французы все же добились.

Наибольшую опасность для французского владычества представляла горная центральная часть Марокко к югу от городов Феса и Тазы, известная у французов под названием «Tache de Taza» («Тазское пятно»).

Занимая всю восточную половину массива Среднего Атласа, между средним течением реки Мулуя и меридианом города Мекнеса, это «пятно» представляло большую стратегическую опасность, так как непосредственно угрожало сообщению Марокко с Алжиром по единственной железнодорожной магистрали Фес—Таза—Ужда—Оран—Алжир. В то же время это был наименее доступный для французов район, заполненный горными плато и изрезанный дикими глубокими ущельями, — настоящая цитадель центрального Марокко.

Трудности увеличивались еще потому, что одному из вождей — «марабу» (святому) Моханд-Ульд-Белькамсе-Азруаду — удалось объединить под своей властью ряд воинственных племен центрального Марокко (бени-уарен, аит-чегушан, мармуша, бениалагам и др.). Эти племена, гордые тем, что никогда не признавали над собой ничьей власти, избрали военных вождей, заключили тесный союз и энергично стали готовиться к последней и решительной борьбе за свободу. Другими неприятными для французов «пятнами» на карте Марокко являлись области реки Уэрги (приток Себу) в северной, сопредельной с испанской зоной, части Марокко и район Гадла (области Марракеша).

В обоих этих районах, тоже довольно значительных по территории, малодоступных и населенных такими же воинственными племенами, многолетняя борьба до сих пор не дала решающих результатов. Особую опасность представляли Таза и Уэрга в силу соседства с вечно мятежным и гордым своими победами над испанцами «Риффом». Это — главные центры сопротивления. Помимо них, почти по всей территории горного Марокко имеется ряд

пунктов, далеко еще не «умиротворенных» и требующих неустанного наблюдения.

Весной 1923 г. директивой французского генерального резидента в Марокко (маршала Лиотэ) экспедиционным войскам было предписано:

«Действуя твердо и решительно, используя все свободные силы и средства Марокко, уничтожить большой остров непокорных, именуемый «Tache de Taza» и тем окончательно обеспечить главную железнодорожную артерию Фес—Таза—Уджада, соединяющую Марокко с Алжиром».

Попутно была поставлена задача по покорению и двух других упомянутых выше районов. Директива, между прочим, упоминала, что в связи с твердым решением правительства уменьшить в 1924 г. численность французского экспедиционного корпуса в Марокко поставленные задачи должны быть выполнены во что бы то ни стало.

Подготовка к операциям была начата задолго и была тщательно разработана. Были не только собраны все более или менее свободные силы Марокко, но привлечены и алжирские гарнизоны. В результате создалась маневренная армия численностью до 30 000 бойцов, снабженная многочисленной артиллерией (75- и 65-мм), кавалерией, мощной техникой (авиация, танки) и многочисленными вспомогательными туземными отрядами. Из этого числа свыше 20 000 солдат плюс 3 000 местных партизан, разделенные на четыре отряда, были направлены с разных сторон на «Пятно Тазы». Против этих огромных сил марокканцы могли выставить в общей сложности не более 7–8000 бойцов, вооруженных разнокалиберными винтовками. Если добавить, что, кроме оружия и боеприпасов, добываемых у противника, марокканцы не имели других средств военного снабжения, то соотношение сил станет еще более поразительным. Но взамен этого у них были знание местности, ловкость маскировки, необычайная меткость стрельбы, безумная храбрость и готовность умереть за свою свободу. Высокая мораль, опирающаяся на природу, против численности и мощной техники! Величины, на первый взгляд, совершенно несоизмеримые. Но, как увидим дальше, техника и численность все-таки не могли

полностью решить дело. Операции начались в апреле одновременно в районах Тадлы и Тазы.

В районе Тадлы, после многих предварительных схваток, главные силы берберов были разбиты в боях на реке Дрене, и французы заняли к концу мая пункты, господствующие над убежищами повстанцев. Исход главного боя, как видно из французского официального донесения, решила техника:

«Несмотря на чрезвычайные трудности местности, покрытой высокими горами, изрезанной крутыми ущельями, среди лесистых утесов, занятых искусными стрелками противника, наши войска достигли всех поставленных целей и опрокинули врага, изумленного отвагой нашего наступления. Скашиваемые нашей артиллерией и пулеметами, бомбардируемые авиацией, которая в продолжение 12 часов не переставала господствовать в воздухе, отряды Аит-Могенда и Абд аль-Ули тщетно старались задержать наше продвижение. Противник был отброшен к югу в глубокие горы с очень большими потерями».

Однако надо иметь в виду, что успех еще не заканчивает задачи. Начинается как раз наиболее трудная ее часть — закрепление занятых пунктов и затем отвод главных сил французов. Это будет сигналом для новых атак противника. И до тех пор, пока последний не изъявит покорности и не сложит оружия, район не может считаться усмирненным.

Что же касается главного — тазского направления, то здесь для французов обстановка сложилась гораздо менее удачно.

Операции, начатые в мае, продолжались до самой глубокой осени, сопровождаясь почти непрерывными столкновениями. Многие из этих боев по своему упорству и размерам введенных в дело сил вполне походили на настоящие сражения большой войны. Так, например, в бою при Иосука-бу-Камудже (9 июня) со стороны французов принимало непосредственное участие 14 000 регулярных бойцов и 2000 партизан против 5000; туземцев, занимавших сильные оборонительные позиции. В результате упорного 14-часового боя французы одержали победу, но с большими потерями — 64 убитых и 194 раненых.

В другой битве, при Эль-Мерсе (24 июня), считающейся у французов за «самое горячее дело», когда-либо имевшее место в Марокко, потери французских войск были: 61 убитый (в том числе 5 офицеров) и 178 раненых. Потери берберов, по данным французов, в обоих случаях были в несколько раз больше.

И такого рода сражения за все время экспедиции были довольно обычным явлением. В отношении действий различных родов оружия надо отметить исключительную роль, которую играла авиация и отчасти бронемашины. Авиация, по свидетельству французов, оказывала неоценимые услуги, *«поддерживая связь между отдельными колоннами, служа вернейшим средством разведки и в то же время непрерывно расстреливая противника из пулеметов в бок».*

Несмотря на ряд крупных тактических успехов, достигнутых французами, все же намеченная задача ими не была выполнена. Почти все непокорные племена, оттесненные в глухие горы, продолжали сопротивление и не собирались капитулировать. На долю гарнизонов сети вновь созданных укреплений выпадает труднейшая задача: выдерживать отчаянные атаки противника, которые неизбежны с уходом «летучих колонн». Французское командование и само не склонно было переоценивать достигнутые результаты; это видно хотя бы из следующей характеристики положения в Марокко, данной военным обозревателем газеты «La France Militaire» в номере от 11 марта 1924 г.:

«Пятно Тазы не исчезло, но заметно уменьшилось. Говоря правду — подчинившихся очень мало; впрочем, зима позволяет рассчитывать на более серьезные результаты, ибо все эти затраченные нами усилия дали возможность занять большую часть культурных земель и зимних кочевий главных непокорных племен. Однако вблизи нашей новой линии фронта существуют “карманы”, которые надо очистить, долины, которые надо занять, и островки, которые надо снести. И если захотят и дальше проводить эти простые исправления фронта, то так или иначе здесь потребуются не простые полицейские меры, но настоящие военные действия большими материальными средствами и количеством бойцов не менее 8 батальонов».

В другой статье, посвященной военным перспективам на 1924 г., мы находим еще более меланхолические строки:

«Следует задаться вопросом, не будет ли благоразумнее при настоящем положении дел в Марокко, столь обездоленном, по нашему мнению, даже чересчур обездоленном в силах, на время совершенно “стабилизироваться”, по крайней мере, на южном фронте — в районе Среднего Атласа, и дать непокорным, уже чувствующим себя плохо, “поостыть в нищете”. При помощи умной и активной политики нам, может быть, в течение 2–3 следующих лет и удастся их подчинить, хотя бы “собирая по каплям” и не рискуя случайностями войны, которой мы уже знаем цену. Наконец, уменьшение наших кредитов и наших свободных ресурсов, по-видимому, нам даже и не позволит вести эти дорогостоящие операции». («La France Militaire» от 20 мая 1924 г.).

Полное признание неудачи кампании 1923 г. и далеко не радужная оценка дальнейших перспектив! Даже для богатой Франция становятся не под силу «эти дорогостоящие операции»!

Такое положение во французской части Марокко продолжает существовать и по сей час. Оно «стабилизировалось», но не так, как хотел маршал Лиотэ, — не на основе полной покорности страны, а на почве отказа оккупантов от фактического занятия ряда территорий. Такая «стабилизация» не очень надежна, и при малейшем толчке все может опрокинуться вверх дном. Толчки же эти очень и очень возможны. Откуда они могут последовать, скажем несколько позже.

При всем изложенном выше нельзя отрицать, что известных и относительно крупных успехов французы все же добились.

IV. ОСНОВНЫЕ ПРИЧИНЫ ФРАНЦУЗСКИХ УСПЕХОВ. ДАЛЬНЕЙШИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ФРАНЦУЗСКОГО ГОСПОДСТВА В МАРОККО

Чем же объясняются эти успехи и затем — каковы дальнейшие перспективы французского империализма в Марокко?

Основных причин французских успехов четыре: неорганизованность сопротивления, войско, деньги и умелая политика завоевателей. Первая из них является главной. Если бы при своих высоких качествах население Марокко боролось сколько-нибудь сплоченно, то успехи французов не могли бы быть столь значительными. Не говоря уже о предательстве «верхов», даже те силы, которые вели борьбу, никогда не выступали организованно. Здесь сказался результат патриархально-родового уклада большинства населения страны. Отдельные племена вели борьбу на свой страх и риск, мало заботясь о соседях. Благодаря этому французам в каждый данный момент приходилось иметь дело с небольшими сравнительно враждебными силами, что до чрезвычайности упрощало задачу.

Что касается войск, то мы уже говорили о тех значительных войсковых силах, которые французское командование использовало в операциях 1923 г., а это только часть войск, которыми располагают в Марокко французы.

По своему составу все эти войска разделяются на три группы:

1. Французские — регулярные. Они состоят из белых частей (французы и иностранные легионеры) и туземцев Африки (сенегальцы, алжирцы, марокканцы). Общая численность войск: пехоты 89 батальонов¹, т.е. почти 7 полных дивизий; конницы — 24 эскадрона; артиллерии (полевой и горной) — 26 батарей. К этой же группе относятся все технические войска: инженерные, связь, авиация, бронечасты, которыми марокканская армия снабжена в изобилии.

2. Вспомогательные марокканские войска. Эту группу составляют формирования из местных туземцев, носящие самые разнообразные наименования: гумы, магзены, мегаллао.

Эти войска в большей своей части были составлены из элементов марокканской армии, расформированной

¹ В 1924 г. сокращена до 52 батальонов. Общая численность всех вооруженных сил французов в Марокко к началу 1924 г. определялась в 65 000 человек.

французами после ее восстания в 1912 г. Затем сюда же входят отряды, сформированные отдельными вождями племен и просто авантюристами из туземцев, поступившими на французскую военную службу.

По своей организации эти войска представляют величайшую пестроту, начиная от иррегулярных, чисто партизанского типа, бесформенных отрядов и кончая организованными вполне по-военному, с командным составом из европейцев. Общая численность вспомогательных войск, находившихся официально на французском военном бюджете, составляла в 1922 г. 15 892 человека. Фактически, особенно в моменты операций, их было гораздо больше. Вообще численность их всегда колебалась. В 1923 г. была проведена полная реорганизация этих частей на основе превращения их в регулярные войсковые соединения; пехота образовывала полки «марокканских стрелков», а конница — полки «марокканских спагов». Укомплектование — по вольному найму.

3. Третью группу составляют части «черной султанской гвардии». В нее входят: шесть полков пехоты, две полка кавалерии, две горные батареи, три роты саперных войск и одна рота связи.

Гвардия находится на особом положении и несет специальную службу при дворе султана. Численность ее доходит до 10 000 человек.

Таким образом, общая численность вооруженных сил, находящихся в распоряжении французского империализма в Марокко, представляет внушительную величину — до 75 000 человек. По своим боевым качествам это одни из лучших войск Французской республики. Состоя в огромном большинстве из уроженцев Африки, солдат по профессии, они представляют наилучший материал для боевых действий в этом крае, отличающемся такими особенностями. В отношении марокканских контингентов может возникнуть сомнение в пригодности их для борьбы с собственными земляками. Французы это, конечно, учитывают и принимают свои меры предосторожности. Они в туземные формирования вкрапливают белые части. Строго проводится правило, чтобы при операциях на каждые три батальона туземцев придавался один батальон европейцев

для парирования «возможных случайностей». Этот батальон обычно остается в резерве; вся тяжесть боя и все потери ложатся, главным образом, на туземцев. Технические войска почти сплошь состоят из европейцев. Наконец, надо отметить, что при феодально-патриархальном строе, характерном для большинства марокканских племен, национальное чувство последних не отличается особым развитием. Французская политика, направленная на подкуп наиболее влиятельных групп туземного населения, тоже дает свои результаты. Особенно умело используют французы племенную и религиозную рознь туземцев. В этом отношении чрезвычайно яркий и характерный пример представляют марокканские «партизаны». Партизаны эти не образуют каких-либо постоянных войсковых единиц. Партизан — это член известного племени, занятый обычно, как и все его единоверцы, мирным трудом и ничем особым не отличающийся от них. Он — только владелец лошади и винтовки и идет в «баруд» (бой) под предводительством своего «кайда» (начальника племени). Однако факт владения лошадью и винтовкой дает ему известный вес среди своих единоплеменников; он это понимает и чувствует некоторую гордость. Среди покоренных племен французы набирают подходящих «молодчиков», дают им винтовки и патроны, но взамен этого обязывают участвовать в операциях против враждебных французам племен. Кого с кем и как сравить, французы уже знают. Партизанские отряды формируются только на время той или иной операции, иногда даже только на отдельный период ее; вербовка, инструктирование, наблюдение за отрядами и управление ими в бою возлагаются на офицеров «бюро разведки» соответствующего района.

Задачи, возлагаемые на партизан, — это, главным образом, «атака врасплох», набеги и налеты на поселки «непокорных», конвоирование продовольственных и санитарных обозов, прикрытие рабочих отрядов, совместные действия с войсковыми «летучими колоннами» при наступательных действиях. Но при выполнении всех этих задач всегда имеется «поддержка» (на всякий случай!) в виде той или иной постоянной войсковой едини-

цы. Достаточно яркую и вполне откровенную характеристику всех этих «операций» дает французский капитан Тарри в своем очерке «Применение партизан в Марокко» («Revue de cavalerie», март — апрель 1923 г.). Вот она:

«Набеги — это тот род операций, который больше всего нравится самим партизанам, так как они всегда рассчитывают на добычу при удачном исходе дела. Пригнать в свой дуар (поселок) быков и баранов противника, привезти разное “добро”, награбленное в самих палатках врагов... это — триумфальный въезд среди радостных криков женщин, это — пирушка на несколько дней, что, конечно, не может не нравиться публике, живущей обычно по-нищенски. Накормиться до отвала за счет своего врага — разве это не высшее удовлетворение для марокканца, а может быть, и для того, кто его...»

Бравый капитан, увлекшийся своей ролью живописателя партизанских подвигов, так и не договаривает, кто это таинственный «кто его». Но в этом нет и надобности. «Кто его» — это те сотни лейтенантов и капитанов Тарри, которые формируют эти отряды бандитов и руководят их «героическими подвигами» в вышеизложенном стиле. Какой яркий образчик французского культуртрегерства дан этим, взятым из жизни и отвратительно-гнусным в своей искренней правдивости, рассказом капитана! Но последуем дальше за ним в его рассказе:

«Наше продвижение в район “непокорных” выражается в занятии стратегических пунктов и, в особенности, участков, необходимых для экономической жизни враждебных нам племен, — пахоты, пастбищ, водоемов, рынков и т.п. Когда мятежники, оттесненные в горы, теряют свои последние клочки пашни и пастбищ, они должны уже сдаться; при затягивании сопротивления они рискуют погибнуть от холода и голода. Вот почему они и отваживаются бродить у самых наших постов и чуть не под дулами пушек собирать клочки травы, необходимой для корма спасенных быков и овец; тут-то и удобный случай нашим партизанам ударить внезапно на зарвавшегося противника...»

К этому описанию добавлять нечего. Оно говорит само за себя без всяких комментариев. А вот картинка и самой «операции»:

«Разведка обнаруживает, что противник пасет скот недалеко от французских постов и что охрана немногочисленна. Представляется удобный случай наказать оплошного врага и захватить большую добычу. В “деле” принимают участие вспомогательные силы ближайших постов — конные и пешие гумы, магзены... Офицерам-разведчикам отдается распоряжение мобилизовать партизан. Партизан собирают, снабжают оружием и патронами и держат готовыми выступить по первому сигналу. Офицеры-разведчики и туземные начальники, ориентированные заранее о противнике и о его стадах, подлежащих захвату, занимают исходные пункты. Начальник, руководящий операцией, назначает определенный день, и если данные разведки не изменяются и обстановка остается благоприятной, дает короткий приказ по телефону начать наступление. Начинают обычно через час после восхода солнца, т.е. в то время, когда скот выгоняют из поселков на пастбища. Партизаны с магзенами идут в голове, конные и пешие гумы, служащие поддержкой для первых, держатся сзади. Тщательно применяясь к местности, подкрадываются к стадам, не замеченные охраной. Партизаны разделяются на две группы: одна должна опрокинуть и уничтожить сторожевое охранение противника, другая — быстро угоняет захваченный скот. Момент атаки. Как сокол на зайца, наши партизаны с винтовками в руках бросаются на добычу. Пастухи, застигнутые врасплох, спасаются бегством или гибнут под пулями. Атакующая группа пронесется вперед и занимает гребень, ближайший к поселкам противника; в это время вторая группа во весь опор угоняет в тыл захваченный скот. От быстроты действий и зависит весь успех налета. При первых же выстрелах и криках пастухов со всех сторон сбегаются толпы врагов и бросаются в бой с яростью и отчаянием людей, видящих, как “христианские собаки” захватывают их последнее достояние. Однако надо действовать быстро и поскорее свертываться со всей до-

бычей, пока еще не вцепился противник. Как только стадо и партизаны бешеным аллюром проходят линию поддержки, созданную гумами, победа выиграна. Постовые пушки начинают работать, чтобы успокоить и облагородить преследователей... Партизаны уже начинают думать о своей доле добычи, которая для них, конечно, сохраняется. И вот триумфальное возвращение к своему племени, желанный момент, когда можно делить трофеи, пировать и обжираться мясом».

Такой же характер носят действия этих «партизан» и при совместной работе с «летучими группами».

«Можно сказать, что очень часто партизаны наносили жестокие удары противнику, и именно благодаря их боевой способности наши регулярные войска несли не столь большие потери...»

О потерях «партизан» тот же Тарри пишет:

«У них есть некоторые потери, но их кровь не пропадает даром, — нет надобности доказывать, что она сэкономила кровь наших регулярных войск, беречь которые — первейший наш интерес».

Таким образом, надо сказать, что марокканская армия до сих пор была неплохим орудием в руках французских империалистов, и ей, по справедливости, должна быть приписана заслуга в деле закабаления своих собственных братьев. Но одна армия, конечно, не могла бы много сделать, если бы попутно ее борьба не облегчалась рядом экономических и политических мероприятий, направленных к ослаблению противника. За французским капиталом надо признать настойчивость и железную волю в проведении плана завоевания страны. На это дело были брошены огромные средства, затрачены колоссальные усилия. И результаты этого, несомненно, сказались в создании известного перелома в настроении значительных кругов населения. С одной стороны, действует подавляющая военная мощь врага, с другой — происходит своеобразная «смычка» французского капитала с местными социальными верхами на почве осуществляемых им административных и экономических мероприятий.

Франция богата опытом управления в колониях. У ее администраторов выработались проверенные опытом

навыки, которые с успехом применяются не одно десятилетие в колониях и, в частности, в Марокко.

Основной французский принцип — не уничтожать существующего в колониях местного национального аппарата власти. Существовавший на юге Марокко феодальный строй внешне оставлен французами в неприкосновенности, так же как и начальствующие лица (шейхи и каиды) отдельных племен. Конечно, условием такой «терпимости» со стороны французов является полная и абсолютная покорность французским чиновникам. При этом условия местным феодалам обеспечено пользование всеми ранее им принадлежавшими благами. Но малейшая оппозиция лишает местного князька или начальника его привилегированного положения и обрекает на всякие бедствия. Из семи великих каидов (крупных феодалов) южной части Марокко трое за оппозицию были смещены, зато оставшиеся четыре не нахвалятся новым порядком вещей. Таким образом, население непосредственно сталкивается, главным образом, со своими «веками освященными» администраторами, и мундир иностранного чиновника почти не мозолит туземцам глаза. Принцип этот сохранен французами доверху, и султан Мулай-Юсуф продолжает благополучно «править» и в наши дни. Само собою разумеется, что вся местная власть — пешки, но декорум соблюден, и нужный эффект получается.

Второй принцип французов — уменьшение активности (в смысле свободлюбивых стремлений) населения путем солидного налогового пресса, подогнанного, однако, под соответствующие статьи Корана.

Когда племя после сопротивления изъявляет покорность, прежде всего на него налагают штраф, по выплате которого начинается взимание «законного» налога — «тербита», причем весьма характерно, что первые годы племя платит лишь незначительную часть нормального налога (1/4 или 1/5). Из года в год тяжесть налога повышается и достигает, наконец, нормы. Таким образом, кабала, в которую попадает население, менее для него заметна. Весьма существенным моментом является то, что местные начальники племен — каиды и шейхи — не получают определенного жалованья, и заинтересовываются излиш-

ками налоговых поступлений. Это, конечно, великолепный способ довести до предела старания этих сборщиков податей.

Третий принцип французов — тщательное разоружение населения. Скорострельные ружья совершенно не остаются туземцам. Старинные (часто кремневые) ружья иметь разрешается, но норма — одно ружье на селение. И, наконец, четвертое — это прикомандирование к каидам офицеров разведывательной службы — своего рода комиссаров, дабы иметь глаза и уши в гуще местного населения.

Совокупность изложенных четырех правил составляет в общих чертах французскую систему управления — систему, направленную к полному экономическому обескровлению населения и подрыву его способности сопротивления хозяевам страны — французам.

Но наряду с умелым администрированием французский капитал развивает довольно энергичную экономическую деятельность, которая, в свою очередь, является немаловажным звеном в общей цепи условий, обеспечивающих его укрепление в стране. В первую голову усилия французского капитала направлялись на улучшение путей сообщения.

Без хороших дорог, в частности без железных дорог, совершенно немислимо ведение сколько-нибудь серьезных военных операций, особенно при больших расстояниях. Поэтому французы параллельно с военным продвижением в глубь страны занялись прокладкой и железных дорог. Первоначальная конструкция последних отличалась большой простотой и преследовала исключительно военные цели. Это были полевые узкоколейки. По мере «пацификации» соответствующего участка и дорога получала более постоянный характер и переходила на нормальную колею. В связи с этим железнодорожная сеть Марокко до настоящего времени еще носит двойственный характер — дорог чисто военных и дорог общего пользования.

К железнодорожному строительству французы приступили в 1912 г. К 1921 г. Марокко уже имело в эксплуатации сеть протяжением 2775 км; кроме того, до 500 км было частью в постройке, частью в проекте.

Все крупные города и порты (Фес, Мекнес, Рабат, Касабланка, Марракеш и др.) соединены железнодорожной колеей. Сообщение с Алжиром происходит по магистрали Фес — Таза — Ужда — Оран. Одновременно с железными дорогами была создана еще более широкая сеть шоссейных и грунтовых дорог, а также широко разветвленная телеграфная сеть.

Так как до постройки Алжирской железной дороги связь с метрополией осуществлялась исключительно морским путем, то французы, конечно, обратили серьезное внимание на оборудование портов. Естественные условия марокканского берега в этом отношении крайне неблагоприятны: береговая линия мало изрезана и хороших бухт нет. Приходится создавать их искусственно. Для всего атлантического побережья Марокко главным портовым городом является Касабланка; здесь были произведены огромные строительные работы, и в настоящее время создан отлично оборудованный порт. Подобные же работы производятся и частью закончены в Рабате, Агадире, Сафи, Кенитре. Жизнь портовых городов развивается энергично; количество приходящих судов с каждым годом все увеличивается, растет население, развиваются торговля и производства.

Из промышленных предприятий в первую очередь развиваются те, которые связаны с сельским хозяйством; сюда, прежде всего, относится мельничное дело, успевшее широко развернуться в ряде хлебных центров Марокко. Начинает развиваться лесное дело. Быстро идет процесс индустриализации производства оливкового масла — та область промышленной деятельности, которая может считаться национальной. В связи со строительной лихорадкой растут заводы строительных материалов — кирпичные, цементные, лесопильные и т.п. Заводы работают полным ходом, в предприятия вложены солидные французские капиталы. Из минеральной промышленности получили широкое развитие добыча и переработка фосфатов — успешно функционирует «Office Cherifien des Phosphates».

Горная промышленность пока еще в зачаточном состоянии — развитию ее препятствуют, с одной стороны, до-

вольно жесткие правила об изысканиях и разработках, с другой — почти не прекращающиеся военные действия. Удобный момент для «вложения капитала» еще не настал. Но у капиталистов тоже существует своя стратегия и тактика: выжидая в одном направлении, они решительно и упорно наступают в в других. Достаточно показательна, например, деятельность «Compagnie Marocaine» — анонимного общества французских коммерсантов в Марокко. *«После своего создания (1902 г.), относящегося ко времени, когда Марокканский шерифиат еще не был протекторатом Франции, это общество продолжало непрерывно развиваться и не переставало оказывать самое широкое содействие распространению французского влияния и делу колонизации. Благодаря сети своих агентов по всем городам, благодаря опытному и знакомому с местными условиями персоналу, закрепленному положению и связям с крупными финансовыми группами метрополии это общество занимает первое место в коммерческой и промышленной жизни Марокко. Нет почти ни одного крупного предприятия, где “С.М.” не принимала участия»¹.*

Работы по устройству портов, постройке и эксплуатации железных дорог (нормальной колеи) — все это так или иначе связано с деятельностью «Марокканской компании». Точно так же компания эта прибирает к рукам и земельные культурные участки; в районе Касабланки, Рабата, Кенитры, Сафи — всюду имеет она земельную ответственность.

Французские культуртрегеры настойчиво занялись превращением старого Марокко в «*Maroc utile*». Торговля в Марокко быстро растет: со 150 млн франков в 1912 г. она дошла более чем до 386 млн в 1918 г. Доля самой Франции выросла за это время с 43 до 70%. Преобладание Франции в тоннаже примерно такое же. В 1917 г. из 1580 судов, с тоннажем в 1¼ млн тонн, вошедших в марокканские порты, 895, с тоннажем в 865 000, пришло под французским флагом. Пропорция французских судов,

¹ «*Le Maroc*», приложение к журналу «*La Vie Technique et Industrielle*».

посещающих марокканские порты, возросла за 5 лет с 39 до 70%. Одного этого было бы достаточно, чтобы перевернуть вверх дном весь исторически сложившийся жизненный уклад страны, чтобы придать этому перевороту болезненно-мучительный характер. На деле эта ломка старого быта совершается в еще более ужасных формах. В Марокко орудует капитал-завоеватель, капитал-хищник. К экономическому действию его присоединяются и меры чисто насильнического, грабительского характера. Происходит открытое военное подавление всего противящегося новому строю жизни. Старые основы хозяйства, его элементы, само население уничтожаются вооруженной рукой. В результате страна переживает настоящую социальную катастрофу. Наряду с зародышами развивающегося капитализма, наряду с первыми проявлениями накопления капитала в лице фабрик, заводов, железных дорог, чистеньких и нарядных европейских городов на каждом шагу встречаются картины невероятнейшей нищеты и упадка. Улицы всех городов Марокко покрыты тысячами нищих, одетых в лохмотья и влачащих самое жалкое существование. Число безработных и нищих растет с каждым новым успехом французского оружия. Получается самая дикая, самая возмутительная картина массовой пролетаризации, вернее — пауперизации страны.

Вместе с тем все резче и резче выявляется и другой, уже отмечавшийся выше момент.

Французский капитал заключил блок с большинством марокканских феодалов и нарождающейся туземной буржуазии. Только это предательство национальных интересов социальными верхами страны, начиная с султана, могло обеспечить французам столь быстрое их укрепление. Мы уже видели, что фактическая тяжесть ведения войны лежит на самих же марокканцах, продаваемых их вождами на службу иностранному капиталу.

Факт этот имеет решающее значение в дальнейших судьбах социально-политического развития страны.

В борьбе за свое национальное освобождение трудящиеся массы Марокко должны впредь рассчитывать на себя да на помощь трудящихся других стран и в первую очередь на рабочих своей поработительницы — Франции.

Социально-экономические отношения складываются необычайно благоприятно для широкого развития массового движения трудящихся Марокко. Долг коммунистической партии Франции — прийти на помощь измученным, теряющим перспективы и приходящим в отчаяние новым рабам французского капитала; сказать им, что их дело еще не погибло, позвать на штурм твердынь капитализма и этим открыть им путь к новой жизни. Так, несомненно, и будет.

Недавно французская коммунистическая партия послала приветствие Абд аль-Кериму — вождю племен, борющихся в северном Марокко против испанцев, по случаю его новых побед. Наши французские товарищи идут верным путем.

Только в союзе с миллионами колониальных рабов, организованных под руководством своих старших европейских товарищей, пролетариат стран торжествующего капитализма сбросит цепи с себя и со своих цветных братьев.

V. ИСПАНСКОЕ МАРОККО

Все Марокко, как мы уже говорили, разделено на три отдельные части. Хотя по размерам своей территории и по количеству населения две другие зоны — испанская и танжерская — стоят далеко позади французской, даже взятые вместе, тем не менее значение их в международной политике чрезвычайно велико. Именно здесь, в этой неширокой полоске земли, охватывающей с запада и востока Гибралтарский пролив, и находится один из важнейших узлов мировых капиталистических противоречий. Здесь постоянно тлеют угли того костра, который может в любой момент вновь поджечь всю Европу.

В самом деле, стратегическое значение обеих этих зон, и в частности, Танжера, одной из лучших гаваней атлантического побережья, расположенного в то же время у самого входа в Гибралтарский пролив, необычайно велико. Это давным-давно понято англичанами, утвердившимися еще в позапрошлом столетии на Гибралтарской скале. Тот, кто

будет владеть Танжером, будет хозяином и в проливе. В его руках будет возможность контроля над двумя великими водными путями, ведущими из Европы в Азию и Африку: через Гибралтар и вдоль западно-африканского побережья. Особенно прочным было бы положение той державы, которая, кроме Танжера, владела бы и остальным Марокко или даже только испанской зоной. Именно в этом ключ к разгадке того решения, которое в 1912 г. не только разодрало Марокко на две главные части, но и выделило самостоятельную «Танжерскую зону» под особым международным контролем.

Искусственность и непрочность такого решения достаточно очевидны. Несмотря на ряд добавочных соглашений, положение по-прежнему остается неустойчивым и чреватым самыми неожиданными последствиями. В настоящее время, в связи с осложнениями в испанской части Марокко, положение это особенно обострилось. В отличие от французов, успевших за это время основательно наложить лапы на свою часть добычи, испанцы своими делами похвалиться не могут. Правда, в начале XX века энергия их, весьма поостывшая за прошлые неудачные годы, снова вспыхивает при виде французских успехов, угрожающих окончательно ликвидировать «исторические» права Испании в этой стране. Но это была именно вспышка. Испанский империализм при всех своих каннибальских наклонностях был рахитичным и чахлым хищником, годным лишь на роль подголоска у какого-нибудь другого крупного разбойника. В 1906 и 1911 гг. роль последнего выполняла Германия, с большой выгодой для себя охранявшая эти знаменитые «испанские права». Теперь эта роль перешла к Англии, с нескрываемой враждебностью следящей за успехами французов в Марокко.

Сама Испания со своим насквозь прогнившим, благодаря вековому преступному хозяйничанью попов, дворян и алчных чиновников, государственным организмом абсолютно неспособна к проведению настойчивой и серьезной колониальной политики, требующей огромных расходов. Между тем грабительские инстинкты испанских грандов не дают им покоя, чужой пример раздражающе заразителен, и испанцы снова пробуют взяться за «дело». Но, к ве-

личайшему их огорчению, результаты и на этот раз получились по-прежнему крайне плачевные.

На протяжении последнего пятнадцатилетия испанская часть Марокко троекратно была ареной ожесточенных боев и поражений испанцев.

Первым по счету является восстание кабиллов Риффа в 1908 г. Поводом к восстанию послужила разработка открытых в 20 км от Мелильи свинцовых рудников и проведение сюда железной дороги от порта. Беспочвенная и хищническая эксплуатация рабочих-туземцев, практиковавшаяся испанскими предпринимателями, не замедлила вызвать решительный отпор со стороны гордых и воинственных берберов, бедных, но не привыкших сносить рабское обращение. Надо сказать, между прочим, что работы производились под присмотром местных кайдов, получавших соответствующее жалованье от испанской компании, и представителя самого султана. «Смьчка иностранного капитала с туземными верхами» налицо. Но ей не суждено было закрепиться. Риффанцы берутся за оружие, представитель султана прогоняется, имущество компании подвергается уничтожению. Начинается длительная борьба.

Несмотря на то, что театр военных действий ограничивался ничтожным клочком территории в непосредственной близости от Мелильи, испанцам пришлось ввести в дело далеко не малые силы. После ряда неудач пришлось посылать все новые и новые подкрепления, и к концу 1909 г. численность действующих здесь войск была доведена до 46 тысяч солдат и 1768 офицеров.

Тем не менее операции шли неудачно, и войска несли большие потери. В одном из сражений, 27 июля 1909 г., вблизи ставшего знаменитым в летописях испанско-марокканской борьбы горного хребта Гуругу одна из испанских колонн (полковника Пинто) потерпела полный разгром, потеряв 250 убитыми и 800 ранеными. После напряженных усилий и огромных жертв испанцам в 1910 г. удается расширить зону своего фактического влияния в районе Мелильи. Борьба временно затихает. В 1921 г. война вспыхивает вновь, причем главным районом военных действий является тот же самый хребет Гуругу, ставший в руках марокканцев неприступной цитаделью.

На этот раз борьба для испанцев приняла еще более тяжелый характер. Им пришлось иметь против себя не одни сравнительно слабые силы ближайших местных племен, но весь центральный Рифф, во главе которого стал Абд аль-Керим, сделавшийся вскоре известным не только во всем Марокко, но и далеко за его пределами. Этот прекрасный организатор и талантливый военный вождь сумел в короткое время подчинить своей власти почти все племена центрального Риффа и создать на его территории настоящее новое государство. Все значение этого факта истории скоро пришлось испытать на себе незадачливым испанским колонизаторам. Испанские войска терпят одну неудачу за другой, но, опираясь на все новые и новые подкрепления, упорно продолжают выполнение поставленной им задачи по расширению восточного (мелильского) сектора своих владений.

Одновременно с этим шли операции и в западной части испанской зоны (район Сеута—Тетуан—Чечауан—Лараш). Испанское главнокомандование в лице генерала Беренгера старалось во всем следовать методам своих южных соседей из Французского Марокко и методически проводило план окончательного покорения западной зоны. Согласно стратегическому плану генерала Беренгера в первую очередь должны были быть сокрушены воинственные племена горной части западной зоны. Только после победы над ними и окончательного и прочного закрепления испанцев в этой полосе должны были начаться операции против центрального Риффа, причем операции эти можно было бы тогда вести сразу по трем направлениям; с моря, с востока и с запада. Но этим планам генерала Беренгера не суждено было сбыться. В то время как в западной зоне испанцы медленно, но систематически продвигались вперед и одержали ряд значительных успехов, в восточной зоне их ожидала полная катастрофа.

Командующий войсками восточного сектора генерал Сильвестр решил покончить кампанию одним ударом и во главе 15-тысячного корпуса направился в глубь Риффа. Операция была проведена в достаточной степени неумело, поход не был обеспечен соответствующей организацией

тыла и снабжения, и в результате экспедиционный корпус потерпел страшный разгром под Аннуалем. В этом бою большая часть корпуса погибла, остальная же часть попала в плен к риффанцам. Им же достались огромные военные трофеи, позволившие сразу же выставить в поле новые тысячи бойцов. Аннуальская катастрофа явилась поворотным пунктом в ходе всех операций. Испанцам приходилось заботиться уже не о завоевании Риффа, а об удержании старых своих границ. Даже эта скромная задача была страшно тяжела, ибо аннуальская победа высоко подняла дух риффанцев и окончательно закрепила объединение риффских племен во главе с Абд аль-Керимом. Все усилия испанцев сломить военную мощь Абд аль-Керима были безрезультатны, и в 1923 г. им пришлось пойти на соглашение, в общем установившее в восточной части зоны прежнее положение в границах 1912 г. В августе нынешнего года борьба вспыхивает вновь с удвоенной силой, но на этот раз захватывает, главным образом, западную половину испанских владений (район Тетуан — Лараш — Чечауан), считавшуюся доселе относительно благополучной. Район этот до последнего времени не входил в сферу влияния Абд аль-Керима и имел собственного вождя Рэссули, о котором несколько слов ниже.

Центром испанского влияния в этой части Марокко и главным административным пунктом является город Тетуан, расположенный южнее города Сеуты. С атлантическим побережьем, наиболее богатым и культурным во всей области, и, в частности, с плодородной долиной реки Луко-са Тетуан был связан через укрепление Шешауэн линией фортов и блокгаузов по долине реки Лау. Эта линия укреплений прикрывала дорогу с востока. В этом районе Чечауан — Тетуан и развернулись кровавые события последних месяцев.

Судя по всему, выступление марокканцев произошло в значительной степени неожиданно и застало испанские войска неподготовленными и разбросанными по лагерным стоянкам. В результате испанцы понесли огромные потери как в людях, так и в снаряжении и, по-видимому, сыграли роль хороших интендантов для своих противников.

Положение испанских войск крайне тяжелое. Без получения новых крупных подкреплений из метрополии им грозит опасность быть окончательно сброшенными в море. Во французской газете «Le Temps» от 10 сентября сего г. в статье, озаглавленной «Тяжелое положение в испанском Марокко», сообщалось: *«Положение испанских войск в Марокко становится все опаснее и опаснее. Риффанцы угрожают им почти у самых стен Тетуана, железная дорога от Сеуты на Тетуан, а также телеграфные и телефонные линии прерваны. Испанцы стараются укрепить линию маленькой речки Уэд-Мартен, протекающей почти под стенами Тетуана»*. Положение Чечауана стало критическим с первых же дней. Под яростным напором повстанцев испанцы оставили оборонительные позиции под Чечауаном, и остатки войск заперлись в городе, который вскоре и был окружен противником. Гражданское население было эвакуировано еще в конце августа.

Около того времени был уже принят план отвода на север (к Сук-эль-Арба) всех войск чечауанского сектора. Но наступление риффанцев помешало выполнению этого плана, и гарнизон Чечауана остался отрезанным. Подвоз подкреплений из метрополии и новый план наступательных действий показывают, что испанцы волей-неволей втянулись в настоящую большую войну. Выше мы уже отмечали, что нынешний район военных действий до этого времени считался испанцами более или менее спокойным, но это было просто ошибочное убеждение «усмирителей», переоценивших свои скромные победы и пацифистскую политику. Чтобы легче уяснить обстановку развернувшейся здесь борьбы, необходимо немного заглянуть в прошлое. Когда Испания в 1911 г., после французского похода на Фес, решила постепенно занять свою «зону влияния», она выбрала исходными пунктами и базами этой операции Мелилью на востоке Сеуты и Лараш — на западе.

В западном секторе все «обстояло благополучно», пока испанцам приходилось иметь дело с жителями прибрежной равнинной полосы. Но продвижение сразу же загнулось, как только пришлось соприкоснуться с горными племенами. В 30–40 км от побережья начинался горис-

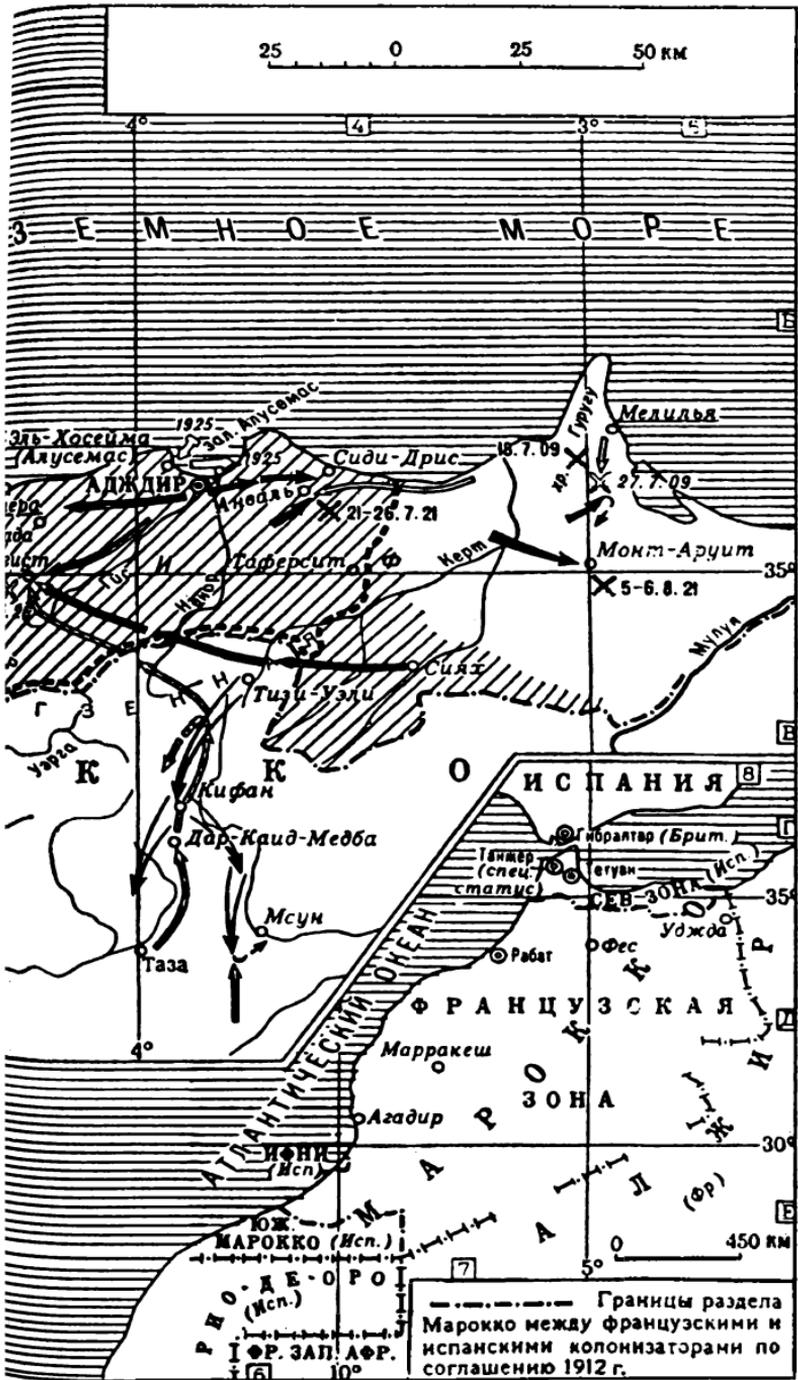
тый район, населенный племенами анджера на севере (в треугольнике Сеута—Танжер—Тетуан) и джебала на юге, до пограничной с французской зоной реки Лукоса. Власть над джебала захватил в цепкие руки «потомок пророка» — Рэссули, прославившийся смелыми набегами на Танжерский район. Несмотря на присутствие испанских войск, джебала беспрестанно нападали на подчинившиеся испанцам прибрежные племена. Вскоре началась мировая война; испанское правительство не рискнуло «углубляться» в марокканский вопрос и решило пойти на соглашение с Рэссули: дать ему титул «верховного правителя гор», дать оружие и боеприпасы, назначить приличествующее жалованье и через посредство этого Рэссули попытаться наложить узду на беспокойных джебала и таким образом, по примеру французов, закрепить свое влияние на местные племена через головы их кайдов. Но подражание вышло очень неудачным. Рэссули не отказался от предлагаемых благ, но, с одной стороны, он, при всем своем «высоком происхождении», не пользовался особым авторитетом, с другой — был «сам себе на уме». Во время войны, как уверяют французы, Рэссули получал субсидии от германцев и занимался антифранцузской и антииспанской пропагандой. Испанцы, правда, поняли игру Рэссули, но во время войны не могли ничего предпринять. В конце 1918 г. в Марокко был назначен новый испанский правительственный комиссар, уже упомянутый нами генерал Беренгер. Горячий поклонник генерала Лиотэ, Беренгер взял за образец французскую политику сотрудничества с туземными верхами, применения «летучих колонн», системы постов, использования туземных марокканских отрядов и наметил себе план методического захвата страны.

В начале 1919 г. Беренгер оттеснил противника в горы и восстановил сообщение Тетуана с Ларашем через Фондак. В 1920 г. — в целях блокады джебала — испанцами был взят Чечуан.

В 1921 г. намечалась заключительная операция, должностовавшая привести к захвату «мятежника» и разгрому его «банды». Боевые действия, начатые в апреле, продолжались до июня. Рэссули, теснимый со всех сторон,

Испано-марокканские войны

за XIX – начала XX в.

был близок к полному поражению, как вдруг аннуальская катастрофа совершенно изменила всю обстановку. Беренгеру поневоле пришлось оставить свои операции в Тетуанском районе и поспешить на помощь к Мелилье. Пришлось исправлять положение. К концу лета 1921 генерал Беренгер восстановил границы Мелильского округа и в 1922 г. возобновил наступление на Рэсули. Летучие колонны продвигались успешно, была взята Тазарута — резиденция Рэсули, который с горстью приверженцев бежал в горы. Скоро и последнее убежище Рэсули было открыто и оцеплено. В этот момент Беренгер был отставлен от должности, и Рэсули снова вздохнул свободно. Сменивший Беренгера генерал Бюргет, по характеристике известного военного корреспондента в Марокко Реджинальда Канна, «пустой путаник и болтун», сразу же заявил, что благодаря ему теперь можно будет пройти пешком всю испанскую зону от Мелильи до Лараша более спокойно и безопасно, чем от Пуэрта-дель-Соль¹ до Мадрида. Чтобы достигнуть таких результатов, он ограничился тем, что стал все делать наоборот: помирился с Рэсули, вернул ему все его «права и привилегии» и начал снова наступать на Рифф со стороны Мелильи.

Затем последовали новые смены. Наконец, выступает на сцену Примо де Ривера. Новый глава правительства прежде был противником «марокканской авантюры» и был сторонником полного оставления «зоны влияния». «Надо желать, чтобы наша отдаленная Африка была еще подальше, чем теперь», — говорил он в 1917 г. в Кадисе. Но когда Примо де Ривера очутился во главе директории, он уже должен был кое с чем считаться и осторожней высказывать свои взгляды. Вначале он колебался принять какое-либо определенное решение и предоставил делам идти так, как он их застал, назначил правительственным комиссаром Марокко генерала Эспуру — бесцветную личность — и понудил его возобновить договор с Рэсули. Наконец, после долгих размышлений Примо де Ривера решил постепенно сокращать фронт и отводить войска на более глубокие позиции, не указывая, однако, где эти рубе-

¹ Предместье Мадрида.

жи и будет ли свертывание временным или окончательным. Подобное решение вызвало сильное недовольство среди военных кругов, считавших это унижением достоинства державы и полным признанием бессилия после таких колоссальных затрат и средств, и энергии. Во время июльской поездки в Марокко генералу пришлось наслушаться по своему адресу от офицеров оккупационной армии немало «крылатых словечек». Вскоре, едва только началось свертывание некоторых испанских постов, внезапно разразилась буря. Все племена, жившие в районе Тетуана и Чечауана, взяли за оружие, прервали сообщение между этими городами, осадили их гарнизоны и атаковали испанские укрепленные линии на реке Лауа к западу от Чечауана с отмеченными выше результатами.

Понятно, какое волнение вызвали в Испании эти известия из Марокко. Генеральская диктатура, возглавляемая Примо де Ривера, и без того не имевшая под собой твердой почвы, совсем зашаталась. Политическое положение в Испании угрожающе обострилось. Король Альфонс и Примо де Ривера, бывшие в это время в поездке по стране, спешно вернулись в Мадрид. Ввиду панического характера сведений, поступавших из Марокко, диктатор вынужден был преодолеть свое «отвращение к марокканскому вопросу» и счел нужным отправиться в Тетуан с несколькими другими членами директории. Поездка эта привела генерала к очень печальным выводам относительно состояния и настроения войск и конечных перспектив борьбы. В прокламации к войскам, выпущенной генералом и имевшей целью поднять мужество бойцов, имеется ряд признаний, мало лестных для национального самолюбия.

Характерны, например, строки:

«Известно, что испанские солдаты более многочисленны и гораздо лучше вооружены и снабжены, чем мавры. Не подобает им отдавать свои ружья и пулеметы в руки врага, который обратит это оружие против нас же. Лучше умереть со славой, чем стать пленником врага. Солдаты должны питать доверие к своим вождям, которые их скоро приведут к победе».

Свое красноречивое воззвание генерал заканчивает торжественным обещанием оставаться в Тетуане до близкого торжества войск экспедиционного корпуса. Однако войска этим воззванием, по-видимому, не очень-то были растроганы. Но и правительство, говоря о необходимости восстановления положения в Марокко, не скрывает трудностей выполнения этой задачи. Оценка положения видна из следующего воззвания (в сентябре) директории к испанскому населению:

«Сейчас дело не в изучении марокканской проблемы, вопроса о протекторате или о составлении новых планов оккупации. Суть дела — во всеобщем восстании туземного населения, ставящем в опасность все занимаемые нашими войсками позиции Это — настоящая война, и на нее надо ответить такой же войной, и не на словах и не ради приличия, но в целях самосохранения, с чувством полной солидарности. При таком положении не должно быть терпимо никакое слово, никакое сообщение, могущее вредно подействовать на моральное настроение солдат или подорвать авторитет правительства».

Вряд ли этими фразами директории удастся поддержать свой авторитет. Дела же ее совсем плохи. Правильно пишут французы:

«Крупные неудачи в Марокко ставят директорию в еще более тяжелое положение потому, что она является детищем переворота и держится только диктатурой. Чтобы оправдать свое существование, директории нужен успех; она не может держаться, если в своих предприятиях не будет успевать лучше, чем ее предшественники. Для всех ясно, что генерал Примо де Ривера поставил свою последнюю карту на Тетуан; нет ничего удивительного, что генерал бросил все и отправился туда сам, чтобы ценой всех усилий предотвратить гибельный ход событий».

Но роковым образом директория попадает в тупик. Несколько месяцев назад горячо дебатировался вопрос о необходимости эвакуации части Марокко, сам Примо де Ривера был сторонником такого решения. Но слишком много говорили, когда надо было действовать! Теперь же Испания даже при желании не может эвакуировать Ма-

рокко. Напротив, теперь Марокко само притягивает все силы метрополии на африканскую землю.

«Испанское правительство не может теперь оставить Марокко и даже, по жестокой иронии, должно само переместиться туда. Теперь первый министр должен управлять Испанией из Сеуты или Тетуана» (ген. Кюньяк).

Так или иначе, директории приходится считаться с фактом войны. И эта война требует новых и новых жертв. Но народ настолько измучен тем, что в обиходе принято называть «марокканским кошмаром», что отказывается дальше бросать и людей, и деньги в эту бездонную пропасть, не видя ни малейшего результата этих жертв; напротив, чем дольше продолжается война, чем больше тратится миллионов, чем больше посылаются солдат, тем все как будто больше отдаляется умиротворение. Попытка держаться в отношении местных племен «французской политики» потерпела фиаско. Когда в июле этого года Примо де Ривера посетил Марокко, он повидался и с Рэссули. Последний показал генералу 8000 горцев, своих приверженцев, вооруженных маузерами от испанского правительственного комиссара. На требование передать эти отряды в распоряжение испанского правительства Рэссули отвечал различными отговорками, затем, правда, дал, но только всего 700–800 человек, и сразу же стал просить из Тетуана поддержки для своей борьбы с племенем сумата. Одним словом, стало ясно, что на Рэссули рассчитывать не приходится. Вот почему численность испанских войск в западном секторе в августе и была доведена до 75 000 человек. В сентябре, по подсчетам французов, общая численность испанских войск по всей зоне — от Лараша до Мелильи — определялась в 120 000 человек. Из метрополии продолжают подбрасывать подкрепления, но все же испанцам, по-видимому, не удастся достигнуть больших результатов. О борьбе со всем Риффом испанцам не приходится и мечтать, и фраза в прокламации Примо де Ривера: *«Что же касается риффанцев, которые подстрекнули к восстанию джебала, то Испания пойдет наказывать их в собственных владениях»*, едва ли и самому генералу может казаться серьезной.

Сейчас можно только пытаться восстановить положение в Тетуан-Чечауанском районе и на реке Лау. Первые наступательные попытки испанцев кончились полной неудачей. Например, 6 сентября из Тетуана была выслана летучая колонна для освобождения отрядов у Бухарраца и на перевале Аферну. В первый же день марша колонна эта была атакована противником у Мезгара, понесла значительные потери и не могла двинуться ни вперед, ни назад. Такое положение вынудило начальство вступить с кайдами племени бени-идер в переговоры о выпуске гарнизона Бухарраца. После долгой торговли кайды согласились на это за выкуп в 150 000 песет. Другая колонна (2000 человек), посланная на Сокко-эль-Кемис (на территории племени бени-арос) с задачей содействовать эвакуации позиций у Тазарута, была тоже окружена противником. Не имея возможности получить своевременно помощь, начальник колонны тоже пробовал пойти на переговоры с повстанцами, причем посредником явился Рэсули. Здесь испанцев ожидал новый удар. Переговоры ясно показали, что Рэсули опять изменил Испании. Незадолго перед этим он просил разрешения укрыться от своих врагов в Арзиле; теперь же, когда испанцы оказались в критическом положении, он объявил командованию, что отряд может вернуться в Лараш на следующих условиях: сдать свое оружие, уплатить крупный выкуп и разрешить Бен-Али (племяннику Рэсули), назначенному испанцами кайдом племен бени-арос и сумата и бывшему в это время в Сокко-эль-Кемисе, беспрепятственно вернуться к Рэсули в Тазаруту! Теперь не оставалось уже никаких сомнений в том, что восстание племен джебала было организовано самим Рэсули, который решил воспользоваться поражениями испанцев в долине реки Лау, чтобы захватить власть над территорией между Тетуаном и Ларашем. До последнего момента Рэсули ловко скрывал свою действительную игру, чем и толкнул генерала Риквельме в ловушку, подстроенную у Сокко-эль-Кемиса. Только ценой тяжелых потерь в материальной части и людском составе своего отряда генералу Риквельме удалось пробиться к своей базе.

Таким образом, испанцам теперь приходится рассчитывать только на свои собственные силы.

В конце сентября было начато новое наступление. Генерал Эзпуру отдал следующий приказ:

«Теперь, когда боевые колонны вполне сформированы и снабжены всем необходимым, начинаются операции, которые позволят выручить наши войска. Отрядам тетуанского и ларашского секторов начать, по собственной инициативе, наступление против вражеских банд и овладеть позициями, каждому в районе своих действий. Не ограничиваться вялой обороной и защитой своих флангов, но смело и настойчиво искать противника. Считаясь с безусловной достаточностью сил и средств для настоящей операции, не терять ни минуты для отмщения чести оружия и выручки отрядов, находящихся в тяжелом положении».

Конец приказа-воззвания содержит обещание наградить тех, кто исполнит свой долг, и наказать всех проявивших слабость. «Le Temps» от 26 сентября сего года об этой операции пишет:

«Небезынтересно рассмотреть, при каких условиях испанская армия начинает снова те операции, которые она уже проделывала в 1919 г. под управлением генерала Беренгера. Инициатива тогда принадлежала испанскому командованию, теперь же — наоборот. В 1919 генерал Беренгер был свободен в движениях. Он мог в полной мере подготовить успех военных действий и соответствующими политическими мероприятиями. В настоящее время условия совершенно другие: необходимо спешить, чтобы оказать вовремя помощь чечауанскому гарнизону, положение которого критическое; нужно, чтобы и президент директории мог при посредстве военных успехов возможно скорее восстановить свой авторитет, потерянный в Мадриде. Таким образом, это наступление имеет два неразрывно связанных объекта — Чечауан и Мадрид. Прямо де Ривера должен одним ударом сразить марокканцев и своих испанских противников, которые, по игре судьбы, в большинстве военные».

Наступление в настоящее время предпринимается от Тетуана и Лараша. У Тетуана сформирована армия до 50 000 человек. Часть ее должна сдерживать племена (анджера и уад-рас), живущие к северу и западу от города.

Главные силы этой армии, уже достигшие массива Бени-Гозмар, занимают в настоящее время 7—8 км к югу от Тетуана — фронт, который протягивается от Бен-Каррика до побережья. Но позиции здесь не сплошные. Отряды повстанцев постоянно прорываются в тыл и затрудняют снабжение войск в долине реки Мартэна. До Чечауана отсюда 60 км, но ни клочка ровного места: все — узкие долины, извилистые овраги, над которыми с востока господствует хребет Бени-Гассан, а с запада — отроги Бени-Ратен. В 1919 г. генерал Беренгер учитывал огромность усилий, которые нужны для преодоления этих местных преград, в стократ увеличивающих силу противника. И он шел, в зависимости от обстановки, и военным, и политическим этапами. Когда он предпринял поход на Чечауан, Бени-Ратен был уже занят испанскими силами; племена, населявшие Бени-Гозмар и Бени-Гассан, были союзниками. На этот раз все эти племена взялись за оружие и готовы терзать тетуанскую армию, отступить перед ее колоннами, чтобы проскальзывать между ними в тыл и атаковать обозы и парки.

Ларашская армия должна двигаться вверх по реке Лукосу, через территорию эль-шериф, живущих к востоку от Эль-Кзар. Затем армия должна будет с боем проходить горы Бени-Иссеф и Бени-Сикар; это как раз те места, где в 1920 г. была остановлена при своем походе на Чечауан армия генерала Баррера, шедшего на соединение с Беренгером. Далее армии предстоит преодолеть барьер Гезан, спуститься в Айяма и достигнуть Дра-эль-Азефа, западного фланга внешней оборонительной линии Чечауана. Операция эта легче, чем выпадающая на долю тетуанской армии, но все же представляет большие трудности, особенно если племена сумата и бени-арос, восставшие против Рэсули, двинутся на юг, что весьма вероятно.

Регулярных и подробных сообщений о ходе военных действий, к сожалению, не имеется. Но и по отрывочным данным уже ясно, что наступление испанцев с первых же дней утеряло связность, разбилось на ряд случайных боев и было парализовано жестокими контрударами противника. Например, «Le Temps» от 4 октября сообщает:

«По данным из верного источника, в настоящее время уже можно обрисовать главные эпизоды марша из Чечау-

ана. Упорное сопротивление марокканцев перед ущельем Дар-Рэд, являющимся подступом к высотам Бени-Гассан, вынудило испанцев оставить позицию, занятую после перехода Горгесского плато; колонна генерала Кастро-Жирона стянулась к своей тыловой дороге, чтобы соединиться с колоннами, действовавшими справа. Горцы на Бени-Гассане остались на прежних позициях и как бы позволили тетуанской армии беспрепятственно продвигаться вперед и своей цели. Но когда испанцы прошли полдороги, горцы ударили на обозы. Большой транспорт, предназначенный для снабжения Чечауана, был разгромлен и потерял 40 грузовиков. Таким образом, коммуникация остается необеспеченной, как и в дни, предшествовавшие окружению (6 сентября) Чечауана. Марокканцы маневрируют со своей обычной быстротой и наносят удары в различные точки этой военной дороги, трудно охраняемой при ее извилистом начертании. Говорят, что такое неустойчивое положение должно дать еще новый аргумент сторонникам оставления Чечауана, то эта проблема эвакуации остается трудно решимой. Пока существует полное основание сомневаться в осуществимости подобного предприятия. Сможет ли еще Чечауан держаться и сможет ли гарнизон отойти без риска жестоких боев? События в районе Бени-Арос еще более осложнили и без того тяжелое положение. Утверждают, что позиции на перевале Аферну, прикрывающем доступ к Бени-Аросу с севера, окончательно пали после атак, которым они подвергались в течение последних недель.

Попытка эвакуации передовых позиций у Тазаруты (резиденция Рэсули) привела испанцев к ряду неудачных боев. Эти позиции остаются осажденными уже более месяца, и снабжение их всякий раз стоит таких больших жертв, что командование решило покинуть их. Но, чтобы прикрыть отход гарнизонов, сюда надо выслать крупные силы. Борьба здесь упорна, без вести пропавших насчитывают уже сотни, среди них 5 подполковников.

Ларашская армия генерала Риквельме лишена возможности продолжать операцию из-за понесенных крупных

потерь и в пехоте, и в артиллерии; возобновить действия она сможет не раньше, чем получит пополнение, которое ей надеются дать за счет тетуанской группы».

В позднейших сообщениях, 15–22 октября, нового ничего нет; говорится только о «постепенном продвижении» испанцев и о соприкосновениях с противником, занимающим район Чечауана. Только едва ли испанскому оружию суждено видеть успех.

Но даже и деблокада Чечауана не будет еще означать полной победы, ни тем более умиротворения Марокко. Это только прелюдия борьбы. Главный враг остается неуязвимым и грозит со стороны Риффа. По английским сообщениям от 20 сентября, вождь марокканских повстанцев Абд аль-Керим, власть которого теперь признана почти всеми племенами в западной части испанской зоны, недавно созывал специальное совещание своих военачальников для обсуждения вопроса о переговорах с Испанией. Абд аль-Керим будто бы намерен предложить Испании ограничиться прибрежными территориями и организовать плебисцит о будущем режиме Тетуанского округа. С другой стороны, телеграмма из Парижа от 19 сентября сообщает:

«Испанские правительственные круги опровергают через мадридского корреспондента “Журнал” слухи о том, что Испания обратилась к вождю испанских повстанцев Абд-аль-Кериму с предложением мира, и утверждают, что никакое соглашение невозможно без восстановления прежнего положения в Марокко».

Сообщение о желании директории начать переговоры с Абд аль-Керимом исходило из Лондона. Танжерский корреспондент газеты «Таймс» сообщил и условия, которые риффанцы будто бы намерены предъявить испанцам:

1) Эвакуация Тетуана и всей территории, занятой испанцами до заключения франко-испанского договора (таким образом, за Испанией остались бы только Сеута, Мелилья и острова Альхусемас и Велес-дель-Гамера).

2) Полная и абсолютная независимость риффских племен и признание этой независимости Испанией.

3) Вознаграждение убытков, нанесенных за последние 12 лет, и выкуп военнопленных испанцев, находящихся в руках риффанцев.

4) Право изгонять и арестовывать тех начальников племен, которые сражались на стороне испанцев.

5) Должно быть образовано конституционное правительство во главе с султаном. Правительство берет на себя обязательство соблюдать коммерческие и другие договоры.

Приводя эти строки в своей статье, газета «La France Militaire» (20 сентября) добавляет:

«Один из наиболее видных испанских военных авторитетов опровергает эту новость. Он напоминает, что в 1923 г. генерал Кастро-Жирона в бухте Альхусемас имел беседу с четырьмя риффскими предводителями, делегированными Абд аль-Керимом для переговоров о мире с восставшими племенами. Племена бени-уриазель тогда признали права и обязательства протектората, и соглашение это было одобрено сторонниками Абд аль-Керима, хотя тот и говорил, что он имеет достаточно людей и оружия, чтобы повторить аннуальский погром. Вздор говорить, заявляет этот испанский авторитет, чтобы испанские предложения могли приближаться к тем, какие были в 1923 г. Чтобы покончить с этим вопросом, я скажу, что африканская армия никогда не потерпит подобного унижения, и осажденные гарнизоны скорее позволят себя уничтожить до последнего человека, нежели сдадутся врагу. Подобные переговоры в настоящее время невозможны, потому что мы, прежде всего, не изменим нашим международным обязательствам, а затем потому, что мы не желаем у себя революции. Конечно, переговоры о мире будут, но не раньше, чем мы станем всецело господами положения».

Конечно, революция для испанских генералов — вещь очень нежелательная. Но если единственный способ избежать ее усматривается в надежде «стать господами положения» в Марокко, то надо признать эти дела очень печальными. Положение испанцев продолжает оставаться крайне затруднительным. Если и правда, что такого предложения ими не делалось, то можно не сомневаться, что дело все же кончится им. Другого выхода для Испании сейчас нет. Фраза «восстановление прежнего положения» — пустые слова. Восстановить положение — это значит выбить повстанцев из всех занятых

ими районов. Для этого надо организовать большую наступательную операцию, вернее, даже целую кампанию.

Может ли выполнить это армия, которая только что потеряла свои позиции, армия, имеющая перед собой многочисленного врага, лучше организованного, лучше вооруженного (благодаря захваченному оружию), окрыленного своими успехами? Конечно, не может.

Фронт является отражением тыла. Тыл же испанцев уже сдал. Страна истощена и не может нести непомерных расходов по умиротворению своей колонии. Испанское министерство финансов на днях опубликовало данные за квартал апрель — июнь 1924 г. Доходы за этот период исчислены в 228 млн фр., расходы же достигают 606 млн. Таким образом, дефицит только за четверть года равен 378 млн. Военное министерство поглотило 114 млн, да военные действия в Марокко потребовали дополнительно 24 млн, т.е. в общем свыше одной трети всех госрасходов. За последние же месяцы, с началом боевых операций, расходы значительно увеличились; уже к сентябрю военные действия поглотили 173 млн франков, т.е. вдвое больше, чем за предыдущий квартал. Сколько же потребует «восстановление положения»? Это тоже достаточно сильный стимул для испанцев серьезно задуматься над вопросами о переговорах.

Но решение вопроса об испанских владениях зависит не только от борющихся сторон. То положение, которое создается в Риффе, глубоко затрагивает интересы ряда других держав, и последние не замедлят вмешаться в дело.

Имеется интересное сообщение из Рима, что Англия уже выступила с предложением разрешить испано-марокканский конфликт путем предоставления широкой автономии для племен территории Риффа, с сохранением формального суверенитета Испании. С точки зрения английского империализма это, конечно, будет самым прекрасным решением вопроса: с одной стороны, будут соблюдены приличия в отношении Испании (сохранение формального суверенитета), с другой — обеспечены интересы английских финансистов, ведущих дела с Абд аль-Керимом,

и является возможность закрепить в этой зоне английское влияние¹.

Но согласятся ли на это другие партнеры — Франция и Испания? Едва ли.

Для Французского Марокко независимый Рифф будет крайне опасным соседом — бочкой с порохом, постоянно угрожающей взрывом. В связи с событиями в Испанском Марокко уже неоднократно вспыхивали волнения и в сопредельной части французской зоны. И французы уже принимают соответствующие меры.

«Война в Испанском Марокко, — пишет генерал Кюньяк, — может найти сильный отзвук в соседней французской зоне. В этой стране война — вещь заразительная. Как только в каком-нибудь уголке разгорается перестрелка, кругом сейчас же начинают свертывать палатки и седлать лошадей. Волнения риффских племен могут создать и для вас серьезные затруднения в этой полосе, где границы так плохо очерчены и где самые территории племен недостаточно точно определены».

¹ Однако здесь заслуживает внимания следующее сообщение, помещенное в газете «Le Temps» от 14 октября с. г.: «Из Танжера телеграфируют, что Абд-аль-Керим на днях опубликовал свое первое официальное сообщение, в котором категорически отрицает правильность появившейся в некоторых европейских газетах заметки; что он (Абд-аль-Керим) завязал сношения с франко-английским синдикатом и что последний ссудил ему 350 000 ф. ст. для покупки военного имущества и для энергичного продолжения борьбы с испанцами. Абд аль-Керим утверждает, что все военное имущество, находящееся сейчас в его распоряжении, — исключительно то, что взято в боях у испанцев.

Вождь риффанцев также опровергает и утверждение английской прессы, что в его армии в качестве инструкторов служат европейские офицеры. «Единственные европейцы, находящиеся в горах Риффа, — говорит он, — это военнопленные испанцы, с которыми здесь обходятся хорошо».

Французское командование в Марокко это учло, и маршал Лиотэ успел собрать на северном фронте значительные силы, чтобы парировать всякие случайности и поддерживать спокойствие и порядок во французской зоне. К северу от дороги Фес—Таза—Таурирт организованы две летучие колонны. На западе группа генерала Колomba наблюдает за племенами в сторону Чечауана, где все кипит, как в котле. Надо заметить, что французские войска здесь расположены всего в переходе от Чечауана. На востоке, в районе между Тазой и средним течением реки Мулуя (к югу от Мелильи), расположена группа полковника Камбэ. Границы здесь тоже очерчены путанно, здесь всегда существовала известная щекотливость положения, так как дорога Таза—Уджда—единственная коммуникация с Алжиром—не имеет с севера достаточного прикрывающего пространства.

«Не нам обсуждать вопрос о вмешательстве французских войск в борьбу риффанцев и испанцев, — продолжает генерал Кюньяк, — мы здесь можем только отметить, что вмешательство это возможно и легко осуществимо. Недавние нарушения воюющими риффанцами наших границ — вполне достаточный повод идти наказывать этих повстанцев, которые в такой же мере, как для испанцев, и наши враги. Известный нажим, даже косвенный, в некоторых точках фронта, несомненно, мог бы повлечь деблокаду Чечауана. Испания, безусловно, была бы нам очень благодарна, если бы мы оказали ей помощь в этот критический для нее момент. Франция, конечно, не имеет никакого желания увеличивать свои марокканские владения, и так достаточно большие, но возможны некоторые выравнивания границ, выгодные для обеих наций. Например, вполне ясно, что в восточной части испанской зоны река Мулуя является мало подходящей разграничительной линией и что последняя должна быть перенесена на гребень высот по левому берегу реки; это даст возможность включить племена, не дробя их, в ту или иную зону влияния. В Марокко, как и везде, даже более, реки являются местами контакта и обмена между населением, но никак не нормальными разграничительными линиями; хорошие границы здесь только гор-

ные цепи». («Au Maroc espagnol», «La France Militaire» от 21 сентября 1924 г.).

В конце сентября, когда положение испанцев в Марокко было наиболее критическим, французский генерал Фонвилль писал («L'Espagne et 1-е Maroc», «La France Militaire» от 28 сентября 1924 г.): *«Нельзя сказать, что испанский протекторат в Марокко пришел к концу, потому что испанцы, отступив к побережью, все-таки сохраняют свои права на оставленную территорию и не лишены возможности позже вернуться опять к политике "углубления"». Правда, они на более или менее продолжительный период времени утрачивают свое господство над внутренним районом, не могут проводить свою прежнюю политику и обуздать мятежные племена, живущие грабежом. Все это заставляет нас не забывать, что Французское Марокко граничит с испанским. Мы имеем ряд постов по окраине Риффа и должны ожидать, что эти посты подвергнутся более или менее настойчивым покушениям со стороны племен испанской зоны, ободренных отступлением солдат короля Альфонса XIII. Однако договоры воспрепятствуют нам доступ в эту зону. Что же мы, так и должны будем топтаться на месте? Неужели мы никогда не будем иметь права преследовать нападающих? Тогда они будут без конца возобновлять свои налеты. Подобное положение для нас невыносимо. Волнения среди племен испанской зоны не только будут продолжаться бесконечно, но будут все время представлять самый опасный очаг заразы и для нашей собственной зоны. Нам нужно право интервенции. Соглашение на этот счет между Францией, Испанией и Англией не представляется невозможным. Англия тоже желает сказать свое слово в марокканских делах».*

Одним словом, начались разговоры о новой дележке. Только французский империализм не так легко пойдет на уступки, как испанский. Как указывалось выше, и положение у него гораздо прочнее, да и ресурсов побольше, чем у полунищей Испании. За свою добычу он будет драться жестоко. Но английским предложением обеспокоена и Италия. Итальянская буржуазная печать с напряженным вниманием и волнением следит за ходом событий в Марокко

и настаивает на необходимости для Италии своих прав в Испанском Марокко. Таким образом, у испанцев уже нашлись три наследника, не считая самих марокканцев.

Дальнейшие события покажут, какой оборот примет эта дележка. Во всяком случае, над европейским горизонтом начинают сгущаться тучи. Недавние друзья могут очень и очень крупно посориться. Тем лучше для марокканцев. Если Абд аль-Кериму удастся и впредь сохранить сплоченность берберских племен и намечающуюся передышку умело использовать для укрепления аппарата власти нового государства, если эта власть сумеет на деле сохранить свою независимость от иностранного капитала, — то Рифф действительно может стать ядром будущего свободного, национально возрожденного и единого Марокко. Общие перспективы борьбы колониальных народов этому вполне благоприятствуют. В лице же рабочих Франции и Испании бойцы за независимость Марокко будут иметь горячих сторонников и верных помощников. Об этом достаточно красноречиво говорит тот привет, который послал Абд аль-Кериму Центральный комитет Французской коммунистической партии. Да здравствует братский союз народов Марокко с трудящимися всего мира!

VI. ИТОГИ ИСПАНО-РИФФСКОЙ ВОЙНЫ 1924 г.

СВОБОДНОЕ ГОСУДАРСТВО РИФФ.

ПРИЧИНЫ ПОРАЖЕНИЯ ИСПАНЦЕВ

Испано-риффская война, начавшаяся столь несчастливо для испанского оружия летом 1924 г., закончилась беспрецедентным поражением испанцев, потерей ими двух третей оккупированной за последние десять лет территории и отходом почти по всей линии на позиции 1912 г.

Штаб испанского главнокомандования старается представить этот отход в виде заранее предрешенной и планомерно проведенной операции, давшей будто бы испанской армии ряд тактических и стратегических преимуществ и укрепившей ее положение.

Конечно, «при плохой игре надо делать хорошую мину», как говорит французская пословица. Но результа-

ты игры так очевидно плохи, а «хорошая мина» получается такой кислой в освещении самой же испанской правительственной прессы, что ею никого не введешь в заблуждение.

По самым скромным подсчетам, даваемым французской и английской печатью, этот «блестяще выполненный отступательный марш» обошелся более чем в 20 000 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести и 7000 пленными. Нечего добавлять, что при таких потерях совершенно неизбежно оставление противнику значительного материального имущества, что, впрочем, не отрицается и самими испанцами. Наибольшие потери понесли испанцы при своих попытках деблокировать Чечауан, осажденный повстанцами, и позднее, при эвакуации этого пункта. Так, например, по данным «Таймс», один только бой в долине реки Лау на подступах к Чечауану стоил испанцам 29 офицеров, 770 солдат, нескольких орудий, 12 пулеметов и пр. Для того чтобы пройти расстояние в 50–60 км от Тетуана до Чечауана, испанцам потребовалось две недели ежедневных упорных боев, связанных с большими потерями. Освобождение Чечауана, состоявшееся в конце сентября, мало отразилось на общем ходе операций. Восстание продолжало разрастаться, отдельные укрепления и посты подвергались осаде, и вскоре испанцам стало ясно, что Чечауан, их главный опорный пункт в центре западной зоны, удерживаться ими в этих условиях не может. Главной квартирой принимается то самое решение, которое Примо де Риверой выдано за «преднамеренное и планомерное осуществленное решение». «Преднамеренность» видна из сказанного, а что касается «планомерности осуществления», то она достаточно ярко характеризуется тем, что почти весь пятнадцатитысячный гарнизон Чечауана был при отступлении уничтожен кабилами в районе Дар-Якоба, к северу от Чечауана.

Такая же участь постигла гарнизоны целого ряда других пунктов. Во многих случаях для спасения гарнизонов испанское командование пошло на прямую капитуляцию. Такие капитуляции на официальном языке получили специальное название «политических приемов во

избежание пролития крови». Так, например, было с гарнизоном укрепления Бухарацца, к юго-западу от Тетуана. После крушения попыток освободить гарнизон силой оружия испанскому командованию ничего больше не осталось, как прибегнуть к этому самому «политическому приему». Кабилы, державшие крепость в осаде, потребовали за выпуск гарнизона выкуп в несколько сот тысяч пестов золотом, выдачи оружия и всей материальной части. Высшее командование в Тетуане не могло примириться с мыслью, что солдаты бухарацкого гарнизона после длительной, мужественно выдержанной осады отойдут без оружия. И вот приходят к такому соглашению: оружие гарнизон сохраняет, но победителям выдается такое же число новых винтовок.

Легко представить себе, какое впечатление на войска и на противника производили подобные факты!

Столь же обоснованным является и утверждение испанского командования о большей прочности новой военной линии и о приобретенных путем отхода стратегических и тактических преимуществах.

Чтобы получить ясное представление о полной нелепости этих утверждений, стоит лишь взглянуть на карту прежних и нынешних военных границ западной полосы испанской зоны.

Испанские посты этой полосы распространялись в глубь страны по трем направлениям:

- 1) от Тетуана на Чечауан с двумя ответвлениями — в долину Лау и на Бухарацц;
- 2) через территорию племени бени-арос, от Мегареса и в глубь горного массива Джебала;
- 3) по долине реки Лукоса, вдоль границы с французской зоной.

В настоящее время большая часть этих укрепленных линий отдана противнику, и взамен испанцами организована новая линия укреплений, имеющая целью прикрыть шоссеюную дорогу Тетуан — Танжер и строящуюся железную дорогу Танжер — Лараш — Эль-Кзар. В общем протяжение этой линии немногим меньше старой линии постов, и оборона ее потребует выделения в качестве гарнизонов немалого числа войск. Таким образом, важней-

шее преимущество, на которое рассчитывало испанское командование, а именно — выделение избыточных войск в виде свободных маневренных групп многого ни в коем случае дать не может.

Что же касается условий самой обороны, то они стали отнюдь не легче. В руках испанцев остается узенькая приморская полоса земли, без всякого тыла, и удерживать ее будет крайне трудно.

Наконец, что особенно важно, надо считаться с теми политическими и военными последствиями, которые создались в связи с поражением испанцев на противной стороне.

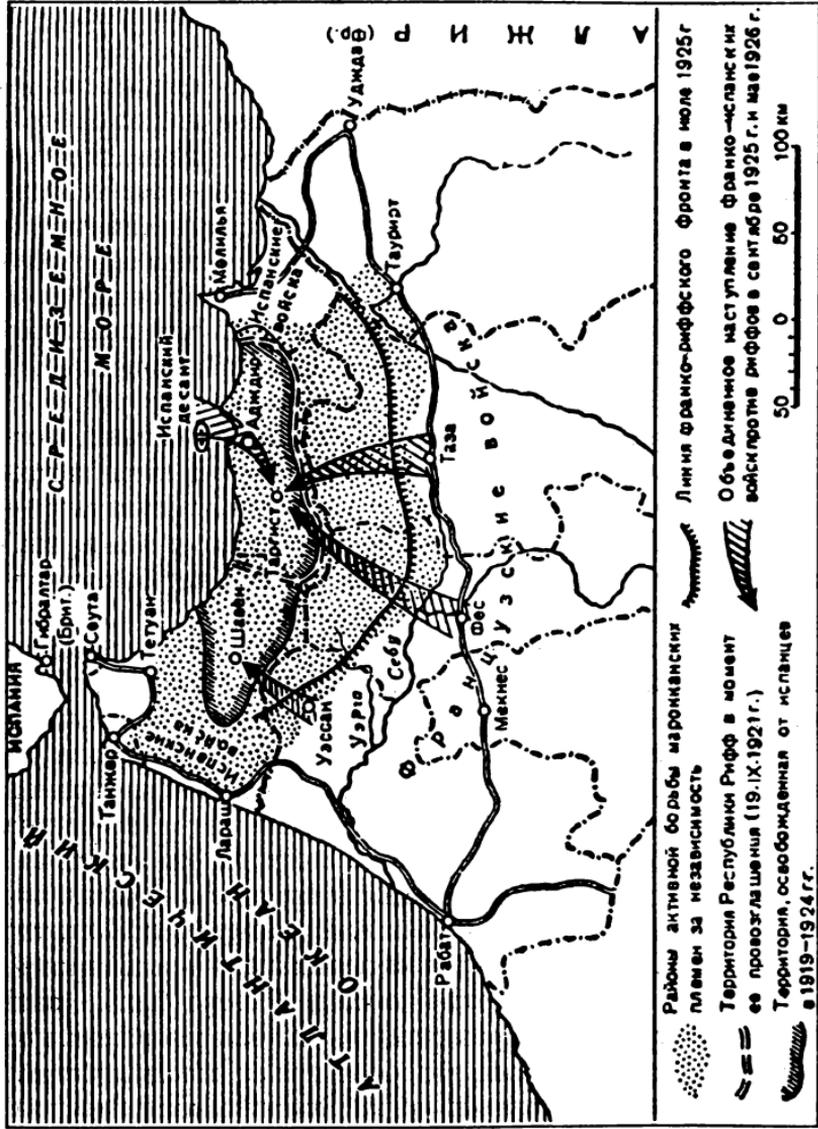
Первым и самым серьезным из них является создание и оформление свободного государства Рифф, охватывающего всю остальную часть территории испанской зоны. Начало прочному политическому и военному объединению риффских племен было положено аннуальским разгромом генерала Сильвестра. Абд-аль-Керим, победитель генерала Сильвестра, сразу же вырос в глазах всех риффских племен на недосягаемую высоту. Получив в свои руки огромное количество трофейного оружия и 4 млн песет за выкуп пленных, он приобрел такую силу, которая позволила ему ставить задачи гораздо более широкого масштаба. Район его операций с этих пор уже не ограничивается областью Мелильи, а захватывает и западную полосу испанской зоны. Восстание племени гомара летом 1924 г., послужившее началом всеобщего восстания кабийских племен западной полосы, было организовано братом Абд аль-Керима, бывшим студентом-горняком Мадридского политехникума. «Маленький Магомед», как звали этого студента в Мадриде, выполнил свое задание блестяще. Он не только сумел организовать крупное наступление в долине реки Лау, но и использовал недовольство племен джебала притязаниями Рэсули для поднятия общего восстания.

В ходе дальнейших событий влияние Абд аль-Керима прочно устанавливается и здесь. Рэсули, попытавшийся оказать ему сопротивление, терпит поражение и, оставленный всеми приверженцами, со всеми своими богатствами и огромными запасами военного имущества и оружия

попадает в плен к Абд аль-Кериму. Окончательным итогом испанского отхода явилось объединение под властью Абд аль-Керима не только племен самого Риффа, но и всей западной половины испанского Марокко. Это значит, что под его руководством образовалось централизованное мусульманское государство, располагающее более чем 20 000 кв. км территории с полумиллионом жителей. Это факт огромнейшего значения. Отныне претендентам на Марокко придется иметь дело не с отдельными разрозненными племенами, а с организованным политическим целым. Блестящие победы кабиллов послужили мощным толчком к пробуждению и развитию у них национального чувства. Авторитет и личное влияние Абд аль-Керима колоссальны. Все, что известно нам о внутренней жизни Риффского государства, говорит об огромных достигнутых им результатах по уничтожению племенной розни, преодолению местных партикуляристских стремлений и созданию единой крепкой централизованной власти.

Не следует забывать дальше, что эта власть в конечном итоге войны получила в свое распоряжение огромные военные и технические ресурсы и имеет возможность противопоставить завоевателям порядочную вооруженную силу. Сам Абд аль-Керим в одной из своих прокламаций определяет ее в 50 000 воинов.

Таким образом, обстановка, создавшаяся в Марокко в результате испанского поражения, изменяется в корне. Опасность грозит не только последним остаткам былого испанского величия в Марокко, но и французам. Отголоски побед риффанцев широким эхом разнеслись по всему мусульманскому миру, всюду пробуждая подъем национальных чувств и надежду на победу над иностранными поработителями. В первую очередь с этими новыми обстоятельствами придется считаться французам. Волнения среди племен, соседних с Риффом, уже начались. Волна их может прокатиться по всему Марокко, и тогда может затрещать здание колониального могущества не только Испании, но и Франции. Марокко становится основным звеном в цепи национально-освободительных войн народов Востока. Если это звено выдержит испытание, то неизбежно крушение и всей цепи колониального рабства. Поэтому

Рифская война, 1921-1926 гг.

мы будем являться в самом близком будущем свидетелями новой ожесточенной борьбы, которая решительно охватит Марокко. Начало ей уже положено теми кровавыми битвами, которые уже в течение двух месяцев развертываются на границах французской и испанской зон.

Чтобы судить о вероятном исходе этих новых грядущих столкновений и дальнейших перспективах национально-освободительного движения марокканцев, следует остановиться на более детальном анализе причин последнего разгрома испанцев. Такой анализ, несомненно, поможет разобраться во всей сложности марокканской обстановки и даст необходимые путеводные нити для суждения о будущем. Кампания 1924 г. закончилась разгромом 150-тысячной испанской армии 3-4 десятками тысяч плохо вооруженных «бандитов».

Какой поразительный факт! На стороне испанцев огромное численное превосходство, неизмеримо лучшая техника, совершенная военная организация, и в результате — поражение. Факт этот настолько интересен и на первый взгляд кажется таким загадочным, что требует более подробного освещения.

В чем же кроются причины этого беспрецедентного поражения? Одной из самых главных причин является выше уже отмечавшаяся слабость основного испанского тыла. Государство истощено. Народ в своей массе от войны устал и, видя лишь одни непрерывные неудачи, относится к ней с нескрываемой враждебностью. Война непопулярна не только в народных низах, но и среди значительной части правящих классов. Хозяйственная роль Марокко в экономике метрополии ничтожна. Поэтому-то в Испании марокканский вопрос зовется «марокканским кошмаром», и сам всемогущий диктатор Primo de Rivera был до захвата им власти антимарокканцем, что сыграло немалую роль в его популярности в первое время его диктатуры. Только поставщики армии и фабриканты военного снаряжения, кроме, конечно, военных офицерских кругов, заинтересованы в дальнейшем продолжении войны. При этих условиях трудно ожидать от испанских солдат какого бы то ни было воодушевления и готовности подставлять свои лбы под марокканские пули. Это вполне объяс-

няет появление таких документов, как упоминавшееся выше воззвание Примо де Ривера к армии, стыдившее солдат за сдачу почти безоружному врагу. При таком настроении народа вести победоносную войну невозможно. И чем скорее поймут это испанские заправилы, тем будет лучше для них. Политикой узколобого упорства они верно идут по пути подготовки внутреннего революционного взрыва. По многим признакам — он не за горами.

Другой причиной испанского поражения следует считать неудачную и неумелую административно-гражданскую политику испанских колониальных властей и полное отсутствие хозяйственно-творческой инициативы. В противоположность французам, сумевшим овладеть реальной властью в стране путем использования и сохранения старого туземного административного аппарата, испанцы, по существу, не имели никакой определенной системы. Все эти годы они метались между методами управления, заимствованными у французов, и своими собственными, доморощенными средствами военно-политического нажима. Результаты получились крайне плачевные: ни в народных низах, ни в туземных социальных верхах испанцы не сумели создать никакой опоры.

За все годы своего владычества испанцы не создали между собой и туземным населением никаких общих экономических интересов и не дали стране ничего в смысле развития ее производительных сил. В то время как французы успели развернуть колоссальную экономическую деятельность и создали таким образом почву для своей смышьки с туземными верхами, испанцы не дали стране ничего, кроме сети военных постов и связывавшей их между собой сети военных дорог. Недаром сам Абд аль-Керим в своих агитационных выступлениях неоднократно подчеркивает эту положительную сторону французской работы в Марокко. В газете «Le Temps» от 24 декабря 1924 г. в статье Реджинальда Канна мы находим следующую любопытную выдержку из одной его прокламации:

«Французы, — говорит он, — это замечательный народ. Они оказали Марокко большие услуги, обеспечив спокойствие, дав блага цивилизации — дороги железнодорожную колею, автомобили, телефоны, телеграф и пр. в

Риффе я тоже восстановлю порядок. Я буду иметь столицу такую же большую, как Лондон, и такой же надежный порт, как Касабланка. Зачем просить у иностранцев то, что вам может дать марокканец? Время французов прошло. Пусть они уступят нам место добровольно, иначе мы их выгоним вон».

Характерное признание некоторых положительных сторон французского хозяйничанья! Ничего подобного про испанцев никто в Марокко сказать не может. От начала и до конца они оставались кучкой пришельцев-завоевателей, абсолютно чуждых и враждебных стране. На почве вышеизложенных фактов ясно, что никакой твердой, последовательной политики, ни военной, ни гражданской, испанцы вести не могли. Персональным отражением этого являлась та чехарда высших чиновников — правителей края, которая имела место все время. Почти каждый год Марокко видело нового верховного комиссара. Так, с 1921 г. их сменилось четыре: генерал Беренгер, Бюргет, маркиз Эзпуру и, наконец, сам Примо де Ривера. Каждое новое лицо означало новую политическую линию, новую ломку установившейся практики и новые методы в ведении военных операций. При таких условиях тут не только чахлый испанский милитаризм, но и более здоровый не нагулял бы себе румяных щек. Особенно вредно и прямо губительно сказалась эта смена руководящих верхов в области военной политики. Выше уже отмечался случай с генералом Бюргетом, сменившим генерала Беренгера и принявшимся, выражаясь словами одного из персонажей Глеба Успенского, все делать «совершенно напротив» своему предшественнику.

Самая военная организация испанцев страдала рядом существенных недостатков. Испания вела войну при помощи своих регулярных войск, подвергавшихся в своем повременном составе частой смене при ежегодных призывах. Такие войска для ведения колониальной войны мало пригодны. Профессиональных войск, хорошо знакомых с театром военных действий и привычных к его условиям, вроде французских иностранных легионов и полков французской африканской пехоты и конницы, у испанцев не было. Правда, в 1920 г. они тоже решили создать инос-

трантные легионы, но этой задачи не успели довести до конца. Наряду с этим следует отметить недостаточную укомплектованность действующих частей бойцами. Тыловой аппарат представляет непомерно разбухшую величину, число же бойцов очень ограничено. Этот недостаток еще более усугубляется своеобразными условиями марокканской войны. Разделение армии на маленькие гарнизоны, разбросанные по всей стране, с трудностью их снабжения вело к еще большему увеличению административно-хозяйственного аппарата за счет боевого элемента. Таким образом, хотя общая численность испанской армии в Марокко выражалась сногшибательной цифрой в 150 000 человек (к концу 1924 г.), фактическое число бойцов вряд ли превышало 60–70 тыс. человек.

Неудачей следует признать и всю систему военного закрепления, которая была принята испанским командованием. Система эта заключалась в создании вдоль важнейших дорог и в важнейших в стране, в тактическом отношении, пунктах бесчисленного количества укрепленных «постов», «блокгаузов», «сторожевых башен» и т. п.

Главнейшими отрицательными сторонами этой системы являлись:

1. Отвлечение больших количеств войск для занятия этих пунктов гарнизонами. На эти цели уходила большая часть всей оккупационной армии.

2. Неподвижное сидение за оградой постов и проводочных заграждений разлагающе действовало на моральное состояние гарнизона, убивая дух предприимчивости и ведя к подчинению воле противника.

3. Необходимость отвлечения крупных сил для прикрытия операций по снабжению этих укреплений продовольствием и огнеприпасами. Для выполнения этих задач приходилось расходовать все остальные части, находившиеся в распоряжении командования, и благодаря этому лишать его последних свободных маневренных ресурсов.

В результате всего этого инициатива целиком и полностью переходила в руки противника. В общем, получалась такая картина: часть испанской армии распылена по всей стране и сидит неподвижно в блокгаузах за проволокой; другая часть непрерывно занята походами по снабжению

неподвижных гарнизонов, т.е. тоже лишена возможности маневрировать. Риффанцы же, не будучи связаны действиями испанцев, могли сосредоточивать силы в любом пункте и бить противника на выбор, по частям. Будучи великолепными стрелками и отличными, мужественными и хладнокровными бойцами, они в этой мелкой партизанской войне могли причинять испанцам огромные потери и в конце концов вынуждали их к отступлению. Ошибочность этой системы была признана и самими испанцами. Так, генерал Примо де Ривера в интервью, данном им в Тетуане специальному корреспонденту газеты «Journal», сказал:

«Что в действительности случилось, это то, что, несмотря на наш многовековой опыт в Африке, была допущена крупная ошибка в нашей системе оккупации. В течение немногих лет мы покрыли эту страну, где так труден вопрос коммуникации, массой мелких постов. Можете представить себе, что мы имели от одного края зоны до другого почти 400 блокгаузов или укрепленных пунктов с гарнизонами от 10 до 100 человек. Эти посты поглощали в общем свыше 20 000 человек. А так как большинство этих постов было расположено на высоких пунктах, то вопрос снабжения их водой представлял огромные затруднения. Как скоро противник получал возможность перехватить водопроводы, самые лучшие гарнизоны через две недели уже должны были сдаваться».

Наконец, нельзя было не отметить и природных — географических и климатических — условий театра военных действий. В большей своей части это горная, сильно пересеченная страна с плохими дорогами, узкими ущельями и великолепными местами для всякого рода засад и внезапных нападений. Вдобавок ко всему прочему местность очень бедна водой и отличается почти полным отсутствием фуража. Все приходится запасать на стоянках при основных базах и везти с собой. Принимая во внимание отмечавшуюся выше непригодность регулярных испанских войск к этим условиям, в частности, их непригодность к горной войне, немудрено было ожидать ряда крупнейших неприятностей. Отлич-

ное знание риффанцами местности, их поразительная выносливость и умеренность в пище и питье делали их страшными противниками и открывали им возможность проведения ряда блестящих операций. Техника в этих условиях теряла немало в своем значении. На первое место выдвигался сам боец со своими индивидуальными качествами.

Перечисленные причины делают понятными и капитуляцию отдельных постов укреплений и большие потери испанцев при их попытках снабдить тот или иной пост припасами или освободить его от осады. При всей своей технической мощи испанская армия была лишена маневренной наступательной способности. В этом был ее главный недостаток, заранее обрекавший ее на поражение. Тот, кто выпускает инициативу из рук, подвергается риску поражения даже при слабом противнике. Риффанцы же в данных условиях места и времени слабыми отнюдь считаться не могут. Их основной недостаток — отсутствие вооружения — был с лихвой возмещен богатыми трофеями, доставшимися им в руки от самих же испанцев. Частью же он, видимо, устранялся и путем контрабанды. Миллионы песет, полученных Абд аль-Керимом за пленных, вероятно, прежде всего, нашли свое употребление в этом направлении. Судя по тем заботам, которые Испания и Франция уделяют сейчас вопросу об установлении фактической блокады риффского побережья, этот источник снабжения был не из маловажных.

В отношении дальнейших перспектив борьбы риффанцев одним из основных моментов следует считать вопрос о снабжении боеприпасами, главным образом, патронами. Винтовок у них достаточно. Немало есть и другого оружия. Пока хватает и патронов. Но их запасы быстро иссякнут. С их исчезновением и самое сопротивление станет крайне трудным, если не невозможным. Впереди у них долгий крестный путь тяжелой борьбы, страданий и жертв. Шансов на победу немало. Чтобы увеличить их еще больше, надо разрешить проблему снаряжения патронов местными средствами. Задача переснаряжения патронов не так сложна, и, надо думать, риффанцы с ней справятся.

Я уже говорил о том коренном изменении обстановки, которое произошло в связи с фактом объединения всего Испанского Марокко во главе с Абд-аль-Керимом. В военной области это обстоятельство тоже создает целый переворот.

До сих пор испанцы имели дело почти исключительно с отдельными разрозненными племенами. Организованной регулярной армии, сражающейся в любом пункте страны, у риффанцев не было. Большая часть их бойцов сражалась только на территории своего племени или близ нее. Как только неприятель отходил за пределы этой территории, бойцы данного племени возвращались в свои поселки. Это, разумеется, значительно ослабляло ударную силу повстанческих войск, делая их способными только на выполнение ограниченных целей и облегчая, таким образом, положение противника. Объединение власти в руках Абд аль-Керима и создание централизованного государства, наряду с ростом национальных чувств кабилы, ведет и к централизации военного руководства. В этом отношении Абд аль-Керимом принимались и принимаются решительные меры. Им строится новая организация вооруженных сил Риффа и твердой рукой осуществляется принцип единого руководства ими. Все это вместе взятое немалого увеличивает силу сопротивления риффанцев и делает задачу их покорения крайне трудной даже для такой мощной империалистической державы, как Франция. Результаты первых вооруженных столкновений Абд аль-Керима с французами вполне подтверждают этот вывод. Подробнее остановимся на этом дальше.

VII. ФРАНКО-РИФФСКАЯ ВОЙНА

Неизбежным результатом поражения испанцев и создания в северном Марокко независимого государства кабилы с центром в Риффе должно было быть распространение военных действий и на Французское Марокко. Блестящие победы Абд аль-Керима над испанцами прокатились громким эхом по всему мусульманскому Востоку. Эти победы, одержанные над армией большого европейского государства, — армией, обладающей всей мощью со-

временной техники и организованной согласно последним требованиям военного искусства, — дают неслыханной силы толчок национально-освободительному движению всех колониальных народов. Во всем мусульманском мире имя Абд аль-Керима окружено ореолом и является символом расцветающих надежд на грядущее освобождение от ига империалистов. Разгром испанцев является фактом мирового значения. Он означает не только крушение колониальной мощи Испании, но и начало краха всей империалистической политики колониальных держав. За ходом военных операций в Марокко следило и следит с огромным интересом население всех остальных североафриканских колоний европейцев: Французского Марокко, Алжира, Туниса, Триполи и Египта. Не меньшим вниманием пользуются эти события и среди мусульманских народов в передней Азии и Аравии. Совершенно очевидно, что создание государства Риффа является таким примером, который будет действовать чрезвычайно заразительно; сохранение и преуспевание его абсолютно несовместимо с сохранением империалистического господства во всех других странах.

В первую очередь и в наибольших размерах эта опасность угрожает сейчас африканской колониальной империи Франции.

Наивно думать, что французы смогут обеспечить режим мирной капиталистической эксплуатации в Марокко, имея под боком независимый Рифф. Одно исключает другое. Если независимый Рифф окрепнет, то это будет означать неизбежное крушение французов во всем Марокко.

Но этим дело не ограничится. Население всей северной Африки однородно в национальном отношении. Поражение Франции в Марокко сейчас же поведет к подрыву ее положения и в Алжире и в Тунисе, а стало быть, и во всей африканской империи Франции, осью которой, ее становым хребтом являются указанные колонии. Может ли примириться с этим капиталистическая Франция? Ни в коем случае. Судьба французской буржуазии теснейшим и неразрывным образом связана с судьбой ее африканских владений. Последние являются и местом вложения огромнейших капиталов, и источниками всевозможного

сырья, и резервуарами живого человеческого материала для поддержания империалистической политики, не находящей уже достаточных ресурсов в своей собственной стране. При этих условиях совершенно ясно, что основной задачей современной французской политики в Марокко будет стремление сокрушить Абд-аль-Керима и ликвидировать Рифф как свободное, независимое государство.

Заявление французского премьера Пенлеве в палате депутатов: *«Франция не преследует в Марокко захватных целей. Речь идет только о защите французской зоны»* — вынужденное лицемерие.

Война Франции с Риффом была абсолютной неизбежностью. Эта война и началась в апреле текущего года и длится уже почти четыре месяца. Интересно отметить, что при возникновении этой войны, точно так же, как это было в 1914 г., во Франции немало чернил было пролито над решением вопроса, кого следует считать непосредственным виновником войны, нападающей стороной. На этот вопрос вся правительственная пресса, включая и социалистов, отвечает утверждением, что виновником войны Франция ни в коем случае считаться не может, что война началась вторжением риффанцев на территорию французского протектората и что, следовательно, в этом целиком повинен Абд аль-Керим.

Смысл этих утверждений ясен. Они преследуют цель обмана французского общественного мнения относительно истинных причин конфликта и создания, таким образом, настроения, благоприятного для ведения войны. В этом обмане приняла участие и Французская социалистическая партия, хватаящаяся за теорию «непосредственных виновников» для оправдания своей империалистической позиции в этом вопросе. В противном случае ей грозила бы опасность окончательно подорвать свой кредит в рабочих кругах Франции, враждебно настроенных против ведения колониальных авантюр.

Этот пример еще раз доказывает, что теория «непосредственных виновников» является средством одурачивания народных масс и осуществления империалистических замыслов.

Если в данном случае взять вопрос по существу, то для непредубежденного человека, казалось бы, этот вопрос просто странно даже ставить. Можно ли всерьез говорить, что в борьбе марокканских племен с испанцами и французами последние оборонялись, а первые были виновниками войны? Всякий, не порвавший целиком и полностью с социализмом, с пролетарской точки зрения не может не видеть в самой постановке такого вопроса величайшей подлости, лицемерия и полной капитуляции перед классовыми интересами буржуазии. Но в данном случае, даже с точки зрения вышеуказанной теории, враждебная инициатива все-таки, несомненно, принадлежала французам. Попробуем восстановить фактический ход событий.

Немедленно после того, как стала выясняться невозможность для Испании удержаться в своей зоне, французское командование в Марокко, в лице маршала Лиотэ, начало проведение в жизнь ряда мероприятий по подготовке боевых действий с риффанцами. Еще осенью прошлого года маршал Лиотэ едет во Францию, чтобы путем непосредственного воздействия убедить правительство в неизбежности войны и в необходимости немедленного значительного усиления французской оккупационной армии в Марокко. При своем возвращении из Франции Лиотэ в беседе с журналистами заявил о необходимости для Франции проведения «некоторых операций по очищению от риффских контингентов полосы территории, пограничной с испанской зоной». Что это за территория и какое положение дела было в ней до начала франко-риффских столкновений?

Это — узенькая, километров в 20–30, полоска земли вдоль так называемой франко-испанской пограничной линии, захватывающей, между прочим, район небольшой реки Уэрги. Полоса эта никогда не занималась ни французами, ни испанцами. Никакой пограничной линии не существовало, и ее никто и не пытался проводить. Таким образом, даже самый вопрос о формальной принадлежности того или иного участка к территории французской или испанской зон является совершенно неопределенным. Что же касается фактического положения дел, то племена этой территории уже давно связаны с Риффом, и, в частности, долина

Уэрги, отличающаяся своим плодородием, была житницей последнего. Осенью того же 1924 г. эти операции частично были проведены, и французы создали, примерно на расстоянии 20 км к северу от долины Уэрги, линию укрепленных постов, отрезавших риффанцам доступ в долину. Этим самым племена Риффа фактически обрекались на голодную смерть.

Мы располагаем сведениями и о тех взглядах, которых держался глава риффов Абд аль-Керим по этому вопросу. В английской газете «Times» от 11 ноября приводится корреспонденция из Танжера, освещающая этот вопрос с точки зрения риффов. Вот выдержки из нее:

«Абд аль-Керим заявляет, что район долины верхней Уэрги (северо-восточнее Феса), занятый недавно войсками французского протектората, был в момент этого занятия в полном и непосредственном подчинении ему, Абд аль-Кериму, и что, следовательно, это выдвигание французских войск на север явилось враждебным актом и представляет собой вторжение на территорию риффских владений. Он считает, что граница французского протектората не распространяется к северу от того района, который французы фактически заняли к началу его (Абд-аль-Керима — М.Ф.) победоносного наступления на испанцев. Тогда оставалась, как и теперь, широкая полоса территории, не занятая ни испанцами, ни французами. Как будет считаться эта территория — принадлежащей к испанской или французской зоне, — для него совершенно безразлично, и этот вопрос касается только Франции и Испании. Риффское правительство никогда не признавало дробления Марокко на зоны влияния. Здесь есть только одно практическое доказательство законности: это — фактическая оккупация. Абд-аль-Керим довольствуется тем, что занимает этот пограничный район, а в какую зону он попадает и кто ее считает своей — испанцы или французы или те и другие вместе, — пусть они этим и интересуются. Он отказывается разыскивать отметки и французской, и испанской разграничительной линии в этом районе. Его войска, заявляет он, занимают в настоящее

время эту не занимавшуюся никем раньше территорию, и он поэтому имеет законнейшую власть над населяющими ее племенами».

Корреспонденция дальше говорит о желании Абд аль-Керима урегулировать вопрос с французами, не прибегая к силе оружия, и вместе с тем о его твердой решимости защищать спорные территории всеми силами, если войска протектората будут пытаться их занять.

«Абд аль-Керим высказывает сожаление, что ему приходится вступить в раздоры с французским протекторатом. При всем желании жить с последним в дружеских отношениях, он не может дозволить французским властям, основывающим свои претензии на договоре, который риффское правительство отказалось признать, захватывать территорию, фактически занятую силами риффов и состоящую в подчинении риффского правительства». Вряд ли тут могут возникнуть какие бы то ни было сомнения в абсолютной, и формальной и фактической, правильности — с какой угодно точки зрения — позиции риффанцев. Вся их «вина» заключается в том, что, согласно морали известной крыловской басни, «французскому волку хочется кушать». Но, к его несчастью, риффский «ягненок» оказался не очень похожим на своего сородича из крыловской басни, и над ним, прежде чем проглотить, придется поломать немало зубов. Итак, военные действия начались осенью 1924 г. вторжением французских войск в принадлежавшую фактически риффанцам долину верхней Уэрги и сооружением здесь укрепленной крепостной линии.

Ответом на это со стороны риффанцев был переход в наступление на территорию французского протектората в апреле 1925 г.

Это наступление развернулось сразу в двух направлениях: на столицу марокканского протектората и резиденцию султана — Фес и на город Тазу, расположенный на железнодорожной магистрали, соединяющей Фес с Алжиром. Наступление это, проведенное с величайшей стремительностью и энергией, привело к прорыву французской укрепленной линии, взятию риффанцами некоторых

мелких постов, блокаде всех остальных и ряду мелких стычек с отдельными французскими отрядами, причинивших последним немало потерь. Принимая во внимание заблаговременную длительную подготовку французов и сосредоточение ими в угрожаемом районе значительных сил, успехи риффанцев надо признать довольно крупными. Значение их нельзя измерять количеством взятых у французов трофеев. В этом отношении, конечно, эти операции не могут идти в сравнение с победами риффов над испанцами. Но политические и стратегические последствия этого прорыва оказались колоссальными.

В результате его, во-первых, сразу были сведены на нет все усилия французов по закреплению их влияния среди племен пограничной полосы. Все эти племена, сильнейшими из которых являются гезаубени-зеруаль и сенхаджа, моментально подняли восстание, взяли за оружие и своими контингентами сильно подкрепили риффанцев. Фактически главная тяжесть ведения дальнейших операций легла именно на них. Но инсургенция районом этих племен не ограничилась. Брожение с молниеносной быстротой стало распространяться в глубь французского протектората, охватывая одно племя за другим. Особую опасность для французов представляет положение дел в районе Тазы. В одном из предшествующих очерков была приведена история борьбы французов по уничтожению так называемого «Тазского пятна». Как мы видели, эта борьба осталась далеко не решенной. Правда, французам удалось закрепиться в этом районе и разоружить большую часть непокорных племен. Но их гарнизоны в этой стране чувствуют себя, как на вулкане. Достаточно искры, чтобы вулкан начал действовать, и тогда почва кругом заколеблется, и заколеблется не на малых расстояниях. Ведь там, дальше к югу, к горам Среднего Атласа, горючего материала тоже довольно. Нечего говорить, что успехи риффанцев моментально разнеслись стостой молвой далеко по стране, сея элементы брожения и недовольства и подготавливая почву для дальнейших успехов Абд-аль-Керима. Все это прекрасно учитывается французами. Они понимают, что им нужен незамедлительный и решающий успех, иначе безвозвратно падет их пре-

стиж, а с ним вместе и господство над страной. Поэтому, стянув подкрепления, они пробуют взять инициативу в свои руки и в свою очередь переходят в наступление. Наступление было организовано одновременно по трем направлениям, тремя отдельно действующими колоннами. На центральном, фесском, участке действовала колонна полковника Фрейденберга, вдоль дороги Фес—Таунат; вправо от нее, на тазском направлении, — группа полковника Камбэ и влево, вдоль другой дороги из Феса на северо-запад к Фес—Эль-Бали, — группа генерала Коломба.

Решающая роль была возложена на левофланговую колонну, целью операций которой была поставлена задача по овладению горным массивом Бибаном, являвшимся ключом позиций риффанцев во всем районе Уэрги. Остальные две колонны должны были играть второстепенную роль, оттягивая на себя силы противника и преследуя цели местного значения (освобождение от блокады постов, снабжение их и пр.) Операция началась в первой половине мая и первоначально дала французам некоторые тактические успехи. Большинство постов было деблокировано и подкреплено. В частности, колонна генерала Коломба после ожесточенных боев овладела 13 мая 1925 г. городом Бибаном.

Но основная задача, преследовавшаяся наступлением, — нанести решительное поражение риффанцам и восстановить положение в приграничной полосе, — достигнута не была. Энергия риффанцев отнюдь не была парализована, племена покорности не изъявили, и осада большинства постов возобновилась сейчас же после отхода в тыл маневренных групп. Больше того, в конце того же мая риффанцы вновь переходят в бешеное наступление.

Центр тяжести своего давления на этот раз они направляют на Тазу. Одновременно ими производится ряд яростных атак на французские укрепления Бибана и организуется вторжение на территорию французского протектората дальше к западу, в районе к северу от Уэссана. В итоге новых ударов риффанцев все результаты майского наступления французов — и тактические, и моральные — ликвидируются; территория, занятая риффанцами, расширяется, повстанческое движение среди пограничных племен

неудержимо растет. Отдельные отряды риффанцев приближаются на 20–30 км к самому Фесу. В городе — паническое настроение. Резиденция султана переносится дальше в тыл, в Рабат.

Нажим риффанцев, почти не ослабевая, продолжается всю первую половину июня. Ими, помимо политических завоеваний и оккупации новых территорий, на этот раз одерживается и ряд серьезных тактических успехов. Линия французской обороны сламывается окончательно. Уже в конце мая французами очищается часть «чересчур выдвинутых вперед», по их словам, постов. В течение июня ими оставляется еще ряд постов, и, таким образом, Абд аль-Керим оказывается полным властелином не только спорной полосы земли, но и ряда новых районов.

В настроениях французского командования и самого правительства понесенные неудачи создают резкий перелом. Положение в Марокко ими начинает расцениваться как чрезвычайно серьезное. Ряд статей как военной, так и гражданской прессы признает наличие ошибки, заключавшейся в недооценке противника. *«Особенно важно не рассматривать этого дела (наступления риффанцев в апреле и мае — М.Ф.) как мимолетное вторжение, как рейд без больших последствий, о котором можно забыть по миновании непосредственной опасности. Дело идет о настоящей войне, в которой мы имеем дело с решительным и способным вождем, престиж и могущество которого выросли гигантски за последние шесть месяцев»* («Le Temps» от 23 мая 1925 г.).

Дело теперь идет не о наказании отдельных банд грабителей, но о настоящих военных операциях. Нужно, чтобы общественное мнение не ударялось в панику при наших неудачах — вторит ему генерал Рокероль, военный обозреватель газеты «La France Militaire» (25 мая 1925 г.). *«Одним из первых выводов, вытекающих из наступления Абд аль-Керима, должно быть констатирование роли факта наличия у него военных средств гораздо больших, чем это предполагалось»*, — заявляет генерал Фонвилль, главный редактор центрального военного органа.

Результаты второго наступления риффанцев были настолько серьезны, что сам глава французского правитель-

ства и одновременно военный министр генерал Пенлеве спешно вылетел на аэроплане в Марокко. О серьезности положения говорит и ряд спешно предпринимаемых французами мероприятий по укреплению их положения. В Касабланке, главной морской базе французов, кипит лихорадочная военная деятельность. В порт ежедневно приходят десятки пароходов с амуницией, боевыми припасами, продовольствием и многочисленными подкреплениями, идущими со всех концов: из самой метрополии, Алжира, Туниса, Мадагаскара и т. д. В числе посылаемых подкреплений имеются все роды оружия: пехота, конница, артиллерия и технические войска. Любопытно отметить, что среди артиллерийских частей имеются наряду с полевой артиллерией (гаубичной и 75-мм) многочисленные части тяжелой артиллерии. Особенное внимание обращается на усиление авиации, оказывающей, по признанию французов, ценнейшие услуги и во многих случаях в условиях настоящей войны являющейся прямо незаменимым средством борьбы.

Резкое ухудшение обстановки заставило французов провести также ряд организационных мероприятий, облегчающих руководство операциями и наблюдение за поддержанием порядка в тылу.

Руководство действиями трех вышеупомянутых групп, к которым с начала июня присоединилась четвертая — в районе Уэссана, было объединено в руках специального командования. На эту роль был выдвинут генерал Доган, бывший во время империалистической войны командиром марокканской дивизии и начальником штаба 10-й армии. За собой маршал Лиотэ оставил лишь общее руководство и наблюдение, сосредоточив свое внимание на вопросах тыла. Но скоро и этого оказалось недостаточно.

В конце июня риффанцы вновь усиливают свой натиск, сосредоточивая свое главное внимание по-прежнему на районе Тазы. Одновременно ими производится сильный удар на противоположном фланге французского расположения — в районе Уэссана. Атаки в районе Бибана и Тауната (фесское направление) — в центре французского расположения — продолжаются с прежней силой.

В результате положение французов, считавшееся ими к концу июня совершенно устойчивым, вновь сильно колеблется. Бои идут непосредственно под городами Тазой и Уэссаном. Гражданское население из них эвакуируется. Железнодорожная магистраль Фес — Ужда оказывается под прямой угрозой перерыва. Брожение охватывает все большее и большее количество племен территории Французского Марокко. Тревога французского командования и самого правительства усиливается. Отчет официальной парламентской комиссии, обследовавшей положение на марокканском фронте и вернувшейся оттуда в Париж в начале июля, дает следующую картину развития повстанческого движения бывших «дружественных» или просто нейтральных племен:

«18 апреля первые племена, поднявшие восстание, были бенизеруал, бени-уриагель откуда родом сам Абд аль-Керим), джайя, меграуа. В мае восстали: сешаджа, мтиуа, местара, гезауа. В июне поднялись уже в тылу французских войск следующие племена: слесс, гайана, омесгильда, хеджаца. В июле восстали племена тсуль, бранес, фиштала, шерага — перед воротами самого города Феса. Идет брожение в глубоком тылу, в Среднем Атласе».

Наглядным доказательством опасности положения является решение французов о создании настоящего, вполне организованного в масштабе большой войны фронтового управления. Район операций вдоль всей пограничной линии, начиная от Атлантического океана и до Средиземного моря, выделяется в специальную военную зону, целиком подчиненную военному командованию. Неограниченная власть фронта распространяется и далеко в глубь страны, кончаясь в непосредственной близости от Мекнеса и Рабата. Назначается новый командующий фронтом генерал Нолэн.

Вслед за этим намечается и другое решение — об отделении военных функций от гражданских, прежде объединявшихся в лице маршала Лиотэ. Согласно новому решению за ним должна быть сохранена лишь должность генерального комиссара и французского резидента в Марокко. Командные же функции переданы маршалу Пете-

ну (бывший главнокомандующий армиями французского фронта), который, таким образом, должен стать верховным главнокомандующим для всего Марокко. Ходят слухи вообще об отозвании Лиотэ из Марокко. В конечном счете после длительных колебаний это решение не было приведено в исполнение. Реорганизация французского командования в Марокко ограничилась созданием «северного фронта» во главе с генералом Нолэном и оставлением за маршалом Лиотэ функций верховного главнокомандования над всеми морскими и сухопутными силами Марокко. Роль маршала Петена, официально посылаемого как «советника по военным делам», равно и положение Лиотэ, выходят довольно неопределенными и двусмысленными.

Нужно было иметь какие-то очень серьезные основания для того, чтобы принимать решение об отстранении маршала Лиотэ, человека, в течение 12 лет непрерывно и успешно руководившего всей французской политикой в Марокко. По единодушному признанию всех — и друзей и врагов — Лиотэ был наиболее яркой фигурой из числа всех французских «проконсулов». Смещение его и начало, таким образом, в Марокко управленческой «чехарды» служат очень плохим предзнаменованием для судеб французской власти в Марокко.

Одновременно с этими решениями продолжается усиленным темпом отправка на фронт подкреплений. Во французской прессе появились слухи о предстоящем призыве двух возрастов запаса. Хотя официальное сообщение правительства их и опровергло, но вряд ли французам обойтись без этой меры. Резервы постоянной армии ограничены. Только некоторые части в своем кадровом составе имеют достаточное количество бойцов. Большинство же состоит из кадра, не могущего быть использованным в своем настоящем виде как боевая сила. Гарнизоны Алжира, Туниса и даже Мадагаскара уже израсходованы. Затронута и «армия прикрытия», стоящая на восточной границе Франции. Остается рейнская оккупационная армия.

Нет сомнения, что принятое на днях французским правительством решение об эвакуации Рура стоит не в малой

связи с событиями в Марокко. У французов не хватает действующих резервов. Их они могут взять только из рейнской армии. Вот чем можно объяснить их уступчивость в вопросе о Руре. Это тоже не очень хорошее предзнаменование для французского империализма. Вслед за Руrom может наступить очередь и Рейнской области. Война в Марокко грозит сильно ослабить французскую «вахту на Рейне».

Итак, результаты четырехмесячных операций пока решительно неблагоприятны французам. Они не только не смогли нанести решающего удара противнику, но даже не смогли восстановить занятой ими линии обороны. По сообщению «Frankfurter Zeitung», базирующейся на данных из Мадрида, положение французов к концу июля оставалось крайне напряженным. Марокканцами к этому времени было взято, большей частью приступом, около 60 укрепленных пунктов и создана была серьезная угроза другим французским позициям. Политически положение французов в Марокко уже жестоко скомпрометировано. Страх, внушавшийся прежними успехами их оружия, рассеивается, о чем свидетельствует массовый переход племен на сторону риффанцев. Несмотря на непрерывный поток подкреплений, доведших общую численность марокканской армии до 150 000 человек, французы и теперь вряд ли способны на какое-нибудь серьезное наступление. Свободных для маневров сил у них по-прежнему немного, и фактически все их операции до сих пор сводятся к тому же, что погубило испанскую армию и что сурово осуждалось самими французами, а именно к распылению сил по отдельным укрепленным пунктам, пассивному отсиживанию за их оградой и к действиям по снабжению их продовольствием и боеприпасами. Инициатива целиком и полностью остается за противником.

С такой тактикой далеко не уедешь. Если французам не удастся покончить с ней и обеспечить возможность ведения активных операций свободно действующими маневренными отрядами, то можно заранее сказать, что дело их пропало. Вопрос только во времени. В их положении пассивная тактика равносильна самоубийству. Время будет работать не за них, а против них. Все выгоды положе-

ния будут на стороне их противника, неизмеримо слабейшего технически, но сильного свободой своих действий и усиливающегося с каждым днем за счет перехода на его сторону новых бойцов.

В самом деле, силы риффанцев за эти четыре месяца не только не уменьшились вследствие потерь на полях сражений, но значительно увеличились. С ними происходит то же, что было с нашими красными дивизиями в гражданскую войну во время победных наступлений: подвигаясь вперед, они не только не таяли в числе, а, наоборот, усиливались за счет ресурсов занимаемых ими новых областей. Так же и с риффанцами: с занятием всякого нового района сила их отрядов увеличивается за счет притока новых бойцов.

Не лучше обстоит дело у французов и со стратегией. Судя по всем данным, план глубокого вторжения в глубь Риффа у них сочувствия не встречает. Правда, на пути его осуществления имеются препятствия не только военного порядка, но и политического. Вступление на территорию испанской зоны не может быть произведено без согласия Испании, и вообще оно грозит целым рядом международных осложнений, опасение которых тяжелой гирей висит на руках французского командования. С другой стороны, подобный план, единственно целесообразный и абсолютно необходимый с точки зрения благоприятного для французского капитала решения марокканской проблемы, встретил бы сильное сопротивление внутри самой Франции не только в лице коммунистов, но и большинства социалистов, а возможно, и части радикалов.

Таковы причины, вынуждающие французское командование топтаться на месте и наблюдать, как обстановка складывается для него все хуже и хуже. Но помимо политических условий, выполнение наступательного плана крайне трудно для французов и по чисто военным соображениям.

Одна сторона политических препятствий — противодействие других держав, и в первую очередь Испании, — может быть устранена путем соответствующих соглашений. Так, переговоры с Испанией на эту тему ведутся уже давно; 12 июля между Испанией и Францией подписано

соглашение, видимо, частично этот вопрос урегулировавшее. Путем террора правительству, быть может, удастся временно задушить и внутреннюю опасность. Может ли в этом случае маршал Петен организовать успешно широкую наступательную операцию?

Ответить на этот вопрос утвердительно можно лишь при допущении целого ряда «если».

Первым из них является выделение свободной для наступления силы не менее чем в 100–120 000 бойцов. Считая, что для поддержания порядка в тылу при нынешних условиях понадобится не менее 75–80 000 человек, выходит, что французы должны сосредоточить в Марокко армию минимум в 200 000 бойцов без тылов. По нашему глубокому убеждению, только такой численности армия может рассчитывать на решительный успех в борьбе с Риффом. Это исчисление мы базируем на учете тех сил, которые способен выставить в поле Абд аль-Керим, и на тщательном анализе географических, климатических и политических условий театра военных действий.

Какими же силами располагает Абд аль-Керим?

Никакими точными данными на этот счет мы не располагаем. Но косвенные указания у нас есть, и, дополнив их расчетами, основанными на учете важнейших военных ресурсов государства риффанцев, мы можем получить более или менее близкое к действительности представление о вооруженных силах Риффа.

Мы уже упоминали, что в одной из своих прокламаций сам Абд-аль-Керим определил силу своей армии в 50 000 бойцов. Мы думаем, что эта цифра почти в точности совпадает с действительностью.

Население территории Риффа составляет не меньше 500 000 человек. С новыми районами, оккупированными на французской территории, эта цифра должна подняться еще на 200–300 000 человек.

Военная организация риффанцев представляет собой милицию в самом чистом виде. Все способные носить оружие являются бойцами, образуя военные отряды «гарка» в пределах своих поселков (дуаров) и племени. При этих условиях общее количество бойцов, которое может выставить Рифф (без вновь завоеванных областей) при макси-

мальном напряжении, будет равно 60–70 000, считая по одному бойцу на 7–8 человек всего населения. Принимая во внимание молодость государства, недостаточно окрепшее чувство государственной дисциплины среди отдельных племен и пр., будет правильнее эту цифру уменьшить еще тысяч на 20. Тогда мы придем к той самой цифре, которую дает Абд аль-Керим.

На этой цифре правильно остановиться и потому, что риффанцы располагают ограниченным количеством оружия. Нет сомнения, что на всех, способных носить оружие, имеющихся в стране запасов его не хватит. На основании подсчетов, производившихся испанцами, в распоряжении Абд-аль-Керима может быть приблизительно около 40–50 тысяч скорострельных винтовок, главным образом трофейных и отчасти закупленных и ввезенных контрабандным путем. Занятие новых районов увеличивает силы риффанцев, но наряду с этим необходимо известный процент сбросить на потери, которые, по утверждению французов, являются довольно значительными. Таким образом, цифра в 50–60 тысяч человек, по всей вероятности, представляет максимум того, что может вывести одновременно в поле Абд-аль-Керим. Но одна численность говорит еще очень мало. Что же представляет собой эта военная масса в отношении своей организации, боевой подготовки, тактики и дисциплины?

Выше мы отметили, что в организационном отношении вся эта масса бойцов представляет типичную милиционную армию, известный период времени находящуюся под ружьем, а остальное время занятую своим мирным трудом. Но, по-видимому, не все вооруженные силы риффанцев состоят из ополченцев.

Такой процент бойцов во время империалистической войны дала Сербия, проявившая наибольшее военное напряжение из всех воевавших тогда государств милиционных формирований. По испанским источникам, подтвержденными и французами, Абд аль-Керим располагает известным количеством регулярных, профессиональных войск. Испанцы определяют их численность в 15 000. Мы думаем, что эта цифра преувеличена. При тех скудных материальных ресурсах, которыми располагает страна,

вряд ли она может быть выше 7–8 тысяч человек. Часть их, очевидно, составляет основную опору Абд аль-Керима в виде определенной компактной массы; другая же часть, разбитая на мелкие группы, служит кадром для милиционных отрядов (гарка).

В статье «La situation sur Ouergha» мы находим следующие указания относительно способов мобилизации этих отрядов: *«Абд аль-Кериму удалось создать среди подвластных ему племен пограничной полосы очень удачную систему военной организации, базирующейся, с одной стороны, на привычках туземцев, а с другой — на современной европейской технике. Это устроено следующим образом. Он покрыл линию фронта рядом постов командования — «мегакма», связанных с тылом дорогами, пригодными для движения легковых автомобилей, и телефонной связью. Начальник поста, непосредственно подчиненный ему (Абд аль-Кериму — М.Ф.), находится постоянно на посту с небольшим гарнизоном из регулярных войск, рабочей командой, часто состоящей из пленных, и отделением гонцов. На посту же находится склад оружия и амуниции. Достаточно телефонного звонка, чтобы привести в движение машину. Гонцы рассеиваются по всем направлениям и бьют тревогу. Бойцы округа стекаются в “магакма”, снабжаются патронами, а в случае нужды оружием. Гарка почти мгновенно готова вступить в бой» («Le Temps» от 23 мая 1925 г.).*

Все эти отряды являются пешими. Таким образом, вся военная мощь риффанцев покоится на пехоте. О других родах оружия точных данных нет. Правда, и испанская, и французская пресса очень много распространяется на тему о наличии у Абд аль-Керима артиллерии и даже авиации. Пушки, а, вероятно, также и несколько аэропланов, захваченных у испанцев, у риффанцев, несомненно, есть. Так, по самым скромным подсчетам, ими было взято у испанцев не менее 50 орудий. Но это, конечно, артиллерии еще не создает. Трудность добывания снарядов еще более усложняет положение, и применение артиллерии в бою может носить со стороны риффанцев лишь случайный, спорадический характер. Официальные французские донесения целиком это подтверждают. Случаи введения

риффанцами в бой пушек были очень редки и ограничивались стрельбой по отдельным осаждавшимся ими постам. Разумеется, ни о какой научной стрельбе не может быть и речи. По единогласному свидетельству участников боев, риффанские артиллеристы плохи и умеют стрелять только прямой наводкой.

Вот свидетельство об этом непосредственного участника военных действий, капитана Дюбуно, командовавшего французским постом Дар-Аулэ, в течение 22 дней выдерживавшего осаду:

«Мы имели против себя 3 пушки. Сначала это было очень стеснительно, ибо мы не имели никакого отдыха. Ночью нельзя было спать в ожидании приступов, а днем исправлять повреждения в ограде. К счастью, нам помогла авиация. Можно сказать, что мы удержались только благодаря ей. Она, в конце концов, установила постоянное дежурство над постом и заставила замолчать пушки противника. Всякий раз, как приближался аэроплан, я мог отсылать своих людей спать.

Качество стрельбы риффанских артиллеристов неважное. Стреляют только прямой наводкой. Правда, у них был наблюдательный пункт и была даже проведена телефонная связь, но все это было крайне примитивно и только вызывало наш смех». До последнего времени не отмечалось присутствия в лагере риффанцев и конницы. Район Риффа, бедный конскими средствами, не благоприятствует развитию этого рода оружия. Но в последних числах июня на западном участке фронта, в районе Уэссана, официальные французские донесения отметили наличие и накопление конных отрядов противника. Очевидно, захват новых районов, более богатых пастбищами, дал возможность Абд аль-Кериму приступить к созданию и этого рода войск, могущих иметь в силу своей подвижности огромное значение в той маневренной войне, которая там развертывается. Но большого развития в силу целого ряда причин конница получить все же не может, и вся тяжесть борьбы в дальнейшем, так же как и прежде, будет лежать на пехоте.

Риффанская пехота по своим боевым качествам, искусству стрельбы, выносливости и исключительной приспособленности к условиям горной войны давно уже

зарекомендовала себя с наилучшей стороны. Испанцы испытали на себе силу ее ударов. Теперь в этом приходится убеждаться и французам. Их первоначальное слегка пренебрежительное отношение к противнику быстро сменилось чувством удивления и уважения к его доблести и прямым страхом перед ним. Расценивая боевые качества риффанской пехоты, французы даже ударились в другую крайность. Они приписывают ей и то, чем она, несомненно, не обладает. Так, в последних статьях и донесениях пестрят сообщения о необычайно развитом среди риффанцев инженерном искусстве. Будто бы риффанские стрелки умеют создавать оборудованные по последним требованиям инженерного дела системы укрепленных позиций, с узлами обороны, ходами сообщения, бетонированными блиндажами и пр. и пр. Руководство этим делом приписывается немецким офицерам и... вездесущим большевикам! Уже одно это обстоятельство заставляет относиться очень критически к рассказам «очевидцев» относительно виденных ими риффанских позиций, «укрепленных согласно последнему слову науки и военной техники...»

В известных случаях, несомненно, риффанцы (причем это, вероятно, относится, главным образом, к регулярным отрядам) прибегают и к окопной войне (например, при осадах фортов). Но условия местности и самой войны с ее ярко выраженным маневренным характером вряд ли делают необходимым сколько-нибудь широкое применение риффанцами методов окопной войны. Обилие естественных укрытий и складок позволяет и без искусственных сооружений иметь достаточную защиту от огня противника. Сила риффанцев не в этом. Она кроется в их величайшей подвижности, меткой стрельбе, искусстве маскировки, удивительной физической выносливости и безумной храбрости. Вот что делает из них страшного врага, не останавливающегося перед превосходством техники противника и умеющего и при этом условии одерживать блестящие победы.

Другая и, пожалуй, еще более важная причина их успехов заключается в том, что они имеют многочисленных открытых, полуоткрытых и скрытых сторонников по ту сторону фронта.

Значительная часть вооруженных сил французов в Марокко состоит, как мы это уже не раз отмечали, из туземных контингентов. При том обороте, который сейчас принимает франко-риффская война, выливающаяся в настоящую национальную войну со стороны марокканцев, все эти гумы, магзены, мегалла, партизаны и пр. надежной опорой для французов быть не могут. Французская пресса очень скупа на известия о настроении туземных войск. Но и в ней прорываются сообщения, указывающие на то, что здесь дело обстоит вовсе не благополучно.

В иностранной прессе, особенно в немецкой, мы находим ряд сообщений, рисующих картину полного разложения этих контингентов и отмечающих многочисленные случаи перехода целых отрядов со всеми запасами снаряжения и вооружения, полученными от тех же французов, на сторону противника.

Ярким подтверждением этого является корреспонденция из Парижа, напечатанная в «Известиях» от 24 июля 1925 г. Мы читаем там следующие строки, посвященные характеристике положения в Марокко:

«Кровавая марокканская авантюра развивается и принимает все более грандиозные размеры. Весь Марокко восстал. Обычная тактика марокканских авантюристов — вооружать многочисленные марокканские племена против своих собственных расовых братьев — сыграла роль бумеранга и послужила на гибель марокканских завоевателей. Вооруженные французским оружием, марокканские племена борются теперь этим же оружием против самих французов под предводительством своего военного вождя Абд аль-Керима».

Если даже считать, что в этой оценке краски несколько сгущены, то все же картина получается для французов совсем печальная, если не безнадежная. При этих условиях даваемая нами цифра бойцов в 200 000 человек вовсе не может считаться преувеличенной для осуществления задачи перехода к активным действиям и организации наступления на Рифф.

Франко-риффский фронт по своему протяжению составляет линию более чем в 300 км, считая от Атлантического океана и до границ Алжира. При такой длине фронта

и отсутствии обеспеченного тыла даже двухсоттысячная армия должна считаться скорее преуменьшенной, чем преувеличенной. Распространение повстанческого движения и глубь страны сделает и ее недостаточной. Может ли Франция выставить такую армию? Вообще говоря, конечно, может. Но при использовании ресурсов только постоянной армии следует ответить определенно: нет.

Картина военных сил нынешней Франции видна из следующей таблички, составленной на основании данных французского военного министерства:

Род оружия	Кадры (в тыс. чел.)	Запас (в тыс. чел.)
Пехота	380	2776
Кавалерия	55	616
Артиллерия	104	944
Инженерные войска	39	280
Авиация	40	200
Интенданства и пр.	57	464
Командный со- став (вне войско- вых соединений)	10	
Военные школы	10	
ИТОГО	695	5280

При исчислении запаса принимается в расчет мобилизация двадцати классов. Из общего числа 695 000 постоянной армии одна треть находится в колониях и фактически сейчас полностью использована для операций в Марокко. Из других двух третей можно взять кое-что только из рейнской армии, содержащейся в усиленном составе. Из остальных войск можно вырывать только отдельные группы бойцов, разрушая тем самым части, из которых они берутся, и не получая в то же время цельных,

сколоченных единиц. Несмотря ни на что, это все-таки делается, что видно из заявлений французских командиров в Марокко, отмечающих широкое развитие практики создания импровизированных отрядов, надерганных из разных частей (рота из одного полка, две роты — из другого, батарея — неизвестно откуда и т.д.), и жалующихся на боевую непригодность их.

Из этого ясно, что наличных кадровых войск для победоносной войны не хватит. Без мобилизации 2–3 призывных возрастов не обойтись или, в противном случае, марокканской армии придется ограничиваться пассивной стратегией — стратегией «измора противника в его горах», которая, видимо, усвоена сейчас французским командованием и которая, в конце концов, должна кончиться неизбежным крахом. Выход из положения мог бы быть дан заключением политического и военного соглашения с Испанией, обеспечивающего полное объединение и согласование операций франко-испанских войск в войне с Риффом. Такое соглашение действительно сразу бы значительно ухудшило положение риффанцев как политически, так и стратегически. Свобода маневрирования их была бы сильно стеснена и тем самым ослаблено значение наиболее сильной стороны их тактики — полной инициативы действий.

С другой стороны, объединение франко-испанских операций на основе хотя бы общего стратегического замысла создает очень выгодную обстановку для проведения наступательных планов широкого масштаба. Риффанцы оказываются в этом случае охваченными со всех сторон, включая и морское побережье¹, и при условии одновременного наступления противника организация сопротивления встретит большие трудности. Уже в настоящее время Франция и Испания вместе могли бы

¹ На риффанском побережье, в его центральной части, испанцы сохранили в своих руках очень сильную позицию в бухте Альхусемас, на кратчайшем пути к столице Риффа — Аждиру. В этой бухте у них есть крепость на острове того же имени, позволяющая в любое время осуществить десантную операцию.

выделить для активных операций не менее 200 000 бойцов. Все эти соображения прекрасно учитываются той и другой стороной, и мы видим, что весь июнь и июль были отмечены оживленными дипломатическими переговорами между Испанией и Францией.

По последним газетным сообщениям, эти переговоры закончились в конце июля подписанием военно-политического соглашения. Каковы точные условия этого соглашения, пока неизвестно. В опубликованном после закрытия конференции, происходившей в Мадриде под председательством испанского генерала Жордана, официальном сообщении приводятся лишь следующие два пункта соглашения:

1. Обе стороны взаимно обязуются не заключать сепаратного мира с Риффом.

2. Обе стороны предоставляют друг другу право преследования противника на своих территориях и право воздушного сообщения через них.

Наконец, из информации, данной представителям прессы генералом Жорданом, видно, что состоялось также какое-то соглашение по вопросу о разграничении французской и испанской зон. В основу его положен договор 1912 г.

Что же касается совместных военных операций, то об этом никаких сколько-нибудь точных сведений нет. Судя по разочарованному тону буржуазной французской прессы, в этой части, очевидно, соглашение не состоялось. По сообщениям немецкой печати, Испания взяла на себя обязательство усилить блокаду риффского побережья, но отказывается начать новую военную кампанию под тем предлогом, что таковая «в случае неудачи может поколебать династию».

Как бы то ни было, заключенное соглашение и при тех суженных рамках, в которых установлено сотрудничество, значительно ухудшает положение Абд-аль-Керима. Благодаря ему утрачиваются те выгоды, которые явились результатом неопределенности политического положения. Война для риффанцев должна продолжаться на оба фронта без надежды на заключение сепаратного соглашения с одной из враждебных сторон.

Но даже и в этих условиях борьба для риффанцев вовсе не представляется безнадежной. До тех пор, пока не будет заключено полного военного соглашения, фактически объединяющего франко-испанскую армию, военное положение риффанцев изменится не много по сравнению с настоящим. Для одних французов задача покорения Риффа почти неосуществима. И если бы даже им удалось собрать силы, достаточные для широкой наступательной кампании, проведение ее явится для них делом чрезвычайно трудным и, прежде всего, потребует огромных материальных расходов. Это совершенно неизбежно при тех условиях, которые создаются особенностями театра военных действий, и при той тактике, которая усвоена французским командованием.

Наступательные действия французских войск должны будут развертываться по двум основным операционным направлениям: 1) на Чечауан, являющийся стратегическим ключом западной полосы испанской зоны, и 2) на Аждир, ставку Абд-аль-Керима и государственный центр Риффа; базами для наступления в первом направлении будут Уэссан и Фес, для второго — Фес и Таза.

Географические базы отстоят недалеко от районов, являющихся возможной целью операций (от Уэссана до Чечауана всего два перехода, от Тазы до Аждира — около шести), но естественные трудности движения так велики, что все выгоды этой близости улетучиваются. Даже при отсутствии всякого сопротивления противника французским армиям было бы крайне трудно организовать такой поход. При наличии же храбро сопротивляющегося врага движение это должно быть весьма медленным. Особенно труден был бы поход от Феса и Тазы на Аждир, в глубь Риффа. Самым серьезным и важным из естественных препятствий является бездорожье. К северу от Уэссана, Феса и Тазы грунтовые дороги, да и те скверные, существуют только на небольших расстояниях, не превышающих 50–60 км от этих пунктов. От Феса таких дорог две: одна ведет на северо-восток и кончается у Тауната, в долине Уэрги, а другая — на северо-запад к Фес-эль-Бали. От Тазы есть только одна дорога — на Кифан.

Дальше к северу местность является совершенно бездорожной, и движение возможно только по отдельным горным тропам и дорогам, непригодным для движения колесного транспорта.

Почти весь путь от долины Уэрги в глубь Риффа занят отрогами риффского горного массива, достигающего 6,5 тысяч футов высоты. Местность в большей своей части пустынная, не имеющая не только никаких местных продовольственных и фуражных ресурсов, но даже и воды. Принимая во внимание далее изнурительную тропическую жару, отсутствие растительности и неприспособленность к климату европейских солдат, нам станут вполне понятны те трудности, которые встали бы перед французским командованием при попытках перейти к решительным наступательным действиям. Но ничего физически невозможного в организации такой операции, конечно, нет. Военная история знает много примеров операций, которые по естественным трудностям ничем не уступали, а часто превосходили ту, о которой идет речь. Но успех в них достигался исключительными боевыми качествами выполнявших их войск. Обладают ли всеми этими качествами современные французские войска в Марокко? Внимательное наблюдение за действиями их до настоящего времени, а также изучение применяемых французским командованием тактических приемов приводит нас к сомнению в их способности справиться быстро и решительно с лежащими перед ними задачами.

Здесь мы вовсе не имеем в виду индивидуальных боевых качеств рядового французского солдата. Он ничуть не утратил присущих ему свойств высокой воинской доблести. Мужество, храбрость и стойкость маленьких гарнизонов многочисленных французских постов, подвергнувшихся осаде кабилами, являются достаточным доказательством этого. Правда, в этих свойствах в последнее время замечается все более и более зияющая брешь, создаваемая непопулярностью этой войны во французском народе. Это фактор очень большого значения. Его мы коснемся ниже. В данном же случае, выражая сомнение в способности французской армии справиться с задачей, мы имеем в виду вовсе не эти индивидуальные

свойства бойцов, а ту тактику, которая применяется французским командованием и которая пустила глубокие корни во французской армии.

На страницах центрального французского военного органа «La France Militaire» в номере от 25 мая 1925 г. мы читаем следующие строки, посвященные тактике французских войск в Марокко и принадлежащие перу известного военного писателя — генерала Кюньяка:

«Война в Марокко в 1925 г. во многих отношениях напоминает войну 1918 г. и, быть может, будет прообразом для кампаний будущего. На основании немногих известных нам данных о первых сражениях уже видно преимущественное значение артиллерии и авиации. Артиллерия завоевывает пространство, пехота его занимает. Авиация разведывает неприятеля, авиация преследует его.

Лаконические сообщения с фронта Уэрги дают нам фразы из наставлений 1918 г., сохраняющие силу и для будущих наставлений. Можно быть уверенным в том, что французские командиры не бросят ни одного батальона в атаку на риффские траншеи без предварительной основательной подготовки» (артиллерией — М.Ф.). Генерал очень доволен тождеством марокканских операций с операциями 1918 г. В этом тождестве он видит как доказательство непогрешимости тактических методов 1918 г., крепко усвоенных французами и сохраняющих, по его мнению, всю свою силу и для Марокко и вообще для всякой войны будущего, так и полную гарантию успеха операций».

С этой оценкой почтенного генерала согласиться никак нельзя. Он прав, отмечая тождество тактических приемов французских войск в Марокко с приемами войны 1914–1918 гг. Но перед ним, по-видимому, даже не возникает вопроса о соответствии этой тактики условиям конкретной боевой обстановки в Марокко. Для него, раз войска действуют согласно принципам войны 1918 г., все, стало быть, обстоит благополучно, и верный успех обеспечен.

На этом примере ярко видно, насколько французская военная мысль срослась с идеями позиционной войны.

В этом вопросе генерал Кюньяк вовсе не одинок. За редкими исключениями, так мыслит и пишет огромное большинство военных писателей Франции. И эти мысли нашли свое отражение как в наставлениях и уставах эпохи после империалистической войны, так и в самой организации французской армии. И при всем том мы берем на себя смелость заявить, что во всем этом имеется изрядная доля схоластики и безжизненного доктринерства.

Война 1914–1918 гг. была по преимуществу войной позиционной. В соответствии с этим она стала войной материалов, борьбой техники. Виды и количества введенных в дело технических средств борьбы, боеприпасов и пр. выражаются в умопомрачительных цифрах. Естественно, что военная мысль послевоенной эпохи не может не идти в рамках, созданных этими факторами. С ними обязан считаться всякий, кто хочет объективно подойти к проблемам войны будущего. Но «считаться» — не значит «быть в плену». Во все не все фактические, организационные и административные идеи, выработавшиеся на основании опыта империалистической войны, сохраняют свое значение и для будущего. Ниоткуда не следует, что войны будущего будут носить обязательно характер позиционных войн, копируя образцы 1914–1918 гг. Все будет зависеть от «обстоятельств, места и времени», учесть которые заранее полностью никак нельзя. Поэтому настраиваться на «сугубо позиционный» лад было бы так же опасно, как и противоположная крайность. Войска в мирное время должны быть организованы и воспитаны так, чтобы уметь разрешать задачи и обороны, и наступления. Но в первую очередь они должны быть подготовлены к задачам активно-наступательного характера, ибо это наиболее ответственная, важная и психологически наиболее трудная часть боевых задач вообще. Войска, воспитанные на той идее, что «никакая атака невозможна без предварительной сильной артиллерийской подготовки», хорошими войсками быть не могут. Конечно, плох тот командир, который не использует полностью всех технических средств, находящихся в его распоряжении, для обеспечения успеха и уменьшения потерь. Но еще хуже командир и солдат,

способные наступать только после сильной артиллерийской подготовки.

Современные операции в Марокко дают достаточно материала, подтверждающего правильность нашей оценки. В противоположность мнению генерала Кюньяка, тактическое тождество французских операций в Марокко с операциями войны 1914–1918 гг. служит для нас не указанием «благополучия», а наоборот, доказательством слабости и тактического упадка французской армии. Прямое подражание образцам 1918 г. обязательно там, где боевая обстановка это допускает. Но следование им везде и всегда и при всяких условиях может привести лишь к печальным последствиям.

Соответствует ли обстановка современной войны в Марокко обстановке войны 1914–1918 гг.?

Вот вопрос, который следовало бы поставить и разрешить генералу Кюньяку и иже с ним, прежде чем делать успокоительные для себя выводы на основании факта точного применения инструкций 1918 г.

Но, повторяю, у современных французских военных обозревателей мы не видим и следов такой постановки вопроса. Это говорит вовсе не в пользу их теоретической глубины.

Слепое подражание образцам 1918 г. ничего, кроме конфуза и колоссальнейших материальных затрат, дать в Марокко не может. Перед французами не неподвижная линия фронта, организованная зарывшимся в землю противником и опирающаяся на сильную технику. Перед ними нет ни техники, ни неподвижного, склонного к «позиционному отсиживанию» врага и вообще нет никакой определенной линии фронта. Война носит сугубо выраженный маневренный характер. При этом противник крайне редко прибегает к одновременным действиям сколько-нибудь значительными массами на одном определенном участке. Преимущественный способ его операций — партизанская война малых отрядов, основанная на быстроте, смелости, внезапности и решительности их действий. И только в исключительных случаях, при наличии особо выгодных тактических целей, эти отряды объединяются и дают подобие правильного сражения.

Казалось бы, что маневренная война против такого противника требует такой же быстроты и смелости от французов. В соединении с неизмеримо лучшей техникой они обеспечат победу.

Однако у французов мы этого не видим. Их перегруженные техникой и многочисленными обозами войска тяжелой массой, давящей и сметающей огнем многочисленной артиллерии все на своем пути, медленно катятся вперед и при первом мало-мальски серьезном отпоре зарываются в землю. Израсходовав снаряды и теряя, таким образом, свою главную опору в лице артиллерии, такие отряды становятся совершенно беспомощными и без поддержки извне могут стать легкой добычей инициативного и решительного врага. История испано-риффской войны, как мы видели, богата рядом случаев подобного рода. Видимо, такие истории случались уже и с французами. Пока все активные операции французов сводились, главным образом, к снабжению при посредстве подвижных колонн отдельных осажденных риффанцами постов. С точки зрения расстояний, дорог, знакомства с местностью и пр., это создавало значительное преимущество. И тем не менее мы видим, каких огромных усилий и потерь стоят французам эти операции. Обычно ни одна из них не проходит безнаказанно. Какой бы силы отряды ни были, они обязательно подвергаются нападениям риффанцев, преимущественно при обратном отходе отрядов. Характерным примером сражения такого типа является бой 31 мая у Бибана колонны полковника Ферраля, отступавшего к своей базе у Фес-эль-Бали после снабжения и обновления гарнизонов французских укреплений на Бибане. Отряд Ферраля имел в своем составе два пехотных полка и многочисленную артиллерию. Атакованный на отступательном марше противником, бывшим по численности гораздо более слабым, отряд тем не менее был вынужден остановиться, окопаться и дать бой по всем правилам «наставлений 1918 г.». Главная роль выпала на долю артиллерии, затем авиации, сбросившей около 7000 бомб, и, наконец, конницы, прибывшей в количестве одного полка «спаги» на помощь с тыла. Отряд пробился, но потерял при этом, по офици-

альным французским данным, 150 человек убитыми и 300 ранеными.

Цифра потерь очень почтенная. Если считаться с потерями как с решающим моментом при принятии тактической ставки на технику, а не на живую силу, то и с этой точки зрения можно подвергнуть большому сомнению целесообразность применения французской тактики — войны материалами — для Марокко. Не говоря уже о колоссальной трате народных средств, вызываемой этой тактикой, она вовсе не дает гарантии меньших потерь. Этого никто еще не доказал. Наоборот, создаваемый ею затяжной характер операций может, в конечном счете, дать гораздо большую цифру потерь, чем смелая наступательная тактика, основанная на действиях активных масс живой силы.

По официальным данным, французские потери в Марокко уже к 1 июля достигли цифры в 4000 человек. При этом, по-видимому, учитываются только потери регулярных французских войск. Что же касается местных туземных вспомогательных контингентов, на долю которых падают наиболее тяжелые удары, то ими французские буржуа мало интересуются.

Таким образом, мы видим, что техника далеко не обеспечивает бескровных успехов. Если дело пойдет и дальше так, как сейчас, то вряд ли французские генералы смогут оправдывать свою тактику ссылкой на желание «сберечь живые силы бедной человеческим материалом прекрасной Франции».

Так обстоит дело теперь, при операциях, так сказать, местного значения, где постоянно сохраняется теснейшая связь с базами. Ну а что ожидает французские войска при попытках движения дальше в глубь страны? Мы выше пытались показать, что целью французской стратегии может и должно являться полное уничтожение независимости Риффа и военное сокрушение Абд-аль-Керима. Всякое другое решение в лучшем случае может быть только оттяжкой до новой войны. Поэтому план организации такого наступления рано или поздно должен встать перед французским командованием. Как же тогда думает оно обеспечить действия своих войск в гористой, бездорожной,

безлюдной, пустынной местности? Если действовать согласно образцам 1918 г., то придется израсходовать предварительно сотни миллионов франков только на одно оборудование тыла. Войска будут продвигаться вперед медленнее черепашьего шага, закрепляясь каждый раз на определенных рубежах в ожидании постройки дорог, обеспечивающих подвоз продовольственных материалов и огнеприпасов. Сколько же времени, средств и человеческих жизней будет загублено, прежде чем маршал Лиотэ вступит победоносно в Аджир?

Но ведь в этом случае война еще не окончится. Она примет со стороны Риффа, может быть, менее организованный характер, но продолжаться будет. В этом нет никаких сомнений для тех, кто хоть сколько-нибудь знаком с историей и природой такой национальной борьбы. Стало быть, новые сотни миллионов денег, новые горы человеческих трупов. Таковы вероятные перспективы дальнейших операций в Марокко. Могут спросить: возможна ли для французов какая-либо иная тактика, обещающая более быстрые и решительные успехи.

На этот вопрос следует, прежде всего, ответить, что в основном суть дела, конечно, не в тактике. Та или иная форма тактики — дело не решающее. Характер марокканской войны таков, что она при всяких условиях будет войной затяжной. Но при всем том мы считаем, что тактика, более отвечающая условиям и характеру боевой обстановки, возможна. Главным элементом ее был бы отказ от ставки всегда и везде на технику. «Война материалами» к Марокко неприменима. Техника должна иметь служебную, подчиненную роль. Решающее значение должно перейти к живой силе — к французскому солдату. Организация войск должна быть пересмотрена в сторону разгрузки частей от всего лишнего имущества, в том числе от чрезмерной техники. Словом, надо иметь смелость отказаться от целого ряда положений, ставших для французов догмой. Смогут ли они решиться на это, сказать трудно.

Между прочим, изложенный нами взгляд целиком подтверждается опытом самих же французов по предшествующим операциям в Марокко. Войска, действовавшие в

Марокко в период с 1909 до 1924 г., сами, по почину низовых командиров и вопреки рассуждениям многоученых генералов Кюньяков, начали свою разгрузку от лишней в данных условиях техники. Так, автору этих строк приходилось не раз встречать в описаниях действий французских подвижных отрядов указания на то, что при выступлении в поход половина обычно положенных по штату пулеметов оставлялась частями на их войсковых базах, а за этот счет увеличивалось количество винтовок и одновременно достигалось облегчение обоза. Если мы припомним, что пехотный полк французской армии имеет в своем составе 108 ручных пулеметов, 48 станковых, 6 минометов и 3 тридцатимиллиметровых орудия, то эта мера для нас станет вполне понятной. Такая техническая нагрузка в марокканских условиях просто вредна. Эта же линия должна быть усвоена и в отношении артиллерии. Нелепа мысль снабжать артиллерию в Марокко боеприпасами в таком количестве, чтобы она «завоевала территорию», а пехота ее только «занимала».

Что значит «завоевать территорию» в марокканских условиях? Это значит очистить от противника горные тущобы, ущелья, целые хребты и т.д. и т.д. Это ведь не сплошная линия траншей, занятая многочисленным противником, а огромные площади с мелкими группками стрелков, великолепно защищенных естественными укрытиями. Может ли артиллерия «завоевать» такую территорию? Предоставим решать этот вопрос генералам Кюньякам. Мы ограничимся лишь указанием еще раз на то, какую страшную опасность для мощи армии представляет неправильный уклон в ее воспитании. Хороший солдат, идя в бой, должен быть всегда готов к смерти. Так надо его воспитывать в мирное время.

Из всех технических средств борьбы, зарекомендовавших себя безусловно с положительной стороны, следует отметить авиацию. Этот род оружия бесспорно оказывает самые выдающиеся услуги французам. Его функции — самые разнообразные. Авиация не только разведывает противника и принимает участие, и участие порой решающее, в самих боях, — она часто является единственным средством связи с окруженными противником гарнизонами

и единственным их средством снабжения. Авиация несет в широких размерах и санитарную службу, вывозя раненых с передовых позиций в тыл. Сплошь и рядом только благодаря авиации сопротивление отдельных французских постов могло быть сколько-нибудь упорным.

Таковы услуги, оказываемые авиацией. Эта роль ее является лишним доказательством необходимости всемерных усилий к развитию и укреплению этого рода войск и у нас. Итак, решающая роль в дальнейших операциях должна будет принадлежать французскому солдату.

Выше мы отметили, что в его настроениях замечается перелом. По-видимому, французскую армию постигает та же болезнь, что выпала на долю испанской армии. Французский солдат и матрос все более и более неохотно идут на войну. Многочисленные факты подтверждают это.

В середине июля во французской прессе было напечатано сообщение о волнениях на судах французской эскадры, отправленной к берегам Марокко. Морское министерство выступило с официальным опровержением этих слухов, объявив их вымыслом «врагов отечества и злонамеренных коммунистов». Тем не менее «Echo de Paris» — орган, который никак нельзя заподозрить в симпатии к коммунизму или «бошам», признает, что «на судах “Курбе” и “Страсбург” действительно имели место некоторые акты неповиновения». Выражается газета очень мягко, но смысл событий этим не смягчается.

История Марти и Бадина, по-видимому, имеет тенденцию повториться. Настроение армии определяется настроением тыла. Мы видели, какую роль в испано-риффской войне сыграло неустойчивое положение в Испании. Сейчас мы можем отметить, что некоторые колебания чувствуются и во французском тылу. Настроение рабочего класса определено против марокканских авантюр. Это настроение вылилось в создании специального «Комитета действий против войны», явившегося результатом работ ряда беспартийных рабочих конгрессов. На этих конгрессах рабочие делегаты страстно и решительно требовали прекращения военных действий в Марокко и немедленного заключения мира с Абд-аль-Керимом. Это настроение рабочих отражается и на политике французской социалис-

тической партии, являвшейся до сих пор прочной опорой нынешнего правительства «левого блока». Боясь утраты всякого влияния в рабочих кругах, социалисты вынуждены, хотя в самой «верноподданнической» форме, критиковать действия правительства. В связи с этим, а также и по ряду других вопросов внутри «левого блока» назревает очередной кризис. Устойчивости, твердости и решительности в политике правительства нет. Делая реверансы и направо — в сторону черносотенного «национального блока», и налево — в сторону социалистов, правительство Пенлеве вряд ли способно разрешить благополучно для себя и для французской буржуазии марокканскую проблему.

В последнее время в угоду «пуанкаристам» правительством начата кампания репрессий против коммунистов. Коммунистам, открыто и решительно выступавшим против войны, вменяется в вину разложение армии. В организациях партии производятся обыски, литература конфискуется, поставлен вопрос об аресте наиболее видных коммунистических депутатов. Этими полицейскими мерами правительство Пенлеве рассчитывает задавить начинающееся в стране революционное брожение. Удастся ли эта политика, покажет недалекое будущее. Во всяком случае, если события в Марокко примут «перманентный» характер, страна вряд ли избежит революционных потрясений. Те затраты, которые вызывает война, станут непосильными и для более богатой, чем Испания, Франции. Ее финансовое положение не блестяще и без этих расходов. Лозунг «кончать марокканскую историю» скоро может охватить всю страну.

Такова внутренняя политическая обстановка, при которой французам приходится решать их задачи в Марокко.

Излишне доказывать, что при таких условиях желательное решение отодвигается все более в туманную даль. Оставаться при теперешнем положении нельзя и по финансовым, и по общемарокканским, и по внутреннеполитическим соображениям. Но, с другой стороны, рискованно решиться и на большую наступательную операцию. Отсюда — поиски союзника в лице разбитой Испании и заискивания перед Англией. Отсюда же — попытки найти какое-нибудь третье решение задачи.

Это третье решение возможно в форме того или иного соглашения с Абд-аль-Керимом.

В результате Мадридской конференции, по слухам, постановлено предложить Абд-аль-Кериму от имени Франции и Испании мир. О точных условиях мира никаких сообщений не делалось. По-видимому, и Франция, и Испания не прочь были бы пойти на сделку с Абд-аль-Керимом при обязательном условии отказа его от независимости Риффа. Но на эти условия не может пойти вождь риффанцев, не отказываясь от всего своего прошлого. Сделка с ним мыслима лишь в том случае, если он окажется предателем кабилльского национального движения и захочет, по примеру Рэсули, заняться обдeldыванием своих «личных делишек». Никаких признаков и намеков на это до сих пор не было и нет. Наоборот, все, что нам известно о личности, политике и действиях Абд аль-Керима, говорит решительно против подобных предположений. Это отнюдь не тип мелкого авантюриста, вроде Рэсули и ряда других «великих кайдов» и «шейхов» Марокко, продававших себя и своих подданных за французское и испанское золото. Абд аль-Керим — не только прекрасный полководец, умелый организатор и отличный администратор. Это человек с широким политическим кругозором, умеющий разбираться и прекрасно использовать всякие тонкости и противоречия международной политики.

Опубликованная английской и французской печатью программа мирных условий, на почве которой он считает возможным заключение прочного мира, свидетельствует еще раз о его политической проницательности, деловом реализме, большой осведомленности и большом государственном уме. Программа эта сводится к следующим пунктам:

1. Риффское государство должно быть признано и гарантировано Лигой Наций на том же основании, как и Афганистан. Абд-аль-Керим получает титул эмира.
2. Марокканский султан будет признан риффанцами в качестве сюзерена (верховного вождя).
3. Все племена джебала войдут в состав Риффского государства; южная граница государства пройдет по север-

ному берегу Уэрги. В состав территории Джебала, отходящей к Риффскому государству, должны быть включены города: Лараш, Арзила и Тетуан.

4. За Испанией сохраняется Сеута и Мелилья с их укреплениями и железными рудниками (рудники «Ора» в 15 км к югу от Мелильи).

5. Риффанцам разрешается содержать армию с ограниченной численностью, размеры которой устанавливаются специальными экспертами. Однако оружие и снаряжение, превышающие установленную норму, остаются у риффанцев. Франция и Испания должны с согласия Лиги Наций предоставить Риффу небольшой заем для содействия экономическому развитию страны; этим странам, при условии займа, будут предоставлены льготы по части торговли и сооружения железных дорог.

Изложенная программа является базой для будущих мирных переговоров. Для немедленного прекращения военных действий Абд-аль-Керим выставил другие, гораздо более скромные требования. Они заключаются в следующем:

1. Отмена экономической блокады Риффа.

2. Разрешение ввоза в области, занятые риффанцами, медикаментов и допущение врачей.

3. Признание риффанцев воюющей стороной.

Характерно выставление двух последних пунктов. До сих пор «гуманные цивилизаторы» не пропускали в страну ни медикаментов, ни врачей и не признавали риффанцев воюющей стороной. С ними обращались, как с мятежниками против законной власти, и расправлялись, как с обыкновенными разбойниками. Со своей стороны, вождь риффанцев брал на себя обязательство: отпустить немедленно одну треть взятых им французских и испанских пленников без выкупа (до сих пор испанцы платили выкуп) и отозвать своих политических эмиссаров с территории французского протектората.

Как ни скромны предварительные и окончательные программные требования Абд аль-Керима, можно сказать,

наверное, что основой для заключения мира они явиться не могут. Нами неоднократно указывалось, что признание Францией фактической независимости Риффа будет началом конца ее власти во всем Марокко. Поэтому этот пункт требований риффанцев будет решительно отвергнут. Только в одном случае можно ожидать со стороны французского империализма известной готовности пойти на уступки и здесь. Это в случае дальнейшего широкого общественного движения против войны внутри самой Франции. При всех других условиях французский империализм не станет подвергать риску результаты своей двадцатилетней захватнической политики в Марокко и захочет вооруженным путем схватить за горло риффанцев и поставить их на колени.

Если ему удастся обеспечить себе вооруженную помощь своего испанского собрата, то он, несомненно, предпочтет путь войны мирным переговорам. Мы думаем, что этот путь объективно является сейчас наиболее вероятным. Те события, которые до сих пор имели место в Марокко, являются только прелюдией к операциям большого масштаба.

Эти операции, по всей вероятности, будут иметь своим первоначальным объектом Чечауан — центр западной части испанской зоны. К этому пункту ведут с трех сторон (от Тегуана, Лараша и Арзилы) хорошо разработанные дороги, отлично знакомые испанцам; не составит также особых трудностей и наступление со стороны Уэссана из французской зоны.

При условии военного соглашения с испанцами операция эта могла бы быть предпринята немедленно, ибо уже сейчас французы со своими 150 000 человек плюс 100 000 испанцев могли бы выделить достаточно сил для экспедиционного отряда. Самым трудным будет не занятие Чечауана, как такового, а прочное закрепление всего его района, т.е. покорение и подчинение племен джебала. Испанский опыт в этом отношении сулит не особенно радужные перспективы. Несравненно большие трудности представит поход в глубь самого Риффа. Даже при условии одновременного удара с четырех сторон — Альхусе-

маса, Мелильи, Чечауана, Тазы — эта операция потребует огромных усилий, времени и финансовых затрат. Будет ли это по силам французскому капиталу — будет прежде всего и больше всего зависеть от положения его внутри самой Франции.

Хотя положение риффанцев в случае такого наступления будет крайне тяжелым, но не безнадежным. Времена сейчас не те. То, что международному империализму легко удавалось 20–30 лет назад, теперь связано с огромными затруднениями. Колесо человеческой истории поворачивается. Порабощенные национальности одна за другой пробуждаются к самостоятельной национальной жизни и с успехом ведут борьбу за свою независимость. Последнее пятилетие ознаменовано рядом частичных поражений мировых империалистических держав. Афганистан, Иран, Турция, Аравия, Египет — вот далеко не полный перечень стран, где развитие национальной идеи привело к резкому ослаблению позиций международных хищников. Крот истории роет не за империализм; а этот крот роет хорошо.

Вот почему перспективы риффанцев, несмотря как будто на полную несоизмеримость сил той и другой стороны, не могут считаться безнадежными. При подавляющей технике французов борьба с ними на ровной местности для риффанцев, конечно, будет невозможной. Но дело будет обстоять иначе, когда французы ввяжутся в горную войну. Здесь их техника как по условиям местности, так и по причине затруднительности правильной работы тыла потеряет в большой степени свое значение.

И наоборот, риффанцы в родной обстановке своих горных теснин усилятся, и военные шансы, таким образом, будут выравниваться. Политические же шансы чем дальше, тем больше будут склоняться в их сторону.

В эту же сторону будет давить положение дел во всем французском тылу. Уже сейчас французская печать отмечает случаи нападений на французские военные склады в самом глубоком тылу, например в порту Касабланка. С обострением и углублением борьбы этот тыл будет становиться все менее и менее прочным и безопасным.

Действующая французская армия со своими громоздкими и неповоротливыми тылами может оказаться в очень скверном положении. Трудящиеся всего мира с глубоким сочувствием и надеждой на успех правого дела будут наблюдать героическую борьбу марокканцев за их независимость и свободу.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Война Чако

К 1920-м годам Парагвай был едва ли не самым бедным государством Латинской Америки. Страна, в середине XIX века по уровню промышленного развития приближавшаяся к государствам Европы, была фактически уничтожена в ходе так называемой Парагвайской войны 1864–1870 годов, потеряв более половины своей территории. Из почти 1 300 000 населения тогда уцелело лишь около 200 000, из них мужчин — не более 10%. Тотальный геноцид, устроенный «тройственной коалицией» Бразилии, Аргентины и Уругвая, не привлек равным счетом никакого внимания «прогрессивной мировой общественности», а для Европы и Северной Америки Парагвай надолго стал одной из тех стран, чье существование волнует только читателей экзотических романов.

Большая часть территории Парагвая представляет собой гористые джунгли или сухие полупустынные нагорья, настолько малоценные и слабо населенные, что после окончания Парагвайской войны никто даже не потрудился провести демаркацию новых границ в отдаленных районах. В результате огромный район Гран-Чако, где сходились границы Бразилии, Боливии и Парагвая, так и остался фактически ничейным. Эта территория площадью около 250 000 км², сухая и холмистая на северо-западе, ближе к Боливии и предгорьям Анд, болотистая и непроходимая на юго-востоке, вдоль реки Парагвай, за которой

начиналась территория Бразилии, была практически никем не освоена. Здесь жили только немногочисленные индейцы гуарани — почти не изведавшие благ цивилизации, но считавшие себя парагвайцами. Местные жители занимались скотоводством и добывали кору дерева кебрачо, из которой производился танин — дубильное вещество. Боливийцы в Чако практически не появлялись, хотя в правительственных и промышленных кругах Ла-Паса давно обсуждалась идея постройки на реке Парагвай (приток Параны) порта, который дал бы стране выход в Атлантический океан.

Однако в 1928 в предгорьях Анд в западной части Чако европейскими геологами были найдены признаки нефти, после чего интерес к этому обширному и пустынному району резко повысился. В преддверии нефтяного бума боливийское правительство начало строить дальнейшие планы — как вывозить добытую нефть. Делать это можно было сухим путем через территорию Аргентины, либо по реке Паране, но для этого требовалось построить здесь порт и достаточно длинный нефтепровод. Поэтому Боливия вновь объявила о своем суверенитете над областью Чако-Бореаль и направила к реке Парагвай вооруженные силы. Однако парагвайские отряды, поддержанные местным населением, выбили эти войска, после чего Парагвай тоже официально объявил Чако-Бореаль своей собственностью.

Началась вялотекущая война, но боевые столкновения ограничились спорадическими набегами и перестрелками. Лишь один раз, в январе 1929 года в дело вступила авиация — три боливийских самолета сбросили бомбы на парагвайский укрепленный пункт у городка Байя-Негро. Затем благодаря вмешательству Лиги Наций конфликт на время приутих, однако четыре года спустя разгорелся с новой силой.

Изначально перевес сил был на стороне Боливии, имевшей в три с половиной раза больше населения и куда более развитую экономику. Кроме того, Боливия постаралась максимально подготовиться к войне — как технически, так и организационно, начав закупать в Европе и США новей-

шие (по тем временам) образцы боевой техники. В результате войне Чако суждено было стать своеобразным полигоном для испытания новейших образцов оружия.

Наиболее эффективным видом оружия в безлюдной пустыне и джунглях с малым количеством дорог обещала стать авиация, поэтому Боливия в первую очередь обратила внимание именно на нее. К началу 1928 г. корпус боливийской авиации («Куэрпо де Авиасьон») насчитывал всего 27 самолетов. В основном это были многоцелевые бипланы, способные использоваться в качестве разведчиков и легких бомбардировщиков — семь французских «Бреге» 19А2 и шесть голландских «Фоккеров» С.Vb, а также два английских «Де Хэвиленда» ДН-9, пять учебных самолетов «Кодрон» С97 и пять истребителей — четыре американских машины Р-1 «Хоук»¹ и французский «Горду-Лезье» LGL.32 С-1.

Однако уже в следующем 1929, используя доходы от оловянных шахт и кредит, выданный американской корпорацией «Стандарт Ойл», боливийское правительство заключило с английской фирмой «Виккерс» контракт на массовые поставки оружия. В результате к 1930 году боливийские ВВС получили шесть² истребителей Виккерс «Тип 143» («Боливиан Скаут»), имевших скорость 280 км/ч и вооруженных парой пулеметов винтовочного калибра, столько же двухместных многоцелевых самолетов Виккерс «Тип 149» («Веспа»), а также три учебно-тренировочных машины Виккерс «Тип 155» («Вендэйс III»).

Но поставщиком самолетов для боливийской авиации стал не только Виккерс. В Европе было закуплено три самолета «Юнкерс» W.34, уже после начала войны в США было закуплено несколько моделей самолетов фирмы «Кертисс». Кроме того, еще в самом начале конфликта 1928 года правительство реквизирировало у авиакомпания «Ллойд Аэро Боливиано» шесть одномоторных пассажирских монопланов «Юнкерс» F.13 (два из них были

¹ По некоторым данным, закупленные в 1926–1927 годах «Хоуки» на указанный момент в Боливию еще не были доставлены.

² По другим данным — девять.

поплавковыми). После установки вооружения и соответствующего оборудования эти самолеты планировалось использовать в качестве транспортных машин и легких бомбардировщиков. При этом боливийцы не забыли и о противовоздушной обороне наземных войск — каждой дивизии придавалось два 20-мм зенитных автомата «Симаг-Беккер». Здесь надо добавить, что боливийская дивизия того времени по численности примерно соответствовала полку или даже батальону.

Авиация была не единственным козырем Боливии. У той же фирмы «Виккерс» были закуплены несколько легких танков «Виккерс-шеститонный»¹ в двухбашенном варианте, а также пулеметные танкетки «Виккерс/Карден-Ллойд» Mk.VI. В боливийской армии появились французские гаубицы фирмы «Шнейдер», 55-мм горные пушки и 7,7-мм пулеметы «Виккерс».

Нищему Парагваю такая роскошь была недоступна — эта страна лишь начинала создавать свои военно-воздушные силы. К началу конфликта в 1928 году парагвайские «Фузас аэреас насионалес» имели всего несколько самолетов — два старых итальянских разведчика «Ансальдо» SVA и один SAML A.3, купленные в Италии еще в 1922 году, а также два истребителя «Моран-Солнье»: MS-35 и MS-139. Самыми новыми машинами был итальянский истребитель «Савойя» S.52 и три французских учебных «Анрио» HD-32, остальные самолеты находились в крайне ветхом состоянии.

Лишь после посещения страны в 1927 году французской военной миссией было заключено соглашение о поставке в Парагвай целой эскадры самолетов — семи двухместных бомбардировщиков и разведчиков «Потез» 25A.2 и семи цельнометаллических истребителей-монопланов «Вибо» 73С.1. Надо заметить, что монопланы, да еще и в качестве истребителей, в те времена были большой редкостью. Необычный выбор парагвайцев был обусловлен желанием иметь в строю машины, оснащенные двигателями одной модели.

¹ Прототип советского танка Т-26.

Французские «Потезы» были доставлены в страну в марте 1929 года, а «Вибо» тремя месяцами позже. Спустя два года парагвайцы закупили в Аргентине пять американских учебных бипланов «Консолидейтед-Флит 2», а в начале следующего приобрели еще семь модифицированных машин «Потез» 25А.2 ТОЕ с увеличенным объемом бензобаков. К несчастью, «унифицированный» 450-сильный мотор воздушного охлаждения «Лоррен-Дитрих» 12Еб оказался весьма неудачным: в условиях жары и высокой влажности эти моторы частот выходили из строя — а заменить их было нечем. Поэтому в боевых условиях механики сплошь и рядом были вынуждены заниматься «каннибализмом» — снимать с одних самолетов и моторов детали, чтобы использовать их как запчасти к другим. В конце концов все машины «Вибо» пришлось вывести из боевого состава, а их двигатели передать более необходимым «Потезам».

Наземная армия Парагвая оказалась в несколько лучшем положении. Незадолго до начала войны стране удалось получить от Аргентины секретный кредит и потратить эти деньги на срочную закупку вооружения. В отличие от Боливии, Парагвай практически не имел постоянной армии, и с началом войны ему пришлось срочно призывать необученных резервистов. Тем не менее, сделанные парагвайцами за рубежом закупки оказались на удивление удачными. В то время как боливийцы приобретали самую современную технику, Парагвай остановил свой выбор на наиболее дешевых и надежных образцах. Он в большом количестве закупил ручные пулеметы «Мадсен» и «артиллерию для бедных» — 81-мм минометы Стокса-Брандта, каждый из которых стоил в три раза меньше полевого орудия и мог переноситься в разобранном виде на руках и спинах солдат. Их навесной огонь показал куда большую эффективность, чем стрельба артиллерии, поэтому в условиях бездорожья и джунглей минометы оказались просто незаменимы

Обе стороны в полной мере воспользовались наличием солидного числа военных специалистов из стран, потерпевших поражение в Мировой войне — Германии и России. Начальником Генерального штаба боливийской армии

стал немецкий генерал, ветеран Восточного фронта Ганс Кундт. Кроме того, Боливия пригласила чешских военных советников и наемников-чилийцев. Увы, на посту главнокомандующего бывший командир полка не проявил тевтонских военных талантов, а боливийский профессиональный офицерский корпус оказался плохо подготовлен и к тому же поражен коррупцией и казнокрадством.

Парагвай сделал ставку на русских белогвардейцев-эмигрантов — они были неприхотливы, бездомны и бедны. Парагвай же готов был предложить им не только офицерские должности, но и гражданство. В итоге в рядах парагвайской армии оказалось около 80 русских офицеров — генералы И.Т. Беляев и Н.Ф. Эрн, 8 полковников, 4 подполковника, 13 майоров и 23 капитана. Правда, многие из них получили указанные чины уже в Парагвае — тот же Беляев у Врангеля был всего лишь полковником. Как и в Боливии, иностранцы в основном находились в авиации, а также в артиллерии и на штабных должностях. Большинство офицеров в полевых войсках составляли «местные кадры», произведенные уже в ходе боевых действий. Именно они вынесли на своих плечах основную тяжесть войны.

Летом 1932 года, накопив силы и перевооружившись, боливийские войска перешли в общее наступление. 15 июня они внезапно атаковали парагвайские форты Карлос Антонио Лопес, Корралес, Толедо и Бокерон, расположенные в глубине спорной территории Чако-Бореаль. Недостроенный форт Корралес был взят сразу же, но вокруг Бокерона разыгрались тяжелые бои. В конце концов боливийцам удалось захватить и это укрепление, однако форты Лопес и Толедо остались в руках парагвайцев, которые начали готовиться к контрудару.

В Парагвае была объявлена всеобщая мобилизация, численность армии в течение буквально нескольких недель увеличилась в двадцать раз — с 3000 до 60 000 человек. Правда, при этом во многих отрядах солдаты первоначально были вооружены лишь ножами-мачете, а одна маузеровская винтовка аргентинского производства приходилась на 5–7 человек. Парагвайскую армию возглавил

полковник Хосе Феликс Эстигаррибиа — талантливый и решительный военачальник, происходивший из индейцев гуарани. Начальником Генерального штаба, был назначен генерал Иван Беляев, до этого занимавший должность начальника военного училища в Асунсьоне.

Поначалу боевые действия представляли собой беспорядочные стычки в джунглях и борьбу за отдельные укрепленные пункты. Но постепенно начала вырисовываться линия фронта, редким пунктиром пересекавшая болотистую сельву и поросшую жестким кустарником равнину. Обе стороны активно использовали фортификацию, возводя на контролируемой ими территории дерево-земляные укрепления, гордо именуемые фортами. Парагвайцы полковника Эстигаррибиа добавили к этому создание широкой сети минных полей. Войска зарывались в землю, опутывая свои позиции колючей проволокой, сооружая блиндажи и пулеметные гнезда.

К середине лета (точнее, зимы) парагвайцы сумели организовать в районе городка Пало-Санто и крепости Исла-Пои посадочные площадки, куда перебросили несколько машин из числа своих немногочисленных военно-воздушных сил. В свою очередь, боливийцы тоже отправили в зону боевых действий истребители и бомбардировщики. 27 июля парагвайцы добились крупного успеха — над фортом Акуино зенитным огнем был сбит боливийский разведчик «Веспа», оба члена экипажа попали в плен.

Постепенно выяснилось, что значительное техническое превосходство боливийской армии практически не играет никакой роли. Рассредоточенные действия авиации в джунглях, как правило, представляли собой швыряние бомб в пустоту. Генерал Кундт не доверял воздушным разведчикам, а в штабе боливийцев не нашлось никого, кто сумел бы организовать массированные налеты на коммуникации обороняющихся парагвайских гарнизонов. То же самое творилось и на земле — танки вязли в болотах, простаивали от отсутствия горючего, выходили из строя из-за неправильной эксплуатации, а артиллерия не могла найти целей в сплошном зеленом море.

Тем временем парагвайцы готовились к переходу в контрнаступление. 9 сентября они атаковали захваченный

противником форт Бокерон. Первый штурм боливийские войска смогли без особого труда отбить, но командование парагвайской армии решило пойти ва-банк. Оно подтянуло в район форта почти всю имевшуюся у него боеспособную авиацию. До конца сентября парагвайские самолеты с красно-бело-синими хвостами около тридцати раз бомбили форт. Боливийцам, несмотря на все их превосходство в авиации, так и не удалось прикрыть войска с воздуха — над фортом произошел всего один воздушный бой, да и тот окончился с ничейным результатом. В итоге 29 сентября остатки боливийского гарнизона капитулировали.

Следующей акцией парагвайцев было возвращение форта Кораллес, потерянного в первые дни войны. Кораллес удалось отбить у противника в октябре, а затем парагвайские войска атаковали собственно боливийские укрепления, построенные еще до начала войны — но были отброшены с большими потерями. Война вернулась туда, где началась пять месяцев назад и постепенно начала приобретать характер мясорубки.

С появлением позиционного фронта стала возрастать роль авиации. Уже 30 сентября состоялся второй за эту войну воздушный бой, в котором парагвайский «Вибо» получил тяжелые повреждения и разбился при посадке. Пилот истребителя «Боливиан Скаут» майор Рафаэль Павон одержал первую в Новом Свете воздушную победу. 4 ноября он добился нового успеха, сбив над деревенькой Сааведра парагвайский «Потез». До конца боевых действий майор Павон одержал еще одну победу, став единственным асом этой войны.

К осени 1932 года обе стороны осознали, что война будет долгой и напряженной, поэтому срочно требуются новые закупки вооружений. Боливия денег не жалела — она спешно приобрела в США 20 легких бомбардировщиков «Кертисс-Райт» С14R («Боливиан Оспрей») и 9 истребителей Кертисс 35А «Хоук» II¹, имевших скорость 320 км/ч.

Наличие этих машин делало господство боливийцев в воздухе подавляющим. Но не дожидаясь прибытия новой

¹ Это была изготовленная специально для Боливии модификация флотского истребителя «Госхоук».

техники генерал Кундт предпринял новое решительное наступление, пытаясь прорвать парагвайский фронт в районе форта Нанава и выйти к реке Парагвай южнее Консепсьона. При этом значительная часть парагвайской армии должна была оказаться отрезанной от источников снабжения и капитулировать.

Для поддержки ударной группировки было выделено две смешанные эскадрильи по шесть самолетов в каждой. В начале следующего года к ним присоединились 12 только что полученных машин «Боливиан Оспрей». 2 января американские самолеты впервые атаковали форт Нанава, не встретив никакого воздушного противодействия. Все же парагвайская зенитная артиллерия смогла добиться некоторых успехов — 25 февраля над рекой Парагвай был сбит боливийский самолет-разведчик «Оспрей», оба его летчика погибли. Через несколько дней другой такой же самолет был уничтожен над городком Карайя. И все же от аварий и износа машин численность боливийской воздушной группировки сокращалась намного быстрее — к весне 1933 года из-за крайней ветхости были списаны все «Фоккеры» С.Vb, а из девяти самолетов Веккерс «Веспа» три уже пошли на запчасти.

Немногочисленная парагвайская авиация была переведена на разведывательные и транспортные полеты — с января четыре «Потеза» занимались снабжением осажденного гарнизона форта Нанава. Чтобы хоть немного сравнять силы, парагвайцы тоже решили закупить за рубежом новую партию техники. Поскольку как Великобритания, так и США поддерживали Боливию, обращаться пришлось к Франции и Италии. Итальянцы предложили партию совсем новых истребителей «Фиат CR 20bis», производившихся с 1930 года, но денег у Парагвая хватило только на пять таких машин, составивших 2-ю истребительную эскадрилью и прибывших в район конфликта в апреле 1933 года. Три из них пилотировали итальянские летчики, а на одном летал английский наемник лейтенант Уолтер Гуин — впрочем, уже 12 июня разбивший свой самолет. На последнем «Фиате» летал бывший русский морской летчик капитан Владимир Парфененко, тоже не проявивший больших летных талантов.

Кроме того, Парагвай закупил в Италии некоторое количество танкеток CV33 — итальянцы уступили их не слишком дорого, желая поскорее испытать в бою свою новую бронетанковую технику. Результат испытаний оказался не слишком удачным — подобно боливийским танкам, парагвайские машины оказались практически бесполезны в джунглях, они часто ломались и расходовали драгоценный бензин, требовавшийся для грузовиков. Основную же часть техники, как и прежде, парагвайцы захватывали в качестве трофеев.

Уже 3 июня парагвайская авиация напомнила противнику о своем существовании — шесть легких бомбардировщиков «Потез» в сопровождении трех «Фиатов» атаковали боливийский укрепленный пункт Платинильос. А скоро стало ясно, что наступление генерала Кундта полностью провалилось. Форт Нанава, стойко обороняемый 5-й дивизией подполковника Луиса Ирразобала, отбил все атаки. Всего в боях за этот укрепленный пункт боливийцы потеряли до убитыми до двух тысяч солдат, потери парагвайцев составили 448 человек. Продвинуться на других направлениях боливийцам тоже не удалось. Боевые действия велись в джунглях и болотах, и среди боливийских горцев, не привыкших к жаркому и влажному климату начались эпидемии различных тропических болезней.

Поскольку основное население района боев считало себя парагвайцами, генерал Эстигаррибиа начал формировать из них партизанские отряды для действий на коммуникациях противника. В итоге скоро и боливийцам пришлось использовать свою авиацию для снабжения отдаленных гарнизонов. Для этого в 1933 году Боливия закупили в Германии четыре новых «тримотора» — транспортных самолета «Юнкерс» Ju-52/3m (впоследствии ставших основой самолетного парка германской транспортно-десантной авиации). Еще один американский «Форд Тримотор» с собственным именем «Южный Крест» был подарен боливийским ВВС плантатором-миллионером Симоном Патино.

4 июля боливийцы последний раз атаковали форт Нанава. Несмотря на сильную воздушную поддержку (до 10 самолетов) наступление опять провалилось, и на фронте до

конца года установилось относительное затишье. А с начала 1934 года в войне окончательно наметился перелом — парагвайцы начали хорошо подготовленное наступление на северо-запад вдоль рек Пилькомайо и Монте-Линдо. Наступил сезон дождей, боливийская техника выходила из строя, а парагвайские солдаты упорно пробивались вперед. Несмотря на численное превосходство противника, за два месяца им удалось продвинуться почти на 200 километров, захватив более 7000 пленных.

Фронт передвинулся к северу и западу, в район засушливых полупустынных плоскогорий, и теперь уже боливийцы, оказавшись в более привычной для себя местности, нанесли контрудар. В начале мая 1934 года они атаковали передовой парагвайский форт Канада и окружили его. Осада длилась с 10 по 25 мая и была снята подошедшими подкреплениями, все это время форт снабжался по воздуху. В июне парагвайцы возобновили свое наступление, выйдя к боливийской крепости Балливиан на реке Пилькомайо. Обе стороны довольно широко применяли авиацию — в середине июня огнем с земли был сбит боливийский самолет типа «Оспрей», а 25-го числа над городком Эль-Кармен состоялось грандиозное авиационное сражение: четыре бомбардировщика «Потеза» и два истребителя «Фиат» с парагвайской стороны, одиннадцать истребителей «Хоук» и разведчиков «Оспрей» — с боливийской. Бой, как и следовало ожидать, закончился вничью — боевые качества пилотов той и другой стороны (не исключая и наемников) были ниже всякой критики.

Тем не менее, 8 июля те же четыре парагвайских «Потеза» дважды бомбили окрестности Балливиана, сбросив в общей сложности 120 десятикилограммовых бомб. Атаке подвергся городской аэродром и склады горючего и боеприпасов. В итоге на земле был уничтожен один самолет «Оспрей» и взорвано бензохранилище. 12 августа парагвайский легкий бомбардировщик «Потез-25» лейтенанта Корнелио Перальто сбил над боливийским фортом Флорида еще один «Оспрей» — это была единственная воздушная победа парагвайцев за все время войны.

В конце концов Лига Наций обратилась к воюющим сторонам с призывом прекратить войну и сесть за стол

переговоров. А когда обе воюющие стороны пропустили этот призыв мимо ушей, Совет Лиги объявил эмбарго на поставку вооружений участникам конфликта. Несмотря на это боливийцы почти в открытую продолжали закупки авиатехники в «цивилизованном мире». США не входили в Лигу Наций, поэтому на фирме «Кертисс» удалось приобрести девять двухместных разведчиков-бипланов О-1/А-3 «Фалькон» и четыре двухмоторных бомбардировщика-биплана «Кондор». С «Фальконами» все прошло успешно, а вот «Кондоры», которые решено было перегнать своим ходом, конфисковало правительство Перу — ссылаясь на эмбарго. Правда, из девяти «Фальконов» четыре почти сразу же были разбиты — сказался низкий уровень подготовки пилотов.

Из традиционно нейтральной и столь же традиционно небрезгливой Швеции в Боливию доставили еще три средних бомбардировщика «Юнкерс» К-43¹, которые с сентября 1934 года начал бомбардировки парагвайских позиций с аэродрома Вилья Монтес. Одна из таких машин пропала без вести в районе Пикуибы, судьба ее неизвестна до сих пор. Таким образом, несмотря на массовые закупки техники, численность боливийской авиации не только не увеличилась, но даже несколько уменьшилась. К сентябрю 1934 года в «Куэрло де авиасьон» имелось только 24 самолета: пять машин Кертисс «Хоук», пять машин Кертисс-Райт «Боливиан Оспрей», два самолета Виккерс «Веспа», четыре Кертисс «Фалькон», семь различных «Юнкерсов», и один кое-как восстановленный «Боливиан Скаут». У парагвайцев на этот момент в воздух могли подняться лишь шесть «Потезов» и три «Фиата».

Дальнейшим попыткам обеих сторон закупить оружие в Европе мешало объявленное Лигой Наций эмбарго. Тем временем 23 сентября в бою с боливийским «Оспреем» погиб еще один парагвайский истребитель «Фиат». В ноябре боливийская армия при поддержке с воздуха начала наступление в районе Эль-Кармен. Но это наступление с легкостью было отражено парагвайцами, которые сами пе-

¹ Эти машины состояли на вооружении ВВС РККА под названием ЮГ-1.

решили в контрнаступление — оказавшееся куда более успешным. Фронт откатывался на северо-запад, 26 ноября боливийцам пришлось эвакуировать свою авиацию с аэродрома Самахуате во избежание захвата ее противником. Постепенно самолетов над полем боя становилось все меньше и меньше — количество боеспособных машин таяло с обеих сторон. Парагвайцы мобилизовали у себя две летающие лодки «Макки» М.18 AR, перегнали их на реку Пилькомайо и начали ночные налеты на крепость Балливиан — впрочем, возымевшие лишь моральный эффект.

К весне 1935 года обе стороны достигли крайней степени финансового и морального истощения. Однако боевой дух парагвайской армии был крепок как никогда, и в конце марта полковник Эстигаррибия перенес военные действия на территорию собственно Боливиан, атаковав нефтеносный район у города Вилья-Монтес в 60 километрах севернее аргентинской границы. Через две недели боев оборона боливийцев рухнула по всему фронту. Попытки сдержать парагвайское наступление авиацией привели лишь к потере двух «Фальконов», сбитых огнем с земли. В конце мая Вилья-Монтес, обороной которого руководил чехословацкий генерал Плачек, был окружен со всех сторон. После этого Боливия, у которой просто не осталось войск, обратилась в Лигу Наций с просьбой о посредничестве в заключении перемирия. 11 июня было подписано соглашение о прекращении огня. Потери сторон убитыми составили 40 000 солдат у Парагвая и 89 000 — у Боливии. В плену у парагвайцев оказалась практически вся боливийская армия — 300 000 человек.

По условиям мирного договора, подписанного в июле 1938 года в Буэнос-Айресе, практически вся территория Гран-Чако отходила к Парагваю. В обмен Боливия получила доступ к реке Парагвай в узкой 20-километровой полосе. Но это приобретение, сходное с передачей Колумбии в 1934 году узкого выхода к Амазонке, имело скорее престижное, нежели практическое значение. Порт и железная дорога к нему так и не были здесь построены — гораздо проще оказалось подвести железнодорожную ветку от

Санта-Круса к бразильскому городу Корумба, стоящему на той же реке Парагвай.

Нефти в Гран-Чако в итоге тоже не нашли. А для Парагвая победа в войне обернулась резким усилением влияния военных во внутренней политике. При этом среди офицеров, выходцев из низов общества, поначалу преобладали ярко выраженные эгалитаристские тенденции. В феврале 1936 герой Чакской войны полковник Рафаэль Франко совершил военный переворот националистического характера и попытался вернуть страну ко временам великих лидеров XIX века, Хосе Родригеса де Франсии и Франциско Солано Лопеса — то есть провести ускоренную индустриализацию с опорой на собственные силы, усилением роли государства и введением элементов социализма. Естественно, с такой программой полковник долго не удержался — через полтора года его свергла Либеральная партия, требовавшая вести страну по пути демократии западного образца. Но на выборах 1939 года президентом вновь был избран военный — маршал Хосе Феликс Эстигарриба, национальный герой страны и главнокомандующий вооруженными силами Парагвая в Чакской войне. Уже в следующем году он сам осуществил переворот и изменил конституцию, однако вскоре он погиб в результате авиакатастрофы. К власти пришел генерал Ихинио Мориниго, установивший в стране жесткий диктаторский режим.

В 1947 году в стране разразилась гражданская война, в ходе которой Мориниго в союзе с партией «Колорадо» разгромили всех своих политических противников, после чего «Колорадо» была объявлена единственной официальной партией. Несмотря на это, в течение нескольких последующих лет военные перевороты в стране совершались ежегодно, пока в мае 1954 главнокомандующий вооруженными силами Парагвая генерал Альфредо Стресснер сверг президента Федерико Чавеса. В июле того же года на безальтернативных выборах он был избран президентом страны и пробыл в этой должности 34 года.

ПРИЛОЖЕНИЕ III

Отчет командования Тихоокеанского флота по приему Азиатской эскадры США во Владивостоке 28 июля — 1 августа 1937 г.¹

*Секретно*²

I. Указания о приходе эскадры

Организация приема приходящей иностранной эскадры и планомерность проведения его в большой степени зависит от своевременности получения указаний о приходе и полноты их. К сожалению, при организации приема американской эскадры Военный совет ТОФ до последнего момента ясности не имел, что чрезвычайно осложнило организацию приема, отодвинув проведение подготовительных мероприятий к концу прихода эскадры.

Первое сообщение о предполагаемом приходе эскадры получено 15 июля 1937 г. от врид. начальника штаба ОКД-ВА простой телеграммой, без указания даты прихода: «Сообщаю для сведения. Правительством СССР дано разрешение на заход в порт Владивосток в июле месяце

¹ Публикуется по изданию: Россия и США: экономические отношения. 1933–1941. М.: Наука, 2001, стр. 181–196. (Прим. ред.)

² Не ранее 2 августа 1937 г. (по смежным документам дела).

флагманскому кораблю США в сопровождении 4 истребителей¹».

Получив такую телеграмму, Военный совет запросил УВМС РККА с просьбой указаний. Ответ поступил только 20 июля 1937 г. причем в ответе был уточнен только день прихода. Часы прихода, длительность стоянки эскадры во Владивостоке, характер приема, отпускаемые средства остались неосвещенными.

24 июля 1937 г. получена телеграмма от НКО, внесшая ясность в характер встречи. И только 25 июля УВМС даны указания, по которым можно было приступить к проработке плана приема. Однако и в этих указаниях количество дней стоянки не было указано.

Таким образом, из-за поздней дачи указаний по приему десять дней подготовительных работ были потеряны. Практически работа по подготовке приема эскадры начала вестись только после получения телеграммы наркома и по существу велась только три дня.

Принимая во внимание политическое значение заходов иностранных кораблей и сложность приема их, в будущем необходимо давать исчерпывающие указания по крайней мере за 10 дней, чтобы избежать недоработанностей плана и обеспечить планомерность, как в подготовке приема, так и в проведении его.

II. Подготовка приема

По плану приема были намечены следующие мероприятия:

1. Сконструирован штаб приема по линии военного командования и горсовета и намечены ответственные исполнители по подготовке и проведению отдельных мероприятий по приему.

На все входящие корабли были назначены командиры, на обязанности которых лежало: проводка кораб-

¹ Так в русском флоте начала века именовались эскадренные миноносцы. (Прим. ред.)

лей к месту стоянки и при выходе из Владивостока (вместо лоцманов), во время стоянки кораблей во Владивостоке быть командиром для связи на данном корабле.

2. Составлен план приема для внутреннего руководства штаба приема и план-календарь приема, который был выдан и на корабли эскадры США (см. приложение №1)¹.

3. Для встречи американской эскадры в море был назначен и подготовлен эсминец «Сталин»².

4. Местом стоянки американских кораблей намечена бухта Золотой Рог, к весту от Комсомольской пристани. Место стоянки кораблей США охранялось ОВРОм с зюйда и оста, чтобы не допустить движения посторонних катеров, шлюпок и рыболовных кунгасов в районе расположения кораблей. Места стоянки кораблей были подготовлены ГО ТОФ и отмечены вехами с флагами.

Для схода американских моряков на берег подготовлены были пристани:

- а) для офицеров — Комсомольская,
- б) для команд — Морфлота у арки Челюскинцев.

Обе пристани были отремонтированы, украшены советскими и американскими флагами и освещены.

5. Для предоставления личному составу приходящей эскадры возможности покупки сувениров в память посещения СССР распоряжением горсовета были организованы специальные стенды с промышленными изделиями и книгами:

- а) на Комсомольской пристани,
- б) на пристани у арки Челюскинцев,
- в) в местах организованных гуляний.

Однако открытие последних становилось в зависимости от спроса, и так как спроса на них не было, то в местах гуляний стендов не открывали.

¹ Отсутствует.

² Типа «Новик» (бывший «Самсон»), 1916 года постройки. Переведен с Балтики на Тихий океан летом 1936 года по Беломорканалу и Северному морскому пути. Сдан на слом в начале 1950-х годов. (Прим. ред.)

6. Вследствие отсутствия в городе такси для предоставления возможности передвижения личного состава приходящей эскадры по городу были мобилизованы имеющиеся в городе машины типа «М», форды и автобусы.

7. По линии ГВП было заготовлено 2 тыс. т мазута и продовольствие. Большие затруднения при этом встречались с добычей фруктов, так как в этот период ни во Владивостоке, ни в Хабаровске фруктов не оказалось.

8. По линии города были заброшены промтовары в магазины, изделия пищевой индустрии в гастрономы и т.д. Городские улицы и дворы домов почищены, места, намеченные для гуляний, частично отремонтированы и подчищены.

Наибольшие затруднения вызвал вопрос ликвидации хлебных очередей. Враги народа, сидевшие на хлебозаводах и в органах Заготзерно, создали перебой в снабжении хлебом, в результате чего перед приходом эскадры в городе создались хлебные очереди. Чтобы ликвидировать это, потребовалось энергичное вмешательство Военного совета ТОФ.

9. Для развлечений личного состава американской эскадры были намечены и подготовлены следующие мероприятия:

- а) цирк — 29 июля 1937 г.;
- б) оперетта в краевом театре — 31 июля 1937 г.;
- в) концерт силами самодеятельности ТОФ в ДКФ — 30 июля 1937 г.;
- г) гулянье в Краснофлотском саду — 30 июля днем;
- д) спортивные соревнования, футбол — 29 июля, плавание — 31 июля;
- е) поездка за город, как резерв, в случае просьбы. На всех гуляниях были организованы бесплатные буфеты с прохладительными напитками и бутербродами.

10. По линии официальной были намечены визиты, согласно указаниям Наркоминдела и существующим положениям, и банкеты в честь прихода американской эскадры:

- а) Командующий флотом — офицерам эскадры — 28 июля в большом зале ДКФ.

- б) Командующий флотом — команде эскадры — 29 июля в большом зале ДКФ.
- в) Председатель горсовета — офицерам эскадры — 29 июля в ресторане «Золотой Рог».
- г) Председатель горсовета — команде эскадры — 30 июля в ресторане «Золотой Рог».
- д) Намечено время ответного банкета командующего американской эскадрой на крейсере «Августа»¹ — 31 июля 1937 г.

Кроме того, на эсминец «Сталин» был намечен прием для офицеров и команд флагманского корабля эскадры (в разное время).

III. Выполнение плана приема

План приема эскадры проведен точно согласно прилагаемому плану-календарю, переданному адмиралу Ярнелу представителем ТОФ при нем капитаном 2 ранга т. Орловым немедленно по представлении. Следует отметить одно обстоятельство: получив план-календарь приема, изданный отдельной книжечкой, и ознакомившись с ним, адмирал Ярнел быстро переглянулся с начальником штаба и подполковником Файмонвиллом и скороговоркой бросил фразу, сводящуюся к тому, что планом хотят поставить визит в определенные рамки и занять все время эскадры, так, как это хочется хозяевам. Однако в дальнейшем во время стоянки эскадры во Владивостоке, видя точное и аккуратное выполнение плана, адмирал Ярнел проникся известным уважением к нему и строго руководствовался данным ему планом, прибывая в назначенные места без

¹ Тяжелый крейсер «Огаста» («Августа») типа «Нортхемптон», 1930 года постройки. С 1933 по 1940 год — флагман Азиатского флота США. В годы Второй Мировой войны использовался, в основном, как флагманский и представительский корабль (дважды возил президентов). В 1946 году выведен в резерв. (Прим. ред.)

каких-либо опозданий, всегда зная наперед распорядок пребывания эскадры.

Первые два дня американские офицеры строго руководствовались планом. К исходу 2 дня пребывания эскадры во Владивостоке как офицеры штаба эскадры, так и старшие офицеры с кораблей начали просить показать объекты вне плана, а именно:

1. Показать судостроительную верфь (завод им. Ворошилова). В показе было отказано по мотивам нахождения завода в системе другого наркомата и для допуска на завод требуется переписка с Москвой.

2. Показать аэродромы. В показе было отказано по мотивам отсутствия в районе Владивостока соответствующих аэродромов.

3. Показать эсминец. Был показан эсминец «Сталин».

4. Показать подводные лодки. Была показана ПЛ Щ-116.

5. Показать военно-морской госпиталь — был показан.

6. Сделать экскурсию за город. Экскурсия была сделана, но так как в день экскурсии был плотный туман, то, кроме пространства в 20—50 м от автомобиля, офицеры ничего не могли видеть, о чем они чрезвычайно сожалели, а начальник штаба эскадры для следующего визита обещал выбрать время сентябрь-октябрь с тем, чтобы иметь возможность осмотреть окрестности без шансов наличия тумана.

а) Встреча эскадры в море

Встреча эскадры эсминцем «Сталин» произошла в точно назначенный срок. Для встречи на эсминец «Сталин» вышли — представитель командующего ТОФ капитан 2 ранга Орлов, американский атташе подполковник Файмонвил, командир для связи при нем капитан 3 ранга Чернощек и командиры, назначенные на корабли американской эскадры. Переход указанных лиц на корабли американской эскадры в точке randevu не удалось произвести вследствие налетевшего штормового шквала с дождем (волна свыше 6 баллов), из-за опасения перевертывания катера. После обмена установленным салютом

эсминец «Сталин» стал во главе эскадры и по международному своду просил эскадру следовать за ним в пролив Босфор Восточный, где и произошел переход представителей ТОФ и подполковника Файмонвила на американские корабли. После перехода указанных лиц на корабли и обмена салютом с батареей м-ра Голдобина корабли прошли к месту якорной стоянки.

При встрече в море имелись следующие недочеты:

1. При отдаче салюта эсминцем «Сталин» флагу адмирала Ярнела салютные пушки имели заедания — салютные выстрелы следовали неравномерно. Расследование показало плохое приготовление салютных выстрелов, было 8 осечек. Американцы отвечали из 2 пушек с интервалами между выстрелами не более 3 секунд.

2. При обмене международными сигналами на эсминце «Сталин» набор и подъем их производился медленно, что, считаю, произошло из-за неимения опыта в производстве этого рода сигналопроизводства и, отчасти, из-за налетевшего шквала (фалы и флаги были мокрые, от ветра запутывались в вантах).

3. При спуске катера в проливе Босфор Восточный спущенный на воду катер залило водой и мотор его не завелся.

Во всем остальном встреча, постановка на якорь и переговоры о плане стоянки эскадры во Владивостоке прошли гладко.

Любопытно отметить отношение американцев к салютам: увидев в плане отсутствие указаний на салют председателю городского совета, адмирал Ярнел спросил капитана 2 ранга Орлова, нужно ли давать ему салют. Получив ответ, что по правилам СССР председателю городского совета салют не предусмотрен, адмирал Ярнел подумал момент и спросил, выше ли он по положению дипломатического агента. Получив ответ — примерно равное — он отдал распоряжение салютовать 11 выстрелов.

б) Официальная часть приема

Официальная часть приема состояла из визитов и официальных банкетов.

1. Визиты

Сразу же по постановке на якорь адмирал Ярнел в сопровождении начальника штаба, флаг-адъютанта, подполковника Файмонвила и капитана 2 ранга Орлова поехал с визитами. Визиты были сделаны: командирующему флотом, начальнику гарнизона, председателю горсовета и дипломатическому агенту НКВД.

Продолжительность визитов не превышала 10 минут. Во время визитов адмирал Ярнел хотя и держался официально, однако без натянутости. Всюду подчеркивал, что он во Владивостоке второй раз после 34-летнего перерыва (посещал Владивосток в 1903 г. будучи молодым офицером) и что приход американской эскадры является первым при советской власти. При проезде по городу адмирал Ярнел с большим удовлетворением отметил наличие большой массы зрителей, наблюдавших за стоявшими на рейде кораблями эскадры США.

Ответные визиты производились строго по плану-календарю.

2. Банкеты

Банкеты для офицеров, как командующего, так и города, проходила в официально дружественном тоне. При обмене речами адмирал Ярнел отмечал дружественный характер визита эскадры и отсутствие препятствий для установления сердечных отношений между СССР и США. Как адмирал в своих речах, так и офицеры в частных разговорах подчеркивали, что дружественные связи между флотом СССР и флотом США имеют историю. Так, например, в войне за независимость США в 1845 г.¹ русские военные корабли приходили в порта Соединенных Штатов и морально оказывали поддержку флоту США. Американский подданный морской офицер Жан Поль служил в русском флоте. Однако тон всех офицеров при отметке дружественности визита был сдержанный и

¹ Так в тексте публикации. (Прим. ред.)

от далеко идущих заявлений, как правило, офицеры воздерживались.

Банкеты, устроенные для команд эскадры США, прошли с исключительным успехом: во-первых, нигде американским командам банкетов в тех же самых помещениях, в которых устраивались банкеты офицерам, не делались; во-вторых, офицерский состав, тем более в высоких чинах, на этих банкетах не участвовал; у нас на банкетах для команд вместе с краснофлотцами был начсостав в званиях до капитана 1 ранга включительно; в результате уже с половины банкета унтер-офицерский и рядовой состав заявляли: «Нам таких встреч не делали даже в американских портах»; «За всю мою жизнь первый раз участвую на банкете с офицерами» и т.д. Один унтер-офицер подошел к председательствующему бригадному комиссару и заявил: «15 лет служу во флоте и ни разу не чокался с адмиралом, разрешите чокнуться и выпить за Ваше здоровье».

Настроение после этих банкетов у рядового состава эскадры США было хорошее, что они отмечали многократно в разговорах и в многочисленных открытых письмах, посланных из Владивостока родственникам и знакомым в США, сообщая о визите.

В ответ на приемы адмирал Ярнел 30 июля в 13 ч. устроил завтрак для командования флота и представителей города, на который были приглашены 12 человек. Вечером 31 июля с 17 до 19 на флагманском корабле был устроен прием для Военного совета, начсостава ТОФ и представителей города — всего 170 человек. Во время приема командованию ТОФ был показан крейсер по расширенной программе, для гостей показ был более узкий. Однако даже по расширенной программе показ включал осмотр мостика, верхней палубы, жилой палубы и машинного отделения.

Тон как во время завтрака, так и во время приема был официально дружественный; речей не произносилось. Полагаю, адмирал Ярнел ограничился завтраком и приемом для того, чтобы избежать официальных заявлений, связанных с необходимостью произношения тостов во время

банкетов и потому, что на кораблях флота США проводится сухой закон и к столу подают только воду.

в) Зрелища

Для развлечения личного состава эскадры, не занятого на банкетах, были устроены спектакли: 2 вечера в цирке, вечер – спектакль-оперетта в краевом театре и вечер краснофлотской самодеятельности ДКФ. Все спектакли прошли с исключительным успехом. Большим успехом пользовались представления в цирке и краснофлотская самодеятельность. В последней особым успехом пользовались танцы народов СССР, выступления детей и театрализованый джаз 3 МБ на тему выступления «воинственного самурая» на наших границах и спокойный ответ ему красноармейца. Слова, после диких прыжков и размахиваний мечом самурая, — «и это все; уходите-ка вы отсюда подобру-поздорову пока живы» и уход самурая со сцены с поникшей головой сопровождалась взрывом хохота и оживленными аплодисментами со стороны американцев.

Следует отметить, что со стороны офицеров было выявлено нежелание показать нашу краснофлотскую самодеятельность, выразившуюся в том, что посланные на эскадру пригласительные билеты рядовому составу не выдавались. Однако при обнаружении этого в начале вечера ДКФ был открыт для желающих американцев пройти без билетов, и зал быстро заполнился.

Кроме этого, личному составу американской эскадры бесплатно представлялись места в кинотеатры города, 30 июля днем было организовано большое гулянье в саду ДКФ, прошедшее с большим успехом.

В 11 ч. 31 июля для адмирала и старших офицеров эскадры в ДКФ был показан перспективный план строительства Владивостока (по желанию адмирала) и просмотр советской хроники: киевские маневры (фильм был предварительно отредактирован и смонтирован заново), первомайский парад и полет на Северный полюс. Как план города, так и особенно кинохроника произвели большое впечатление на офицеров. С большим успехом прошло демонстрирование советских фильмов: «Веселые

ребята» и «Юность Максима» (два вечера) и игра оркестра флотского экипажа на борту крейсера «Августа». Как демонстрация фильмов, так и игра оркестра происходили по просьбе начальника штаба эскадры, который после давал высокую оценку и фильмам и оркестру.

г) Спортсоревнования

По плану днем 29, 30 и 31 июля намечались спортивные состязания спортсменов ТОФ с спортсменами эскадры США. Однако американцы от соревнования в футбол, ватерполо, плавания эстафетой и прыжков в воду отказались. Приняли вызов на волейбол, баскетбол и плавание, закончившиеся со следующим результатом: волейбол 2:0, баскетбол 22:20, все в пользу ТОФ; плавание вольный стиль, брасс, грудь, спина — по всем видам первое место занял ТОФ.

В результате этих соревнований и наблюдения за состязанием советских команд между собой американцы неоднократно подчеркивали, что в Советском Союзе массовый спорт находится на очень высокой ступени развития.

д) Обслуживание автотранспортом

Вследствие отсутствия в городе такси для предоставления возможностей передвижения л/с американской эскадры по городу были мобилизованы 43 городские и военные машины:

- 1 «паккард» — для адмирала;
- 8 машин М-1 — для офицеров;
- 4 автобуса — для матросов;
- 30 машин «ГАЗ» — для штаба приема.

Кроме того, при ВМ госпитале, городской больнице и в местах спортсоревнований дежурили ежедневно 3 санмашины.

Все машины были сведены в одно место (двор Владивостокского флотского экипажа), находились в ведении ответственного командира, по приказанию которого подавались для обслуживания. Для шоферов в экипаже было выделено помещение для сна ночью и организовано бесплатное питание, чтобы не отпускать их для этого по

домам. Для машин там же была организована заправка горючим и маслом. Поэтому обслуживание автотранспортом во все время приема проходило гладко и никаких недоразумений на этой почве не было.

е) Обслуживание катерами.

Для обслуживания американской эскадры катерами были мобилизованы все лучшие катера ТОФ. К сожалению, при проверке оказалось, что таковых можно собрать только:

3 катера штаба ТОФ

1 катер учебного отряда

1 катер ОВРа

1 катер 3 МБ

Недостатки наших катеров: не мореходные и не корабельного типа, отсутствие заднего хода и, из-за отсутствия запасных деталей, ненадежность работы моторов. В связи с этим докладываю, снабжение ТОФ катерами до сих пор производилось неудовлетворительно, и по существу хороших мореходных катеров ТОФ не имеет.

От услуг наших катеров и буксиров американцы отказались, и практически наши катера обслуживали только командиров ТОФ при их поездках на корабли американской эскадры.

ж) Обслуживание ГВП

От обслуживания ГВП в отношении снабжения американская эскадра отказалась. Ни продуктов, ни пресной воды, ни топлива ей не требовалось. Узнав о невозможности выбрасывать мусор за борт при стоянке в бухте Золотой Рог, начальник штаба адмирал Ярнел попросил баржу, которая предоставлялась эскадре во все время стоянки с 8 до 9 ч., обходя по очереди все корабли эскадры.

Из вопросов флагманского врача эскадры, начальника штаба эскадры и флаг-адъютанта адмирала отказ от пополнения во Владивостоке продуктами и пресной водой можно объяснить опасением получить недоброкачественные воду и продукты. Вопрос, откуда мы получаем воду, что сделали со старыми бассейнами питьевой воды, инте-

ресовал эскадру во все время стоянки ее и, получив ответ о постройке нового Седанского водопровода, чрезвычайно им заинтересовалась.

з) Стенды

Для приобретения сувениров в память пребывания в Советском Союзе были организованы на пристанях специальные стенды с изделиями СССР. Однако за все время пребывания эскадры во Владивостоке американцы покупок сделали мало. Причина — большие потери стоимости доллара при размене на советские деньги и высокая стоимость изделий.

IV. Выводы из осмотра американцами ТОФ

Полностью боевого состава ТОФ американцы видеть не могли. Но чтобы дать понятие о его силе, планом БП на дни пребывания американской эскадры во Владивостоке предусматривалось: проход мимо эскадры на боевую подготовку флота ПЛ т. «Л», ПЛ т. «Щ», сторожевых кораблей, эсминца и пролет И-16 и ТБ-3.

Всякое появление наших боевых единиц немедленно засекалось и при встречах ставились соответствующие вопросы. Так после прохода ПЛ т. «Л» задавались вопросы об ее водоизмещении, для чего такие большие ПЛ, не лучше ли для обороны иметь лодки небольшого водоизмещения, где строились лодки и когда. Подобные же вопросы задавались и после прохождения эсминца.

Истребители пролетели над Владивостоком во время футбольного состязания 29 сентября 1937 г., когда американцы во главе с адмиралом были на стадионе. Быстрый полет истребителей вызвал оживленные аплодисменты американцев и лестные отзывы об авиации СССР. Для иллюстрации хороших качеств нашей авиации и хорошей организованной работы для обеспечения полетов американцами приводились примеры полетов на Северный полюс и в США.

При посещении эсминца «Сталин» офицеры восхищались его внешним видом и хорошим расположением вооружения. Командир флотилии эсминцев заявил, что он «всегда был за линейное расположение артиллерии, так как оно дает наибольшие преимущества». Вид наших эсминцев, по отзывам американцев, красивее и внушительней. По вооружению и его расположению наши эсминцы также отличаются в лучшую сторону.

При посещении ПЛ-116 (три офицера) интересовались, как часто красятся корабли (хороший вид ПЛ), имеется ли док для окраски подводной части («в США ставятся в док один раз в год»), какая автономность ПЛ и ее подводный и надводный ход. Подлодка произвела хорошее впечатление.

При осмотре ВМ госпиталя осматривающий флагманский врач эскадры, видимо, был удивлен, найдя хорошо содержимый госпиталь, хорошо оборудованную операционную и палаты. В ответ пригласил осмотреть медицинскую часть кр. «Августа».

Общий вывод — показанные объекты произвели на американцев хорошее впечатление.

V. Состояние американских кораблей

Отмечается хорошая чистота, как снаружи, так и внутри. Особенно в хорошем состоянии камбузы, лазарет, хлебопекарня на крейсере «Августа». Каюты начсостава не блещут роскошью, но устроены довольно удобно, комфортабельно: стол письменный — бюро с убирающейся крышкой, платяной шкаф с ящиками, выдвигающимися на роликах. Все вещи железные.

В машинном отделении механизмы покрашены серебром.

На крейсере «Августа» имеется прекрасная парикмахерская с вращающимися пятью креслами, зубной кабинет. Особо обращает на себя внимание судовая типография с линотипом, количество работающих до 12 человек; выпус-

кается многотиражка, судовая газета «Августа», где помещаются статьи офицеров, большинство без подписей.

В палубе команды койки местные, с хорошими сетками, на день приподнимаются. Имеется буфет платный для матросов, который имеет в продаже мороженое, прохладительные напитки.

Хорошие киностационарные звуковые установки, как на эсминцах, так и на крейсере «Августа». Показанные картины довольно пустые по содержанию и совершенно ничего не оставили в памяти у краснофлотцев и командиров, присутствующих на киносеансах на крейсере «Августа» и эсминце № 230¹.

На крейсере «Августа» хорошая душевая комната на 40 человек. Очень чистые и удобные гальюны с изразцовыми плитками, хорошей вентиляцией, все время прокачивающая вода, отсутствие какого-либо запаха.

Миноносец № 230 постройки 1920 г., проектная скорость 32 узла, турбины типа «активных», работающих через передачу. Вспомогательные механизмы поршневые, главный воздушный насос типа крейсеров, масляные насосы и ряд других систем «Бира». Отсутствие мелкого трубопровода в трюмах, поэтому второе дно в аварийном отношении удобно вести борьбу с пробойной. Мелкий трубопровод поднят на переборки.

Крейсер «Августа» построен в 1930 г., проектная скорость 32,7 узла. Главные механизмы — турбины Парсонса. Машинное отделение чистое, но во время осмотра все поручни были завешены выстиранным матросским бельем для просушки.

При осмотре обнаружены следующие мастерские: слесарная состоит из 13 станков, из них 3 станка универсальных. Совершенно отдельно оборудована деревообделочная мастерская (аварийная) по заделке пробоин. Установлено две пилы центробежного типа — ленточная и две дисковые; имеется небольшой строгальный станок.

Хорошо оборудована штурманская рубка крейсера «Августа», где имеется компас «Сперри», счетчик «Валенси»,

¹ DD-230 «Пол Джонс», вступил в строй в 1920 году, сдан на слом в 1947 году. (Прим. ред.)

одограф. На мачте — флюгарка, связанная с анемометром и компасом, показывающая направление ветра и скорость. В боевую рубку не пустили. Пушки крупного калибра, и зенитная артиллерия все время под чехлами. На тумбах зенитной артиллерии марка производства пушки довоенного времени, но со слов офицеров пушки новые. Старпом крейсера заявил, что эти зенитные орудия стоят лишь сейчас. В случае войны они будут заменены другими, которые имеют большую мощность, дальность и точность стрельбы, но которые сейчас не устанавливаются, чтобы не выдать секрета. При проходе жилой палубы крейсера бросается в глаза обилие канцелярий и их размеры. По существу от осмотра этой части корабля создается впечатление не боевого корабля, а хорошо оборудованной конторы. Начальник оперативного отделения штаба эскадры в разговоре дал такую оценку крейсера: «Это корабль мирного времени. Он очень удобен для плавания в тех водах, где находится (имеются в виду тропики). Но как боевой корабль крейсер слаб — слабо бронирование, при громадности цели и недостаточный ход. В случае войны единственное его использование — действия против коммерческого судоходства противника в водах, где мало вероятны встречи с кораблями, имеющими лучшее бронирование».

Отзыв по эсминцам дал командир флотилии э. кэптэн Макклур: «Эсминцы устарели. Расположение артиллерии и торпедных аппаратов неудачно. Ваши эсминцы в тактическом отношении значительно выше».

Из наблюдений за эсминцами установлено, что проверка вооружений происходила каждый день с проворачиванием торпедных аппаратов и пушек. Тоже происходило и на крейсере.

VI. Идеологическое состояние личного состава

Рядовой состав разнородный, разных национальностей, не сплоченный между собой. Культурное развитие их

очень низкое. Воспитывается матрос на бульварной литературе и такого же типа кинокартинами.

На корабле при исполнении служебных обязанностей матросы дисциплинированы и подтянуты, расторопны на работе. Во внеслужебное время матросы распушены: на крейсере «Августа» при проходе офицеров матросы не встают, стоят задом. Даже не вставали и не уступали дороги, когда проходил старший офицер крейсера, показывавший корабль Военному совету ТОФ.

Поведение матросов на берегу во Владивостоке в основном было удовлетворительное, но наряду с этим отмечалось много случаев распушенности, нетактичность и высокомерие. В цирке шапито некоторые матросы ходили не в проходе, а прямо по скамейкам. В садах сидели на спинке сиденья, ногами на сиденье. Курили в цирке и бросали окурки на пол.

Наблюдался ряд случаев пьянства и пристаивания к женщинам в городе: не успев высадиться на берег, некоторые из матросов стали спрашивать, где кабаки и публичные дома. Распивание водки на улице, прямо из горлышка. На Китайской улице на глазах многочисленной публики пьяный матрос залез на телеграфный столб, а присутствующие американские матросы смеялись. Зафиксирован ряд драк между собою. Отмечалось пристаивание и грубость с девушками на танцевальных площадках.

На эсминце «Сталин», после угощения и вообще в местах бесплатных угощений, американские матросы насывали себе полные карманы папирос и конфет.

По многочисленным заявлениям матросов, на эскадре существует рукоприкладство. Даже на улицах Владивостока неоднократно отмечались случаи избиения американских матросов резиновыми палками со стороны обходов из морской пехоты, что особенно вызывало возмущение краснофлотцев ТОФ и служило яркой иллюстрацией к существующим порядкам в американском флоте и отношению к матросам. «Ознакомившись с американской эскадрой, чувствуешь гордость за свой флот, гордость своим превосходством над этими елейными сухозаконниками, пьющими водку и избивающими даже на улицах матросов» (из высказываний краснофлотцев).

Офицерский состав так же разношерстен и многонационален. Имеются даже русские из бывших Прибалтийских губерний.

Старший офицерский состав (от кэптэнов и выше) в большинстве реакционен, настроен к СССР настороженно. Особенно в этом отношении выделялся начальник штаба эскадры кэптэн Макконнель. Военно-морская подготовка этого состава, насколько это удалось выявить во время краткого визита, вполне удовлетворительная. Чувствуется, что за обстановкой на театре этот состав следит и знает ее отлично.

Младшее и среднее звено офицерства — типичные представители офицерства капиталистических флотов: знание узкой специальности, спорт и вечером гулянье. Политическими событиями интересуются постольку, поскольку им их разъясняет командир корабля и старший офицер. Отмечены даже случаи, когда офицеры не знали о полетах наших самолетов на Северный полюс, о полетах Чкалова и Громова в США, хотя об этом писали на видном месте даже все буржуазные газеты.

Общий вывод по личному составу: политический кругозор незначительный, в морском отношении знания удовлетворительные, боевая ценность — невысокая.

VII. Оценка американцами обстановки в Тихоокеанском бассейне

1. Во время приветственной речи командующего на банкете, данном в честь прихода эскадры 28 июля 1937 г., при переводе слов: «Наш театр хоть и называется Тихим, однако политическая погода на нем сейчас довольно бурная, и эту погоду создают ветры, дующие с Японских островов», американцы разразились дружными аплодисментами. Такими же дружными аплодисментами американские офицеры встретили заявление о мирной политике СССР и о значении визита американской эскадры, как «признаке дальнейших углублений культурных связей

между двумя великими странами и укрепления дела мира на нашем театре».

Адмирал Ярнел в ответном слове заявил, что он «не видит препятствий к установлению дружбы между СССР и США», что также было встречено аплодисментами.

2. Обстановку в Китае адмирал Ярнел и его начальник штаба оценивали, как «чрезвычайно тревожную». По их мнению, японцы начали там серьезную операцию, что впоследствии подтвердилось. На вопрос, вмешиваются ли США в события в Северном Китае, адмирал Ярнел ответил: «В Северном Китае США имеют незначительные интересы, поэтому вмешательство мало вероятно. При продвижении японцев в Южный Китай надо полагать, что будут затронуты интересы не только США, но и Англии и других стран. Надо полагать, что японцы туда не пойдут».

Обстановка в Китае адмирала очень беспокоила, о чем он заявлял неоднократно. В частности, чтобы следить за этой обстановкой, адмирал просил разрешения пользоваться радио при стоянке во Владивостоке, и этим же он мотивировал свой уход: «Меня очень беспокоит обстановка в Китае, надо скорее идти туда, там наши семьи».

3. Не менее тревожно адмирал оценивал обстановку и на границах СССР. В частности, он и начальник штаба неоднократно возвращались к вопросу: «что СССР сделает, если японцы пойдут на Байкал или перережут железную дорогу в районе Благовещенска или другом месте. Ведь это легко сделать при наличии нескольких тысяч километров пути, идущего вплотную к границе». На ответ, нас это не страшит, следовал новый вопрос: «но почему, ведь вы не имеете другого пути». И только получив ответ, что ОКДВА не допустит такого перерезания, разговор переходил на другое.

4. В разговоре со мной адмирал Ярнел высказал предположение о существовании у японцев плана наступления на СССР по направлению Тяньзин, Улан-Батор и Байкал, при котором, по его мнению, японцы отрежут ОКДВА и ТОФ и оставят их без снабжения. Мой ответ, что это нас не беспокоит, так как, во-первых, РККА не допустит такого движения и во-вторых, мы можем обходиться длительное

время без получения боепитания из центра, адмирал воспринял с удовлетворением.

5. В разговорах о ТОФ большой интерес американцы проявили к использованию наших подлодок. Вопросы, «почему имеете большие подлодки», «предполагаете ли ПЛ использовать вне Японского моря» (на внешних коммуникациях Японии), «для защиты своих берегов целесообразней иметь лодки малого водоизмещения, они дешевле и их можно построить больше», ставились неоднократно. Причем эти вопросы ставились почти всеми старшими офицерами эскадры.

Любопытно отметить соображения старшего офицера крейсера «Августа» в разговоре со мной по использованию ПЛ. По его мнению, для обороны побережья необходимо иметь 10–12 подлодок малого водоизмещения, которые поставят под вопрос любую операцию противника. На мое замечание — «Ну, а если этих ПЛ имеется в несколько раз больше», — он ответил: «Тогда задача обороны разрешается полностью». Этот офицер-подводник — участник мировой войны и действовал на ПЛ в северных водах (Немецкое море).

6. В разговорах о возможности высадки десанта на побережье, охраняемое большим количеством ПЛ и ВВС, американцы смотрят скептически: «Если десант и удастся высадить, то с большими потерями».

7. Остро ставился американцами вопрос о воспроизводстве наших боевых сил и их ремонте во время войны. Вопросы — «Откуда будут пополняться боевые силы ТОФ», «Имеются ли на Дальнем Востоке судостроительные заводы», «Имеются ли в базах ТОФ доки» и т.д. задавались неоднократно. При получении ответа, что судостроительные заводы есть, просили показать.

8. Увидев в ДКФ портрет Маршала Советского Союза т. Блюхера, адмирал задал вопрос о его возрасте и местонахождении. Узнав возраст, дал высокую оценку, как военного и как политика. При виде портрета флагмана флота 1 ранга т. Викторова выразил сожаление, что не мог с ним познакомиться.

VIII. Подготовка американцев к визиту в СССР и поведение их:

1. Из взаимоотношений с личным составом американской эскадры выявлено, что к этому визиту эскадра тщательно готовилась:

а) Был подобран специально личный состав. Так, например, старший помощник на крейсере «Августа» оказался подводником, пришедшим на крейсер перед походом. Когда к нему обратились с вопросом во время показа крейсера об устройстве последнего, он откровенно заявил, что на крейсер пришел перед походом и его как следует не знает, раньше служил на подлодках; он же осматривал подлодку Щ-116, которую показывали по просьбе адмирала.

Один матрос заявил: «Нас собрали с разных кораблей для этого похода, причем подбирались говорящие по-русски».

б) Эсминцы, сопровождавшие крейсер, были собраны из разных дивизионов, о чем заявил командир флотилии эсминцев.

в) На эскадре было собрано много знающих русский язык, которые в трезвом состоянии хотя и старались скрыть это, но пробалтывались после опьянения.

г) Среди личного состава была проведена большая подготовительная работа по подчеркиванию плохих сторон СССР с точки зрения буржуазного строя, в частности, были использованы следующие моменты: закрытая советская валюта (предупреждение о не размене советских денежных знаков на иностранную валюту), дороговизна некоторые предметов потребления.

Один матрос заявил, что им «запретили разговаривать с русскими офицерами, ибо они все коммунисты».

2. Основная цель прихода американской эскадры во Владивосток — ознакомление с ТОФ в качестве боевого организма, как с точки зрения возможного сопротивления

агрессии Японии на наше побережье (это основное), так и с точки зрения возможной силы, сдерживающей Японию при попытках ее распространяться в центральную и южную часть Китая.

С этой целью весь офицерский состав и наиболее доверенная часть матросов имели индивидуальные задания по изучению ТОФ и города. Причем сам адмирал Ярнел делал вид, что он ничем не интересуется и вопросов не задавал. Направленность интереса американцев ярко выявляется из вопросов, заданных ими (см. приложение).

3. Поведение офицерского состава на берегу можно разделить на два вида: значительное большинство держало себя выдержанно и корректно; некоторая же часть, по-видимому, имевшая индивидуальные задания, проявляла усиленную любознательность, граничащую с дерзостью. Так, например:

а) 30 июля 2 офицера, одетые в штатские костюмы, осматривали дворы на Ленинской улице, и, в частности, двор ДКФ;

б) со стадиона з[авода им.] Ворошилова один офицер сфотографировал бухту Золотой Рог;

в) все изрытости улиц Владивостока, грязные дома, хибарки фотографировались;

г) со стороны командира крейсера «Августа» была провокационная попытка «прощупать» отношение наших командиров к предложению служить во флоте США. Получив ответ батальонного комиссара Бублика, что он не возражает служить на крейсере «Августа», если он будет под советским флагом, командир крейсера немедленно прекратил разговор (см. приложение).

Рядовой состав, начиная со второго дня пребывания во Владивостоке, в большинстве своем проявлял нескрываемую симпатию к Советскому Союзу. Это выразилось как в разговорах — «Никогда в своей жизни не имел лучшего времяпрепровождения», так и в многочисленных открытых письмах, посланных через Владивостокский почтамт (см. приложение).

Выводы

1. Основная цель визита американской эскадры — ознакомление с мощью Тихоокеанского флота — достигнута. Не зная точно количества ПЛ, американцы убедились, что на Дальнем Востоке СССР имеет мощный подводный флот, включающий несколько типов ПЛ и мощную береговую оборону Владивостока. Личный состав дисциплинирован и выглядит прекрасно.

Не менее мощное впечатление произвела авиация ТОФ: полеты истребителей, дневные и ночные полеты тяжелых бомбардировщиков показали, что ТОФ живет никогда не прекращающейся полнокровной жизнью и готов выполнить задачи в любое время суток.

В городе порядок, население выглядит хорошо, настроение бодрое, партия и правительство пользуются непоколебимым авторитетом.

2. Особое впечатление на американцев произвел личный состав ТОФ: большая сознательность краснофлотцев, культурный вид их, отсутствие пьяных, выдержанность, все это производило исключительно яркое впечатление, о чем офицеры неоднократно высказывались во время стоянки эскадры во Владивостоке и адмирал Ярнел отдельно подчеркнул при прощальном визите.

3. Впечатление американцев о приеме можно разделить в основном на два разряда:

а) Высший начсостав — адмирал, начальник штаба капитан Макконель, командир флотилии эсминцев капитан Маккалур, все офицеры в чине капитанов, служащие флаг-специалистами в штабе адмирала и командир крейсера капитан Маккитрик — довольны самим приемом, но очевидно изумлены его результатами, выразившимися в проявлении открытых симпатий со стороны рядового и части унтер-офицерского состава по отношению к СССР и положительном выводе о нем вопреки предварительной информации и обработке.

б) Большинство молодого офицерского состава, и особенно матросы, стоянкой во Владивостоке и приемом весьма довольны.

4. Отмечено много случаев проявления враждебности со стороны американцев к Японии и японцам. Так, например, один лейтенант, сравнивая прием эскадры во Владивостоке с приемом этой же эскадры в Японии, заявил, что «в Японии с нами обращались очень плохо, особенно с матросами. Мы ушли оттуда с тяжелыми чувствами». Заявление матросов: «С Советским Союзом американцы живут дружно, а с Японией очень плохо». «В Японии нас встречали очень плохо, даже ограничивали в передвижении по городу».

5. Положительная сторона визита США во Владивостоке для ТОФ выразилась в том, что личный состав ознакомился с одним из новейших крейсеров, воочию убедился «в прелестях» правопорядков во флоте государства, хвастающегося своей «демократией», в результате чего у всего личного состава ТОФ «еще больше стало гордости за свою родину, за свой флот и за своих вождей».

С большим удовлетворением краснофлотцы отмечали плохое качество обмундирования американских матросов: к/ф Пясецкий — «я ожидал, что моряки прибывших кораблей одеты лучше, чем мы, оказывается, ничего подобного, наша форма лучше качеством и красивее».

В отношении формы начсостава к/ф отмечали, что наши командиры одеты несколько хуже: качество материала и пошивка у американцев выше, больше разнообразия форм. Обращалось внимание на детали обмундирования: золоченые пуговицы, нашивки, хорошей формы фуражки и т.д.

6. Визит американской эскадры во Владивосток сыграл свою положительную роль в деле установления связей и взаимознакомления между азиатской эскадрой США и ТОФ и укрепления дружественных отношений между двумя странами.

Адмирал Ярнел при прощальном визите командующему несколько раз тепло благодарил за прием, просил передать благодарность в Москву, выразил уверенность в

скором возвращении эскадры во Владивосток с повторным визитом и просил Тихоокеанский флот прийти с ответным визитом в воды США.

7. Общий вывод — прием американской эскадры прошел организованно, в соответствии с Вашими указаниями и по намеченному плану

*Командующий Тихоокеанским флотом
флагман 1 ранга Г. Киреев*

*Член Военного совета ТОФ
дивизионный комиссар Волков*

*Начальник штаба ТОФ
капитан 2 ранга А. Попов*

РГА ВМФ Ф. Р-1090 Оп. 1 Д. 368 Л. 2-20.

Подлинник

Содержание

<i>От издателя</i>	5
<i>Предисловие</i>	7
ГРЕКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА	19
ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ КОНФЛИКТ 1929 ГОДА	61
ЯПОНСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ В КИТАЕ И ЗАХВАТ МАНЬЧЖУРИИ 1930–1933 гг.	75
ИТАЛО-АБИССИНСКАЯ ВОЙНА	145
ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА И ИНТЕРВЕНЦИЯ В ИСПАНИИ	210
<i>Приложение I</i>	
ЕВРОПЕЙСКИЕ ЦИВИЛИЗАТОРЫ И МАРОККО	401
<i>Приложение II</i>	
ВОЙНА ЧАКО	503
<i>Приложение III</i>	
ДОКУМЕНТЫ	517

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

Москва

- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, корп. 1, тел. 322-28-22
- м. «Таганская», м. «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- ТК «Крокус-Сити», 65-66-й км МКАД, тел. 754-94-25
- м. «Сокольники», м. «Преображенская площадь», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- Зеленоград, корп. 360, 3-й мкрн, тел. 536-16-46
- ТК «Твой дом», 24-й км Каширского шоссе, «Книги на Каширке»

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29
- Ярославская обл., г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1/Волжская наб., д. 107
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/61, тел. (8312) 33-79-80
- г. Воронеж, ул. Лизюкова, д. 38а, тел. (0732) 13-02-44
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (8-86-32) 35-99-00
- г. Новороссийск, сквер Чайковского
- г. Орел, Московское ш., д. 17
- г. Тула, Центральный р-н, ул. Ленина, д. 18

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

ISBN 5-17-016557-9

Все права защищены. Ни одна из частей настоящего издания и все издание в целом не могут быть воспроизведены, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации: электронным, механическим, фотокопировальным и другими, без предварительного согласования с издателями.

Научно-популярное издание

Шталь Александр Викторович

Малые войны 1920—1930-х годов

Ответственный редактор А.И. Поляхов

Выпускающий редактор С.Н. Абовская

Редактор Н.М. Мазова

Художественный редактор О.Н. Адашкина

Компьютерный дизайн: А.Р. Казиев

Технический редактор М.А. Белякова

Корректоры Е.В. Артемьева, З.О. Черномордик

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953004 — научная и производственная литература

Гигиеническое заключение

№ 77.99.11.953.П.002870.10.01 от 25.10.2001 г.

ООО «Издательство АСТ»

368560, Республика Дагестан, Каякентский район,
с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20

Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU

E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Terra Fantastica» издательского дома

«Корвус». Лицензия ЛР № 066477. 190121,

Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 1/44Б.

Электронные адреса:

WWW.TF.RU, E-mail: TERRAFAN@TF.RU

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

